

Л.Н. СУВОРОВА

НЭПОВСКАЯ

МНОГОУКЛАДНАЯ

ЭКОНОМИКА:

МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ

И РЫНКОМ

Ассоциация исследователей российского общества (АИРО-XXI)

Проект Стивена Коэна и Катрины ванден Хювел

СЕРИЯ «АИРО – ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ»

под редакцией Г.А. Бордюгова

Международный совет издательских программ и научных проектов АИРО

Геннадий БОРДЮГОВ	Руководитель
Андрей МАКАРОВ	Генеральный директор
Сергей ЩЕРБИНА	Арт-директор
Карл АЙМЕРМАХЕР	Рурский университет в Бохуме
Дмитрий АНДРЕЕВ	Журнал «Политический класс», МГУ им. М.В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ	Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ	Печский университет
Владимир БЕРЕЛОВИЧ	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Бернд БОНВЕЧ	Рурский университет в Бохуме
Ричард БУРГЕР	INTAS, Брюссель
Харуки ВАДА	Фонд японских историков
Людмила ГАТАГОВА	Институт российской истории РАН
Пол ГОБЛ	Фонд Потомак
Габриэла ГОРЦКА	Центр «Восток–Запад» Кассельского университета
Андреа ГРАЦИОЗИ	Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ	Центр развития информационного общества (РИО-Центр)
Ричард ДЭВИС	Бирмингемский университет
Стивен КОЭН	Принстонский, Нью-йоркский университеты
Алан КАСАЕВ	РИА «Новости»
Джон МОРИСОН	Лидский университет
Василий МОЛОДЯКОВ	Университет Такусёку, Токио
Игорь НАРСКИЙ	Южно-Уральский государственный университет
Норман НЕЙМАРК	Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ	Университет Северной Каролины, Чапел Хилл
Борис СОКОЛОВ	Российский государственный социальный университет
Такеси ТОМИТА	Сейкей университет, Токио
Татьяна ФИЛИППОВА	Российский исторический журнал «Родина»
Ютта ШЕРРЕР	Высшая школа по социальным наукам, Париж

Л.Н. Суворова

НЭПОВСКАЯ
МНОГОУКЛАДНАЯ
ЭКОНОМИКА:
между государством
и рынком

Москва
2013

СЕРИЯ «ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ»
ОСНОВАНА В 1993 ГОДУ

Дизайн и вёрстка: *Сергей Щербина*

Суворова Л.Н.

Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком / Л.Н. Суворова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 304 с. – (Серия «АИРО – Первая монография» / под ред. Г.А. Бордюгова). – ISBN 978-5-91022-234-6.

В монографии предпринимается попытка отойти от привычных для советской и постсоветской историографии трактовок нэпа и посмотреть на него с позиций системности и многомерности в системе двух современных координат: государства и рынка. Анализируются объективно существовавшие в народном хозяйстве Советской России 1920-х гг. уклады: государственная промышленность, мелкотоварное крестьянское хозяйство, кооперация, частнохозяйственные формы. Изучаются поведенческие аспекты укладов и тенденции их эволюции в контексте государственной политики, проводимой большевиками и под влиянием рыночных стимулирующих факторов. Показано, что в нэпе был заложен потенциал многовариантного развития. Но в условиях проводимой политики реализовался тот вариант, который реализовался.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	7
Историография нэпа: основные тенденции нового тысячелетия.....	26
Многоукладная экономика, государство и рынок в России: становление историографии.....	49
Глава 1	
ОТ ВОЙНЫ – К МИРУ	
«Не нэп породила рынок...».....	70
Идея и реальность.....	73
От товарообмена – к купле-продаже.....	76
Региональные рынки	80
Государственное регулирование переходного процесса	83
Глава 2	
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ	
Выход на рынок	94
Торгово-промышленная политика государства.....	103
Под влиянием рыночных факторов	116
Государственное регулирование или государственное управление?.....	128
Глава 3	
МЕЛКОТОВАРНОЕ КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО	
Продналог и восстановление хозяйства	143
Государственная аграрная политика.....	159
Крестьянство и рынок	178
От индивидуального крестьянского хозяйства – к коллективному производству	192

Глава 4

КООПЕРАТИВНЫЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ФОРМЫ

Переход к нэпу и кооперация	207
Государственная кооперативная политика	211
Кооперация и рынок	223
От развития кооперативного движения – к государственному управлению кооперацией.....	229

Глава 5

ЧАСТНОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ФОРМЫ

Введение нэпа и частный сектор	237
Государственное регулирование и государственная политика	241
Рыночные интересы частного сектора	247
Заключение.....	257
Источники и литература	265
Указатель имен	288
Список сокращений	293

ВВЕДЕНИЕ

Наблюдая современные процессы в России, все чаще задумываешься над вопросом о том, а как должен жить человек, группы людей в пространстве между государством и рынком, где они на самом деле сейчас оказались? Кто-то сумел удачно «присосаться» к государственной кормушке и по максимуму берет оттуда все что можно, и лишь для себя. Но «государство не дойная корова», оно не всегда способно накормить даже этих «присосавшихся». Кто-то «дорос до рынка», чтобы создать себе экономическую независимость от государства и дальше делать то, что сочтет нужным. Но таких – меньшинство. А значительная часть общества «зависли между...», оказавшись в ситуации, когда ни от государства, ни от рынка не могут получить возможностей для решения своих самых насущных жизненных проблем... Что делать? Как жить? Куда устремить свой взор?

Синкретизм государственно-рыночной жизни стал нормой для большинства стран мира. Поэтому, в 1990-е гг. в условиях новой попытки возродить к жизни рыночные отношения в России, и в отечественной экономической литературе стала встречаться мысль о том, что применительно к XX веку можно говорить о принципиально новом типе экономического устройства и новой организации общества на основе двух объективных начал: государства и рынка¹. Если говорить о формировании такого нового типа социально-экономического устройства применительно к России XX в., то, очевидно, начинать этот разговор следует с дореволюционных времен, а в советской России – с нэпа.

Сегодня, когда политизация и идеологизация нэпа уже не столь чувствительны², как это было в годы советской власти и перестройки, и в нем все реже ищут аналогии и исторические параллели для сравнения с настоящим и определением перспектив будущего развития, пожалуй, впервые открылась возможность для непредвзятого и независимого исследовательского внимания. А нэп начинает открываться все новыми и новыми его гранями. Эта новая историографи-

ческая ситуация во многом предопределила интерес к завершению работы, начатой еще в начале 1990 гг.

Поиск наиболее адекватной и корректной формулировки темы привел к пониманию, что «сталкивать лбами» государство и рынок неуместно и некорректно (хотя сама автор пыталась ранее это делать), т. к. это все-таки разнопорядковые категории. Прерогатива современного государства – разработка социально-экономической политики и руководство ее осуществлением. А рынок ассоциируется с предпринимательской, либо любой хозяйственной деятельностью. Государство, как сила макроэкономического характера, всегда «над рынком» и только слабому государству рынок, как явление микроэкономического характера, может начать «диктовать» свои условия. Рынок может «прорасти» в государственных организациях «распиливанием бюджета», взяточничеством, коррупцией, откатами и другими негативными для власти и общества явлениями, что всегда было характерно и для российского (в т. ч. и советского) государства. Но при любом государственном устройстве взаимодействие этих двух объективных начал (государства и рынка) осуществляется на экономическом поприще, в условиях нэповской России – на поприще многоукладной экономики.

В большевистской теории и политике рынок изначально рассматривался как временная категория, подлежащая устранению из хозяйственной практики, поэтому новизну нэпа следует связывать не с возрождающимся рынком. Это было старое дореволюционное наследие страны. И даже не с расширением, осмыслением и освоением новых экономических функций советским государством, о чем много писали в советской историографии.

Новизна нэпа в комплексности и дифференцированности политики, в умении видеть новые перспективы (даже если они не очевидны!), в гуманности этой политики и отсутствии страха перед собственным народом. В политико-экономическом аспекте речь может идти о первом широкомасштабном опыте государственного регулирования рыночных отношений и перспективе формирования смешанной (государственно-рыночной) экономики, и об упущенных возможностях в этом направлении. Советская Россия оказалась перед такой возможностью, пожалуй, ранее других стран. То, что большевики не увидели и не использовали этот исторический шанс, не сделали (и / или не захотели сделать) рынок и экономические ме-

тоды регулирования легальными инструментами своей политики, лишь свидетельство их политической близорукости, их стратегический просчет, хотя часто их действия и оправдываются реальными потребностями исторической эпохи³. Жизнь распорядилась иначе. Отказ от политики регулирования легального рынка привел к тому, что плановая экономика не только «уродовала рынок», но и не могла без него существовать: рынок «помогал плановой экономике выживать, компенсируя дефицит товаров и перераспределяя товарные ресурсы по принципам, отличным от принципов государственного снабжения»⁴.

Понимание новых возможностей, которые открывались тогда перед Россией, можно было встретить в экономической литературе 1920-х годов. Известный экономист А.М. Гинзбург писал: «Ни в одной стране мира не существует, и не существовало такого большого, сложного и своеобразного государственного хозяйства, как в Советской России... Впервые мир переживает такой грандиозный опыт организационного управления хозяйством столь обширной страны»⁵.

Западный мир увидел в нэпе именно эти возможности. Основоположник макроанализа и государственного вмешательства в экономику Дж. М. Кейнс, впервые посетивший СССР в 1925 г., крайне низко оценил рыночные перспективы нэпа, но увидел здесь «лабораторию жизни». «То, что происходит в России, возможно, важнее того, что происходит в США» – писал он в 1925 г. в своей работе «Беглый взгляд на Россию» и призывал «дать России шанс», помогать ей, а не препятствовать⁶. И издатели книг Дж. М. Кейнса в СССР находили у него «положения и мысли, несомненно занесенные из России». «Сила Кейнса не в новых идеях, а в умении тонко разобраться в самых загадочных явлениях нашего времени», – писал профессор С.А. Фалкнер в предисловии к одной из его книг⁷.

Критический взгляд на процессы нэпа, на его экономику и статистику позволил В.В. Леонтьеву, будущему лауреату Нобелевской премии по экономике, применять системный подход для анализа национальной и мировой экономики, не противопоставлять план и рынок, а синтезировать их в единую целостность⁸.

Позитивные оценки опыта нэпа позволяли исследователям говорить не только о влиянии этого опыта на мировую политику, но и о заимствовании этого опыта лидерами других государств. Элементы нэпа находят в «новом курсе» Т. Рузвельта, в социально-ориентиро-

ванной рыночной экономике Л. Эрхарда, в проведении послевоенных реформ в Японии и даже в современном экономическом развитии Китая и Вьетнама⁹.

В условиях возродившейся в современной России многоукладности (об этом говорят и пишут с середины 1990-х гг.¹⁰), опыт нэпа (особенно его ленинский период) может быть востребован как одна из первых попыток интеграции многоукладности в современную государственную политику. Российскую многоукладность В.И. Ленин, вслед за народниками, «открыл» еще в 1890-е гг. и описал свое восприятие ее в книге «Развитие капитализма в России» (1899). И вновь вернулся к осмыслению многоукладности в связи с переходом к нэпу. Отсюда учет реальных условий и интересов многочисленного крестьянства, которые не соответствовали прямолинейному и однопавленному курсу «на социализм», некоторый поворот самого Ленина к пониманию возможностей многовариантности общественного развития.

Последующая практика преодоления многоукладности (особенно формы и методы этого преодоления) поучительна для современного общества скорее как антиопыт нэпа, заставляющий задуматься каждого нормального человека о своей судьбе в условиях становления и развития современного рынка.

С научной точки зрения, в обозначенной теме исследования концентрируется три предмета, которые вполне могут изучаться и изучаются каждый в отдельности, но в современных российских (и не только в российских) условиях они настолько тесно взаимосвязаны, что бессмысленным представляется их разделение. Даже в условиях современной глобализации экономика и рынок не существуют сами по себе, вне конкретного государственного пространства. Государство, экономика и рынок – «три кита», на которых основана и держится вся современная жизнь. Государство стремится определять общие условия, цели, стратегию развития, регулировать процессы в экономике и обществе. Рынок оптимизирует организацию производства и сбыта, и оказывает стимулирующее воздействие на различные социальные группы общества. Любая экономическая деятельность в рыночной экономике осуществляется «между двух огней»: между государством и рынком. И в силу этого данная триада (государство, экономика и рынок) неразрывна онтологически и концептуально и требует комплексного анализа от исследователей и комплексной глубоко продуманной политики от политиков.

Концептуальный замысел нашего исследования заключается в том, чтобы попытаться посмотреть на государство «глазами» рынка, а на рынок «глазами» государства и оценить «преломление этих взглядов» на многоукладную экономику. «Сердцевиной» этих взаимоотношений является поведение укладов в пространстве между государственной политикой и мотивирующими возможностями рыночной экономики. Применительно к периоду 1920–х гг. комплексный анализ этих трех взаимосвязанных сфер жизни в таком аспекте специально не проводился. Равно как и не нашло своего широкого применения использование методик поведенческого подхода к анализу многоукладной экономики. Не всегда присутствует понимание поведения государства в связи с развитием рынка, а также реакции субъектов рынка на государственную политику. В этом видится научная новизна исследования.

В представленном исследовании акцент сделан на изучении поведения укладов, что созвучно изучению моделей поведения людей в социуме, стратегий выживания и стратегий поведения различных социальных слоев и групп в новых для них политических условиях. Такие подходы достаточно новы для российской историографии и начали активно разрабатываться лишь на последнем, постперестроенном этапе, когда в практику исторических исследований стали входить методы социальной истории, истории повседневности, микроанализа, биографический подход и другие¹¹. Логическим продолжением этих начинаний может стать взгляд на стратегии поведения человека, социальных групп, укладов в пространстве между государством и рынком. Хотя применительно к периоду 1920-х гг. при неустойчивости и непоследовательности политики, вряд ли уместно вообще говорить о социальных стратегиях. Стратегии – это все-таки более глобальные и долговременные концепции и действия, ориентированные на перспективу, это умение выживать в долгосрочной перспективе, достигая при этом своих целей. Речь скорее может идти о тактических действиях людей и групп, способствующих выживанию в условиях непростой новой реальности, о тактике приспособления к новым условиям жизни, которая не всегда соотносилась с государственной стратегией. Но и здесь не все так однолинейно и однообразно. Многоукладная Россия давала образцы выживания и не выживания и в краткосрочной и в длительной перспективе.

Изучение поведенческих аспектов крупных социальных объектов восходит к становлению неоклассической теории фирмы, к работам Э. Чемберлена, Дж. Робинсон и др. Э. Чемберлен описал модели монополистической конкуренции фирмы в условиях капитализма свободной конкуренции. А исследование Дж. Робинсон «Экономика несовершенной конкуренции», увидевшее свет в 1933 г. было посвящено многообразию возможностей поведения фирмы в условиях несовершенной конкуренции. Автор обнаружила и охарактеризовала факторы, влияющие на выбор модели поведения фирмы¹². Особую популярность «поведенческий подход» получил в 1950–1960-е гг., когда оформилось бихевиористское направление в менеджменте. Изучая потребности и поведение всех категорий работников фирмы, стали разрабатывать стратегии их мотивации¹³.

Знания о стереотипах поведения людей и групп, поведенческие технологии сегодня широко используются в социальной работе, в организационной (корпоративной) культуре, в управлении персоналом и мотивации труда и в других сферах. В современной экономической теории и практике поведенческий подход находит продолжение в изучении стратегий поведения различных социальных групп на рынке труда, в развитии теории потребительского поведения¹⁴, социологи изучают вопросы социальной иерархии и поведение неравных по положению в обществе групп людей¹⁵. В исторической науке поведение предпринимателей в годы нэпа стало предметом обсуждения на Всероссийской научной конференции «Экономическая история Сибири XX века» в 2006 г.¹⁶ Все это свидетельство того, что познавательный потенциал поведенческого подхода все активнее входит в современную жизнь российского общества и российской науки.

Хорошо известно, что политики, одинаково приемлемой для всех не бывает, а идеальных экономических моделей, равно как и рыночных, не существует. Практика нэпа не только один из вариантов модернизации, но и один из вариантов общественного развития, когда получил свое продолжение процесс разрушения естественно-эволюционного развития страны, процесс разрушения традиционного крестьянского уклада и «срединных» хозяйственных форм и их интеграция в новую модель развития, которая открывалась и формировалась новой государственной перспективой. Хотя политическую власть все больше беспокоило и свое собственное положение, которое надо

было укреплять, в том числе и через поиск компромиссов с собственным народом. В итоге власть выжила, государство просуществовало целый жизненный цикл, но какой ценой?

В перестроечной публицистике можно было встретить рассуждения о том, что «до революции в России экономическая жизнь держалась на рыночных отношениях, ... а революция уничтожила рынок...». Справедливости ради отметим, что достаточно сбалансированного внутреннего рынка в капиталистической России так и не сложилось, а его распад начался задолго до революции 1917 г. На степень развитости рыночных отношений влияла неравномерность экономического развития России, диспропорции в развитии промышленности и сельского хозяйства, недоразвитость самого капитализма. Русская промышленность «никогда не охватывала весь рынок, предоставляя многие районы наполовину кустарному производству», да и денег на покупку промышленных товаров у населения часто не было. Ряд отраслей промышленного производства развивался на импортном сырье (хлопок, шелк-сырец и др.), в некоторых отраслях – производство сырья превышало потребности промышленности¹⁷.

С началом первой мировой войны начался процесс разрушения национального хозяйства России, а, следовательно, и рынка. Вступление России в эту войну заставило подчинить большую часть деятельности «конкурирующих на рынке монополий» выполнению военных заказов, что, безусловно, сужало до минимума сферу их рыночных отношений и нарушало установившиеся хозяйственные связи¹⁸. В результате уже первые годы войны расстроили потребительский рынок, особенно хлебный, что заставило царское правительство пойти на непопулярную меру и ввести в ноябре 1916 г. принудительную хлебную разверстку. Чем больше пустели полки продовольственных лавок и магазинов, тем глубже в хозяйственную жизнь страны внедрялись нелегальная торговля и спекуляция. Только за 1915 г., когда «черный рынок еще не успел достаточно укрепиться», полиция наложила 23 тыс. штрафов за спекуляцию на сумму более 3 млн рублей¹⁹.

Не следует преувеличивать «рыночное наследие» дореволюционной России и для крестьянства. Единый аграрный всероссийский рынок, едва сформировавшийся лишь к 90-м годам XIX века, с началом Первой мировой войны распался на ряд локальных рынков, еди-

ной системы оптовой торговли хлебом не существовало, по губерниям росло различие между ценами²⁰.

Еще более деформированный революционными потрясениями 1917 г. и «военно-коммунистической» политикой гражданской войны, рынок стал быстро проявлять себя при возвращении к мирной жизни и, особенно, в связи с объявлением нэпа. Рыночное и государственное воздействие на экономику в 1920-е гг. открывало и новые перспективы и одновременно порождало неразрешимые противоречия и парадоксы.

В процессе историографического переосмысления нэпа в 1990–2000-е гг. высказывалось мнение, что в 1920-е гг. «государство взяло на себя непосильные функции связывания экономики в единое целое»²¹. Возникает вопрос: если единая экономическая политика непосильна для государства, для кого она тогда посильна? И что делать с многоукладностью, если она объективно существует? Преодолевать ее по пути огосударствления, как это сделали большевики, уничтожая при этом неудобную для власти часть собственного народа, причем наиболее творческого и успешного в экономическом отношении? Или есть иной путь? Знает ли исторический процесс ответы на эти вопросы?

Цель данного исследования заключается в реконструкции механизмов, которые определяли развитие советского общества и в частности многоукладной экономики в 1920-е гг. Задачи видятся в анализе и выявлении тенденций развития каждого из объективно существовавших тогда укладов: государственной промышленности, мелкотоварного крестьянского хозяйства, кооперативных и частных хозяйственных форм в различных их видах. А также в поиске механизмов взаимодействия укладов между собой на нэповском рынке.

Существенное влияние на эти процессы оказывало государство. Государство, не зависимо от его политической окраски, вынуждено решать задачи, выдвигаемые жизнью. А механизм их решения складывается в зависимости от того, как государственные и политические деятели понимают сами эти задачи и какие средства они выбирают для их решения. Поэтому необходим анализ политики регулирования рынка и ориентированности государственных органов на сочетание экономических, плановых, правовых и административных методов.

Объектом данного исследования является нэповская многоукладность, но не сама по себе, а в контексте проводимой политики и под влиянием рыночных стимулирующих факторов. В качестве предмета исследования определяются поведенческие аспекты укладов и тенденции их эволюции в условиях государственной политики и рыночного воздействия на них, выявление российской специфики государственно-рыночного механизма в условиях нэпа. Данное исследование – историческое исследование, и с точки зрения временного периода и с точки зрения его внутреннего содержания.

Источниковая база проведенного исследования обширна и многообразна, она включает в себя различные виды и комплексы источников. Во-первых, это нормативно-правовые акты, опубликованные документы и материалы партийных и советских органов, хозяйственных и политических ведомств и их комиссий. Изучены законодательные акты, стенографические отчеты Всероссийских съездов Советов, партийных съездов, документы конференций и пленумов большевистской партии, материалы по изучению партийными комиссиями хозяйственных вопросов, недавно опубликованные спецполитсводки и обзоры ВЧК-ГПУ-ОГПУ²². При этом отметим, что и в данном издании и в других, освещающих деятельность органов государственной безопасности²³, крайне слабо отражена работа их Экономического управления и экономических отделов на местах.

Официальная государственная политика в отношении рынка, товарно-денежных отношений, частного предпринимательства отражена в выступлениях и трудах руководителей государства, партийных и общественных деятелей 1920-х гг., руководителей ведомств, ученых, которые занимались анализом деятельности отраслей и ведомств, разрабатывали теоретические проблемы, участвовали в дискуссиях. Сегодня значительная часть этого наследия опубликована и во многом общедоступна. Это работы Бухарина Н.И., Бруцкуса Б.Д., Валентинова (Вольского) Н.В., Дзержинского Ф.Э., Кондратьева Н.Д., Ленина В.И., Литошенко Л.Н., Преображенского Е.А., Рыкова А.И., Сокольникова Г.Я., Сталина И.В., Троцкого Л.Д., Чаянова А.В. и других политиков и теоретиков. Они помогли более четко увидеть направленность партийной политики в отношении рынка, декларативность многих партийных решений, наличие возможных альтернативных вариантов социально-экономического развития.

В-третьих, это опубликованные статистические материалы, центральная, ведомственная и местная периодическая печать, в которой публиковались результаты многих теоретических и прикладных исследований. Значительно расширить наши представления о рынке 1920-х гг. сможет периодическая печать, если обратить внимание на такой сюжет, как рекламные публикации на ее страницах, что пока не стало предметом отдельного исследования.

Четвертый комплекс источников составляют архивные материалы центральных и местных архивов. В российском государственном архиве экономики (РГАЭ) изучены фонды ведомств, которые, проводя государственную политику, регулировали и изучали рынок: Наркомпрода РСФСР (Ф. 1943), Комвнторга и Наркомвнторга (Ф. 8151), Наркомфина (Ф. 7733), Конъюнктурного института при Наркомфине, ВСНХ (Ф. 3429), Совета съездов государственной промышленности и торговли (Ф. 3912), Всесоюзного Совета съездов биржевой торговли (Ф. 3600), Госплана (Ф. 4372), ЦСУ СССР (Ф. 1562), Коммерческого агентства «Связь» при Наркомпочтеле (Ф. 2139) и некоторых других.

В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) изучены фонды секретариата Председателя СНК и СТО В.И. Ленина (Ф. 5) и фонд Ф.Э. Дзержинского (Ф. 76).

В Государственном архиве Калужской области (ГАКО), которая была наиболее типичной для центрального региона России и характеризовалась близостью к столице, высоким уровнем отходничества, большим количеством мелких местных рынков, изучены фонды Губернского комитета РКП(б) (Ф. 1), Губернского продовольственного комитета – Губпродкома (Ф. Р-13), Калужского губернского исполкома (Ф. Р-26), отдела торговли Калужского облисполкома (Ф. Р-198), Брянского губернского союза кооперативов (Ф. 1207). В архиве Управления ФСБ по Калужской области изучены распорядительные документы ВЧК-ГПУ-ОГПУ (приказы, переписка с другими органами) (Ф. 3), уголовные дела ряда реабилитированных лиц (Ф. 2).

Работа с архивными источниками привела к выводу о наличии определенной логики в накоплении документов, характеризующих рынок 1920-х гг. и политику по отношению к нему. Одним из первых столкнулся с возрождающимся рынком Наркомпрод, проводя государственную политику товарообмена. В одной из инструкций Наркомпрода на места заложена схема месячных докладов губпрод-

комов по товарообмену. Первый раздел доклада предполагал сбор информации о состоянии рынка на местах: характеристику спроса и предложения товаров, движение цен, установление губернских товарообменных эквивалентов и др.²⁴ Доклады с мест в Наркомпрод имеются по 27 губерниям и областям европейской России²⁵. Они позволили воссоздать картину состояния рынка в конце 1921 – середине 1922 гг. Правомерно будет подчеркнуть, что этим было положено начало изучению рынка государственными хозяйственными ведомствами, к чему быстро подключались, кроме Наркомпрода, и другие. Это во многом определило территориальные рамки исследования для первой главы. В последующих главах они расширяются до современных границ Российской Федерации.

Развитие частной торговли в результате провозглашения новой экономической политики и стремление учесть этот стихийный процесс привело к появлению патентной статистики Наркомфина и изучению цен финансово-экономическим бюро Наркомфина²⁶. Становление государственной торговли, регулирование кооперативной и частной торговли отражено в фондах Комвнугорга²⁷.

Втягивание в орбиту рыночных отношений всех укладов и секторов народного хозяйства логически вело к тому, что изучением рынка в своей отрасли занимались практически все хозяйственные органы: Наркомфин, ВСНХ, Госплан, ЦСУ и др. Наиболее распространенными методами была статистика цен и конъюнктурные обзоры.

ЦСУ преимущественно собирало сведения о розничных ценах, на основании чего совместно с ВЦСПС и Наркомтрудом исчисляло бюджетные индексы цен, характеризующие изменения стоимости бюджетного набора товаров и оценивая, таким образом, рост или снижение жизненного уровня рабочих и других слоев населения. Кроме этого исчислялись индексы розничных цен. Госплан собирал сведения об оптовых ценах и исчислял индексы оптовых цен. ВСНХ учитывал индексы отпускных цен промышленности. Центросоюз – индексы цен потребительской кооперации. Цены вольного рынка регистрировали и анализировали Конъюнктурный институт Наркомфина и Центросоюз. Анализ индексов цен различных укладов позволял выявить механизмы ценообразования на регулируемом и на вольном рынке, определить меры государственного вмешательства в эти механизмы.

Составлением конъюнктурных обзоров занимались Наркомфин (Конъюнктурный институт), Наркомвнуторг, ВСНХ (Совет съездов государственной промышленности и торговли СССР), Госплан и др. Конъюнктурные обзоры содержат сведения о конъюнктуре отраслевых рынков, о товарной рыночной увязке народного хозяйства по областям и регионам. Наличие такой информации по месяцам, кварталам и по годам дает возможность выявлять некоторые тенденции развития экономики²⁸.

Изучением рынка в 1920-е гг. занимались синдикаты, акционерные общества, Всесоюзный Совет съездов биржевой торговли, который с января 1923 г. вел наблюдение за работой бирж и пытался наладить поток биржевой информации. С 1925 г. Всесоюзный Совет съездов биржевой торговли начинает изучение отраслевых рынков: рынка промтоваров, металлотоваров, стройматериалов и др.²⁹

Весь период нэпа из поля зрения государственных органов не исчезал частный рынок, что позволяет думать, что единого национального рыночного пространства так и не сформировалось, разобщенность и разноразмерность рынка сохранялась на всем протяжении 1920-х годов. В 1927 г. Совет съездов государственной промышленности и торговли начинает изучать частные рынки по регионам: в Европейской части РСФСР, в Украине, на Кавказе³⁰.

Еще один комплекс источников, характеризующих рыночные отношения – сведения ЦСУ и Госплана о рыночных связях и денежных балансах крестьянского двора. Это рыночные опросы, сведения о состоянии рынков на местах, монографические описания³¹. Они дают представление о глубине товарно-денежных отношений и хозяйственных связях крестьянских хозяйств.

Такое богатство источникового материала требует тщательного и внимательного его изучения и отбора. Исследователи, изучающие процесс формирования и развития единого всероссийского рынка в досоветский период столкнулись с противоречием между обобщающим характером проблемы и множеством сугубо частных, разнородных фактов и наблюдений³². С этой же проблемой столкнулась и автор данного исследования, сделав для себя вывод о том, что современный этап развития исторической мысли предъявляет все возрастающие требования к источниковой базе, методологии исследования, уровню осмысления и подачи материала. Понимая, что российская действительность не всегда описывается уже существ-

вующими и заимствованными теориями и не всегда «втискивается» в какие – либо теоретические рамки, решение поставленных исследовательских задач осуществляется на основе конкретно-исторического анализа источников, соотнесения макро- и микропроцессов и синтеза знаний и представлений о них.

Данная работа в большей мере имеет характер макроисследования, что определяется исключительной ролью государства в решении и тактических и стратегических задач. Показать поведение государственного уклада правомернее через политику государства, а не через требования рабочих на госпредприятиях, хотя государство не могло не считаться с этими требованиями и не учитывать их. Но все внутренние процессы в госпредприятиях: требования и выступления рабочих (рабочий активизм) не защищались в должной мере даже профсоюзами³³, а пресекались властью. Власть стремилась перевести конфликтные ситуации из области системных в плоскость отдельных недостатков, переключить недовольство на конкретных хозяйственников, в свою очередь, квалифицируя любое недовольство своим экономическим положением именно как выступление против власти³⁴.

Изучение поведения мелкотоварного крестьянского, частнокапиталистического укладов требует учета большого количества микрофакторов, в силу значительной разобщенности их социальных носителей, но опять же в контексте государственной политики. В отношении кооперации речь может идти о поведении различных кооперативных объединений и их союзов.

Разумеется, при изучении поведения государственной власти и крупных социальных объектов, каковыми являются уклады, более очевидными могут стать некие «усредненные» линии их поведения, нежели альтернативные возможности каждого из них.

Теоретико-методологической основой исследования являются современные представления о месте и роли государства и рынка в условиях социально-экономического развития в XX веке, которые изложены как в экономических теориях³⁵, так и в историко-социологических и философских исследованиях³⁶. Кроме этого, в современных условиях развития рыночных отношений в России, заметно активизировался интерес к зарубежному опыту государственного регулирования рыночных отношений, причем не только к опыту стран, идущих в авангарде экономического развития, но и к опыту

стран «третьего мира»³⁷. Активно изучается современный опыт государственного регулирования рыночных отношений в России и в мире³⁸, который имеет мало отношения к нэповской практике, но помогает в ее осмыслении.

Методологический инструментарий включает в себя совокупность общенаучных и специально-исторических подходов, принципов и методов. В качестве основных подходов были выбраны логическое моделирование социально-экономического развития и системный анализ. Системный анализ позволяет рассматривать нэповскую многоукладность как целостную социально-экономическую систему, в которой каждый из укладов и подукладов являются либо ее уровнями, либо компонентами и элементами. Моделирование позволяет зафиксировать направленность развития, установить общие тенденции, логику исторического процесса.

Неизменными принципами исторического исследования являются принципы историзма и объективности, которые требуют от исследователя рассматривать и интерпретировать исторические факты в контексте событий исторического времени и ментальности эпохи, чего нельзя было не учитывать.

Используются специальные исторические методы: генетический, сравнительный, типологический. Типологический метод закладывался в схему анализа каждого из укладов («вхождение в нэп», государственная политика в отношении уклада, рыночное воздействие на него, «выход из нэпа»), однако в силу разнообразия происходивших процессов он не реализован в полной мере.

Новые подходы и обновленная тематика входят в российскую историографию либо из зарубежной (чаще всего западноевропейской или американской) историографии, либо благодаря впечатлениям от нашей современной жизни. Едва миновало двадцать лет с принятия последних решений о возвращении в нашу жизнь рыночной экономики, как уже проявили себя все ранее известные в России противоречия ее капитализации. Поэтому, для современного российского общества и для современной политики нэп в значительной степени утратил свою актуальность. В России, по утверждению ее современных лидеров, строится социально-ориентированная рыночная экономика, а не госкапитализм, характерный для нэпа, обсуждаются вопросы обновления экономической политики и экономического развития страны через углубление рыночных отношений. Но и сей-

час появляются вполне теоретически обоснованные идеи о введении в России «второго нэпа», о формировании более устойчивой современной российской модели государственно-рыночной экономики. В частности, предлагается «систему самоуправляемой хозяйственной деятельности», сложившуюся за годы последних реформ и основанную на рыночных принципах, дополнить «системой управляемой хозяйственной деятельности», воссоздав ее, в значительной степени разрушенную в процессе реформирования³⁹. Именно такой вариант эволюционного развития, на наш взгляд, открывался нэпом.

Политика и практика нэпа могут быть объяснены сегодня, как в контексте общемировых политических и экономических тенденций и их влияния на Россию, так и в более широком контексте самих российских реалий, в контексте понимания эволюционных тенденций многоукладного российского общества и экономики, уровня культуры и менталитета всех слоев и социальных групп, в т. ч. и политической элиты того времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Шевхужев М.* Государство и эволюция рыночной экономики. – Ставрополь, 1995. С. 3 и др.

² В этой связи нельзя не обратить внимания на две работы, отражающие суть процессов в этой сфере в годы перестройки и сегодня: книгу Г.А. Бордюгова и В.А. Козлова «История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества», изданную в 1992 г. и статью Г.А. Зюганова «Помнить, чтобы понимать. К 90-летию введения в России новой экономической политики» в газете «Правда» 16 мая 2011 г.

³ Нэп – как «упущенный исторический шанс» стал предметом широкого обсуждения на Всероссийской конференции в Новосибирске в 1991 г., приуроченной к 70-летию введения нэпа. См.: Россия нэповская: политика, экономика, культура. – Новосибирск, 1991; Отечественная история. 1992. № 3. С. 216–221; *Суворова Л.Н.* Хозяйственная модель восстановительного периода: место и роль рынка (1920–1927). Автореф. к. и. н. – М., 1994. С. 28. В аналогичном контексте размышлял академик Н.Н. Моисеев, который видел в нэпе упущенный «удивительный шанс построить общество совершенно нового типа... общество свободного предпринимательства». См.: *Моисеев Н.Н.* Революция или стагнация? // Свободная мысль. 1999. № 9–12.

⁴ *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. 2-е изд. доп. – М.: РОССПЭН; Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина, 2008. С. 13.

⁵ Гинзбург А.М. Предисловие к первому изданию «Законодательства о трестах и синдикатах» // В сборнике: НЭП и хозрасчет. – М., 1991. С. 135.

⁶ См.: Кейнс Дж. М. Из России с надеждой. / Новое время. 1990. № 33. С. 40–42; Он же. Беглый взгляд на Россию // Социс. 1991. № 7. С. 137–145.

⁷ Кейнс Дж. М. Трактат о денежной реформе / С предисловием профессора С.А. Фалкнера. – М., 1925. С. 4–5.

⁸ Леонтьев В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1990. С. 13–15, 216–221, 225–226. А также: Гранберг А.Г. Мир Василия Леонтьева // Экономическая наука современной России. 1999. № 1 (5). С. 114–123.

⁹ В. Сироткин. Уроки нэпа // Известия. 1989. 10–11 марта; Соколов А.К. Историческое значение нэпа // Нэп в контексте исторического развития России XX века. – М., 2001. С. 11; Щербань Н.В. Раздумья о недавнем прошлом: поиски новых подходов // Отечественная история. 2002. № 3. С. 106–107, 108, 112.

¹⁰ См.: Вопросы экономики. 1996. № 3. С. 5; Сычев Н.В. Диалектика многоукладной экономики. (Гл. 4.2. Формирование многоукладной экономики современной России). – М.: ВИУ, 1999; Многоукладная аграрная экономика и российская деревня (сер.80-х – 90-е гг. XX столетия). Под. ред. Е.С. Строева. – М.: Колос, 2001; Кива А.В. Многоукладность в РФ как зеркало социальной направленности реформ // Восточный социум. Сб. статей. – М.: ИВ РАН, 2007. И др.

¹¹ См. например: Российская повседневность 1921–1941 гг.: новые подходы. – СПб., 1995; Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей, как объект социологического исследования / Под ред. В. Семенов и Е. Фотеевой. – М.: Институт социологии РАН, 1996; Ретина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. – М., 1998; Соколов А.К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Социальная история. Ежегодник, 1998/1999. – М., 1999; Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России. 1920–30-е годы. / Под общей редакцией Тимо Вихавайнена. – СПб., 2000; Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России: стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. – М.: Издат. дом «Мир истории», 2003; Историк в меняющемся пространстве Российской культуры. – Челябинск: Каменный пояс, 2006; Чуйкина С.А. Дворянская память: «бывшие» в советском городе. – СПб.: Издательство Европейского университета, 2006; Яров С.В. Конформизм в Советской России: Петербург 1917–1920-х гг. – СПб.: Европейский Дом, 2006. И др.

¹² См.: История экономических учений. – М.: Высшая школа, 1983. Гл. 21; Экономическая теория / Под ред. В.И. Видяпина, А.И. Добрынина, Г.П. Журавлевой. – М.: ИНФРА-М, 2003. Гл.13; А также: Теория фирмы / Под ред. В.М. Гальперина. – СПб.: Экономическая школа, 1995.

¹³ История менеджмента / Под ред. Д.В. Валового. – М.: ИНФРА-М, 1997. Гл. XII; Кравченко А.И. История менеджмента. – М.: Академический Проект, 2000. Гл. 19, 22; Маринко Г.И., Панина Е.М. История и философия науки об управлении. – М.: МГУ, 2009. Гл. 2. И др.

¹⁴ Экономическая теория. Уч.-к. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. Гл. 6; Стратегии поведения на рынке труда: Информационно-аналитический обзор. *Федотова Н.Н., Шокина И.А.* // windov.edu.ru/resource/278/50278; *Тяжельникова В.С.* (Нидерланды). Домохозяйство горожан в 1960–1980-е годы: структура и стратегии экономического поведения // *Отечественная история.* 2006. № 4. С. 25–39. И др.

¹⁵ *Шкаратан О.И.* Социология неравенства. Теория и реальность. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. Ч. 3; *Кордонский С.Г., Дехант Д.К., Малярченко О.А.* Социальная иерархия в России: мифологемы // *Отечественные записки.* 2012. № 46 (1). И др.

¹⁶ *Отечественная история.* 2007. № 1. С. 212.

¹⁷ *Кондратьев Н.Д.* Сырьевая проблема // *Вестник промышленности и торговли.* 1923. № 4. С. 38; *Социалистическое хозяйство.* 1924. № 1–2. С. 200.

¹⁸ Подробнее о политике царизма в годы первой мировой войны см.: *Дихтяр Г.А.* Внутренняя торговля дореволюционной России. – М., 1960; *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. 1914–1917 гг. – Л., 1967; *Сидоров А.И.* Экономическое положение России в годы первой мировой войны. – М., 1973; *Лаврычев В.Я.* Государство и монополии в дореволюционной России. – М., 1982. И др.

¹⁹ *Дякин В.С.* Указ. соч. С. 211.

²⁰ *Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Всероссийский аграрный рынок: XVIII – начало XX века. (Опыт количественного анализа). – М., 1974. С. 381; *Бокарев Ю.П.* Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы. – М., 1989. С. 138. И др.

²¹ *Роголина Н.Л.* Новая экономическая политика и крестьянство // *НЭП: приобретения и потери.* – М.: Наука, 1994. С. 142.

²² Приведем здесь некоторые последние публикации таких документов: Как ломали нэп: Стенограммы Пленумов ЦК ВКП(б). 1928–1929 гг. В 5 т. / Редкол. В.П. Данилов, О.В. Хлевнюк, А.Ю. Ватлин. – М.: МФД, Материк, 2000; Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы в 4 томах / Под ред. А. Береловича (Франция), В. Данилова (Россия). Т. 1–2. – М.: РОССПЭН, 2000; «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). – М., 2001–2008.

²³ Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936 / Под ред. А.Н. Яковлева. – М.: МФД, 2003. (Россия. XX век. Документы); Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. Справочник. – М.: МФД, 2003.

²⁴ ГАКО. Ф. Р-13. Оп. 2. Д. 600. Л. 85–88.

²⁵ РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 6. Д. 133–136, 142–156, 1162–1165. И др.

²⁶ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 5210–5217, 5411–5412. И др.

²⁷ РГАЭ. Ф. 8151. Оп. 5.

²⁸ РГАЭ. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 98; Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6949. Оп. 3. Д. 1207; Ф. 8151. Оп. 1. Д. 8, 40, 84. И др.

²⁹ РГАЭ. Ф. 3600. Оп. 1. Д. 152, 154; Оп. 2. Д. 102

³⁰ РГАЭ. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 127; Ф. 8151. Оп. 1. Д. 48. И др.

³¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 9. И др.

³² *Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Всероссийский аграрный рынок (XVIII – нач. XX вв.). – М., 1974. С. 7.

³³ См. например: Трудовые конфликты в Советской России. 1918–1929 гг. – М.: Эдиториал УРСС, 1998; Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917–1929. Экономические конфликты и политический протест. Сб. док-тов. – СПб., 2000; Рабочий активизм в послереволюционной России (круглый стол) // Отечественная история. 2002. № 2. С. 112–123; *Борисова Л.В.* Трудовые отношения в Советской России (1918–1924 гг.). – М.: Собрание, 2005; *Она же.* «Советский тред-юнионизм»: профсоюзы и забастовочная борьба в годы нэпа // Отечественная история. 2007. № 6. С. 88–98.

³⁴ Отечественная история. 2008. № 3. С. 199.

³⁵ *Самуэльсон П.* Экономика. Вводный курс. Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1964; *Гелбрейт Дж. К.* Новое индустриальное общество: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1969; *Он же.* Экономические теории и цели общества: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1976; *Шумпетер Й.А.* Теория экономического развития. – М.: Прогресс, 1982; *Гелбрейт Дж. К., Меньшиков С.* Капитализм, социализм, сосуществование: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1988; *Меньшиков С.* Советская экономика: катастрофа или катарсис?. – М.: Интер-Версо, 1990; *Леонтьев В.* Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика: Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1990; *М. Фридмен и Ф. Хайек о свободе.* / Репринтное издание. Пер. с англ. Минск, 1990; *Хайек Ф.* Дорога к рабству // Вопросы философии. 1990. № 10–12; *Эклунд К.* Эффективная экономика – шведская модель: Пер. со швед. – М.: Экономика, 1991; *Эрхард Л.* Благосостояние для всех: Репринт. воспроизведение: Пер. с нем. – М.: Начала-Пресс, 1991; *Макконелл К.Р., Брю С.Л.* Экономикс: Принципы, проблемы и политика. В 2-х т.: Пер. с англ. – М.: Республика, 1992; *Кейнс Дж. М.* Трактат о денежной реформе. Общая теория занятости, процента и денег // *Кейнс Дж. М.* Избранные произведения. Пер. с англ. – М.: Экономика, 1993; *Коуз Р.* Фирма, рынок, право: Пер. с англ. – М.: «Дело ЛТД», 1993; *Хайнц Л.* Социальная рыночная экономика. Германский путь. – М.: Дело, 1993; *Яременко Ю.В.* Теория и методология исследования многоуровневой экономики. – М.: Наука, 1997; *Сычев Н.В.* Диалектика многоукладной экономики. – М., 1999. И др.

³⁶ От плана – к рынку: будущее посткоммунистических республик. Пер. с англ. – М., 1993; *Абдеев Р.Ф.* Философия информационной цивилизации. – М.: Владос, 1994; *Мизес Л.* Социализм. Экономический и социологический анализ. – М., 1994; *Ойкен В.* Основные принципы экономической политики: Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1995; *Шумпетер Й.А.* Капитализм, социализм и демократия: Пер. с англ. – М.: Экономика, 1995; *Пьер Розанваллон.* Утопический капитализм. История идеи рынка. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. И др.

³⁷ *Бойко И.В.* Государство и рынок в промышленном развитии Японии. Владивосток, 1990; США: государство и рынок. – М.: Наука, 1991; Государство и рынок. Ученые Записки кафедр общественных наук вузов Санкт-Петербурга.

Выпуск XXX. – СПб., 1993; Государство и рынок: американская модель. Сб. статей. – М., 1999; Капитализм на Востоке во второй половине XX века. – М., 1995; Павлова В.В. Африка: государство и рынок. – М.: РАН, Институт Африки, 1997; И др.

³⁸ Нестеренко А.Н. Государство и рынок в период посткоммунистической трансформации экономики. Дисс. д. э. н. – М., 1993; Новикова И.В. Рынок и государство: Проблемы макрорегулирования. Минск, БГЭУ, 1993; Хомелянский Б.Н. Государство в системе рыночных отношений. – Новосибирск, 1995; Шамхалов Ф. Государство и экономика: (Власть и бизнес). – М.: Экономика, 1999; Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд. – М., 2000 (2001); Государство в рыночной экономике: Новые подходы. РАН, ИНИОН, 2001. (Экономические и социальные проблемы России); Государство и рынок: новое качество взаимодействия в информационно-сетевой экономике. Т. 1–2. – СПб., 2007. И др.

³⁹ Захаров В. НЭП: Второй шанс // Стратегия России. № 10. Октябрь 2012.: <http://sr.fondedin.ru/new/fullnewsarchto.php?subaction=showfull&id=1350110125&archive=1352789301&startfrom=&ucat=14&>

ИСТОРИОГРАФИЯ НЭПА: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ НОВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Выделяя лишь последний историографический этап в качестве объекта изучения, мы отдаем дань уважения историкам всех предшествующих эпох, их достижениям и открытиям. А также отдаем себе отчет в том, что некоторые современные тенденции берут свое начало значительно раньше начала нового тысячелетия. Историография нэпа в целом настолько объемна и многопланова, что может потребоваться ни одно исследование для ее анализа и обобщения. Периодически на различных историографических этапах исследователи пытались подводить итоги и определять приоритетные направления исследований, и проводили эту работу не безуспешно¹.

Представляется, что в меньшей мере историографически осмысленным остается сам период 1920-х гг. Многие из работ того времени стали доступными для исследователей лишь в перестроечные и постперестроечные годы. А современные исследователи чаще предпочитали изучать достижения историографии предшествующих лет, не всегда углубляясь в разнообразие содержания литературы периода нэпа, либо находя в ней только что-то, очень нужное для себя. Поэтому обобщенное исследование по историографии нэпа 1920-х гг. еще ждет своего исследователя.

Советская историография в свое время убедительно доказала, что нэп как этап и элемент переходной экономики помог решить задачи построения социализма и был успешно преодолен пролетарским государством², а советская хозяйственная практика убедительно подтвердила неустранимость рынка из хозяйственной жизни, о чем стало возможным говорить лишь в постперестроечные годы³.

Современные трактовки нэпа значительно отличаются от первоначальных ленинских (нэп – как новая политика по отношению к периоду «военного коммунизма») и от научных советских (нэп – как

этап переходного периода от капитализма к социализму в СССР). Сегодня о нэпе склонны говорить как о политике не столько новой, сколько необходимой и нормальной, в которой больше традиционного (естественно-эволюционного) старого, нежели того нового к чему собирались привести страну ее большевистские политические лидеры.

Несмотря на то, что в постперестроечные годы многие иллюзорные представления о нэпе были успешно преодолены, интерес к нему у современных исследователей не ослабевает. Этот непродолжительный, но интересный период продолжает оставаться «полем» для апробирования современных методологических подходов, научных дискуссий, теоретических построений. Достаточная информационная насыщенность нэповской тематики сделала возможным его **обсуждение на теоретико-методологическом уровне**. Было заявлено о возможности изучать нэп альтернативно, системно, ситуационно, в рамках социальной истории⁴. Эти линии продолжают свое развитие и сегодня, хотя для историков приоритетным был и остается конкретно-исторический анализ эпохи, который сегодня значительно обогащается изучением региональной специфики нэпа⁵ и существенным расширением документальной основы научных исследований, когда фактически возник новый жанр – «документальной истории»⁶. Благодаря «архивной революции» документальная история нэпа пополнилась в 1990–2000-е гг. огромным количеством новых публикаций, что создает благоприятную ситуацию для работы исследователей, закладывает солидную конкретно-историческую основу для теоретического оформления новой концепции нэпа, об актуальности и необходимости которой сами исследователи говорят с начала нового тысячелетия.

В 1990-е гг. обсуждение тематики 20-х годов XX века в основном проходило в рамках **цивилизационно-модернизационной парадигмы**, где цивилизация рассматривалась «как стадия и форма человеческой истории, как организация общества с определенным типом воспроизводства», а «модернизация, как его экономический аспект»⁷. Признавая Россию «цивилизационно-неоднородным обществом», комплексно (в единстве теории, политики и практики), исследователи стремились переосмыслить как «традиционные» политико-экономические и культурно-идеологические аспекты нэпа, так и новые. Благодаря освоению нового документального материала, став-

шего доступным историкам, впервые стали изучаться вопросы взаимодействия власти и общества, причины и истоки сталинизма (тоталитаризма), эволюция большевистского режима в контексте борьбы за власть, механизмы функционирования советской политической системы, выработки и проведения экономической, социальной и культурной политики⁸. Это позволило увидеть и понять не столько успехи правящей партийно-политической элиты, сколько их ошибки, просчеты, несвоевременность их реакции на вызовы эпохи.

В познании и описании экономических процессов, пристальное внимание обращалось на изучение нэповских рыночных механизмов, на понимание и объяснение места и роли рынка в хозяйственной модели 1920-х годов, на актуальность теоретических поисков модели «смешанной» (государственно-рыночной) экономики⁹. Ключевым сюжетом здесь стал вопрос о роли плана и рынка, об их взаимодействии, (а не противопоставлении) и создании на основе их синтеза целостной концепции и системы хозяйственного управления. В советской историографии ближе всех к постановке вопроса в таком аспекте подошел В.П. Дмитренко¹⁰.

Однако исследователи 1990-х гг. находили в практике хозяйственного управления 1920-х гг. скорее эклектику плана и рынка, нежели их взаимодействие и взаимодополняющее проявление, внимание обращалось на «ущербность нэповского рынка», на невозможность спланировать развитие многоукладной экономики, на теоретико-идеологический прессинг над экономической политикой большевиков¹¹. В итоге в противопоставлении плана рынку, в плановой и рыночной системах стали искать две тенденции развития, чаще как альтернативные, что всего лишь возвращало исследователей к ортодоксальным традициям 1920-х годов.

Е.А. Осокина выделяет в историографии 1990-х гг. и два новых подхода к вопросу изучения плана и рынка. В одном случае рынок изучался как элемент, допущенный в экономику властью и все время находящийся под ее пристальным взором, что не всегда позволяло учитывать реальные масштабы частного предпринимательства и рамки реально существующего рынка, которые явно не совпадали с властными представлениями о них. Во втором – изучалась рыночная активность общества, без особого учета властного влияния. Сама автор реализует синтез обоих подходов применительно к изучению роли рынка в годы индустриализации¹².

Одновременно исследователи пытались рассматривать нэп в более широком историческом контексте, показывая его преемственность от прошлого, дореволюционного развития и определяя его влияние на последующие процессы в обществе и в государстве¹³. Последняя тенденция восходит к зарубежной историографии, но и в российской исторической науке появляется все больше таких работ. Они достаточно убедительно показывают, что в Советской России не столько складывались контуры нового государства и нового общественного строя (в решении этих вопросов целесообразнее было бы идти по пути углубления нэпа. – Л.С.), сколько восстанавливались и воспроизводились старые традиционные структуры, формы и методы управления государством и обществом. Отсюда столь огромная популярность теории тоталитаризма и осмысление в ее рамках политики и практики ленинизма и сталинизма¹⁴.

У большинства исследователей 1990-х гг. сложилось понимание сущности нэпа как сочетания государственного и частного капитализма ради экономического восстановления страны при одновременном закреплении однопартийности и ужесточении партийной диктатуры. Это сопровождалось подавлением внутривластной оппозиции, введением назначенчества, единоначалия в экономике, что способствовало формированию слоя советской партноменклатуры, которая и стремилась контролировать все общественные процессы. А далее – «режимы несвободы» для всех граждан, «конструирование» социального пространства для различных социальных групп, «множественность» социальных статусов и территорий, особые режимы привилегий¹⁵. Такая система аргументов позволяет говорить об ужесточении политического режима большевиков с начала либерализации экономических отношений уже в 1922–1923 гг.

Эта точка зрения была принята не всеми исследователями, не все считали «авторитарный нэп» тоталитарным. Ю.И. Игрицкий, Е.Г. Гимпельсон и другие авторы находили в нэпе определенный внутренний (гражданский) потенциал к разнвариантности развития, говорили об эволюции новой экономической политики. Определенным и закономерным итогом исследования политико-экономических аспектов нэпа стали последние работы Е.Г. Гимпельсона. Выделив в качестве важнейшего противоречия нэпа – противоречие между политическим режимом большевиков и смешанным характером экономики, (что вполне соответствует ленинской методологии взаимодействия

экономики и политики), выдерживая и развивая этот контекст, он проводит мысль о наличии двух периодов в развитии новой экономической политики. На первый (1921–1925 гг.), по его мнению, приходится углубление экономической реформы при некотором реформировании политической системы в сторону ее смягчения. На второй (1926–1929 гг.) – проведение «контрреформ» и последовательное сворачивание нэпа, возрождение и утверждение элементов и методов «военного коммунизма»¹⁶.

Одна из первых попыток историографического осмысления нэпа на рубеже веков и тысячелетий принадлежит И.Б. Орлову. В качестве основных и плодотворных итогов его изучения исследователь назвал равноправие теоретико-методологических подходов и призвал строить новую общую концепцию нэпа на основе изучения различных его сторон «снизу», а не ориентироваться на философские и социологические схемы, которые российская общественная наука в основном заимствовала и продолжает заимствовать на Западе. Он проанализировал возможности альтернативного анализа, перспективы системного исследования нэпа, показал расширение тематики исследований от политико-идеологических аспектов до изучения различных сторон повседневной жизни и менталитета как дискриминируемых и маргинальных групп, так и широких слоев населения¹⁷.

Как справедливо отмечает В.А. Надеждина, с начала 1990-х гг., осваивая модернизационную теорию, исследователи акцентировали внимание на изучении роли государства в осуществлении индустриальной модернизации России и самих процессов индустриализации и урбанизации. При таком подходе особенность отечественной модернизации оценивалась как «ярко выраженная государственно-бюрократическая», когда «государство выступало в роли и инициатора, и организатора, и в определенной степени главного действующего лица модернизации, заставив общество, в том числе и методами не только косвенного, но и прямого насилия, ускорить свое развитие». А нэп выступала лишь «прагматической попыткой приспособления теоретических социалистических представлений к реальной российской действительности», разрушенной войнами и социальными потрясениями¹⁸. Не умаляя достижений исследователей в этом вопросе, можно лишь добавить, что оценивать роль государства всегда приходится в русле партийной политики и деятельности партии, которая все активнее подменяла роль государства, превращая государственный аппарат в инструмент проведения партийных решений.

Дискуссии о нэпе в рамках модернизационной парадигмы привели к пониманию нэпа как политики мобилизационной, сознательно направляемой государством на восстановление разрушенной экономики и потому в основе своей неопределенной, неустойчивой и безальтернативной, закономерно ведущей к «формированию системы государственного абсолютизма как инструмента осуществления модернизационного рывка»¹⁹. Своеобразным итогом этих дискуссий стала коллективная монография «Россия нэповская», хотя и неоднозначно оцененная научным сообществом. Модернизация России предстает здесь как объективный процесс, потребность в ускорении которого возникла еще в середине XIX в., а коммунистическая доктрина стала его духовной оболочкой с приходом к власти большевиков. Нэп в данной концепции становится средством решения этой важнейшей исторической задачи. А не просто временной тактической уступкой крестьянству, не пожелавшему строить социализм методами «военного коммунизма», или политическим маневром большевиков ради сохранения власти. Главное системное противоречие нэпа понимается как противоречие между «экономическим либерализмом и политическим монополизмом»²⁰, хотя государство и рынок, как уже отмечалось ранее, разнопорядковые категории. Поэтому при системном анализе нэпа следует, вероятно, искать и одноуровневые противоречия: свои на макро- и микроуровнях.

А далее уже не нашлось места нэпу как этапу в историческом развитии страны в рамках **синтеза модернизационной теории с теорией единой имперской эволюции** России, где с середины 1920-х гг. можно говорить о реанимации империи²¹. Нэп как символ более демократичного мирного варианта развития общества, открывавший путь к эволюционному становлению государственно-рыночной экономики не вписывается в жесткую имперскую модель.

В 1990-е годы одним из центральных вопросов исследования нэпа был поиск альтернатив в самой нэповской политике (здесь особую популярность приобрела «бухаринская альтернатива») и взгляд на нэп как на возможную альтернативу сложившейся в 1930-е гг. тоталитарной системе. Но к началу 2000-х гг. стала очевидной бессмысленность «бухаринской альтернативы», а речь все чаще шла о жестко детерминированном варианте развития страны. Этот сюжет нашел свое оформление и в «России нэповской» и в концепции Е.Г. Гимпельсона, который видит более реальную альтернативу нэпу

не в «альтернативе Бухарина», а в «антинэпе», т. е. в политике, ведущей к нормальной рыночной экономике и к развитию политической демократии²².

По наблюдениям Н.Л. Рогалиной, в обсуждениях проблем альтернатив начала нового тысячелетия «прозвучал довольно дружный вывод о непротиворечивом и взаимодополняющем характере экономического содержания теорий правых и левых, несмотря на их драматическое противостояние. Альтернативы Г. Сокольникова и Л. Троцкого, с одной стороны, А. Рыкова и Н. Бухарина, с другой – объединяет и отделяет от «сверхиндустриализаторов» сталинского типа стремление к более сбалансированному и эволюционному развитию. Но и те, и другие, и третьи не принимали рыночных отношений и частной собственности»²³, а именно позитивное отношение к рынку и частной собственности открывало возможные альтернативные пути развития.

Комплексность изучения нэпа наметилась и в попытках целостного системного анализа многоукладности и процессов в рамках многоукладного общества²⁴. Однако пока это направление представлено небольшим количеством работ, выполненных в основном на региональном материале.

На рубеже тысячелетий все чаще стали отмечаться негативные историографические последствия того, что до сих пор нэп изучался по преимуществу как чисто экономический или политико-экономический феномен, а из поля зрения исследователей выпадало массовое сознание, реальное социальное положение различных социальных слоев, проблема социальной нестабильности в стране в 1920-е годы²⁵. Например, изучение положения рабочих показало, что жизненный уровень российского пролетариата в 1920–30 годы оставался ниже того, который существовал в царской России. До 1927 года этот факт открыто признавался и в официальной и в научной литературе. И в условиях острейшего дефицита и недостаточности государственного снабжения рабочие вынуждены были покупать товары и продукты у частного торговца, где цены были на порядок выше, чем в государственной и кооперативной торговле²⁶. Так социальная история начинает привлекать все большее внимание и столичных и провинциальных исследователей.

С этого времени в отечественной историографии нэпа наметился качественный сдвиг, суть которого В.А. Надеждина определяет как

синтез модернизационной парадигмы и социальной истории, где приоритетным становится выявление социокультурных и социопсихологических факторов модернизационного процесса, лежащих в сфере взаимодействия государства и общества. Поиск социокультурных причин «неудачи нэповского пути к социализму», понимание конфликта между властью и обществом в 1920-е гг. вышло на новый уровень его осмысления: как «ценностного конфликта» между модернизацией и традицией²⁷.

Поиски социальных факторов, способствующих сворачиванию нэпа, достаточно быстро убедили исследователей в наличии глубинного конфликта между властью и обществом, в архаизации общества и росте недовольства политикой нэпа среди основных социальных групп российского общества, в неприятии ими власти и неготовности общества к осуществлению целей и задач, намеченных ею²⁸. Выявлялись и фиксировались не только стереотипы массового общественного сознания 1920-х гг.²⁹, но и процессы формирования новой жизни, новой пропагандистской аргументации и большевизации мировоззренческих представлений о нормах новой морали и поведения, процессы распространения конформизма в различных слоях населения³⁰.

Теоретико-методологические возможности и инструменты социальной истории помогли значительно расширить исследовательское пространство и выделить направления и вопросы, ранее не характерные и не позволившие для российской историографии. Эти направления активно развиваются под влиянием и в содружестве с американской и различными европейскими научными школами и учеными. В ряде вопросов тон задают зарубежные исследователи, которые и ранее чаще акцентировали внимание на социальные аспекты³¹. Достаточно частым явлением начала нового тысячелетия стали публикации зарубежных исследователей на страницах российских журналов, проведение совместных конференций, издание совместных сборников, в т. ч. посвященных и периоду 1920-х годов. При этом зарубежные исследователи часто предлагают тематику исследований, не характерных для российской историографии, в которых на первом месте интерес к человеку и к отдельным социальным группам (например, нэпманам, молодежи) к их среде обитания, к их потенциальным и не всегда реализованным возможностям, к их социальным ожиданиям и надеждам³².

Хотя, как отмечают российские исследователи, и зарубежная историография, пережив существенные изменения, в связи с крушением советской системы также находится в поиске. Пережила свой крах американская советология, которую всегда привлекал межвоенный период советской истории. Основные советологические направления: «тоталитарное» (1950/60–1985 гг.) и «ревизионистское» (1960/70 – конец 1980-х гг.), которые достаточно охарактеризованы российскими исследователями³³, ушли в прошлое. Им на смену пришло россиеведение, переживающее сейчас начальный этап своего становления и оформления. По оценке российских историографов, сегодня внимание американских русистов и их европейских коллег в первую очередь привлекают современные процессы в России, и лишь во вторую, историческая специфика России / СССР, где приоритетными являются вопросы политико-экономического развития России на рубеже XIX – первой трети XX вв., положения крестьянства и трагедии коллективизации, становления сталинизма, вопросы развития культуры, теория евразийства и др.³⁴ Даже открытие советских архивов в связи с горбачевской перестройкой обострило, скорее интерес к сталинизму, но не к новой экономической политике.

В связи с повышением интереса к социальной истории в отечественной историографии стали активнее изучаться социальная политика государства³⁵, история российской повседневности³⁶, гендерная история³⁷, история частной жизни³⁸. Изучаются мнения, оценки и суждения, опасения и надежды отдельных социальных групп, в частности, молодежи, студенчества, детей, которые в силу возраста, отсутствия жизненного опыта и их социальных ожиданий, в большей мере были подвержены влиянию официальной пропаганды и становились социальной опорой новой власти³⁹.

Продолжалось изучение социальных групп, враждебно настроенных против советской власти и дискриминируемых ею⁴⁰, социальная стратификация в деревне и критерии выявления кулаков⁴¹, выселение бывших помещиков из мест из проживания⁴². Особое внимание исследователей было уделено предпринимателям нэповского времени, где в контексте современности оценивалась их социально-экономическая роль, изучались повседневные практики выживания, отношение населения к нэпманам, степень социальной напряженности в связи с их существованием. Если в советской историографии доказывали вредительский характер существования нэпманов и их пред-

принимательства, а также необходимость ликвидации частного капитала, то в годы перестройки и перехода к рыночной экономике исследователи «пережили эволюцию от идеализации частника (в 1980-е гг.) до адекватной оценки его деятельности»⁴³.

Интерес к микроистории, к вопросам организации жизни и быта, к истории повседневности, к анализу ментальных процессов и самоидентификации различных социальных слоев и групп позволил иначе взглянуть на нэповское общество, преодолеть, характерные для советской эпохи, классовые представления о нем и закрепить новые тенденции в историографии, ведущие к становлению многомерной, многовариантной междисциплинарной методологии и теории. Новые исследования открывали понимание сложности социальной структуры нэповского общества, а вслед за этим – понимание сложности и неоднозначности социальных, политических, экономических, социокультурных процессов.

Хорошо известно, что цивилизационный подход к изучению исторических процессов ставит в центр любой проблемы не социально-экономические и классовые противоречия, а интересы отдельных людей и социальных групп, их социокультурные характеристики. В данном контексте вполне плодотворным оказался не только синтез модернизационной теории с подходами и методами социальной истории, но и взаимодействие, и взаимодополнение двух исторических жанров: **социальной и социокультурной истории**.

Социокультурная история, по определению исследователей, это история ревизии жизнеспособности общества. Критически оценивая способности личностей, групп, сообществ и всего общества к эволюции, к креативному использованию культурного опыта, его норм и ценностей для решения задач современного развития, для «выживания, социального и культурного воспроизводства»⁴⁴, исследователи стремятся сформировать новые культурные смыслы для преодоления кризисного состояния современного общества и определения его стратегической перспективы. Популярной стала реконструкция (конструирование) исторического прошлого, что особенно актуально в новой исторической реальности после распада СССР и становления новой государственности в современной России⁴⁵.

Сегодня исследователей интересуют не столько сами процессы и явления, (о них уже много написано в советской и в постперестроечной историографии), а в большей степени причины их возникно-

вения, субъективно-личностный выбор человека⁴⁶. Это в первую очередь коснулось выяснения социокультурных основ большевизма, его истинного смысла, закономерностей появления и утверждения его как идеологической и политической системы. В широком философско-социологическом и историческом контексте исследователям удалось показать, что в большевизме происходит соединение идеалов модернизации и традиционализма, модернизации и национально-государственных интересов в приемлемых для российского общества формах, соединение реальных и потенциальных средств и возможностей для сохранения государственности и удовлетворения растущих потребностей населения⁴⁷.

Интересны размышления о том, что именно реальные потребности населения страны, вызванные модернизацией, оказывались в меньшей степени удовлетворенными, так как в стране отсутствовал механизм их выявления, а, следовательно, и решения. Программа модернизации исходила из геополитических интересов государства, но не была ориентирована на интересы и потребности человека, социальных групп.

Процессы большевизации различных слоев российского общества, изменение представлений о мире, о нормах и правилах поведения советских людей, о механизмах их «вживания» в новый режим и в новую систему ценностей и отношений стали предметом изучения историков, что существенно дополняет теоретические концепции. Так, распространение конформизма в различных слоях российского общества 1920-х гг., мимикрия их поведения показаны через применение политических (ритуала и языка власти) и культурных инструментов, которые правящая партия вполне сознательно для этого использовала⁴⁸. Разделяя мнение исследователей о наличии перспектив, но одновременно и сложностей в изучении поведенческих реакций, как власти, так и различных социальных групп, как социальной базы различных укладов в годы нэпа, согласимся с тем, что исследование такого рода в отечественной историографии только начинаются⁴⁹.

В историографической ситуации нового тысячелетия, когда, по оценкам исследователей, превалирует интерес к социальной истории нэпа, нельзя не отметить и появление ряда новых работ политико-экономической и культурно-идеологической направленности. Вновь становится очевидным, что более конструктивное осмысление нэпа связано с конкретно-историческим изучением отдельных новых⁵⁰, да

и «старых» сюжетов и элементов нэпа⁵¹, что позволяет переосмыслить и обобщить старый (если исследователь его не отбрасывает полностью и не стремится написать нечто новое «с чистого листа») и вновь открывшийся фактический материал.

Поиск новых смыслов в нашем историческом прошлом, настоящем и будущем неизбежно влечет поиск нового научного дискурса исторических исследований, как в рамках отдельных предметов исследования⁵², так и в становлении новых научных концепций и теоретико-методологических парадигм. Это в полной мере имеет отношение и к тематике 1920-х годов. Подведение итогов каждого историографического этапа всегда было связано с появлением работ комплексного обобщающего характера. Вероятно, это потребность и задача современности, чтобы достойно встретить 100-летие нэпа и более корректно определить его место и роль в процессе исторической эволюции России и мира в целом. Но пока эта работа ждет своих исследователей.

В тоже время, очевидно, что новая концепция нэпа сегодня может возникнуть, скорее всего, на основе модернизационной теории и социальной истории. Но для России в годы нэпа актуальными были пути модернизации страны на основе поиска механизмов гармонизации многоукладного социума. Теоретически и практически нужен был поиск в решении модернизационных вопросов на базе многоукладной экономики. Возможно, ответы на эти вопросы можно попытаться поискать в рамках **синтеза теории модернизации, социальной истории и теории многоукладности**, если о наличии последней вообще можно говорить.

Теорию многоукладности в советской историографии нельзя было разрабатывать применительно к российскому историческому процессу. Поэтому и нэповская многоукладность изучалась чаще всего через призму утверждения ведущей роли государственного сектора. Некоторые исследователи до сих пор акцентируют внимание на ленинском вкладе в развитие теории многоукладности и признают наличие такой теории уже у В.И. Ленина⁵³, что, конечно же, представляется спорным.

В советском востоковедении теорию многоукладности развивали на основе исследования социальных и экономических процессов в странах третьего мира⁵⁴, где многоукладное хозяйство изучалось как системное явление. Попытки теоретического описания моделей мно-

гоукладной системы хозяйства привели исследователей к выводу о парадоксальности системных обществ и неперспективности этого варианта развития на фоне более перспективного западного⁵⁵. Признав методологически несостоятельным «измерение» восточных обществ мерками западного (капиталистического) мира, советские востоковеды признали в итоге «всемирность капиталистической системы» и их усилия сконцентрировались на других вопросах. Однако охарактеризованная ими модель восточного многоукладного хозяйства несколько напоминает нэп с его тенденциями эволюции в направлении формирования государственно-рыночной экономики, правда при крайне медленных темпах этого процесса.

В разгар дискуссий по многоукладности в советской историографии, основным был вопрос о методах ее исследования. Признавая российскую многоукладность как конкретно существующую историческую реальность, часто отмечалась слабость теоретико-методологического оформления проблемы. Поэтому до сих пор остается актуальным мнение Н.М. Дружинина, который видел перспективы ее изучения в выявлении конкретно-исторических процессов взаимодействия укладов друг с другом и считал важным именно конкретно-историческое исследование этого взаимодействия⁵⁶. Это позволило бы фиксировать не только сами процессы, но и их направленность, тенденции эволюции и определять возможные направления регулирующего воздействия со стороны государства. Поскольку в 1920-е гг. на эти аспекты обращалось крайне мало внимания, этим объясняется слабость источниковой базы для анализа механизмов функционирования экономики того времени.

Казалось бы, с многоукладностью все понятно. Динамизм развития отмечает все, что не прошло испытание временем и не утвердило себя. А жизнь сохраняет многоукладность и не только как российский, но и как мировой феномен. И значительная часть общества, приспособиваясь к реальным условиям, живет в этой жизненно существующей системе. И пока явление существует, будет сохраняться стремление познать его сущность и увидеть более широкий спектр возможных направлений эволюции. А исследователям остается искать новые подходы к изучению многоукладных экономик и многоукладных обществ и нарабатывать более адекватную к объективной реальности теорию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Берхин И.Б., Лельчук В.С. Историография социалистического строительства // Очерки истории исторической науки в СССР. – М., 1964; Климов Ю.П. Историография новой экономической политики // Вопросы истории КПСС. 1966. № 5; К итогам обсуждения проблем новой экономической политики // Вопросы истории КПСС. 1968. № 12; Дмитренко В.П. Проблемы нэпа в советской историографии 60–70-х гг. // Новая экономическая политика. Вопросы теории и истории. – М., 1974; Он же. Экономическая политика переходного периода в СССР. Актуальные проблемы исследования // История СССР. 1978. № 6; Экономическая политика переходного периода в СССР. Проблемы методологии и историографии. Всесоюзная сессия. – М., 1981; Осколкова Э.Д. Проблемы методологии и историографии Ленинской концепции нэпа. – Ростов-на-Дону, 1981; Историография истории КПСС в период восстановления и развития народного хозяйства. 1921–1925. – М.: МГУ. 1982; Поляков Ю.А. Некоторые вопросы историографии переходного периода от капитализма к социализму: итоги и проблемы // История СССР. 1982. № 5; Берхин И.Б. Изучение истории периода восстановления народного хозяйства // Очерки истории исторической науки в СССР. – М., 1985. Т. 5; Алексеева А.Е. Нэп в современной историографии. Автореф. к. и. н. – М.: МГУ, 1995; Орлов И.Б. Современная отечественная историография нэпа: достижения, проблемы, перспективы // Отечественная история. 1999. № 1. С. 102–116. И др.

² Генкина Э.Б. Переход Советского государства к новой экономической политике. 1921–1922. – М., 1954; Она же. Государственная деятельность В.И. Ленина в 1921–1923 гг. – М., 1969; Исторический опыт КПСС в осуществлении новой экономической политики. – М., 1972; Ленинское учение о нэпе и его международное значение. – М., 1973; Новая экономическая политика. Вопросы теории и истории. – М., 1974; От капитализма к социализму. Основные проблемы истории переходного периода в СССР. 1917–1937 гг. Т. 1. Победа социалистической революции. Начало переходного периода. 1917–1927. – М., 1981; Поляков Ю.А., Дмитренко В.П., Щербань Н.В. Новая экономическая политика: Разработка и осуществление. – М.: Политиздат, 1982; Экономическая политика Советского государства в переходный период от капитализма к социализму. – М., 1986; Дмитренко В.П. Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры. Проблемы регулирования рыночных отношений. – М., 1986. И др.

³ Бокарев Ю.П. Власть и преступность в России // Россия. XXI. 1993. № 8–12; 1994. № 4–5; Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. 2-е изд. доп. – М.: РОССПЭН; Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина, 2008; И др.

⁴ Дмитренко В.П. Четыре измерения нэпа // НЭП: приобретения и потери. – М., Наука, 1994; Горинов М.М. Советская история 1920–30-х гг.: от мифов к ре-

альности // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. – М., 1996; *Орлов И.Б.* Современная отечественная историография нэпа: достижения, проблемы, перспективы // Отечественная история. 1999. № 1. С. 102–116; *Орлов И.Б.* Новая экономическая политика: История, опыт, проблемы. – М.: ГУГН, 1999; *Сенявский А.С.* Новая экономическая политика: современные подходы и перспективы изучения // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. – М.: РОССПЭН, 2006; *Суворова Л.Н.* Сколько измерений у нэпа? (Заметки со студенческого семинара) // Научные труды КГПУ им. К.Э. Циолковского. Серия: Гуманитарные науки. Калуга, 2006. С. 109–112; *Надеждина В.А.* Нэповская Россия в зеркале социальной истории // Отечественная история. 2007. № 4. С. 149–157; *Дегтев С.И.* Современная историография альтернатив нэповской России // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография, методы исследования и методология, опыт и перспективы: Материалы XXXI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Кн. 2. – Вологда, 2009. И др.

⁵ *Уразова С.А.* Нэп и развитие легкой и перерабатывающей промышленности. 1921–1928. Самара, 1993; *Ильиных В.А.* Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.). – Новосибирск, 1998; *Баранов А.В.* Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. – Краснодар, 1999; *Шубин С.И.* Северный край в истории России: проблемы региональной и национальной политики в 1920–1930-е годы. – Архангельск, 2000; *Виноградов С.В.* Экономическое развитие Поволжья в период нэпа. 1921–1927 гг. Уч. пособие. – Астрахань, 2001; *Алексеева Л.В.* Взаимодействие хозяйственных систем Ямальского севера в условиях нэпа и командно-административной экономики. – Салехард, 2006; *Бехтерева Л.Н.* Торговля и предпринимательство Удмуртии в период новой экономической политики. (1921–1929 гг.). – Ижевск, 2008; *Жуков А.Н.* Социально-экономические и общественно-политические процессы на Смоленщине на завершающем этапе новой экономической политики (1925–1929 гг.). Автореф. к. и. н. – Брянск, 2008; *Лютков Л.Н.* Власть и общество в годы нэпа (1922–1929) через призму настроений провинции. – Ульяновск, 2010; *Нежигай Э.Н.* Городская культура Кубани периода нэпа. Краснодар, 2010; Нэп в истории культуры: от центра – к периферии. Сб статей. – Саратов, 2010; *Давыдов А.Ю.* Кооператоры советского города в годы нэпа. Между «военным коммунизмом» и социалистической реконструкцией. – СПб.: Алетейя, 2011. И др.

Один из опытов обобщения региональной историографии см.: *Орлов И.Б.* Нэп в региональном ракурсе: от усредненных оценок к многообразию // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. – М.: РОССПЭН, 2006.

⁶ См.: Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1917–1922. – М., 1990; Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1923–1927. Документы и материалы. – М., 1991; Нэп: Взгляд со стороны. Сб. – М., 1991; Большевицкое руководство. Переписка. 1912–1927. – М., 1995; Голос народа: Письма и откли-

ки рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. – М., 1998; Письма во власть. 1917–1927. – М., 1998; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4 т. Т. 1. – М., 1998; Т. 2. – М., 2000; Индустриализация Советского Союза. Новые документы. Новые факты. Новые подходы. – М., 1997. Ч. 1., 1999. Ч. 2; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929. – М., 1999; В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. – М., 1999; Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождам. – М., 2000; Как ломали нэп: Стенограммы Пленумов ЦК ВКП(б). 1928–1929 гг. В 5 т. – М.: МФД, Материк. 2000; Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917–1929. Экономические конфликты и политический протест. Сборник документов. – СПб., 2000; «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). В 10 т. – М., 2001–2008; Избранные труды Кондратьевского конъюнктурного института. – М.: Экономика, 2010. И др.

Первые опыты нового источниковедческого анализа см.: Трудовые конфликты в Советской России. 1918–1929 гг. – М., 1998; *Рогалина Н.Л.* Нэп в свете современных документальных публикаций // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. – М.: РОССПЭН, 2006; *Колод니кова Л.П.* Советское общество 20-х гг. XX в. (По материалам ВЧК-ОГПУ). – М.: Наука, 2009; И.Г. Иванцов. Актуальные вопросы истории Кубани в документах комиссий внутрипартийного контроля ВКП(б). 1920-начало 1930-х гг. XX века. – Краснодар, 2009. И др.

⁷ См. например: *Рогалина Н.Л.* Борис Бруцкус – историк народного хозяйства России. – М.: АО «Московские учебники», 1998. С. 5–9.

⁸ Russia in the Era of NEP. Explorations in Soviet Society and Culture. Ed. By Sheila Fitzpatrick, Alexander Rabinovich and Richard Stites. – Bloomington and Indianapolis, 1991; *Богомолова Е.В.* Управление советской экономикой в 20-е годы: опыт регулирования и самоорганизации. – М., 1993; *Роговин В.З.* Власть и оппозиция. – М., 1993; НЭП: приобретения и потери. – М.: Наука, 1994; *Цакунов С.В.* В лабиринте доктрины. Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы. – М., 1994; *Коржихина Т.П.* Извольте быть благонадежны! – М., 1997; *Никулин В.В.* Власть и общество в 20-е годы. Политический режим в период нэпа. Становление и функционирование (1921–1929 гг.). – СПб., 1997; *Шишкин В.А.* Власть, политика, экономика. Послереволюционная Россия (1917–1928 гг.). – СПб., 1997; НЭП: завершающая стадия. Соотношение политики и экономики. – М.: ИРИ РАН, 1998; *Голанд Ю.* Кризисы, разрушившие нэп. 2-е изд. – М., 1998; *Соколов А.С.* Из истории становления и развития финансовой системы России в период новой экономической политики. – М., 1998; *Яров С.В.* Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и нэп глазами петроградцев. – СПб., 1999; *Гимпельсон Е.Г.* Нэп и советская политическая система, 20-е годы. – М., 2000; *Секушин В.И.* Отторжение: нэп и командно-административная система. – СПб., 2000; *Яров С.В.* Источники по истории политического протеста в Советской России. – СПб., 2001. И др.

⁹ Богомолова Е.В. Управление советской экономикой в 20-е годы: опыт регулирования и самоорганизации. – М., 1993; Быстрова И.В. Государство и экономика в 1920-е годы: борьба идей и реальность // Отечественная история. 1993. № 3; Май В.А. Реформы и догмы. 1914–1929: Очерки истории становления хозяйственной системы советского тоталитаризма. – М., 1993; НЭП: приобретения и потери. – М.: Наука, 1994; Суворова Л.Н. Хозяйственная модель восстановительного периода: место и роль рынка (1920–1927 гг.). Дисс. к. и. н. – М., 1994; Она же. Советское хозяйство и рынок. Теоретические парадигмы 20-х годов // Новые страницы отечественной истории XX в. – Калуга, 1994; Орлов И.Б. Новая экономическая политика: История, опыт, проблемы. – М.: ГУГН, 1999. И др.

¹⁰ Дмитренко В.П. Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры. Проблемы регулирования рыночных отношений. – М., 1986. С. 7.

¹¹ Богомолова Е.В. Указ. соч. С. 8–10, 150; Роголина Н.Л. Новая экономическая политика и крестьянство // Нэп: приобретения и потери. – М., 1994; Цакунов С.В. Указ. соч. И др.

¹² Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. С. 38–39.

¹³ Nove A. An Economic History of the USSR. 1917–1991. – London, 1992; Девис Р.У., Гатрелл П. От царизма к нэпу // Вопросы истории. 1992. № 8–9; Май В.А. Реформы и догмы. 1914–1929: Очерки истории становления хозяйственной системы советского тоталитаризма. – М., 1993; Россия в XX в.: истории мира спорят. – М., 1994; Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения. Ноябрь 1917 – декабрь 1991. – М., 1995; Российская повседневность 1921–1941. Новые подходы. – СПб., 1995; Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–50-е годы: Темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. – М., 1996; Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М., 1997; Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация России XX века (Проблемно-историографические очерки). – М., 1997; Нэп в контексте исторического развития России XX века. – М.: ИРИ РАН, 2001; Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. – М., 2001; Самуэльсон Л. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941. – М., 2001; Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. – М., 2006; Меерович М.Г. Наказание жилищем. Жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917–1937. – М., 2008; И др.

¹⁴ Воронов Ю.М. Становление идеократии: истоки, ментальность, аппарат (1917–1929 гг.). – Иваново, 1993; Трукан Г.А. Путь к тоталитаризму. 1917–1929. – М., 1994; Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы. 1917–1923 гг. – М., 1995; Измозик В.С. Глаза и уши режима. Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918–1920 годах. – СПб., 1995; Тоталитаризм. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. – М., 1996; Иванова Г.М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государст-

ва. – М., 1997; Краус Т. Советский термидор. Духовные предпосылки сталинского переворота. 1917–1928. – Будапешт, 1997. А также указанные выше работы В.В. Никулина, В.А. Шишкина и др.

¹⁵ См. работы ссылки 14. А также: *Абрамов В.Н.* Техническая интеллигенция России в условиях формирования большевистского политического режима (1921 – конец 30-х гг.). – СПб., 1997; *Гораевская И.А.* Петр Пальчинский (Биография инженера на фоне войн и революций) – М.: Россия молодая, 1996; *Гимпельсон Е.Г.* Советские управленцы. 20-е годы. – М., 2001; *Pirani S.* The Russian revolution in retreat, 1920–24: Soviet workers and the new Communist elite. – L.–N.Y., 2008; *Режимные люди в СССР* / Отв. ред. Т.С. Кондратьева, А.К. Соколов. – М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. А также рецензию на нее Т.Г. Леонтьевой: *Российская история*, 2011. № 5. С. 200–203. И др.

¹⁶ См. *Гимпельсон Е.Г.* Нэп и советская политическая система. 1920-е годы. – М.: ИРИ РАН, 2000. С. 6. *Он же.* Нэп: Новая экономическая политика Ленина – Сталина. Проблемы и уроки. (20-е гг. XX в.). – М.: Собрание, 2004. С. 8; *Он же.* Россия на переломе эпох. Осмысление XX столетия российской истории. – М.: Собрание, 2006. С. 43–45.

¹⁷ *Орлов И.Б.* Современная отечественная историография нэпа: достижения, проблематика, перспективы // *Отечественная история*. 1999. № 1; *Он же.* Новая экономическая политика: История, опыт, проблемы. – М.: ГУГН, 1999.

¹⁸ *Надеждина В.А.* Нэповская Россия в зеркале социальной истории // *Отечественная история*. 2007. № 4. С. 150, 151.

¹⁹ *Россия нэповская.* / Под ред. акад. А.Н. Яковлева. – М.: Новый хронограф, 2002. (Россия. XX век. Исследования). С. 301. Гл. XV. Работа получила неоднозначную оценку научной общественности. Рецензии на нее см.: *Отечественная история*. 2004. № 4. С. 180–189.

²⁰ *Россия нэповская.* С. 9, 35, 301.

²¹ См.: *Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века.* – М.: Наука, 2001; *Алексеев В.В., Алексеева Е.В.* Распад СССР в контексте теорий модернизации и единой имперской эволюции // *Отечественная история*. 2003. № 5. С. 8–11. И др.

²² *Россия нэповская.* Гл. XV; *Гимпельсон Е.Г.* Нэп и советская политическая система. С. 305–307, 322–323. А также: *Богатырев М.А.* Н.И. Бухарин и нэп: проблемы и противоречия. Авт. к. и. н. – Ростов-на-Дону, 1994; С.И. Дегтев. Современная историография альтернатив нэповской России. И др.

²³ *Роголина Н.Л.* Нэп в свете современных документальных публикаций // *НЭП: экономические политические и социокультурные аспекты.* С. 67–68.

²⁴ *Виноградов С.В.* Нэп: Опыт создания многоукладной экономики. – М., 1996; *Баранов А.В.* Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. – Краснодар, 1999; *Россия нэповская. Исследования.* – М.: Новый хронограф, 2002; *Суворова Л.Н.* Многоукладная экономика, рынок и государство в России в 1920-е гг. // *НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты.* – М.: РОССПЭН, 2006.

²⁵ *Отечественная история.* 2001. № 3. С. 216.

²⁶ *Иванов Ю.М.* Положение рабочих России в 20-х – начале 30-х годов // *Вопросы истории.* 1998. № 5. С. 28, 29, 30–31.

²⁷ *Надеждина В.А.* Указ. соч. С. 149, 150, 152, 153, 154.

²⁸ *Соколов А.К.* «Создадим единый фронт борьбы против нэпа» (анализ общественных настроений конца 20-х годов по письмам и откликам советских граждан) // *Нэп: завершающая стадия. Соотношение политики и экономики.* – М., 1998; *Трудовые конфликты в советской России. 1918–1929 гг.* – М., 1998; *Булдаков В.П.* Послереволюционный синдром и социокультурные противоречия нэпа // *Нэп в контексте исторического развития России XX века.* – М., 2001; *Лившин А.Я., Орлов И.Б.* Власть и общество: диалог в письмах. – М., 2002; *Люттов Л.Н.* Обреченная реформа. Промышленность России в эпоху нэпа. – Ульяновск, 2002. И др.

²⁹ *Кузнецов И.О.* Социальная психология сибирского крестьянства в 1920-е годы. Уч. пособие. – Новосибирск, 1992; *Ибрагимова Д.Х.* Нэп и перестройка. Массовое сознание сельского населения в условиях перехода к рынку. – М., 1997; *Яров С.В.* Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих. – СПб., 1998; *Лившин А.Я.* Общественные настроения в Советской России 1917–1929 гг. – М., 2004; *Люттов Л.Н.* Настроения рабочих провинции в годы нэпа // *Отечественная история.* 2007. № 4; *Люттов Л.Н.* Политические настроения провинциальной интеллигенции в освещении ОГПУ. 1918–1929 гг. // *Вопросы истории.* 2007. № 6; *Голубев А.В.* Советское общество и «военные тревоги» 1920-х гг. // *Отечественная история.* 2008. № 1; *Он же.* «Если мир обрушится на нашу республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е годы. – М.: Кучково поле, 2008. И др.

³⁰ *Российская повседневность 1921–1941 гг.: новые подходы.* – СПб., 1995; *Журавлев С.В., Соколов А.К.* Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы // *Социальная история. Ежегодник.* 1997. – М., 1998; *Соколов А.К.* Курс советской истории. 1917–1940. – М., 1999; *Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России. 1920–30-е годы.* / Под общей редакцией Тимо Вихавайнена. – СПб., 2000; *С.В. Яров.* Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х гг. – СПб.: Изд-во «Европейский Дом», 2006; *Тяжельникова В.С.* Ленинский призыв 1924–1925 годов: новые люди, новые модели политического поведения // *Социальная история. Ежегодник.* 2009. – СПб., 2010. И др.

³¹ *Холмс Л.* Социальная история России: 1917–1941. Пер. с англ. Ростов-н / Д., 1993; *Репина Л.П.* «Новая историческая наука» и социальная история. – М., 1998; *Соколов А.К.* Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // *Социальная история. Ежегодник, 1998/1999.* – М., 1999.

³² См. например статьи Мэри Конрой и Чарльза Кларка в сб. «Бублики для республики»: Исторический профиль нэпманов. / Под ред. Р.А. Хазиева. – Уфа, 2005; *Kuhr-Korolev Corinna.* «Gezähmte Helden». Die Formierung der Sowjetjugend 1917–1932. – Essen: Klartext Verlag, 2005; *Goehrke C.* Russischer Alltag. Eine Ge-

schichte in neun Zeitbildern vom Frühmittelalter bis zur Gegenwart. Bd.3: Sowjetische Moderne und Umbruch. – Zürich: Chronos Verlag, 2005. И др.

³³ *Щербань Н.В.* Раздумья о недавнем прошлом: поиски новых подходов // Отечественная история. 2002. № 3. С. 100–114; *Некрасов А.А.* Становление и этапы развития англо-американской советологии. Дисс. к. и. н. – Ярославль, 2001; *Он же.* Англо-американская историография новой экономической политики в СССР. Уч. пособие. – Ярославль. 2005.

³⁴ *Лантева Е.В.* Американское россиеведение: Образ России. – Пермь: ПГПУ, 2004; *Она же.* Некоторые характерные тенденции в развитии американского россиеведения 1990-х годов // Отечественная история. 2004. № 2. С. 159–169; *Большакова О.В.* Власть и политика в России XIX – начала XX века. Американская историография. – М.: Наука, 2008; *Секиринский Д.С.* М.С. Горбачев, перестройка и американское общество: 1985–1991 годы // Российская история. 2010. № 5. С. 95–110; А также: *Baron N.* Soviet Karelia: politics, planning and terror in Stalin's Russia, 1920–1939. – L.–N.Y., 2007; *Goldman W.Z.* Terror and Democracy in the Age of Stalin: The Social Dynamics of Repression. – Cambridge, 2007; *Григорова Д.* Евразийството в Русия. – София, 2008; *Wiederkehr Stefan.* Die Eurasische Bewegung. Wissenschaft und Politik in der russischen Emigration der Zwischenkriegszeit und im postsowjetischen Russland. – Köln–Weimar: Böhlau Verlag, 2007. И др.

³⁵ *Соколов А.К.* Об изучении социальных преобразований советской власти (1917–1930-е годы) // Россия в XX веке: реформы и революция. – М., 2002; *Черноморец С.А.* Нэп. Организационно-правовое регулирование процесса материального обеспечения населения в 1921–1927 гг. – Сургут, 2004; *Савельев С.И.* Советская социальная политика в деревне 1917– начала 1930-х гг. и ее результаты (на материалах Нижнего Поволжья). – Саратов, 2004; НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. – М.: РОССПЭН, 2006; *Меерович М.Г.* Как власть народ к труду приучала: жилище в СССР – средство управления людьми. 1917–1941 гг. – Stuttgart, 2005; *Он же.* Квадратные метры, определяющие сознание: государственная жилищная политика в СССР. 1921–1941 гг. – Stuttgart, 2005; *Он же.* Наказание жилищем. Жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917–1937. – М., 2008; И др.

³⁶ Российская повседневность 1921–1941 гг.: новые подходы. – СПб., 1995; *Журавлев С.В., Соколов А.К.* Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы // Социальная история. Ежегодник. 1997. – М., 1998; *Соколов А.К.* Курс советской истории. 1917–1940. – М., 1999; *Лебина Н.Б.* Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930-е годы. – СПб., 1999; *Лебина Н.Б., Чистиков А.Н.* Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. – СПб., 2003; Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России. 1920–1930-е гг. / Под общ. ред. Т. Вихавайнена. – СПб., 2000; *Утехин И.* Очерки коммунального быта. – М., 2001; *Obertreis J.* Tränen des Sozialismus: Wohnen in Leningrad zwischen Alltag und Utopie 1917–1937. – Köln, 2004. И др.

³⁷ *Goldman W.Z.* Women, the State and Revolution. Soviet Family Policy and Social Life 1917–1936. – Cambridge, 1993; *Пушкарева Н.Л.* Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы // Вопросы истории. 1998. № 6; Социальная история. Ежегодник. 2003. Женская и гендерная история. – М., 2003; *Kuhr-Korolev C., Plaggenborg S., Wellman M.* (Hg.). Sowjetjugend 1917–1941. Generation zwischen Revolution und Resignation. – Essen, 2001; *Scheide C.* Kinder, Küche, Kommunismus. Das Wechselverhältnis zwischen sowjetischem Frauenalltag und Frauenpolitik von 1921 bis 1930 am Beispiel Moskauer Arbeiterinnen. – Zürich–Freiburg, 2002; *Kuhr-Korolev Corinna.* «Gezähmte Helden». Die Formierung der Sowjetjugend 1917–1932. – Essen: Klartext Verlag, 2005; *Пушкарева Н.Л.* Гендерная теория и историческое знание. – СПб.: Алетейя, 2007; И др.

³⁸ *Зубкова Е.Ю.* Частная жизнь в советскую эпоху: историографическая реабилитация и перспективы изучения // Российская история. 2011. № 3. С. 157–167.

³⁹ *Балашов Е.М.* Контуры будущего гражданина: новые и традиционные элементы в явлениях детского сознания. 1917–1920-е годы // Нестор. 2001. № 1 (5); *Платова Е.Э.* Жизнь студенчества России в переходную эпоху. 1917–1927 гг. – СПб., 2001; *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х гг. Т. 1. – Краснодар, 2002; *Kuhr-Korolev Corinna.* «Gezähmte Helden». Die Formierung der Sowjetjugend 1917–1932. – Essen: Klartext Verlag, 2005; *Халфин И.* «Из тьмы – к свету: коммунистическая автобиография 1920-х гг.» // Нестор. 2007. № 11; *Степанов А.С.* Безумство храбрых: О молодежи 1917–1991 года. – М.: Алгоритм, 2008; *Балашов Е.М.* Педагогика в России в 1 трети XX века. – СПб., 2012. И др.

⁴⁰ *Смирнова Т.М.* «Бывшие люди» Советской России: стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. – М.: Издат дом «Мир истории», 2003; *Чуйкина С.А.* Дворянская память: «бывшие» в советском городе. – СПб.: Издательство Европейского университета, 2006.

⁴¹ *Доброноженко Г.Ф.* Методология анализа социальной группы «кулаки» в отечественной историографии // Российская история. 2009. № 5; *Раков А.А.* Кто такой кулак? (Опыт регионального исследования по материалам архивов Южного Урала) // Там же. И др.

⁴² *Лобзев И.Н.* Выселение бывших помещиков из мест их проживания в регионах Центральной России в 1925–1927 годах // Российская история. 2009. № 1.

⁴³ *Орлов И.Б., Пахомов С.А.* «Ряженные капиталисты» на нэповском празднике жизни. – М.: Собрание, 2007. С. 9. А также: *Люттов Л.Н.* Частная промышленность в годы нэпа (1921–1929). – Саратов, 1994; *Кишин А.П.* Частное торговое предпринимательство на Урале в 1920-е годы. – Екатеринбург, 1995; *Демчик Е.В.* Частный капитал в городах Сибири в 1920-е годы: от возрождения к ликвидации. – Барнаул, 1998; *Хазиев Р.А. и др.* «Бублики для республики»: исторический профиль нэпманов. – Уфа, 2005; *Зотова А.В.* Хозяева и «хозяйчики» в Петрограде – Ленинграде в годы нэпа: по материалам периодической печати. –

СПб., 2010; *Руга В.Э.* Москва нэповская: очерки городского быта. – М.: АСТ, 2010. И др.

⁴⁴ Отечественная история. 2003. № 5. С. 193.

⁴⁵ См. например: А.С. Сенявский. Великая русская революция 1917 г. в контексте истории XX века // Проблемы отечественной истории: Источники, историография, исследования. Сб. научных статей. – СПб; Киев; Минск: Нестор-История, 2008. С. 498–518.

⁴⁶ *Ахиезер А.С., Давыдов А.П., Шуровский М.А., Яковенко И.Г., Яркова Е.Н.* Социокультурные основания и смысл большевизма. – Новосибирск: Сибирский историограф, 2002; *Яркова Е.Н.* Утилитаризм как тип культуры: концептуальные параметры и специфика России. – Новосибирск, 2001. И др.

⁴⁷ *Ахиезер А.С. и др.* Социокультурные основания и смысл большевизма. Ч. III. Гл. 9. Ч. IV; *Сенявский А.С.* Великая русская революция 1917 г. в контексте истории XX века // Проблемы отечественной истории: Источники, историография, исследования. Сб. научных статей. – СПб; Киев; Минск: Нестор-История, 2008. С. 498–518. И др.

⁴⁸ См.: *Яров С.В.* Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х гг. – СПб.: Европейский Дом, 2006.

⁴⁹ *Надеждина В.А.* Указ. соч. С. 154.

⁵⁰ *Мазохин О.Б.* ВЧК-ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. – М., 2004; *Плеханов А.М.* ВЧК-ОГПУ. Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. – М., 2006; *Канчинский О.И.* Социальный и партийный состав центрального аппарата ОГПУ в 1920-е годы // Отечественная история. 2007. № 1; *Кубасов А.Л.* Социалистическая эмиграция о ВЧК-ГПУ // Российская история. 2010. № 6. И др.

⁵¹ *Черемисинов Г.А.* Государственное предпринимательство в годы нэпа: теоретико-методологические основы исследования. – Волгоград, 2003; *Он же.* Использование резервов экстенсивного роста государственного предпринимательства в СССР (1926/27–1928/29 гг.) // Экономическая история. Ежегодник. – М.: РОССПЭН, 2006; *Гиммельсон Е.Г.* Нэп: Новая экономическая политика Ленина – Сталина. Проблемы и уроки. (20-е гг. XX в.). – М.: Собрание, 2004; *Плимак Е.Г.* Политика переходной эпохи: Опыт Ленина. – М., 2004; *Шубин А.В.* Вожди и заговорщики: политическая борьба в СССР в 1920–1930-х годах. – М., 2004; *Шарапов Ю.П.* Первая «оттепель»: нэповская Россия в 1921–1928 гг.: вопросы идеологии и культуры. – М.: ИРИ РАН, 2006; *Саблин В.А.* Экономика крестьянского двора на Европейском Севере России в 1920-е годы. М; Вологда: Русь, 2006; *Соколов А.С.* Финансовая политика советского государства в годы нэпа: 1921–1929 гг. Дисс. д. и. н. – М.: МГУ, 2006; *Полищук И.С.* Новая экономическая политика: теория и практика. (Опыт исследования истории России 20-х гг. XX в.). Тверь, 2007; *Павлюченков С.А.* «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917–1929 гг. – М.: Собрание, 2008; *Рогалина Н.Л.* Власть и аграрные реформы в России XX века. – М.: Энциклопедия российских деревень, 2010; *Сахаров В.А.* На распутье. Дискуссия по вопросам перспектив и путей развития советского общества. (1921–1929). – М., 2012. И др.

⁵² См.: Инокультурные представления в истории // *Российская история*. 2010. № 5. С. 3–6; Казакова О.Ю. Границы междисциплинарности: термины, дефиниции, понятия // Там же. С. 6–17; Россия и мир: проблема взаимовосприятия культур // Там же. С. 211–215; XI Астаховские чтения // *Российская история*. 2011. № 3. С. 202–203. И др.

⁵³ Рязанов В.Т. Российская школа национальной экономики и ее историческое значение // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2003. № 4.

⁵⁴ Левковский А.И. Третий мир в современном мире. – М., 1970; Капитализм на Востоке во второй половине XX в. – М., 1995; Крылов В.В. Теория формаций. – М., 1997.

⁵⁵ Фурсов А.И. Европейская цивилизация и капитализм. – М., 1991.

⁵⁶ Дружинин Н.М. Избранные труды. Социально-экономическая история России. – М., 1987. С. 348.

МНОГОУКЛАДНАЯ ЭКОНОМИКА, ГОСУДАРСТВО И РЫНОК В РОССИИ: СТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ

Применительно к обозначенной теме исследования, следует отметить, что, начиная с 1920-х гг. в СССР, сложилась и развивалась «многоукладная историография» нэпа, когда отдельно изучалось развитие промышленности, сельского хозяйства, кооперации, частного капитала, последовательно анализировались различные элементы нэпа и стороны жизни нэповского общества. Это позволило накопить большой фактический материал, который в значительной степени и сегодня подвергается концептуальному осмыслению. Комплексность исследования нэпа в советской историографии была связана с одновременным (синхронным) изучением экономических, политических, социально-культурных, внешнеполитических сторон жизни государства и общества. Эти подходы были неоднократно воспроизведены в 1990–2000-е годы. Отталкиваясь от современных тенденций нэповской историографии, попытаемся историографически поместить нэп в канву более глобальных реалий российской жизни, которые в очередной раз четко проявились при новой экономической политике: наличие и архаизация многоукладности, проблема укрепления государственности, рынок, как форма взаимосвязи укладов.

Осознание и осмысление **многоукладности** российской жизни начинается в последней трети XIX в. с народнической историографии. Феномен многоукладности интересовал народников в связи с поиском более гармоничного и безболезненного пути эволюции российского общества в условиях рыночных отношений второй половины XIX века. С 1880–х гг., когда в России сложился новый уклад – промышленный капитализм, и сам капитализм стал реальностью российской жизни, в научной и общественно-политической литературе развернулась **дискуссия о судьбах капитализма в России**. Ее составными элементами и стали вопросы о рынке, о государстве

и государственном регулировании. Народники, «легальные» и нелегальные марксисты, представители экономической школы (экономисты) вели **дискуссию о рынках**, развивая актуальные для той эпохи теории: теорию кризисов, теорию рынков и др¹. В ходе обсуждения акценты в развитии экономической теории смещались на вопрос о потенциальных возможностях рынка. Рынок понимался как неизбежный спутник и неотъемлемый атрибут капитализма.

Постановка и изучение вопроса о месте рынка при капитализме вела к необходимости комплексно осмысливать проблемы развития хозяйства и делать это в контексте развития различных направлений философской мысли рубежа XIX–XX вв.² Такой подход к решению «рыночного вопроса» закладывал основы современного моделирования социально-экономического развития, нашедшего свое решение в выделении разнообразных государственно-рыночных моделей в экономической практике XX века³.

Изучение конкретных рыночных процессов в конце XIX – начале XX вв. вело к пониманию рынка лишь как инструмента экономической эволюции, при умелом использовании которого, государство сможет решать конкретные задачи социально-экономического развития и достигать желаемых результатов⁴. Так в российскую экономическую теорию входил вопрос о пределах государственного вмешательства и рыночного воздействия на экономические процессы, не нашедший тогда своего широкого научного обсуждения и понимания в политической среде.

Участвуя в «дискуссии о рынках» один из народнических теоретиков В.П. Воронцов пытался доказать бесполезность капитализации для России в силу отсутствия у нее колониальных территорий, а следовательно, и внешних рынков для российского промышленного производства⁵. На этом этапе народническая историография активно защищала интересы мелкого и среднего бизнеса, который развивался и вырастал естественным путем, опираясь на возможности традиционной крестьянской экономики без активной и широкой государственной поддержки⁶.

В разгар «дискуссии о рынках» в научный оборот вошел термин «уклад». Народническая историография не придавала термину особого политического значения. Социально-политический смысл в понятии «уклад» увидел В.И. Ленин, который также пристально изучал экономическое состояние России конца XIX в. и зафиксировал

результаты своего исследования в известном труде «Развитие капитализма в России». Обозначив глубинные противоречия капитализации в России, В.И. Ленин не ставил вопроса о том, как эти противоречия следует преодолевать на уровне государственного регулирования, а перенес их разрешение в революционную сферу, сосредоточив усилия на подготовке и осуществлении революции, которую он и его единомышленники называли социалистической.

Мысль о том, что первыми историографами российской многоукладности были народники и их теории в большей мере отражали переходный характер российской экономики, нежели ленинская работа «Развитие капитализма в России», высказывалась в литературе⁷, хотя и в ленинском труде видят первый шаг «от схематизма к реальности».

Еще раньше и одним из первых в центре дискуссий оказался вопрос о **роли государства** при капитализме и при социализме. Он обсуждался в народнической литературе уже в 1860–1870-е годы⁸ и понимался не только как чисто российский вопрос. Дискуссии об этом шли по всей Европе в рамках Интернационала. А с содержательной точки зрения они давали критику буржуазного государства с рыночной экономикой. Более широкой теоретической основой этих дискуссий был процесс становления концепции социального государства.

Ближе всего к пониманию социальной роли государства в России тогда оказался профессор юридического факультета Императорского Московского университета И.И. Янжул, взгляды которого на этот вопрос формировались под влиянием английской и германской практики регулирования взаимоотношений в сфере труда и капитала⁹. Но тогда все вопросы, идеи и концепции развивались обособленно: одни спорили о рынке, другие задумывались о социальной роли государства. Стремления к комплексному осмыслению этих вопросов у авторов не было.

В тоже время в российской и в советской историографии не так много исследований, посвященных анализу реальной роли **государственного регулирования** в начале XX в.¹⁰ Чаще всего утверждает-ся, что эта роль возрастала. Эту точку зрения далеко не все разделяют¹¹. И с этим следует согласиться. Регулирующая роль государства возрастала, но очевидно, что она отставала от темпов экономического развития страны. Если бы регулирующая роль государства воз-

растала по мере усложнения и роста экономики, то государство вполне было бы готово реализовать ее и в годы первой мировой войны, но именно этого у него и не получилось. Первая мировая война, революции 1917 г. разрушили и само государство и еще не совсем устойчивые рыночные отношения, вызвав к жизни жесткие и радикальные формы восстановления и укрепления государства и государственного вмешательства в экономику и в общественную жизнь со стороны новой политической власти. Ленин В.И. после прихода к власти взял курс на укрепление самой власти и на восстановление сильного государства¹². Ленинские иллюзии 1918 г. о государстве-коммуне, эволюционирующем в направлении отмирания государства вообще, были быстро преодолены. В качестве оптимальной государственной модели для перехода к социализму он называет госкапитализм¹³.

Очевидно, что в начале 1920-х гг. В.И. Ленин не перестает рассматривать социализм как «государственную монополию, обращенную на пользу всего народа»¹⁴, отсюда столько внимания к повышению роли государства в экономической и других сферах жизни. На X съезде он, правда, отметит, что «теоретически не обязательно принимать, что государственная монополия есть наилучшее с точки зрения социализма»¹⁵, но акценты в обсуждении и решении этого вопроса смещаются к практике государственного вмешательства, а не государственного регулирования. На IV конгрессе Коминтерна в ноябре 1922 года, размышляя о роли государства, Н.И. Бухарин признал слабость теоретических представлений по этому вопросу в марксизме и у большевиков¹⁶. Добавим к этому, что вопрос о соотношении государственного и рыночного вмешательства в экономику, который начинал обсуждаться на рубеже XIX–XX веков в мировом и в российской научной мысли, прошел мимо большевиков.

Революции и войны начала XX в. наложили свой отпечаток не только на развитие российской государственности, но и на развитие теории, разделив научные школы на сторонников и противников использования рыночных инструментов. Претерпели определенную эволюцию и научные рыночные исследования. Экстремальные ситуации в общественном развитии (Первая мировая война, революции, гражданская война) вызвали интерес не только к вопросу о месте рынка, но и к разграничению и синтезу прямых и косвенных методов государственного регулирования рыночных отношений

в условиях войны. Изучалось не только государственное воздействие на экономику, но и воздействие торгово-предпринимательских структур, местных органов власти (городов и земств), крестьянских хозяйств¹⁷. Такой подход закладывал теоретическую основу для анализа процессов в сфере государственно-рыночного хозяйства России.

Победа в революции и гражданской войне политической силы, ориентировавшейся на ортодоксальное понимание марксизма, прерывала развитие русской политэкономической мысли и вела к догматизации самого марксизма. Но возобладавшие на уровне политики взгляды о нетоварном, нерыночном характере социалистического производства не могли уничтожить рыночные отношения в реальной жизни. «Черный рынок» (широкая спекуляция товарами повседневного спроса), «теневая экономика» стали неотъемлемыми атрибутами советской хозяйственной системы во все годы ее существования¹⁸.

Практика нэпа стала первым советским опытом, когда рыночные отношения развивались в русле государственной политики, что делало нэп объектом пристального внимания исследователей. Никто из исследователей ни тогда, ни сейчас не мог обойти вниманием стержневую проблему нэпа: использование в хозяйственной практике торговли, товарно-денежных отношений и рынка для обеспечения экономической «смычки» промышленности и крестьянского хозяйства. При этом ленинская методология классового анализа оставалась единственной и в теоретических и в конкретно-исторических исследованиях вплоть до конца 1980-х годов.

Известно, что в начале 1920-х гг. В.И. Ленин продолжал выделять в экономике страны пять социально-экономических укладов: социалистический, госкапиталистический, частнохозяйственный, мелкотоварный и патриархальный¹⁹. Анализируя многоукладность, он считал восстановление и развитие крупной промышленности, единственной основой социалистической организации, рассматривая все другие формы хозяйства как промежуточные ступени, которые предстоит преодолеть. Наиболее приемлемой формой организации хозяйства с точки зрения возможностей государственного контроля, признавался госкапитализм. Задача «научиться госкапитализму» была нацелена на приобретение хозяйственного и управленческого опыта, чтобы «отстоять государственный порядок против мелкособственной анархии»²⁰. Таким образом, в ленинском понимании судеб многоукладной экономики не было никакой идеи равноправного

сотрудничества укладов, а, следовательно, не было и идеи превращения многоукладной экономики в экономику государственно-рыночную и смешанную, где та или иная (любая) хозяйственная форма смогла бы занимать не обособленное замкнутое положение, а была органически встроена в единую экономическую систему посредством хозяйственных связей и договорных отношений. Категория «рынок» рассматривалась Лениным как «арена соревнования», как «поле борьбы частного и государственного капитала», чаще всего рынок ассоциировался с торговлей, но не рассматривался в качестве механизма, регулирующего производство²¹.

Делая акцент на госкапиталистической сущности нэповского хозяйства, В.И. Ленин относил к госкапитализму концессии, аренду, кооперацию (до 1922 г.), внешнюю торговлю, связывая с ним практически неограниченные организационно-политические возможности вмешательства пролетарского государства (а не государственно-го регулирования. – Л.С.) в экономическую деятельность. С точки зрения политических перспектив большевиков (предполагалось огосударствление экономики) проблема многоукладности не была актуальной. Но реалии экономической действительности 1920-х гг. не позволяли сбрасывать многоукладность и рынок со счетов и заставляли интегрировать их механизмы в общегосударственную политику. Продолжала разрабатываться проблема многоукладности и в научном плане. В 1920-е гг. был накоплен интересный материал по функционированию каждого уклада, появились попытки его обобщения. Но они уже не могли изменить государственную политику в отношении рыночного хозяйства²².

В первой половине 1920-х гг. политики и их теоретики сами пытались разобраться в сущности нэповской экономики. Эти попытки были связаны с **дискуссией о госкапитализме и социализме**, которая проходила в партии с 1918 по 1925 г., и в рамках которой шел поиск критериев «социалистичности» в народном хозяйстве страны. Рассматривая нэповскую экономику как переходную от капитализма к социализму, ее определяли то как «госкапиталистическую» (В.И. Ленин), то как «госсоциалистическую» (Н.И. Бухарин, В.П. Милютин), то как «товарно-социалистическую» (Е.А. Преображенский). Дискуссия так и не дала ответа на вопрос о сущности нэповского хозяйства²³. Поиски путей движения к социализму и развитие социалистической теории внутри правящей партии шло в рамках ортодоксального

марксизма, который считал социализм безрыночным хозяйством. Преодолеть эти представления большевики не смогли, поэтому модель общества была достаточно четко определена до перехода к нэпу и отсутствие перспективы рынка в ней было ясно изначально.

Однако по мере перехода к нэпу заметно возросло внимание к социальным и экономическим аспектам **рыночной экономики**. Российская экономическая наука в 1920-е гг. была представлена многообразием течений. Одни экономисты (Н.Д. Кондратьев, Л.Н. Юровский, С.А. Первушин и др.) внимательно и последовательно изучали хозяйственные процессы, отстаивали научно-практический подход к выработке политики и предлагали более широко использовать возможности и плана, и рынка. Другие (Н.И. Бухарин, В.А. Базаров, А.В. Чаянов и др.) искали модели развития смешанной экономики на основе синтеза возможностей всех укладов, третьи (Преображенский Е.А., Струмилин С.Г. и др.) настаивали на ускорении темпов развития и усилении государственного управления²⁴.

Все исследования экономистов 1920-х годов были тесно связаны с потребностями и перспективами российской социально-экономической практики, которая настоятельно требовала разработки ряда конкретных вопросов: движения цен на рынках, конъюнктуры промышленности и сельского хозяйства, труда, торговли, денежного обращения и кредита и других. Не менее значимыми были и теоретические вопросы: поиск методологии и методики рыночных исследований, соотношение плановых и рыночных методов регулирования народного хозяйства, разработка теории планирования и прогнозирования и др.

Н.Д. Кондратьев, руководивший Конъюнктурным институтом при Наркомфине СССР, рассматривал российскую экономику как неотъемлемую часть мирового рыночного хозяйства, а само мировое хозяйство как «непрерывный динамический процесс взаимоотношений и связей элементов народнохозяйственной системы». Связующим звеном всех элементов этой системы он называл рынок. Результатом его исследований стало открытие теории малых и больших экономических циклов, теории конъюнктурных колебаний в эволюции мирового народного хозяйства. Он искал перспективы развития России в рамках мирового хозяйства и место для России на мировом рынке в условиях совершенно новой экономической и политической ситуации для страны²⁵.

Бутырка дала ему время осмыслить достижения мировой и отечественной науки к концу 1920-х годов, и попытаться соединить теоретические идеи с объективной экономической практикой в России, в западной Европе и в мире в целом. Именно там были написаны его итоговые труды, которые сам автор оценивал как вклад в «слабо разработанную сторону марксизма». Этой слабо разработанной стороной марксизма он считал проблемы экономического характера, которые и развивал в своих теориях экономической статистики (теории цены и равновесия товарного рынка) и экономической динамики (производства и обращения общественного капитала в условиях разных, больших и малых экономических циклов), пытаясь создать синтетическую теорию социогенетики²⁶. Современные исследователи видят значимость открытия Н.Д. Кондратьевым монополии (и рыночной и государственной) – как главного тормоза экономического и политического развития стран в XX веке²⁷.

Однако не все вопросы рыночного характера понимались учеными-рыночниками 1920-х гг. однозначно. До сих пор, в том числе и экономистами, не изучена полемика Н.Д. Кондратьева и С.А. Первушина по проблемам экономической конъюнктуры, которая шла все двадцатые годы. О ней в литературе имеются отдельные разрозненные сведения²⁸. Да и оценки и интерпретация самого наследия ученых до сих пор остаются подверженными политической конъюнктуре²⁹, либо о них постепенно забывают.

Традиции 1920-х гг., когда еще предполагалось использовать научные подходы и исследовательский анализ социально-экономического положения в стране, были забыты и надолго утрачены. Сегодня вклад Российской экономической школы в развитие рыночной теории собирается и оценивается по частицам, нет обобщающих исследований по этому вопросу, если не считать нескольких попыток экономистов и историков восполнить этот пробел³⁰.

Степень развитости рыночных отношений в 1920-е гг. (в рамках товарного рынка) объясняет подходы к его изучению, где особое внимание обращалось на динамику движения цен и механизм ценообразования, на развитие товарооборота и выделение доли торговых контрагентов (государства, кооперации, частника) в этом товарообороте³¹. И в качестве государственной политики регулирования рынка проще всего было «регулировать» цены. Попытки регулирования экономики и рынка через финансовую, налоговую и кредитную по-

литику имели ограниченные масштабы и не получали широкого применения³², либо приносили совсем не те результаты, которых от них ожидали. Понимание рынка как инструмента регулирования взаимоотношений контрагентов в процессе производства и обмена, практически не нашло своего места в 1920-е гг. Хотя к середине 1920-х гг. стали регулярно изучать емкость и конъюнктуру отраслевых рынков, а синдикаты пытались регулировать производство в соответствии со спросом на товарном рынке³³. Даже крупнейший экономист-рыночник Н.Д. Кондратьев в одной из своих последних книг определял рынок, исходя из анализа только товарного рынка³⁴.

Поворот к форсированному строительству социализма на рубеже 1920–30-х годов кардинально изменил процессы в экономике, в обществе и в науке. Историки и экономисты 1930–1950-х гг. были обречены не только повторять слова И.В. Сталина о нэпе, о рынке как «временное и вынужденное отступление», но и «доказывать» их. И.В. Сталин в 1928 г. разъяснил, что «нэп означает товарооборот и допущение капитализма при условии государственного регулирования торговли с точки зрения диктатуры пролетариата. Без этого нэп означала бы просто восстановление капитализма...»³⁵. На что ни партия, ни государство пойти тогда не могли. И без того, в сознании значительной части общества нэп ассоциировался с возвратом к старым порядкам.

Лишь с конца 1950 – начала 1960-х гг. практически одновременно историческая и экономическая наука обращается к рыночной тематике, а философская – к разработке теории и методологии системного подхода и моделирования. Переосмысливался и наполнялся строго научным содержанием термин «уклад», он все активнее употреблялся в обществоведческой литературе.

Экономисты – «шестидесятники» XX в. предлагали активнее использовать рыночные механизмы в практике социалистического хозяйствования³⁶, а историки с началом «оттепели» все настойчивее обращались к изучению рыночных отношений в историческом прошлом страны, в том числе и в 1920-х гг.³⁷ Рыночные отношения нэпа чаще всего изучались в контексте проблемы взаимоотношений города и деревни. Но этот процесс был крайне противоречивым. Отдельных исследователей резко критиковали за сведение нэпа к рыночной смычке³⁸. Лишь в 1960–1970-е гг. стали активнее изучаться уклады нэповской экономики, рыночные отношения между ними, и меха-

низмы их взаимодействия через торговлю и кооперацию, место и роль социалистического уклада в структуре многоукладной экономики, борьба государственных и кооперативных органов с частным капиталом, вопросы использования госкапитализма³⁹. На сессии по аграрной истории в начале 1960-х г. В.П. Даниловым была предложена характеристика основных укладов советской доколхозной деревни как «сложного сочетания различных по своему существу отношений» – капиталистических и мелкобуржуазных, переходных и социалистических⁴⁰. Эта трактовка развивалась исследователем в дальнейшем и в теоретико-методологическом и в конкретно-историческом плане⁴¹.

Но это был своего рода процесс «первоначального накопления» и осмысления первичной информации. Тогда еще сложно было ее синтезировать и коррелировать друг с другом полученные выводы. Тем не менее, научные дискуссии на страницах журналов, Всесоюзные научные конференции, выпуск ряда коллективных монографий и статей проблемного характера существенно расширяли представления о нэпе⁴².

Экономические дискуссии накануне и в ходе реформы 1965 – начала 1970-х гг. шли вокруг вопросов об использовании рыночных механизмов для повышения эффективности производства, о соотношении плановых и рыночных методов в управлении экономикой, о формах материального стимулирования. Существовавшие в советской литературе и в общественном сознании людей негативные представления о рынке пытались разрушить введением в научный оборот новых научных понятий: «социалистический рынок», «социалистическая планово-рыночная экономика», «новый тип товарно-денежных отношений при социализме», «планово-рыночные тенденции социалистического характера» (в противовес «стихийно-рыночным тенденциям буржуазного характера») и др.⁴³ Примечательно, что в одной из работ начала 1970-х годов при изучении вопроса о соотношении спроса и предложения на внутреннем потребительском рынке, был сделан вывод в духе представлений 1920-х гг. Отмечалось например, что «изменения в спросе на предметы потребления влекут за собой изменения в структуре производства в группе «Б», что не может не оказывать влияния на масштабы и структуру производства в группе «А», так как рынок средств производства и рынок предметов потребления существуют не изолиро-

ванно, а в тесной взаимосвязи и зависимости»⁴⁴. Это ли не свидетельство того, что «рыночное сознание» советских исследователей 1970-х годов оставалось на уровне 1920-х годов?

Одновременно с изучением «внутреннего социалистического рынка» все активнее начинали изучаться отраслевые рынки зарубежных стран, что обуславливалось потребностями интеграции в мировую экономику и необходимостью выхода ряда отраслей на европейский и мировые рынки⁴⁵.

К концу 1980-х гг. понятие «социалистический рынок» впервые вошло в вузовские учебники по политэкономии, а начало 1990-х ознаменовалось дискуссиями о новом понимании политэкономии социализма и о социалистической рыночной экономике⁴⁶, дискуссиями о становлении смешанной экономики в России⁴⁷, о национальной специфике «рыночных моделей»⁴⁸.

Однако признание факта наличия и функционирования «социалистического рынка», попытка признать рынок в качестве общезначимого инструментального, пригодного к использованию в практике любого хозяйства: и капиталистического и социалистического, не продвинуло нашу научную мысль вперед в познании глубинной сущности и закономерностей рыночных отношений, а политику и практику – в использовании рыночных инструментов для повышения уровня и качества жизни людей и эффективности экономического развития.

Послевоенная советская историография изучала и российскую многоукладность рубежа XIX–XX вв. с точки зрения поиска предпосылок октябрьской революции в 1917 г., пытаясь более конкретно оценить реальный уровень развития страны и степень готовности России к социализму⁴⁹. Вклад «нового направления» неоднократно анализировался в постсоветской историографии⁵⁰. Историки «нового направления», в частности, подтвердили правомерность народнической концепции о мелкой сельской (кустарной) промышленности России как «оригинальном строе народного производства»⁵¹. В процессе естественной эволюции многоукладная экономика могла бы трансформироваться в нечто качественно новое, и некоторые тенденции были очевидны, но многое не было предопределено, и жизнь могла бы внести свои коррективы. Тенденции, открытые народниками, нашли свое продолжение и в нэпе.

Одновременно, наряду с повышением интереса к дореволюционному опыту развития «многоукладной во всех отношениях России»,

в советской историографии изучалась и нэповская многоукладность. Достаточно последовательно и подробно описаны уклады в советской доколхозной деревне В.П. Даниловым⁵². В одной из своих последних работ, В.П. Данилов подчеркивал «преобладание органического развития над преобразовательной деятельностью государства» в годы нэпа и объяснял это наличием многоукладной экономики⁵³. Изучались и другие уклады нэповской экономики, разумеется, в контексте государственной политики того времени⁵⁴, а также некоторые механизмы функционирования экономики в 1920-е гг.⁵⁵

Комплексному изучению многоукладности в годы нэпа, выявлению механизмов функционирования и тенденций развития многоукладной экономики и ее социальной базы – многоукладного общества, посвящено не так много работ. Термин «многоукладность», применительно к нэповскому периоду все активнее стал появляться в историографии в 1970-е гг. Акценты в интерпретации этого вопроса смещались на понимание В.И. Лениным «сложности перехода к социализму в стране с преобладанием мелкотоварного хозяйства». Исследователи отмечали, что Ленин В.И. увидел возможности использования несоциалистических укладов, и стремился выработать такую экономическую политику, «которая бы учитывала экономические интересы соответствующих социальных групп населения, подчиняя их интересам укрепления пролетарской диктатуры»⁵⁶. В последующем, анализируя экономическую политику советского государства в сфере регулирования рыночных отношений, В.П. Дмитренко рассматривал переход к нэпу как «поиск экономических рычагов управления многоукладным хозяйством»⁵⁷, как поиск «целостной концепции хозяйственного управления»⁵⁸, целостного планово-рыночного хозяйственного механизма, который и мог стать альтернативой бюрократической тенденции. В этом были заложены перспектива и возможности нэпа.

«Апофеозом» советской историографии и своеобразным «мостиком» к новому историографическому этапу стала работа Ю.П. Бокарева, задача которой заключалась в «преодолении обособленности в изучении промышленности и сельского хозяйства», в возвращении к ленинскому пониманию нэпа, согласно которому, «нэп был направлен на поиск смычки новой экономики... с экономикой крестьянской», через использование экономического потенциала всех до-социалистических укладов⁵⁹.

С распадом СССР и началом перехода к рынку, интерес к многоукладности несколько снизился. Однако едва успели отгреметь последние залпы по «новому направлению», и были сделаны первые шаги по созданию рыночной экономики в России, как наука снова заговорила о возрождающейся в стране многоукладности, что, вероятно, и привлекло новое внимание исследователей к этому российскому феномену⁶⁰.

Обозначенная нами формулировка темы оформилась в первой половине 1990-х годов независимо от дискуссий «нового направления» 1970-начала 1990-х гг., когда возникла потребность найти исторический подход для анализа рыночной проблематики нэповского периода⁶¹. К этому привело понимание того, что экономика и рынок не существуют сами по себе вне конкретного государственного пространства, а изучение собственно нэповского рынка не дает ничего нового для понимания процессов в обществе и в государстве в целом.

Современная экономическая наука, говоря о наличии многоукладности в наши дни, пыталась дать более содержательное и адекватное определение этому феномену. Под многоукладностью сегодня понимают не только сосуществование в конкретном хозяйственном пространстве способов хозяйства или способов производства, но и сосуществование различных форм хозяйства в одном или в каждом способе хозяйства⁶².

В 1990-е годы появилось две монографии, освещающие процессы развития многоукладности в годы нэпа. Обе выполнены на основе региональных источников и в большей степени отражают региональную специфику, нежели проблемы страны в целом. Первая посвящена истории промышленного развития Нижнего Поволжья⁶³, в которой автор анализирует три уклада в рыболовной промышленности: государственный, кооперативный и частный. По мнению исследователя, рыболовная промышленность Нижнего Поволжья являла собой «прообраз смешанной экономики, успешно развивающейся в условиях конкуренции различных хозяйственных укладов»⁶⁴. Такая точка зрения представляется спорной, так как далее сам же автор сообщает читателю, что «до 1924 г. монополистом оставался Госрыбтрест, который успешно использовал свое монопольное положение в своих интересах, фактически учиняя произвол в отношении других рыболовных организаций и свободных ловцов», чем и препятствовал, надо полагать, реализации заявленной тенденции. Лишь в 1924–1927 гг., с переходом самого треста на хозрасчет, стала оказываться

кредитная помощь другим ловецким хозяйствам, что позволило выйти к 1927 г. на довоенные показатели по количеству выловленной рыбы⁶⁵. Возможно, не свободная конкуренция, а зависимость от государственной структуры и «увязка» на нее позволила решить эту задачу. Хотя при этом не следует уменьшать значение активности других структур, их стремления к получению работы и расширению своих возможностей в этой сфере.

Вторая работа посвящена изучению многоукладного общества Северо-Кавказского региона в годы нэпа⁶⁶. Работу отличает комплексность (изучаются теоретические аспекты, социальное и политическое развитие, оппозиционная активность и массовое сознание общества), широта источниковой базы, многообразие методологического инструментария. Автор явно симпатизирует «господству многоукладности» в период нэпа, отмечая, что она являлась цивилизационным своеобразием России и рассматривает ее как основу возможного альтернативного развития российского общества, не считая избранный большевиками вариант строго детерминированным. Неэффективность нэповской многоукладности видится в том, что «она не смогла обеспечить высокие темпы модернизации» на основе рыночных регуляторов взаимодействия укладов⁶⁷. Нэп характеризуется как оригинальный синтез традиционных и модернизаторских элементов в российском обществе и экономике.

Попытка целостностного концептуального замысла во взгляде на нэп отличает коллективную работу исследователей начала нового тысячелетия, которая уже упоминалось ранее⁶⁸. Потребность в модернизационной трансформации страны представлена в контексте влияния внешнеполитической ситуации на внутривнутриполитическую ситуацию, через влияние внутрипартийных процессов на общество и на экономику. Последовательно изложены и процессы, протекающие в рамках многоукладного нэповского хозяйства, что, безусловно, ценно для нашего исследования.

Нельзя не отметить, что у современных исследователей формируется и понимание «промежуточности положения» и деятельности различных социальных групп, слоев и укладов в условиях нэповской многоукладности и большевистской политики⁶⁹.

Проведенное ранее исследование нэповской многоукладности с целью выявления механизмов ее функционирования, показало противоречивость и разнонаправленность интересов укладов. Вероятно, функционирование рынка в условиях многоукладности создает до-

полнительные трудности для познания этих процессов и их регулирования. Для полноты понимания проблемы следовало бы изучать внутренние процессы на нэповском рынке, но как единый национальный рынок он изучался слабо. Лишь немногие экономисты, столкнувшись при составлении первых балансов по отраслям с невозможностью предсказать тенденции развития частного хозяйства, настойчиво предлагали изучать конъюнктуру и частного хозяйства. Для них было очевидно, что обзоры, во множестве составлявшиеся к середине 1920-х гг., характеризовали не все народное хозяйство страны в целом, а лишь государственное, в меньшей степени подверженное рыночным конъюнктурным изменениям⁷⁰. В этой разобщенности укладов – слабость многоукладной экономики. В пространстве каждого уклада формировался свой рынок, который слабо был связан с рынками других укладов. В этих условиях рынок как инструмент единой политики не смог выступить тем механизмом гармонизации социально-экономических интересов различных укладов и слоев общества, и регулирующим началом объективно и неизбежно должно было стать государство. Стремление государства повысить общую эффективность экономики выглядит вполне закономерным. Если государство не способно выполнять свои функции, следуют еще больший развал и хаос. И государство уже выбирает формы и методы регулирования, либо прямое вмешательство в экономику⁷¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Туган-Барановский М.И.* Промышленные кризисы в современной Англии. – М., 1894; *Воронцов В.П.* Очерки экономической теории. – СПб., 1895; *Булгаков С.Н.* О рынках при капиталистическом производстве. – М., 1897; *Ратнер М.Б.* Теория рынков в ее отношении к экономической эволюции России // Русское богатство. 1898. № 12; *Туган-Барановский М.И.* Капитализм и рынок // Мир божий. 1898. № 6. И др.

² *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. – М.: Наука, 1990. (Написана в 1912–1916 гг.). С. 4.

³ См.: Ориентиры рыночной экономики (обмен мнениями) // Известия АН СССР. Серия экономическая. 1991. № 5.: *Сажина М.А.* Роль государства в формировании рыночной экономики // Вестник РАН. 1992. № 7; *Волков А.М.* Швеция: социально-экономическая модель. – М., 1991; *Саркисов А.Г.* Шведская модель общественного развития // Известия АН СССР. Сер. Экон. 1991. № 6;

Эклунд К. Эффективная экономика – шведская модель: Пер. со швед. – М.: Экономика, 1991; Хайнц Л. Социальная рыночная экономика. Германский путь. – М.: Дело, 1993; Государство и рынок: американская модель. Сб. статей. – М., 1999. И др.

⁴ См. например: Янжул И.И. Английская свободная торговля. Исторический очерк развития идей свободной конкуренции и начал государственного вмешательства. Вып. 1. Период меркантилизма. – М., 1876. Вып. 2. Период свободной торговли. – М., 1882; *Он же*. Вопрос о государственном вмешательстве в область промышленности. – СПб., 1895. И др.

⁵ В.В. (Воронцов В.П.) Судьбы капитализма в России. – М., 1882 Более ранних публикаций по этому вопросу нами не обнаружено.

⁶ В.В. (Воронцов В.П.) Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве. – СПб., 1892; *Он же*. Наши направления. – СПб., 1893; *Николай-Онъ*. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. – СПб., 1893. В начале XX в. В.П. Воронцов признал наличие капитализма в России: В.В. Судьба капиталистической России. – СПб., 1907; *Он же*. От семидесятых – к девяностым. Сб. статей. – СПб., 1907; *Он же*. Государственное хозяйство России. – СПб., 1906; *Он же*. Производство и потребление в капиталистическом обществе. – СПб., 1907. И др.

⁷ Нуреев Р.М. «Развитие капитализма в России»: первый ленинский шаг от схематизма к реальности (возвращаясь к напечатанному) // Развитие капитализма в России – сто лет спустя. – М.–Волгоград, 1999. С. 87–112, 100.

⁸ См. например: Лавров П.Л. Государственный элемент в будущем обществе // ВПЕРЕД! Непериодическое обозрение. Т. IV. Вып. 1. 1876. – Лондон, 1876. И др.

⁹ См. работы И.И. Янжула указанные в ссылке 4. А так же: Суворова Л.Н. И.И. Янжул и социальный вопрос в России // Сборник научных трудов. Выпуск 4. Часть 2. – Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 1998. С. 150–156.

¹⁰ Лаверычев В.Я. Государство и монополии в дореволюционной России: проблемы вмешательства абсолютистского государства в экономическую жизнь и воздействия капиталистических монополий на государственный аппарат. – М., 1982; Монополии и экономическая политика царизма в конце XIX – начале XX вв. – Л., 1987; Шацко К.Ф. Государство и монополии в военной промышленности России (Конец XIX в. – 1914 г.). – М.: Наука, 1992.

¹¹ См.: Ноув А. Государство и рынок в XX веке: о книге В. Мау «Реформы и догмы (1914–19290)» // Вопросы экономики 1994. № 5. С. 154.

¹² Подробнее см.: Леонов С.В. Советская государственность: замыслы и действительность (1917–1920) // Вопросы истории. 1990. № 12; *Он же*. Рождение советской империи: государство и идеология. 1917–1922 гг. М, Диалог-МГУ. 1997; Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы. – М., 1995.

¹³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 85, 84–86.

¹⁴ Ленин В.И. Полн. Собр. соч. Т. 34. С. 192.

¹⁵ Ленин В.И. Полн. Собр. соч. Т. 43. С. 70–71. Т. 45. С. 376

¹⁶ См.: Цаунов С.В. В лабиринте доктрины: (Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е гг.). – М., 1994. С. 106.

¹⁷ Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. – М., 1922; *Он же*. Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны. – Вологда. 1922. И др.

¹⁸ См. работы Ю.П. Бокарева, Е.А. Осокиной, указанные ранее. А также: Кондурушкин И. Частный капитал перед советским судом. Пути и методы накопления... М.; Л. 1927; *Корягина Т.И.* Теневая экономика в СССР // Вопросы экономики. 1990. № 3; *Теневая экономика*. – М.: Экономика. 1991. И др.

¹⁹ Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 43. С. 158, 206–207; Т. 45. С. 84–86. Термин «многоукладность» Ленин В.И. начинает употреблять в начале 1920-х годов, до этого он оперировал лишь понятием «уклад».

²⁰ Там же. Т. 43. С. 60, 207–208, 210–211, 226; Т. 45. С. 279–280.

²¹ Там же. Т. 44. С. 152, 199, 342–343; Т. 45. С. 83.

²² Подробнее см.: *Суворова Л.Н.* Советское хозяйство и рынок. Теоретические парадигмы 1920-х гг. / Новые страницы отечественной истории XX века. Межвузовский сборник. – Калуга 1994. С. 32–58.

²³ Там же.

²⁴ Мау В.А. Реформы и догмы. 1914–1929. – М., 1993; *Суворова Л.Н.* Советское хозяйство и рынок. Теоретические парадигмы 1920-х гг; Рынок и реформы в России: исторические и теоретические предпосылки. М: Мосгорархив, 1995; *Осокина Е.А.* Историография: план и рынок // За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. – М.: РОССПЭН, 2008. С. 26–42. И др.

²⁵ Кондратьев Н.Д. Мировой хлебный рынок и перспективы нашего хлебного экспорта. – М., 1923. А также: *Кондратьев Н.Д.* Избранные труды. – М.: Экономика, 2002.

²⁶ Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. – М., 1989; *Он же*. Основные проблемы экономической статики и динамики. Предварительный эскиз. – М., 1991; *Кондратьев Н.Д.* Суздальские письма. – М., 2004.

²⁷ Щербань Н.В. Раздумья о недавнем прошлом: поиски новых подходов // Отечественная история. 2002. № 3. С. 106, 108.

²⁸ Конъюнктурный институт в новых исторических координатах. – М.: Экономика, 2010.

²⁹ Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Избранные произведения в 2 кн. М: Наука, 1993. Кн. 1–2; А также: *Бокарев Ю.П.* Мир идей Н.Д. Кондратьева. // Отечественная история. 1995. № 3.

³⁰ Брагинский С.В., Певзнер Я.А. Политическая экономия: дискуссионные проблемы, пути обновления. – М.: Мысль, 1991; *Шухов Н.С.* Политическая экономия социализма в 1920-е гг. – М., 1991; Российская политико-экономическая мысль: основные черты и традиции. – М.: ИЭ РАН, 2000. Гл. 4–5; *Грегори Пол.* Политическая экономия сталинизма. – М., 2008.

³¹ На новых путях. Вып. 1. Торговля. – М., 1923; Синдикаты и госторговля. – М., 1923; *Исиченко П.* Промышленность и рынок сбыта ее изделий. – М., 1924; Биржи и рынки. – М., 1924; *Жирмунский М.М.* Частный капитал в товарообороте. – М., 1924; *Борисов И.Г.* Цены и торговая политика. – М., 1925; Хлебные цены

и хлебный рынок. – М., 1925; *Первушин С.А.* Хозяйственная конъюнктура. Введение в изучение динамики русского народного хозяйства за полвека. – М., 1925; Промышленность и сельское хозяйство. К вопросу о взаимоотношениях промышленности и сельского хозяйства. – М.–Л. 1926; *Крон Ц.М.* Частная торговля в СССР. – М., 1926; *Литовченко Л.Н.* Емкость крестьянского рынка. – М., 1927; *Макарова Н.Я.* История потребительской кооперации в СССР. – М., 1927; И др.

³² См.: Денежное обращение и кредит. Пг. 1922. Т. 1–2; *Юровский Л.Н.* На путях к денежной реформе. – М., 1924; *Сокольников Г.Я.* Финансовая политика революции. Т. 1. – М., 1925. И др.

³³ Подробнее см.: *Бокарев Ю.П.* Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 1920-е годы. – М., 1989. Гл. II: Обследования конъюнктуры. А также: Синдикаты. – М., 1924; Синдикаты СССР. – М.–Л., 1927. И др.

³⁴ *Кондратьев Н.Д.* Основные проблемы экономической статистики и динамики. – М., 1991. С. 340.

³⁵ *Сталин И.В.* Соч. Т. 11. – М., 1949. С. 15–16.

³⁶ *Белоусов Р.* План и рынок в социалистической экономике // Проблемы мира и социализма. 1966. № 11; *Лисичкин Г.* План и рынок. – М., 1966; *Левин А.И.* Экономическое регулирование внутреннего рынка. – М., 1967; *Корженевский И.И.* Емкость рынка и методы ее исчисления. – М., 1965; *Крутиков А.Ф.* Теоретические основы определения емкости рынка. – М., 1965; Конъюнктура рынка при социализме. – М., 1968. И др.

³⁷ *Кафенгауз Б.Б.* Очерки истории внутреннего рынка России первой половины XVIII в. – М., 1958; *Тверская Д.И.* Москва второй половины XVIII столетия как центр складывающегося всероссийского рынка. – М., 1959; *Дмитренко В.П.* Торговая политика советского государства после перехода к нэпу. 1921–1924. – М., 1971; *Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX вв. Опыт количественного анализа. – М., 1974; *Бокарев Ю.П.* Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х гг., как исторический источник. – М., 1981; *Миронов Б.Н.* Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. – Л., 1981; *Миронов Б.Н.* Хлебные цены в России за два столетия (XVIII – XIX вв.). – Л., 1985; *Дмитренко В.П.* Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры. Проблемы регулирования рыночных отношений. – М., 1986. И др.

³⁸ См.: Ленинское учение о нэпе и его международное значение. – М., 1973. С. 33–35.

³⁹ См.: *Дмитренко В.П.* Проблемы нэпа в советской историографии 60–70-х гг. // Нэп: вопросы теории и истории. – М., 1974.

⁴⁰ *Данилов В.П.* О характере социально-экономических отношений советского крестьянства до коллективизации сельского хозяйства // История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. Материалы научной сессии, состоявшейся 18–21 апреля 1961 г. в Москве. – М., 1963.

⁴¹ *Данилов В.П.* Социально-экономические уклады в советской доколхозной деревне: их соотношение и взаимодействие // Новая экономическая политика. Вопросы теории и истории. – М., 1974.

⁴² В 1960-е годы прошли научные дискуссии на страницах журнала «Вопросы истории» (1964–1967 гг.) и журнала «Вопросы истории КПСС» (1966–1968 гг.), хотя и не все статьи были опубликованы по идеологическим соображениям. См.: К итогам обсуждения проблемы новой экономической политики // Вопросы истории КПСС. 1968. № 12; А также: Исторический опыт КПСС в осуществлении новой экономической политики. – М., 1972; Ленинское учение о нэпе и его международное значение. – М., 1973; Новая экономическая политика. Вопросы теории и истории. – М., 1974; *Дмитренко В.П., Морозов Л.Ф., Погудин В.И.* Партия и кооперация. – М., 1978.

⁴³ См.: Проблемы внутреннего рынка при социализме. Сборник трудов Ленинградского института советской торговли им. Ф. Энгельса. – Л., 1970; *Левин А.И.* Социалистический внутренний рынок. – М., 1973; И др.

⁴⁴ Проблемы внутреннего рынка при социализме. С. 40–41.

⁴⁵ См.: Европейский рынок продуктов черной металлургии. – Женева, 1960; *Магазаник П.К.* Рынок бытовых электроприборов Скандинавских стран и Финляндии. – М., 1968; Рынок электропромышленности США. – Киев, 1971; Рынок евровалют: формирование, особенности, географическая структура. – Киев, 1976. И др.

⁴⁶ Политическая экономия. Учебник для вузов. – М., 1988; Вопросы экономики. 1990. № 2; 1991. № 7; 1993. № 12.

⁴⁷ Вопросы экономики. 1992. № 1; 1993. № 1, 4, 8, 11; 1994. № 2.

⁴⁸ Известия АН СССР. Серия экон. 1991. № 5. С. 111–112; Вопросы экономики. 1991. № 7. С. 33–35.

⁴⁹ См.: Научная сессия, посвященная проблемам многоукладности российской экономики в период империализма. Доклады. – М., 1969; Вопросы истории капиталистической России: Проблема многоукладности. – Свердловск, 1972; *Левковский А.И.* Третий мир в современном мире. – М., 1970; Актуальные проблемы общественных наук на современном этапе. Стенограмма совещания по историческим наукам (21–22 марта 1973 г.). – М., 1974; Павел Васильевич Волобуев. Интервью с академиком // Отечественная история. 1997. № 6. С. 99–123. И др.

⁵⁰ *Поликарпов В.В.* «Новое направление» 50–70-х гг. Последняя дискуссия советских историков // Советская историография. Россия. XX век. – М., 1996; *Сычев Н.В.* Генезис научных представлений о сущности экономического уклада // *Сычев Н.В.* Дialeктика многоукладной экономики. – М.: ВИУ, 1999; *Иванова Н.А.* Проблема многоукладности на современном этапе развития науки // Экономическая история России XIX–XX вв.: Современный взгляд. – М.: РОССПЭН, 2000 (2001); *Строев Е.С.* Введение. Историография проблемы и задачи исследования // Многоукладная аграрная экономика и российская деревня (середина 80–90-е гг. XX столетия). – М.: Колос, 2001; *Логанова И.В.* Историография проблемы многоукладности сельского хозяйства // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография, методы исследования и методология, опыт и перспективы: Материалы XXXI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. В 2-х кн. Кн. 2. – Вологда: Изд-во ВГПУ, 2009.

⁵¹ *Тарновский К.Н.* Мелкая промышленность дореволюционной России. Историко-географические очерки. – М.: Радикс, 1995.

⁵² *Данилов В.П.* О характере социально-экономических отношений советского крестьянства до коллективизации сельского хозяйства // История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. Материалы научной сессии. – М., 1963; *Он же.* Социально-экономические уклады в советской доколхозной деревне: их соотношение и взаимодействие // Новая экономическая политика. Вопросы теории и истории. – М., 1974; *Он же.* Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. – М., 1977; *Он же.* Советская доколхозная деревня: Социальная структура, социальные отношения. – М., 1979.

⁵³ *Данилов В.П.* К вопросу о понимании нэпа // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. – М.: РОССПЭН, 2006. С. 26–27; *Он же.* История крестьянства в России в XX веке. Избранные труды: В 2-х ч. Ч. 1. – М.: РОССПЭН, 2011. С. 83–130, 411–437, 456–462, 464–499, 554–570, 763–800.

⁵⁴ См.: *Левин В.Я.* Социально-экономические уклады в СССР в период перехода от капитализма к социализму. – М., 1967; Исторический опыт КПСС в осуществлении новой экономической политики. – М., 1972; Новая экономическая политика. Вопросы теории и истории. – М., 1974; *Архипов В.А., Морозов Л.Ф.* Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле. 1920-начало 1930-х годов. – М., 1978; *Дмитренко В.П., Морозов Л.Ф., Погудин В.И.* Партия и кооперация. – М., 1978; *Гуляев В.А.* Русские художественные промыслы 1920-х гг. – Л., 1985; *Евдокимова Н.И.* Советская историография государственного капитализма в СССР (1917 – сер. 1930-х гг.). Автореф. к. и. н. – Казань, 1987; *Бокарев Ю.П.* Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы. – М., 1989. И др.

⁵⁵ *Дмитренко В.П.* Торговая политика советского государства после перехода к нэпу, 1921–1924. – М., 1971; *Он же.* Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры: Проблемы регулирования рыночных отношений. – М., 1986; *Бокарев Ю.П.* Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы. – М., 1989; *Morozov Leonid.* Government Regulation of the PRIVATE SECTOR in the USSR. – Moscow: Progress Publishers, 1989. И др.

⁵⁶ См.: *Поляков Ю.А., Дмитренко В.П., Щербань Н.В.* Новая экономическая политика. Разработка и осуществление. – М., 1982. С. 55–62;

⁵⁷ *Дмитренко В.П.* Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры. Проблемы регулирования рыночных отношений. – М., 1986. Гл. VI. С. 249.

⁵⁸ Там же. С. 7.

⁵⁹ *Бокарев Ю.П.* Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы. – М.: Наука, 1989. С. 3–8, Гл. VII.

⁶⁰ См. например: Вопросы экономики. 1996. № 3. С. 5; *Сычев Н.В.* Многоукладная экономика. (Политико-экономическое исследование). – М., 1999. *Он же.* Диалектика многоукладной экономики. (Глава 4.2. Формирование многоукладной экономики современной России). – М., 1999; Многоукладная аграрная эко-

номика и российская деревня. (сер. 80-х – 90-е гг. XX столетия). / под ред. Е.С. Строева. – М.: Колос, 2001; *Кива А.В.* Многоукладность в РФ как зеркало социальной направленности реформ // Восточный социум. – М.: ИВ РАН, 2007. И др.

⁶¹ Подробнее об этом см.: *Суворова Л.Н.* Многоукладная экономика, рынок и государство в России в XX веке (Постановка проблемы) // Развитие капитализма в России – сто лет спустя. – М.–Волгоград, 1999 С. 443–452.

⁶² См.: *Осинов Ю.М.* Теория хозяйства. Учебник в 3-х томах. Т. 1. Общие основания. – М.: Московский университет; ТЕИС, 1995. С. 102–104; *Сычев Н.В.* Диалектика многоукладной экономики. – М., 1999; Многоукладная аграрная экономика и российская деревня. (сер. 80-х – 90-е гг. XX столетия) / под ред. Е.С. Строева. – М.: Колос, 2001. И др.

⁶³ *Виноградов С.В.* Нэп: Опыт создания многоукладной экономики. – М., 1996. Более удачной, на наш взгляд, является формулировка темы его докторской диссертации: «Возрождение многоукладной экономики РФ в годы нэпа. 1921–1927 гг. (На материалах Поволжья) // Отечественная история. 1999. № 6. С. 208.

⁶⁴ *Виноградов С.В.* Указ. соч. С. 3.

⁶⁵ Там же. С. 98, 99–100, 101, 108, 115.

⁶⁶ *Баранов А.В.* Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. – Краснодар, 1999.

⁶⁷ Там же. С. 3, 9, 29, 36, 37.

⁶⁸ Россия нэповская / Под ред. акад. А.Н. Яковлева. – М.: Новый хронограф, 2002. (Россия. XX век. Исследования). Рецензии см.: Отечественная история. 2004. № 4. С. 180–189

⁶⁹ См. раздел «Власть и нэпманы: между классовой целесообразностью и хозяйственной необходимостью» // В кн.: *Орлов И.Б., Пахомов С.А.* «Ряженные капиталисты» на нэповском празднике жизни. – М: Собрание, 2007. С. 38–51; *Давыдов А.Ю.* Кооператоры советского города в годы нэпа. Между «военным коммунизмом» и социалистической реконструкцией. – СПб.: Алетейя, 2011. (подчеркнуто мною. – Л.С.)

⁷⁰ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 183. Л. 174; Д. 369, Л. 78об.

⁷¹ *Суворова Л.Н.* Многоукладная экономика, рынок и государство в России в 1920-е гг. // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. – М.: РОССПЭН, 2006. С. 116–117.

Глава 1

ОТ ВОЙНЫ – К МИРУ

«НЕ НЭП ПОРОДИЛА РЫНОК...»

К началу 1921 г., за три года своего существования новое советское государство имело уже довольно значительный опыт взаимодействия с рынком: от попытки регулирования цен и организации товарообмена (до мая 1918 г.) – к политике ужесточения контроля за продовольствием и ликвидации рыночных отношений (с мая до октября 1918 г.), а затем – к признанию, допущению и регулированию свободного товарного рынка (с конца 1918 г. – в 1919 гг.)¹

За годы гражданской войны государство стало крупнейшим собственником. Национализация подорвала основы всех структурных элементов рынка (рынка средств производства, земельного рынка, рынка труда и рынка капиталов), которые получили разный уровень развития в дореволюционной России. Сфера рыночных отношений на протяжении гражданской войны сузилась в основном до потребительского рынка (рынка продовольственных товаров и товаров личного потребления), на котором товарно-денежные отношения развивались как в форме денежного, так и в форме натурального обмена.

«Военно-коммунистическая» система и на стадии своего становления и на пике своего развития далеко не решала вопросы продовольственного снабжения даже в столичных городах, поэтому население страны вынуждено было выживать в значительной степени самостоятельно. В конце 1918 – начале 1919 гг. все жили ожиданием надвигающегося голода. «Все заботы направлены только на то, чтобы не умереть с голода; пока с этим как-то справляются, но с каждым днем это становится все труднее», – записал в своем дневнике в то время известный московский историк Ю.В. Готье².

В связи с обострившимся продовольственным положением к концу 1918 г. и под давлением требований рабочих и служащих

предприятий, учреждений и общественных организаций ряда городов, правительство вынуждено было разрешить им самостоятельно заготавливать ненормированные продовольственные продукты. Кроме того, разрешалось свободно торговать товарами, которые не являлись продукцией национализированной промышленности и не входили в перечень нормированных. Национализация частной торговли монополизированными товарами разрешалась лишь при наличии реальных возможностей для замещения ее аппаратом государственной или кооперативной торговли. Свободной оставалась торговля изделиями кустарной, ремесленной, мелкой частной промышленности. Январский (1919 г.) декрет «О заготовке продовольственных продуктов» санкционировал «свободный подвоз и свободную продажу на базарах и рынках, с возов... монополизированных продуктов»³.

Так, в самый разгар гражданской войны, в конце 1918 – начале 1919 гг., официально был признан свободный частный рынок, что позволяло не только сгладить проблему снабжения городского населения продовольствием, но и рассчитывать на лояльность конкретных социальных слоев и групп населения. Декретами были определены и допустимые границы рыночной торговли: это крестьянская торговля монопольными продуктами, местный товарообмен, мелкая частная торговля изделиями кустарной, ремесленной и мелкой ненационализированной промышленности.

Хотя рынок и рыночные отношения рассматривались многими большевистскими политиками как отживающие хозяйственные категории, им приходилось их терпеть все годы войны, в силу того, что мелкое производство и частная торговля не поддавались в полной мере обобществлению и государственному регулированию. Социально-экономическая основа развития рыночных отношений была заложена в самой природе и многоукладной структуре народного хозяйства: мелкотоварное крестьянское хозяйство, кустарная промышленность, промысловые и ремесленные формы хозяйства могли функционировать и взаимодействовать только в условиях рыночных отношений. Поэтому ни запрет частной торговли, ни борьба с мешочничеством и спекуляцией в 1919–1920 гг. ни стремление запретить торговлю вообще, апофеозом чего стало закрытие Сухаревки в Москве, не уничтожили обменных и товарно-денежных отношений, но привели к сужению сферы свободных рыночных отношений и к

расширению подпольного черного рынка. Поэтому Наркомпрод в 1920–1921 гг. весь рынок называл «черным»⁴.

В сохранении частной инициативы и частной торговли, в развитии и потребительского и «спекулятивного» мешочничества проявлялся социально-экономический интерес носителей рыночных отношений: крестьянства, представителей частной торговли и промышленности, кооперации. К концу гражданской войны их ряды пополнились безработными и люмпенами, инвалидами и демобилизованными солдатами, домашними хозяйками и раскулаченными в ходе аграрной революции социальными элементами деревни⁵. О массовости этого явления как «тяжелом наследии гражданской войны» шла речь в одном из приказов ВЧК в начале января 1921. Отмечалось переполнение тюрем, в которых сидели не буржуи, а главным образом рабочие и крестьяне, попавшие туда за мелкие кражи или спекуляцию⁶. Государственные органы не в состоянии были охватить своим регулированием эту многочисленную «армию». Эти чуждые диктатуре пролетариата социальные слои действовали независимо от воли и политики властей, заставляя их считаться с собой и даже бояться их.

Анализ большевистской политики в отношении рынка в годы гражданской войны, изучение степени развитости рыночных отношений в условиях военного коммунизма позволяют сделать вывод о том, что значительная часть российского общества, возвращающегося к мирной жизни, в большей мере была готова к уже известным, сложившимся ранее формам экономических и социальных отношений, нежели к новым⁷.

Ленин В.И. в ноябре 1920 г., предупреждая об опасности мелкобуржуазной стихии, говорил, что «страшнее Сухаревка, которая живет в душе и действиях каждого мелкого хозяина». При этом он напоминал, что «несомненно, старой, мелкобуржуазной стихии, мелких хозяйчиков гораздо больше, чем нас. Они сильнее, чем социалистическое хозяйственное производство, объединенное на потребностях рабочих»⁸. Под напором этой «старой, мелкобуржуазной стихии» диктатура пролетариата вынуждена была отступать. И изменение экономической политики в начале 1921 г. стало еще одним шагом в ряду этих отступлений.

Очевидно, что ближе всего к отражению объективной реальности был вывод, сделанный исследователями уже в середине 1920-х гг.,

что «не нэп породила рынок, а загнанный в подполье в эпоху гражданской войны рынок породил и подталкивал дальше новую экономическую политику»⁹.

ИДЕЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

К концу гражданской войны большевистское правительство все более тяготело к наиболее простым, прямым, волевым методам управления государством и обществом. Учитывая гигантское разрушение производительных сил страны, необходимы были особо эффективные и решительные меры по налаживанию хозяйственного механизма, управлению процессом восстановления экономики. Программа хозяйственного строительства, принятая на IX съезде партии (апрель 1920 г.), предполагала проведение «единого социалистически централизованного народнохозяйственного плана». В иерархии текущих и перспективных задач на первый план выносились электрификация и развитие промышленности, особенно машиностроения. Для этого надо было наладить работу транспорта, решить проблемы со снабжением топливом, сырьем, продовольствием. Далее предполагалось на основе электрификации наладить производство продуктов массового потребления, а затем выйти на мировой рынок¹⁰.

Государственная политика и в годы гражданской войны и после ее завершения была направлена на устранение рынка из хозяйственной практики, но поскольку сфера рыночных отношений была достаточно обширна, игнорировать факт наличия рыночных отношений власть не могла. Поэтому Наркомфин отпускал ведомствам суммы, учитывая не только твердые, но и вольные цены¹¹. При этом каждый факт приобретения товаров или продуктов на вольном рынке жестко контролировался государством и требовал соответствующего решения. К примеру, Калужский губернский совнархоз рассматривал на своем заседании вопрос о приобретении на вольном рынке по вольным ценам пряжи, необходимой для изготовления ленты для пишущих машин и вынес решение: «ввиду крайней необходимости в лентах и невозможности приобрести таковые по твердым ценам разрешить губернскому ведомству (Губтекстилю) приобрести пряжу на вольном рынке и просить на это согласия рабоче-крестьянской инспек-

ции (Рабкрина)»¹². Специальным постановлением Совнаркома Главному управлению водного транспорта разрешалось приобретать на вольном рынке кованые гвозди¹³.

Декретом «О расчетных операциях» от 15 июня 1920 г. приобретение каких бы то ни было предметов разрешалось исключительно у производителей и лишь тем учреждениям, которым заготовка этих предметов, материалов и сырья была поручена советской властью¹⁴.

Движение цен на вольном продовольственном рынке заставляло государственные органы учитывать это обстоятельство в своей товарообменной политике. В ходе посевной компании 1921 г. органы Наркомпрода в условиях нехватки семенного фонда картофеля проводили его заготовку на местах, «руководствуясь соотношением цен на вольном «черном» рынке. Емкость местных рынков (особенно спрос на товары) учитывался местными и государственными органами при выборе эквивалентов обмена. Товарообмен более успешно шел там, где эквивалент соответствовал рыночным ценам¹⁵.

Проводя в жизнь государственную политику неприятия рынка, местные органы власти в силу их близости к реалиям жизни с более трезвых позиций смотрели на существование рынка и в 1920 году, когда с ним велась особенно ожесточенная борьба. Смоленская «Экономическая жизнь» писала весной 1920 г., что для населения городов Смоленской губернии в настоящее время вольный рынок является если не единственным, то одним из главнейших источников существования почти для всякого горожанина¹⁶.

В силу невозможности охватить планированием и учетом даже национализированные предприятия, государство неизбежно должно было терпеть наличие частного сектора в экономике, доля которого была достаточно весомой. Из принадлежащих государству, по переписи на 28 августа 1920 г., 37 226 предприятий, на учете в ВСНХ на 1 ноября 1920 г. числилось 6908, из которых было национализировано лишь 4547 предприятий¹⁷. ЦСУ же обнаружило в конце 1920 г. лишь 3833 предприятия, принадлежащих государству¹⁸. Попытки государства поставить под контроль деятельность частного сектора приводили к его «расслоению» на легальный и нелегальный. Декрет «О регулировании кустарных промыслов и мелкой ненационализированной промышленности» (от 7 сентября 1920 г.), разделив всю мелкую промышленность на две группы, предписывал всей мелкой промышленности работать на государство, и лишь кустарным пред-

приятиям разрешалось сбывать часть своей продукции на местных рынках¹⁹. Вероятно, подобные меры ограничительного характера, а также упадок производства из-за недостатка сырья и топлива, приводили к тому, что ряд предприятий, объявив о прекращении работы и закрытии предприятия, все-таки продолжали производить продукцию. Чрезвычайное обследование в Петроградской губернии в 1920 году обнаружило в трех уездах пять действующих кожевенных заводов, которые нигде до этого не были зарегистрированы и производили продукцию на частный («черный») рынок²⁰. Аналогично и в других губерниях находили на «давно закрытых» предприятиях следы недавней работы и готовый к продаже товар²¹.

После неудавшейся попытки преодолеть послевоенный социально-экономический и политический кризис (волна крестьянских восстаний конца 1920 – начала 1921 гг., Кронштадский мятеж с его лозунгом «Советы без коммунистов!» и др.) методами военного коммунизма, в начале 1921 г. политическая власть сделала новый шаг в сторону поворота к нормальным экономическим взаимоотношениям с обществом. На X съезде партии В.И. Ленин оценит прошлогоднюю Программу хозяйственного строительства, принятую IX съездом, как теоретически правильную, но практически несостоятельную в разрушенной и голодной стране²². Это был еще один шаг В.И. Ленина от идеализма – к реальности, шаг, по мнению исследователей значительный и направленный на «приспособление социалистической доктрины к реалиям аграрной, разоренной войнами и социальными потрясениями российской действительности».

В постсоветской историографии неоднократно высказывалось мнение, что нэп вводился исключительно под давлением объективных обстоятельств, когда стала очевидна деградация сельского хозяйства и обнищание значительной части крестьянства. «Антоновщина», «Кронштадский мятеж», «Сибирская Вандея» и другие крестьянские выступления вынудили В.И. Ленина искать объяснение их причин не столько в социально-классовой структуре общества, сколько в интересах крестьянского населения. В конце 1920 – начале 1921 г. этот анализ позволил В.И. Ленину обосновать необходимость учета экономических интересов крестьянства при выработке и проведении экономической политики. В.И. Ленин характеризовал Россию, как страну, в которой пролетариат составляет меньшинство, а большинство населения – мелкобуржуазное. Среди этого мелко-

буржуазного большинства он предлагал рассматривать и учитывать интересы среднего крестьянства (с одной стороны как собственника, с другой – как труженика), считая другие слои населения «неопределенным конгломератом», «союзом разношерстных элементов», «неопределенной суммой политических группировок»²³. Политический вывод из такого анализа социальной структуры состоял в необходимости укрепления отношений рабочего класса и среднего крестьянства. Понимая, что только крестьянин в состоянии накормить голодную страну и вдохнуть жизнь в разрушенную экономику, В.И. Ленин начинает убеждать партию в необходимости начинать восстановление разрушенной экономики и дальнейшее развитие страны с восстановления крестьянского производства. В итоге реализуется идея замены продразверстки натуральным налогом и развитие местных рынков. Подчеркивая, что экономическим интересам мелкого производителя отвечает свобода торговли, предлагается разрешить свободный оборот, ограничив его местными рамками, а социально-экономические взаимоотношения государства с крестьянством строить с помощью организованного товарообмена²⁴.

ОТ ТОВАРООБМЕНА — К КУПЛЕ-ПРОДАЖЕ

Однако восстановление экономического единства страны, возрождение обмена между городом и деревней пошло не по линии товарообмена, а по линии развития рыночных отношений. Товарный рынок восстанавливался стремительно быстро, вовлекая в свою орбиту все новые регионы и новые слои населения, обнаруживая слабость и инертность государства. Уже весной 1921 г. после декрета СНК «О свободном обмене...» (28 мая 1921 г.) в адрес СТО и Наркомпрода из многих уездов и губерний стали поступать сведения о расширении масштабов мешочничества. Сообщали, что «спекулятивная торговля захлестнула губернии, как только была разрешена свободная торговля сельхозпродуктами и были сняты реквизиционные и заградительные отряды», что «перекупщики плодятся как паразиты», а цены идут вверх в результате массового посредничества²⁵.

Организуемый государством товарообмен во многих губерниях попадал под влияние рыночной конъюнктуры. При формировании

товарообменного фонда учитывался рыночный спрос на товары, обменные эквиваленты устанавливались на основании среднерыночных цен. Ряд губернских органов Поволжья уже весной 1921 г. просили разрешения у Наркомпрода реализовать на рынке, в местах, удобных для сбыта, товары государственного фонда, предназначенные к обмену на мясо и вести заготовки мяса на деньги. Например, Саратовский губсоюз ссылаясь на то, что население нуждается в деньгах и неохотно идет на товарообмен, и что пуд мяса на рынке можно купить значительно дешевле, чем по обменному эквиваленту. Из Саратова сообщали, что товарообмен в заготовительных районах успехом не пользуется, т. к. эти районы были насыщены товарами, доставленными мешочниками и население привыкло приобретать товары на вольном рынке по своему вкусу. Заготовка может пройти более успешно при наличии достаточного количества денежных знаков²⁶.

Аналогично из Симбирска в апреле 1921 г. писали о необходимости «создать достаточный и рациональный товарный фонд, проводить товарообмен по линии удовлетворения спроса со стороны производителя сельскохозяйственной продукции». «Не обладая в данный момент хорошим ассортиментом товаров, лучше отказаться от товарообмена и отпустить крестьянина, который и так недоверчиво относится к новой системе взаимоотношений, на частный рынок... Если товарообменный фонд будет все менее и менее отвечать спросу, то чаще будет отсылать предложения на частный рынок..., и если в единичном случае будет «подвох», то вся крестьянская масса двинется к своему вековому торгашу – рынку и кооперация потерпит полное крушение в конкуренции с частным капиталом»²⁷. В качестве предложения предлагалось изучать рынок и его цены.

Продовольственное совещание в июне 1921 г. отметило несостоятельность применения товарообменных эквивалентов в условиях крепнущих товарно-денежных отношений²⁸. Вслед за этим Совнарком отменил в июне ограничения в денежном обращении и утвердил меры к развитию вкладных и переводных операций. Разрешалось хранение неограниченной суммы денег в финотделах с правом беспрепятственного их получения. Все суммы могли быть подвергнуты конфискации только в судебном порядке²⁹. За переход «хотя бы в виде опыта» к товарообмену через куплю-продажу вы-

сказались делегаты II Всероссийского собрания уполномоченных Центросоюза, состоявшегося в июле 1921 г.

Определяющую роль в восстановлении рыночных отношений сыграла частная торговля, которая к лету 1921 г. вышла за пределы местных рынков и базаров, когда началось ее расширение в виде разносной (розничной) в городах и на железнодорожных станциях, в виде разъездной по деревням и селам, в виде мелкой лавочной торговли. С осени 1921 г. возрождаются мелкие местечковые и сельские ярмарки, где торговля шла или в розницу, или, в основном, в обмен³⁰.

Т. е. восстановление товарно-денежных отношений определяла частная торговля и выходящий из подполья «черный» рынок, а «физиономию» нэповского рынка в начале его легализации – спекулятивная тенденция, которая проявилась в стремлении профессиональных торговцев и части населения скупать любые товары с целью их перепродажи по более высоким ценам. Эта тенденция формировала отрицательное отношение к рынку у тех слоев населения, кому нечего было продать и не на что купить.

К осени 1921 г. очередная товарообменная компания потерпела явную неудачу в конкуренции с рынком. Практически из всех губерний сообщали о большом спросе у населения на денежные знаки, подчеркивалось, что на деньги у мешочников можно купить практически все и крестьянин чаще идет на продажу, а не на обмен своего товара³¹. Наиболее активно встраивался в рыночную торговлю Саратовский губсоюз. Он продолжал настаивать на том что, заготовительную работу следует развивать по линии рыночных отношений: за деньги, и предлагал развивать кредит, краткосрочные ссуды, отменить все существующие эквиваленты и оценить товар по рыночной конъюнктуре³². Многие местные отделы Наркомпрода и губернские союзы готовы были перейти к продаже товарообменного фонда и заготовке сельхозпродуктов на деньги, но ждали разрешения Наркомпрода, который вначале категорически запрещал продажу товаров государственного фонда даже на золотые деньги, а позже предоставил губсоюзам право использовать передаваемые им товары по их усмотрению, вплоть до их продажи, для выполнения взятых на себя договорных обязательств³³. Ленинский вывод о том, что «товарообмен вылился в куплю-продажу, частный рынок оказался сильнее

нас»³⁴, очевидно, следует понимать в том смысле, что государственные товарообменные организации оказались перед необходимостью перейти к продаже товаров на рынке и заготовкам за деньги. Но осознание того, что торговля становится «центральной звеном» в государственной политике, явно отставало от реальных темпов экономической жизни. Пока потребительская кооперация осуществляла товарообмен и ждала разрешения Наркомпрода включиться в рыночные отношения, она теряла время и свою конкурентоспособность. Эту нишу активно осваивали мешочники-профессионалы, которые сыграли главную роль в перераспределении товаров в стране в полуголодный 1921 год.

Осенью 1921 г. лишь из окраинных губерний (Череповецкой, Новгородской, Костромской, Северо-Двинской, Вологодской) сообщали о благоприятной ситуации для обмена³⁵. К декабрю – лишь из Карелии писали о том, что «частная торговля здесь развивается слабо и почти никакого влияния на товарообменные операции не имеет, обмена на дензнаки не производится, спрос на все»³⁶.

Из Вологды уже в декабре сообщали о выполнении задания центра по товарообмену лишь на 86 %, объясняя недовыполнение наплывом мешочников из Поволжья, которые забирали товар на дому при ценах в 1,5–4 раза выше эквивалентных. Череповецкий губпродком писал, что товарообмен можно вести только в деревне, в городе – все покупки и продажи совершаются только на дензнаки. Зимой в этих губерниях наблюдался «анархический» товарообмен со стороны организаций и частных лиц из Вятской губернии и Татарской республики, которые пострадали от неурожая³⁷.

Все изученные документы позволяют сделать вывод, что восстановление экономического единства страны, возрождение обмена между городом и деревней с изменением экономической политики весной 1921 г. пошло по линии товарно-денежных отношений. Попытки проведения товарообмена лишь подчеркивали невозможность столь быстрого отказа от рынка, на что изначально рассчитывали большевики. На становление новой системы экономических (товарообменных) отношений нужно было время, насыщенность качественными товарами товарообменного аппарата, сам этот аппарат, а рынок продолжал оставаться знакомой объективно существующей реальностью и он подсказывал свою логику поведения.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ РЫНКИ

Доклады с мест в Наркомпрод позволяют представить региональную картину рынков конца 1921 г. Так, сентябрьский рынок в Поволжье и других губерниях, пострадавших от неурожая, характеризовался обилием живого скота, иногда мяса и кожсырья, и недостатком, а чаще отсутствием хлеба и кормов для скота (сена, овса). Скот крестьяне не меняли, а продавали за деньги, а потом устремлялись вверх по Волге до Рыбинской, Вологодской, Череповецкой губерний, где и становились главным покупателем сельхозпродуктов и предметов, нужных для сельского хозяйства, оказываясь даже в глубине этих губерний, в деревне, основным конкурентом кооперации, ведущей здесь товарообмен³⁸. Зато Поволжские рынки в большинстве мест изобиловали мануфактурой, галантереей, товарами домашнего обихода, сельскохозяйственными орудиями, завезенными туда государством для успешности товарообмена, но спрос на фабрично-заводские изделия, сельхозмашины и орудия чаще всего отсутствовал ввиду неурожая. Поэтому все сделки на этих рынках совершались под «знаком голода»: покупались хлеб, фураж, сельхозпродукты³⁹.

В губерниях Центрального, Юго-западного и других районов, где был собран неплохой урожай, на рынках было достаточно хлеба и сельхозпродуктов, но наплыв мешочников приводил к росту цен, спекулятивным перепродажам, оскудению этих рынков. Однако частный торговец и мешочник не всегда решали задачи перераспределения товаров и удовлетворения спроса на фабрично-заводские изделия в тех районах, откуда они вывозили хлеб и сельхозпродукты. В сентябре – октябре из Брянской, Калужской, Иваново-Вознесенской, Владимирской и ряда других губерний сообщали о том, что рынки не насыщены, нуждаются в хозяйственных и жизненно-необходимых товарах. Остается неудовлетворенным спрос на мануфактуру, соль, керосин, сельхозмашины и орудия, обувь и другие товары⁴⁰.

Только из Пскова и из Брянска в октябре писали о том, что местное кустарное производство начинает удовлетворять потребности крестьянского рынка, что предложения на рынке разнообразнее сентябрьских, но при условии покупки и продажи на деньги. Сообща-

лось о возрождении местных ярмарок и об ослаблении наплыва мешочников из других районов⁴¹.

В Воронежской, Орловской, Курской губерниях состояние рынка менялось в сторону повышения цен, как на продукты сельского хозяйства (низкий урожай), так и на предметы заводской промышленности (высокий спрос). Отмечалось, что все предметы первой необходимости есть у частных торговцев, но их нет у кооперации. Крестьянин же «учится беречь свои ценности»: тратит только на удовлетворение жизненно-необходимых потребностей, предметы роскоши и городского обихода (галантерея, парфюмерия) не пользуются спросом⁴².

Положение в северных, северо-западных и других губерниях, отдаленных от центра (Карелия, Северо-Двинская, Костромская, Новгородская, Череповецкая) характеризовалось чаще всего отсутствием рынка как такового. Из Северо-Двинской губернии сообщали, что на рынке при наличии сельскохозяйственной продукции и сельскохозяйственного сырья и пушнины отсутствуют изделия промышленности, и даже нет изделий кустарного производства. Из Костромской – о неразвитости спроса и предложения, о благоприятных условиях для товарообмена в глухих районах, хотя и признавали его неудобство для крестьянина (ему не нужно 10–15 пудов соли одновременно). Новгородский губпродком писал о незначительных предложениях на рынке и неудовлетворенном спросе (почти каждый фабрикат находит своего потребителя), о стремлении местной кустарной промышленности вывезти свои изделия из губернии в поисках более благоприятной конъюнктуры⁴³.

От сентября к декабрю рынки по регионам фактически не претерпели серьезной эволюции. Неурожай и голод в Поволжье и соседних с ним губерниях по-прежнему создавали здесь своеобразную рыночную картину. Выявить нормальный спрос, характерный для нормального уклада жизни было очень сложно. Спрос сохранялся на хлеб, фураж, другие сельскохозяйственные продукты при слабом их предложении. Малый спрос наблюдался на все другие товары (лишь на все самое дешевое) при большом их предложении. Цены на продукты росли с сентября скачкообразно, колебались каждые 5–10 дней. На рынок выбрасывались предметы домашнего обихода и продавались за бесценок. Ввиду неплатежеспособности местного населения большинство товаров вывозилось за пределы губерний. Все

предпочитали торговлю товарообмен⁴⁴. В качестве контрагентов на рынках выступали мешочники (железнодорожные служащие, проводники вагонов), рыночные спекулянты-перекупщики, голодающее местное население, продающее свои последние вещи, кооперация, которая к декабрю повсеместно начала реализацию своих товаров за деньги и открывала свои магазины. В отдельных городах открывались частные посреднические конторы, магазины совнархоза, комиссионно-коммерческие магазины⁴⁵.

Не претерпели серьезной эволюции рынки и в других регионах, кроме одного момента: практически повсеместно наблюдался рост цен, особенно на зернопродукты, сохранялся неудовлетворенный спрос на фабрично-заводскую продукцию, особенно в северных и отдаленных окраинных губерниях. Положение осложнялось разрухой промышленности и отсутствием нормального транспортного сообщения.

В центральных губерниях на смену мешочникам, среди которых преобладали женщины и железнодорожники, в меньшей степени – рабочие, стали приходить более крупные торговцы⁴⁶. Социальный состав торгующих в начале нэпа наиболее обобщенно представлен северо-западным областным экономическим совещанием (облэконо). По данным на 1 июля 1922 г. в Ленинграде занимались торговлей: домашние хозяйки (28,4 %), бывшие торговцы (26,2 %), рабочие, ставшие безработными (15,3 %), ремесленники (13,4 %), служащие (5,7 %). Объясняя таким социальным составом рост рыночной торговли в начале нэпа, в Наркомфине считали, что эти данные следует распространить на всю республику⁴⁷.

Рынок конца 1921 г. был осложнен не только неурожаем и голодом в 27 губерниях страны, от чего пострадали 43 млн человек⁴⁸ и что сделало самыми дорогими сельскохозяйственные продукты, а также и диспропорциональностью в восстановлении отраслей: промышленности и сельского хозяйства. Разрушенная войнами и государственная и частная промышленность не в состоянии была удовлетворить потребности населения ни по объему, ни по ассортименту даже в предметах первой необходимости, разруха на транспорте изолировала многие, особенно отдаленные районы, друг от друга.

В условиях диспропорционального развития промышленности и сельского хозяйства (производство хлеба в 1921 г. составило 40,2 % довоенного, а объем промышленного производства достиг 25,4 %) ⁴⁹

для установления довоенных соотношений цен и рыночного равновесия, цены должны были бы измениться в сторону превышения промышленных над сельскохозяйственными. Но к январю 1922 г. цены на сельскохозяйственную продукцию поднялись выше промышленных цен⁵⁰. В результате жизненной необходимости сельскохозяйственных товаров на рынке установилась «диктатура хлеба».

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПЕРЕХОДНОГО ПРОЦЕССА

До августа 1921 г. подход к налаживанию экономических взаимоотношений между промышленностью и сельским хозяйством все еще виделся В.И. Ленину в товарообмене и даже в безденежном продуктообмене⁵¹. Теоретический идеализм преодолевался медленно, в то время как процессы в реальной экономике обнаруживали совсем иные тенденции.

Восстановление товарного рынка шло стремительными темпами, обнаруживая инертность государства. Политическая власть не была готова что-либо противопоставить этой рыночной стихии. Аппарат потребительской кооперации, которая взяла на себя проведение товарообмена, был экономически и организационно слаб, в нем отсутствовали даже самые необходимые товары, а члены Правления Центросоюза часто преследовали свои коммерческие интересы, ориентируясь на «закулисную политику цен», на «поиск и скупку экспортных товаров (льна, пеньки, леса, книг-изданий русских классиков), и на переправку их за рубеж»⁵². Государственной торговли как отрасли народного хозяйства не существовало вовсе.

Осенью 1921 г. В.И. Ленин отмечал усиление социальных противоречий, новую волну расслоения общества: «Противоречий в нашей экономической действительности больше, чем их было до новой экономической политики: частичные, небольшие улучшения экономического положения у одних слоев населения, у немногих; полное несоответствие между экономическими ресурсами и необходимыми потребностями у других, у большинства»⁵³.

В надежде учесть и упорядочить стихийно возрождающийся частный торговый оборот, с осени 1921 г. начинается выдача патентов

на торгово-промышленную деятельность, вводится промысловый налог и уравнильный сбор⁵⁴.

Патентная статистика Наркомфина конца 1921 г., при всем ее несовершенстве, убедительно показывает спекулятивную сторону возрождающейся торговли и рынка, что вполне характерно для этапа первоначального накопления. Из общей суммы патентов – патентов на торговую деятельность было выдано в 3,5 раза больше (около 70 %), чем на промышленную деятельность (более 20 %), при незначительном количестве личных патентов (менее 10 %)⁵⁵.

Начав с попытки рыночного стимулирования крестьянского производства через введение продналога, допустив восстановление простого товарного рынка, уже к осени 1921 г. политическая власть оказалась перед необходимостью признать рынок в качестве основной формы взаимосвязи всех укладов, в том числе и государственного. Это потребовало восстановления рыночной инфраструктуры: финансово-кредитных институтов, бирж, ярмарок, синдикатов. В рыночные отношения включалась государственная промышленность, сохранившаяся и вновь возрождающаяся кооперация.

Однако возможности экономического регулирования были ограничены экономической слабостью государства. Госплан, созданный весной 1921 г. с целью противопоставить стихии рынка плановое государственное начало, был еще организационно слаб. Госбанк, созданный осенью, сам пытался развивать товарные операции, и терял основной капитал из-за инфляции и неумения организовать работу фондовой биржи. Это сводило к минимуму возможности финансово-кредитного регулирования. На всю территорию страны банковская сеть распространилась лишь к марту 1923 г., но это было всего лишь 41 местное отделение⁵⁶. Государство было не в силах регулировать этот процесс, поэтому восстановление рынка шло в большей степени стихийно.

Меры по его регулированию к концу 1921 – началу 1922 гг. были достаточно разрозненными, определенной целенаправленной политики собой не являли, в большинстве шли по стопам свершившихся фактов. «Темп развития русской жизни был настолько быстр, что то, что было пригодно сегодня, не годилось уже через несколько месяцев», – записано в докладе Наркомфина. Этот темп оказался гораздо быстрее, чем предполагалось при составлении первого проекта положения «О промысловом налоге». «Вновь возникающие разнооб-

разные виды торговых и промышленных предприятий с трудом укладывались в узкую схему установленных положением 26 июля 1921 г. разрядов»⁵⁷. Наркомфин в своей законодательной деятельности постоянно отставал от темпов торгово-промышленного развития, возникала постоянная необходимость большого уточнения системы налогообложения торговли и промышленности. Новое положение «О промысловом налоге» обсуждалось с осени до конца 1921 г. и было утверждено ВЦИК и СНК лишь в начале февраля 1922 г.⁵⁸

Осмысливать темпы и эволюцию «русской жизни» начала 1920-х гг. не успевали не только хозяйственные органы, но и политические. Решения о переходе к нэпу были приняты весной 1921 г., но только в сентябре 1921 г. была подписана директива «Об оперативных задачах органов ВЧК в связи с новой экономической политикой»⁵⁹, которая разъясняла чекистам смысл и задачи нэпа, а прилагаемые инструкции четко обозначали направления деятельности и основные объекты их внимания.

Вывод о необходимости отказа от товарообмена и о переходе к регулированию купли-продажи и денежного обращения был обоснован и сформулирован В.И. Лениным осенью 1921 г., а определение конкретных политических задач в отношении рынка можно обнаружить лишь в декабрьских документах.

Слабое государственное регулирование переходного процесса позволяет говорить о специфической российской модели начала 1920-х годов, которую можно выразить формулой: «Слабое государство, полуразрушенная экономика, нерегулируемый рынок». Поэтому центральный вопрос первого года нэпа заключался в том, чтобы сделать государство более разворотливым, мобильным и адекватным к происходящему, и не утратить при этом выбранной перспективы развития.

Отказ от товарообмена и переход к торговле стал для коммунистов «неприятным открытием»⁶⁰, тем не менее XI партийная конференция, а вслед за ней IX Всероссийский съезд Советов (декабрь 1921 г.) в качестве основных задач записали: «...исходя из наличия рынка и считаясь с его законами, овладеть им и путем систематических, строго обдуманных и построенных на точном учете процесса рынка экономических мероприятий взять в свои руки регулирование рынка и денежного обращения»⁶¹. И далее: «...теперь борьба коммунистического и частного хозяйства переносится на экономиче-

скую почву, на рынок, где национализированная промышленность, сосредоточенная в руках рабочего государства должна применяться к условиям рынка и методам состязания на нем завоевать свое решительное господство»⁶².

Такое изменение акцентов выдвигало ряд новых задач. Хотя речь и шла о борьбе коммунистического и частного укладов на рынке, государство оказалось перед необходимостью создать более благоприятные условия экономической деятельности для всех субъектов рыночных отношений, в первую очередь дать определенные правовые гарантии их деятельности, допустить восстановление рыночных структур, так как они были закрыты в годы гражданской войны.

Конец 1921–1922 год прошли под знаком восстановления рыночных структур и рыночных механизмов. Этот процесс одновременно охватил все сферы народного хозяйства, всю его многоукладную структуру. В законодательной деятельности чаще всего использовались нормы разрешительного характера, снимались многие ограничения с госпромышленности, расширялась ее хозяйственную самостоятельность. В 1922 г. «мероприятия по освобождению рынка от связующих его пут сыпались как из рога изобилия»⁶³.

В этот же период были решены принципиально важные для развития рыночных отношений вопросы: изменена структура пользования средствами производства, восстановлены рыночные институты, предприняты меры для оздоровления денежного и кредитного рынка, легализован частный капитал. Государство продолжало оставаться главным собственником средств производства, но в результате перехода на товарно-денежные отношения изменилась структура распределения средств производства по формам пользования. В целом по народному хозяйству частнохозяйственные формы пользования стали преобладать над обобществленными за счет численности мелких крестьянских хозяйств. Частные лица имели в своем пользовании на 1 октября 1924 г. 54,8 % средств производства, в т. ч. – 57,9 % освоенной земли и 47,9 % средств труда. В пользовании государства оставалось 44, 6 % средств производства, в т. ч. – 41,8 % освоенной земли и 50, 9 % средств труда. Оставшаяся незначительная часть средств производства (0,6 %), земли (0,3 %) и средств труда (1,2 %) приходилась на долю коллективных организаций трудящихся⁶⁴.

Таким образом, на нэповском рынке в качестве самостоятельных контрагентов встретились государственные предприятия, мелкие

товаропроизводители города, крестьянские хозяйства, кооперативы, концессионные предприятия и общества со смешанным капиталом. Многие экономисты 1920-х гг. не видели разницы между частными капиталистическими и государственными предприятиями, которые работали с целью получения прибыли и считали, что к концу 1922 г. исходные условия развития были примерно одинаковыми для всех. При этом прибыль рассматривалась как категория, действующая независимо от способа производства⁶⁵.

Государственное регулирование на этом этапе становления нэпа проявилось в дисконтной политике Госбанка, который в условиях постоянного падения покупательной силы рубля брал различный процент за кредит, отдавая предпочтение госпромышленности как в предоставлении кредита, так и в условиях кредитования, при которых страховой процент для госпромышленности составлял 8 %, для кооперативных предприятий – 10 %, для частных – 12 %⁶⁶. К весне 1922 г., когда инфляция ускорилась, Госбанк перешел к новой политике и стал участвовать в прибылях кредитуемых им предприятий путем взимания в пользу банка от 50 до 75 % разницы в ценах товаров заемщика с момента выдачи до момента возврата ссуды. В это же время начинают развиваться товарные операции банка: с одной стороны, он помещал капитал в реальные ценности в условиях падения курса рубля, с другой – спасал предприятия от банкротства. Госбанк, став одним из контрагентов рынка, развивал не финансово-кредитный рынок, а поддерживал рынок промышленных товаров.

Из-за недостаточности средств у государства, ему пришлось отказаться от принципа кредитной монополии. Отдельным лицам и группам было предоставлено право создавать новые кредитные учреждения на акционерной основе. В апреле 1921 г. начал работу Юго-Восточный коммерческий банк в Ростове-на-Дону, в феврале 1922 г. организован Банк потребительской кооперации, в октябре 1922 г. начата работа по организации Промышленного банка с целью кредитования государственной промышленности. В доле каждого из этих банков имели место акции Государственного банка. Процесс строительства финансово-кредитной системы на уровне центральных и местных акционерных банков продолжался до середины 1920-х годов.

Наряду с банками возникали общества взаимного кредита, которые стали центрами кредитования частного торгового и промышленного

ленного оборота. Первое общество было создано в Петрограде в начале 1922 г., к осени этого года их было всего 4, а к осени 1923 г. – 38 обществ⁶⁷. Вопрос о том, насколько они удовлетворяли потребностям самого частного сектора и были стимулом к его развитию никем никогда не рассматривался.

В 1922 г. шло интенсивное восстановление биржевых структур. Это процесс начался «движением снизу» еще в середине 1921 г., когда по инициативе кооперативных органов в июне 1921 г. в Саратове была открыта первая товарная биржа. К концу 1921 г. при Губсоюзах были открыты биржи в Москве, в Перми, в Нижнем Новгороде, в Вятке. Однако этот процесс «движения снизу» уже на этапе восстановления стал дополняться огосударствлением сверху. Согласно решениям IX съезда Советов, где было записано: «В целях развития торговли разрешить предприятиям и объединениям иметь товарные склады, магазины, конторы, а ВСНХ и его местным органам (Губсовнархозам) учредить торговые отделы и товарные биржи, последние самостоятельно или по соглашению с Центросоюзом и его органами», государство активно включалось в процесс торговых отношений. К августу 1922 г. бирж было около 50, а к началу 1923 г. – 79⁶⁸.

Одновременно началось становление сети организованной государственной торговли. Во многом этому способствовала торгово-спекулятивная деятельность, которая захлестнула государственный сектор. В нее были вовлечены почти поголовно все государственные учреждения и ведомства. В ВСНХ создается центральный торговый отдел (ЦТО), а позже управление регулирования торговли (УРТ), создаются торговые отделы в Наркоматах, возникает ряд акционерных торгово-заготовительных обществ, торговую деятельность трестов начинают объединять синдикаты⁶⁹.

Таким образом, уже на начальном этапе восстановления рынка обнаружились противоречия государственной политики с рыночными тенденциями. Государство постоянно создавало ограничители расширению сферы рыночных отношений. Неудавшаяся попытка замкнуть рынок в рамки местного оборота в 1921 г., сменялась более удачными попытками в создании преимуществ на рынке для госсектора (в кредитах, в патентах) и в ограничении частного предпринимательства уже в 1922 г.

Процесс восстановления рыночных отношений вышел за рамки 1922 г. Основной итог этого года состоял в том, что с осени 1922 г.

рынок стал отражать существующую диспропорциональность в развитии базовых отраслей народного хозяйства страны: промышленности и сельского хозяйства. Цены на промышленные товары в сентябре 1922 г. обогнали цены на сельхозпродукцию. Такое положение было повсеместным: и в потребляющих, и в производящих районах, и в центре. Неустойчивость денежной единицы, потребность в деньгах у государственных хозрасчетных предприятий и учреждений, которые, выйдя на рынок, сами стали покупать сырье, топливо, продовольствие, вели к росту денежной эмиссии, а та в свою очередь к росту рыночных цен. Инфляция усиливалась, а стабильности, равновесия в рыночной ситуации достигнуто не было. «Смычка» города и деревни не складывалась. Предполагалось, что коммерческие заготовки совместно с товарообменом дадут 161 млн пудов хлеба, а дали к маю 1923 г. только 60,1 млн пудов⁷⁰.

Сохранялась и экономическая разобщенность страны, ведущая к обособленности различных регионов, к контрастам в жизненном уровне. Появление «нэпманов» и «совбуров» – новой социальной группы, формируемой нэпом, с непониманием, болезненно воспринималось революционно настроенной частью партии и общества. Сокращение численности рабочих и служащих в ходе перевода промышленности на хозрасчет вело к появлению и росту безработицы, к возникновению рынка труда. Восстанавливающийся рынок углублял не только экономические, но и социальные, духовные проблемы общества. Это не могло не отразиться на государственной политике в отношении рынка.

*
* *

Отступив под натиском всеобщего недовольства населения, политическая власть допустила восстановление рыночных отношений. Уже осенью 1921 г. товарообмен вылился в куплю-продажу, а рыночные отношения крестьян вышли за рамки местного оборота. Тенденция к восстановлению единого всероссийского товарного рынка устойчиво прокладывала себе дорогу. Однако формирование единого рыночного пространства было осложнено разрухой и голодом. Госпромышленность не удовлетворяла потребности населения ни по объему, ни по ассортименту даже в предметах первой необходимости, а низкая

покупательная способность населения не всегда способствовала реализации и тех товаров, которые предлагались. Транспортная разруха изолировала отдаленные районы. Крестьянское население, призванное накормить страну, само в большинстве своем голодало.

Восстановление товарно-денежных отношений и рынка определяла частная торговля и выходящий из подполья «черный рынок», которые придавали этому процессу спекулятивно-негативный характер. Неудавшаяся попытка замкнуть рынок в рамки местного оборота в 1921 г., сменилась попытками создать преимущества на рынке для госсектора в 1922 г.

К концу 1921 г. государство оказалось перед необходимостью регулирования рыночных отношений. Именно в этот период определяется политическая линия в отношении рынка. В партийных и государственных решениях конца 1921 – начала 1922 гг. речь шла о предстоящей борьбе на рынке коммунистического и частного укладов, а вести эту борьбу предполагалось «путем овладения законами рынка», «путем экономических мероприятий». XI съезд партии (март 1922 г.) заявил об окончании отступления и начале перегруппировки сил с целью подготовки наступления на капиталистические элементы до окончательного их вытеснения. Намерение победить в экономическом соревновании частнокапиталистические элементы («кто-кого?») требовало не только овладения методами экономического регулирования, но и создания самого механизма, системы рычагов, которые позволили бы государству решить эту задачу.

Сложность переходных процессов (в данном случае от войны – к миру, а в перспективе – к новому типу общественного устройства) заключается в том, что общество в значительной степени тяготеет к уже известным, ранее сложившимся мирным формам экономических и социальных отношений и очень настороженно, с недоверием относится к новым. Общество, которое в значительной мере самостоятельно ищет пути выживания, неизбежно порождает обмен и торговлю, само определяет приоритеты своего спроса, что требует дополнительных усилий в регулировании его поведения. Тогда у власти возникает потребность искать экономические методы мотивации какой-либо деятельности, заниматься пропагандой и пытаться поменять общественное сознание, что в определенной мере и было использовано в 1921 г. с введением новой экономической политики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* Историческая развилка весны 1918 г. // Вопросы истории КПСС. 1990. № 8–9; *Суворова Л.Н.* За «фасадом» «военного коммунизма»: политическая власть и рыночная экономика // Отечественная история. 1993. № 4; *Давыдов А.Ю.* Мещочничество и советская продовольственная диктатура. 1918–1922 годы // Вопросы истории. 1994. № 3; *Павлюченков С.А.* Военный коммунизм в России: власть и массы. – М., 1997; *Телицын В.А.* Сквозь тернии военного коммунизма: крестьянское хозяйство Урала в 1917–1921 гг. – М., 1998; *Хазиев Р.А.* Государственное администрирование экономики и рынок на Урале в 1917–1921 гг. – Уфа, 2000; *Есиков С.А.* Тамбовское крестьянство в годы военного коммунизма и гражданской войны // История Тамбовского края. – Тамбов, 2007. И др.

² *Готье Ю.В.* Мои заметки // Вопросы истории. 1991. № 11–12; 1991. № 1. С. 128, 130; № 2–3. С. 143, 147–148.

³ Декреты Советской власти (далее – ДСВ). Т. 4. – М., 1968. С. 40, 201, 303.

⁴ Правда. 1921. 7, 10 мая.

⁵ *Дмитренко В.П.* Торговая политика советского государства после перехода к нэпу. – М., 1971. С. 144.

⁶ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926. – М.: МФД; Материк, 2007. С. 238.

⁷ См. работы, указанные в ссылке 1.

⁸ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 42. С. 36, 158, 193.

⁹ *Крицман Л.* Героический период Великой русской революции (Опыт анализа так называемого «военного коммунизма»). – М.–Л., 1926. С. 246.

¹⁰ КПСС в резолюциях... Т. 2. – М., 1983. С. 241–260.

¹¹ *Юровский Л.Н.* На путях к денежной реформе. – М., 1924. С. 18.

¹² Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 1. Оп. 3. Д. 99. Л. 32.

¹³ ДСВ. Т. 11. – М., 1983. С. 365.

¹⁴ Там же. Т. 9. – М., 1978. С. 235–237.

¹⁵ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1943. Оп. 6, Д. 1159. Л. 60; ГАКО. Ф. 1207 (губсоюз). Оп. 1. Д. 88. Л. 6.

¹⁶ Экономическая жизнь (Смоленск). 1920. № 21–24. С. 20.

¹⁷ Отчет ВСНХ VIII Всероссийскому Съезду Советов. – М., 1920. С. 19.

¹⁸ *Наумов Г.* Организация промышленности // Народное хозяйство России за 1921–1922 гг.: Статистико-экономический ежегодник. – М., 1923. С. 325.

¹⁹ ДСВ. Т. 10. С. 129–135.

²⁰ *Амосов И., Савич А.* Проблема материального учета в социалистическом хозяйстве. – Пг., 1921. С. 98.

²¹ Экономическая жизнь. 1919. 5 октября.

²² *Ленин В.И.* ПСС. Т. 43. С. 27, 69.

²³ Там же. С. 23–24, 26–27, 28–33, 58–62.

- ²⁴ Там же. Т. 43. С. 25, 26–27, 66, 75; КПСС в резолюциях... Изд-е 9. Т. 2. С. 371, 420.
- ²⁵ РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 6, д. 142. Л. 38; Д. 1162. Л. 29, 75.
- ²⁶ Там же. Д. 1162. Л. 7, 9, 12, 16; Д. 107. Д. 156.
- ²⁷ Там же. Д. 156. Л. 108–116.
- ²⁸ Там же. Д. 1164. Л. 27, 132, 142.
- ²⁹ Там же. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 339. Л. 1; А также: Народное хозяйство России за 1921/22 г.: Статистико-экономический ежегодник. – М., 1923. С. 237.
- ³⁰ На новых путях. Вып. 1. Торговля. – М., 1923. С. 175, 272–273.
- ³¹ РГАЭ, ф. 1943. Оп. 6. Д. 1162. Л. 34, 53, 59, 70, 75, 85.
- ³² Там же. Л. 24–25.
- ³³ Там же. Л. 9, 12.
- ³⁴ Ленин В.И. ПСС. Т. 44. С. 207–208.
- ³⁵ РГАЭ, ф. 1943. Оп. 6. Д. 1162. Л. 34; д. 1164. Л. 105.
- ³⁶ Там же. Д. 1165. Л. 112.
- ³⁷ Там же. Л. 52, 69.
- ³⁸ Там же. Д. 1162. Л. 53, 78, 85, 87, 106; Д. 1164. Л. 114, 120, 146.
- ³⁹ Там же. Д. 1162. Л. 87, 106; Д. 1164. Л. 120, 145.
- ⁴⁰ Там же. Л. 59, 69, 114; Д. 1164. Л. 26, 70.
- ⁴¹ Там же. Д. 1164. Л. 184, 116; Д. 1162. Л. 69.
- ⁴² Там же. Д. 1164. Л. 4, 8; Д. 1165. Л. 66, 84–86.
- ⁴³ Там же. Д. 1164. Л. 20, 205, 156.
- ⁴⁴ Там же. Л. 145; Д. 1165. Л. 2, 44–45, 76, 102.
- ⁴⁵ Там же. Д. 1165. Л. 22, 45.
- ⁴⁶ Отчеты Лужского уездного экономсовещания. – Луга, 1921. С. 32.
- ⁴⁷ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6896. Л. 42.
- ⁴⁸ Народное хозяйство России за 1921 г. – Берлин, 1922. С. 10.
- ⁴⁹ Бокарев Ю.П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы. – М., 1989. С. 171.
- ⁵⁰ Народное хозяйство России за 1921/22 г. – М., 1923. С. XXV
- ⁵¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 43. С. 299–316, 333–335; Т. 44. С. 3–10, 34–35.
- ⁵² Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ... С. 183–184.
- ⁵³ Ленин В.И. ПСС. Т. 44. С. 212.
- ⁵⁴ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 511. Л. 14.
- ⁵⁵ Там же. Д. 5217. Л. 2–158. Подсчитано по данным патентной статистики за 1921 г. для Европейской части РСФСР.
- ⁵⁶ О неумении Госбанка с выгодой для себя организовать работу фондовой биржи по скупке золотой и иностранной валюты писал в начале 1922 г. журнал «Русский экономист» в Берлине. См.: Русский экономист. 1922. Берлин. № 1. С. 17; О том, что Госбанк потерял $\frac{3}{4}$ ценности своего основного капитала, просуществовав 5–6 недель, писал В.И. Ленину Г.Я. Рахович. См.: РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1319. Л. 14–17; Народное хозяйство России за 1921/22 г. С. 237–240.
- ⁵⁷ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 551. Л. 15–17.

⁵⁸ Там же. Д. 5210. Л. 1–17; Д. 5211. Л. 5а, 5б, 7–8, 23–24; Д. 5611. Л. 13, 16, 18.

⁵⁹ См.: Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. Справочник. – М.: МФД, 2003. С. 390–395, 395–409.

⁶⁰ Ленин В.И. ПСС. Т. 44. С. 309–310.

⁶¹ КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 467.

⁶² СУ. 1922. № 4. Ст. 43.

⁶³ Исаев И.А. Переходная экономика нэпа // История СССР. 1990. № 2. С. 20–21.

⁶⁴ Бокарев Ю.П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы. – М., 1989. С. 202–213.

⁶⁵ См.: Гинзбург-Наумов А.С. Новое законодательство о трестах. – М., 1923. С. 24; Мартынов Б.С. Государственные тресты. – М., 1924; Перцович Н. Советские тресты и синдикаты. – М., 1926. С. 41. И др.

⁶⁶ Народное хозяйство России за 1921/22 г. С. 238.

⁶⁷ Там же. С. 243, 256.

⁶⁸ Там же. С. 282–283; Биржевой справочник. – М., 1922. С. 119–126; Биржи и рынки. – М., 1924. С. 219; Стенографический отчет IX Всесоюзного съезда Советов. 23 декабря 1921 г. С. 5.

⁶⁹ На новых путях. Вып. 1. С. 107–128, 384.

⁷⁰ Хлебные цены и хлебный рынок. – М., 1925. С. 24–25; Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1923. № 5–6. С. 11.

Глава 2

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

ВЫХОД НА РЫНОК

Действительно радикальные перемены, связанные с переходом к рынку и товарно-денежным отношениям, должны были произойти в государственном секторе. Ленинская концепция перехода к нэпу в государственном секторе исходила из необходимости сохранения «командных высот» в руках государства. Поэтому положение и поведение государственного сектора на нэповском рынке определялось исключительно интересами государства, которое рассматривало государственную промышленность как свою экономическую и социальную (в лице рабочего класса) опору, и пыталось добиться от нее прибыльной, эффективной работы.

Попытка денационализации даже мелких предприятий была очень быстро прекращена ВСНХ¹. Председатель ВСНХ РСФСР Рыков А.И., назначенный в мае 1921 г. заместителем председателя СТО и СНК, на IV Всероссийском съезде совнархозов (18–24 мая 1921 г.) назвал декрет о денационализации формальным, хотя и привел примеры того, что бывшие собственники и представители буржуазии в ожидании денационализации ведут подпольную продажу либо самих предприятий, либо просто фирменного знака, вывески предприятия. Взамен денационализации он предложил «передачу предприятий в аренду на точных договорных условиях» кооперативам и частным лицам². На этом же съезде были намечены первые меры по децентрализации управления промышленностью, когда все подведомственные ВСНХ предприятия были разделены на две группы: остающиеся в непосредственном подчинении и управлении центра (предприятия первой группы) и все остальные, передаваемые в управление местным совнархозам.

Одновременно происходила реорганизация и самого центрального аппарата управления промышленностью – ВСНХ: ликвидировались многочисленные главки с целью расширения инициативы местных экономических органов³.

Следует заметить, что перестройка управления промышленностью осуществлялась в строгом соответствии с существующими тогда представлениями о координации функций руководства и управления. Лучше других их, вероятно, сформулировал экономист Е.В. Варга. В одной из своих работ осенью 1920 г. он писал, что «абсолютная централизация верховного руководства может быть совмещена с ... децентрализацией управляющего аппарата»⁴. Поэтому ослабевавшая «вертикаль» управления промышленностью внутри ВСНХ компенсировалась «вертикалью» вновь создаваемых органов Совета труда и обороны (СТО) при правительстве РСФСР: создавалась целая система губернских (областных) экономических совещаний или советов (экосо). Они и взяли на себя руководство промышленностью на местах и координацию деятельности всех местных хозяйственных органов, наблюдая за развитием местной инициативы и за целесообразным использованием материальных и финансовых ресурсов⁵. Разбухший за годы гражданской войны аппарат ВСНХ стал сокращаться, значительно уменьшилось количество главков (с 52 до 16).

Начало перевода государственной промышленности на новые для нее принципы хозяйствования и управления было положено Наказом Совнаркома «О проведении в жизнь начал новой экономической политики» (9 августа 1921 г.), который отмечал катастрофическое падение производства и в целях предотвращения дальнейшего его падения намечал перестроить работу промышленности «на началах точного хозяйственного расчета». Вслед за ним принимаются «Основные положения о мерах к восстановлению крупной промышленности и развитию производства» (12 августа 1921 г.), предопределившие образование трестов и снятие их с государственного снабжения.

Осенью 1921 г. государство в лице ВСНХ и его местных совнархозов, оставляло в своем управлении отдельные отрасли или крупные предприятия, наиболее значимые и важные с государственной точки зрения. Предприятия объединялись в тресты или комбинаты, построенные по принципу соединения разнородных предприятий, обслуживающих друг друга, тресты и комбинаты переводились на хозрасчет. Это давало им право более полной хозяйственной само-

стоятельности в реализации части собственной продукции на рынке, в решении вопросов организации производства, в использовании экономических методов стимулирования с целью повышения производительности труда, в распоряжении материальными, денежными и другими ресурсами⁶. Децентрализация управления промышленностью расширяла права местных совнархозов, допуская их хозяйственную самостоятельность.

В ходе трестирования и комбинирования государственной промышленности был найден приемлемый для большевистской концепции и для реальной практики вариант: при сохранении государственной собственности на средства производства (право собственности на основной капитал оставалось за СТО и ВСНХ) изменялась структура пользования ею. Сейчас говорят об отделении функций хозяйствования от бремени собственности. Из 37 тыс. национализированных к концу 1920 года предприятий, в руках государства оставалось лишь 13 тыс. (35,1 %). Наиболее широкое распространение получила аренда. К 1 января 1923 г. в аренду было сдано 4384 предприятия из 7000 предполагавшихся к сдаче. Из сданных в аренду: 31 % предприятий были сданы бывшим владельцам, 21 % – кооперации, 11 % – государственным учреждениям. Незначительное распространение получили концессии: к концу 1922 г. их было 13, и смешанные общества – два предприятия. Отсутствие ожидаемого количества арендаторов и концессионеров заставило законсервировать 3,5 тыс. промышленных предприятий⁷.

В условиях послевоенной разрухи и недостатка сырья, топлива, финансов процесс закрытия предприятий продолжался и в 1922 г. Так в обзоре политико-экономического состояния РСФСР за июль 1922 г. отмечалось «явление, получившее большое распространение в целом ряде губерний: ликвидация предприятий по причинам хозяйственного и финансового кризиса». Сообщалось о закрытии спичечных фабрик в Калужской губернии, крахмальных и винных заводов в Тульской губернии – из-за отсутствия сырья. Из-за отсутствия топлива закрылись фабрика и госзавод в Рязанской губернии. Из-за отсутствия оборотных средств закрылось 7 предприятий в Тверской губернии. Еще 12 предприятий закрылись вследствие ненадежности хозорганов и отсутствия рынка сбыта для производимой продукции. Все это порождало рост безработицы, волнения, обостряло недовольство рабочих новой властью, о чем также свидетельствуют сводки ГПУ⁸.

Если мелкотоварный и частнокапиталистический уклады уже были втянуты в орбиту рыночных отношений, то государственному сектору предстояло от государственного централизованного планового снабжения перейти на новые методы хозяйствования на основе хозрасчета.

Трестирование и перевод предприятий на хозрасчет начался сразу же после опубликования «Наказа СНК...». Первый трест «Льноправление» был образован в августе 1921 г. Наиболее интенсивно этот процесс шел и раньше закончился в отраслях, ближе других соприкасавшихся с рынком: в текстильной, кожевенной, химической, силикатной, бумажной, пищевой, медленнее – в металлической, в полиграфической. К осени 1922 г., когда процесс трестирования и перевода трестов на хозрасчет считался в основном завершенным, количество трестов составило 484, они объединили 4482 предприятия. Кроме этого было создано 22 комбината, объединивших 224 предприятия⁹.

Фактически принудительное трестирование по отраслям (некоторые главки превращались в тресты) сохраняло в деятельности трестов многие черты, свойственные централизованной бюрократической системе, а не расширяло их хозяйственную самостоятельность и децентрализацию управления. Тресты так и остались основной хозрасчетной единицей, государство не допустило хозрасчет на уровень предприятий. У трестов не хватало оборотных средств, действующие предприятия иногда объединялись с бездействующими. Поэтому XII съезд партии в 1923 г. констатировал, что сам переход от военного коммунизма к нэпу в промышленности совершался ... «методами военного коммунизма»¹⁰, хотя некоторые хозяйственники и экономисты на этом этапе склонны были оценивать формирующийся хозяйственный механизм как «рыночный и саморегулирующийся»¹¹.

В то же время в литературе 1920-х г. отмечалась и стихийная сторона процесса тестирования, которая рождала большое количество мелких трестов, не имеющих государственного значения¹². «Переход к хозрасчету... не мог, конечно, совершиться с большой планомерностью и вылиться в четкие организационные формы», – писал А.И. Рыков в одном из своих докладов. «От чрезмерного, с бюрократическим извращением централизма мы сразу перешли к такой децентрализации, которая многие фабрики и их объединения предос-

тавила их собственной судьбе. Отсюда возникла стихийная тяга к самоорганизации»¹³.

При отборе в число предприятий, действующих самостоятельно, государство руководствовалось тремя принципами: значением предприятий с точки зрения нужд обороны; ролью, которую они смогут сыграть в восстановлении основных отраслей народного хозяйства; возможной прибыльностью предприятия¹⁴. Так с самого начала нэпа государственная промышленность стала делиться на предприятия прибыльные (к ним в основном относилась легкая промышленность) и не приносящие прибыли. К предприятиям бесприбыльным (но хозрасчетным) относились предприятия военной промышленности, железнодорожного транспорта, речного флота, а позднее – вся тяжелая промышленность. Они вели свою хозяйственную деятельность на основе хозрасчетного принципа самоокупаемости, но управлялись централизованно. Государство устанавливало цены на их продукцию, критерием оценки эффективности их работы стало снижение издержек производства и обращения.

Однако выход на рынок государственной промышленности не способствовал стабилизации рыночных отношений. Неурожай 1921 г. привел к тому, что на рынке для промышленных изделий установилась неблагоприятная хозяйственная конъюнктура в виде убыточных цен на ее продукцию. Кроме этого, часть трестов стали приобретать на рынке сырье, топливо, продовольствие, ранее получаемые в порядке планового снабжения. Рост цен на сельскохозяйственную продукцию и падение цен на промышленную продукцию, потребность предприятий в деньгах вынуждала их идти не только на распродажу продукции и запасов по низким ценам, но «разбазаривать» и часть основных своих фондов. Поэтому в первый год перехода на товарно-денежные отношения, государственная промышленность несла большие убытки. Ее потери за 1921–22 гг. определялись в 150–200 млн золотых рублей. Эта сумма, по мнению исследователей 1920–х гг. пошла на восполнение оборотного капитала¹⁵, недостаток или отсутствие которого создавало много трудностей. Недостаток оборотных средств – становился основным препятствием на пути развития промышленности и объективно требовал восстановления и развития кредитного аппарата, выработки принципов кредитования трестов.

Тресты к моменту их создания практически не имели денежных источников, что приводило к недозагруженности производства,

ограничивало возможности в расширении рынка сбыта промышленной продукции. С осени 1921 г., с учреждением Госбанка, меняется порядок финансирования госпромышленности: начинается переход от сметного финансирования к кредитованию госпредприятий банком. Хотя организации Госбанка сопутствовало скептическое мнение, что ему придется быть лишь распорядителем получаемых от государства средств¹⁶, Госбанк пытался осуществлять свои взаимоотношения с гострестами на основе принципов экономического регулирования и коммерческого расчета и кредитовать в первую очередь наиболее эффективные отрасли и предприятия государственной промышленности. Правда в условиях инфляции и быстрого обесценивания всех кредитов эта работа не была достаточно эффективной. Постепенно складывался порядок, согласно которому сметные ассигнования применялись к тем отраслям и отдельным предприятиям, которые в силу особых причин не могли переводиться на хозяйственный расчет. Все предприятия, переведенные на хозрасчет, снимались как со сметного финансирования, так и с государственного снабжения, они кредитовались в Госбанке и за изделия, поставляемые государству, получали расчет деньгами. К началу 1922 г. с государственного бюджета была снята и стала пользоваться помощью банковского кредита легкая промышленность¹⁷, тяжелая промышленность была связана с рынком в меньшей степени, но, работая на госзаказ, она пользовалась поддержкой из госбюджета от случая к случаю, так как расчеты по госзаказам находились в хаотическом состоянии¹⁸.

По мере подведения итогов первого года нэпа отмечалось, что «Госбанк в своих кредитных взаимоотношениях с промышленными предприятиями и их объединениями конкретизировал самую сущность хозрасчета, отказывая в кредите бесхозяйственным и плохо поставленным предприятиям, требуя повышения их производительности, перестраивая иногда сами тресты, выделяя в них доходные предприятия»¹⁹.

В условиях острого дефицита государственного бюджета на первый план выходила не только проблема взаимоотношений госпромышленности и государственного бюджета, но и поиски источников долгосрочного кредитования промышленности. Наркомфин для пополнения бюджета стремился увеличить налоги, что приводило к многократности обложения промышленности и торговли. В результате тресты должны были выплачивать вместо установленных 7 %

налога – до 35 %²⁰. В первую очередь это коснулось легкой промышленности.

В целях концентрации капитала для развития промышленности и ее кредитования в 1922 г. была предпринята попытка организации самостоятельного банка для кредитования промышленности, который создавался как акционерное общество: 51 % акций должны были закрепляться за учредителями, т. е., за государственными промышленными и торговыми объединениями. Учредительное собрание акционеров Промбанка состоялось 24 октября 1922 г. Вслед за этим стали создаваться местные филиалы Промбанка по типу акционерных обществ, что отчасти рассматривалось как децентрализация кредитования госпромышленности, но на практике привело к конкуренции Госбанка и Промбанка, к их борьбе за активы промышленности, особенно легкой, где капитал оборачивался быстрее²¹. В качестве основного принципа деятельности акционерные банки установили для себя абсолютный отказ от работы на средства государственной эмиссии и стали использовать взаимный характер кредита: «Пока не создан свободный и достаточно насыщенный рынок капиталов, предприятия, прежде, чем воспользоваться кредитом, сначала должны были участвовать в создании того капитала, который будет впоследствии их кредитовать»²².

Не имея денег для экономической поддержки трестов, государство поставило перед ними задачу получать больше прибыли. Это толкало тресты к рынку, как к важнейшему источнику денежных знаков. Единственно возможным в тех экономических условиях путем к этому стало повышение цен на промышленные товары, которое привело впоследствии к кризису сбыта 1923 г.

Государственная промышленность выходила на рынок без своего торгового аппарата, и государство пыталось направить ее торговую деятельность в русло организованной биржевой торговли. 2 января 1922 года ВСНХ издает приказ, предписывающий участие всех государственных органов и предприятий в биржевой торговле. Однако неприспособленность к конъюнктуре рынка и нехватка оборотных средств, приводили к тому, что биржи саботировались государственными предприятиями, они предпочитали бартерный обмен товарно-денежным отношениям.

По мере выхода трестов на рынок, в периодической печати, в том числе, и в частных изданиях стали появляться справочно-информа-

ционные объявления рекламного характера, которые сообщали о существовании государственных трестов или государственных контор, акционерных обществ, кооперативных предприятий или магазинов, частных фирм и частных лиц, о виде их деятельности, перечне продукции или услуг. Указывались адреса, иногда и номера телефона, по которым следовало обращаться. В данном случае тресты и другие предприятия действовали на свой страх и риск, так как в стране действовала государственная монополия на рекламу, которая была введена еще в ноябре 1917 г.²³ и с изменением экономической политики в 1921 г. вопрос об ее отмене не обсуждался. Но возрождающийся рынок требовал активизации и этого своего инструмента.

Одними из первых в 1922 г. начинали заниматься рекламной деятельностью Главвыставком и Реклам-центр. Их деятельность была в меньшей мере связана с государственной промышленностью²⁴. Только в 1923 г. стали возникать ведомственные рекламные организации: «Промреклама» – агентство ВСНХ, «Транспечать» – агентство НКПС, рекламно-издательское агентство «Связь» при Наркомпочтеле, «Мосторгреклама» – бюро по торговой рекламе в Москве и др. Государственная монополия на рекламу сохранялась в виде ведомственной монополии.

Возникающая реклама была в основном примитивна, она отражала не потребительские качества товара и услуг (они в большинстве своем оставляли желать лучшего), а восстановительный процесс в нищей, голодной, полуразрушенной стране. В ней не было ни американского фарса, ни германской солидности, ни русского размаха, а была, пожалуй, русская робость от предстоящей неизвестности, особенно для частных структур. Недаром, анализируя рекламные объявления в газете «Экономическая жизнь» в конце 1921–1922 гг., эмигрантская русская экономическая литература с горечью отмечала, что вместо «огромной торгово-промышленной Москвы, наполненной товарами, сырьем, хлебом, жирами, мясом и др., находишь ... нэпмановскую «мелюзгу», мерзость запустения и казенные объявления – свидетельства бедности Советской России»²⁵.

После кризиса сбыта на московских и других центральных рынках весной 1922 г. промышленность вместо ларьков, лотков и мелких магазинов начала создавать оптовый торговый аппарат для сбыта своей продукции. Основными оптовыми торговыми органами трестов стали синдикаты. Они сыграли главную роль в деле расши-

рения рынков сбыта промышленной продукции, особенно на отдаленных рынках, хотя и синдикаты в не меньшей степени страдали от недостатка оборотных средств. Первыми создали синдикаты те тресты, которые в большей степени были связаны с рыночным спросом. Это синдикаты в текстильной, спичечной, соляной, кожевенной, табачной промышленности. Они пытались урегулировать торговую и заготовительную деятельность между трестом и синдикатом путем согласования и разграничения сфер влияния с целью устранения конкуренции, и, таким образом, стремились помочь друг другу планомерно овладеть рынками сбыта и рынками заготовок сырья²⁶. Синдикаты, возникшие на плановой основе, по решению ВСНХ, угольный, нефтяной – либо не работали, либо работали очень плохо²⁷.

Первые итоги работы по переводу государственной промышленности на хозрасчет и выхода ее на рынок были достаточно противоречивые. Только к концу ноября 1922 года, когда завершился сбор продналога с крестьян и крестьяне смогли реализовать часть оставшегося урожая по рыночным ценам и получить за него наличные деньги, «промышленность, сбывающая свою продукцию в деревню, получила возможность ликвидировать задолженность своим рабочим, выплатив им заработную плату и увеличив их ставки...». Достаточно тяжелое положение, по оценкам ГПУ, оставалось на предприятиях, состоящих на госснабжении или переведенных на хозрасчет, но работающих на госорганы, почти никогда не имеющих наличных денег для расчета с исполнителями их заказов²⁸. Тем не менее, к осени 1922 г. из разных регионов стала поступать информация, что «предприятия, переведенные на хозрасчет, гораздо лучше снабжают рабочих», нежели другие, о росте производительности, об удовлетворительном отношении рабочих к нэпу и даже о «стремлении совслужащих перейти из учреждений, состоящих на госснабжении, в учреждения, состоящие на хозрасчете»²⁹.

Профессор Л.Б. Кафенгауз от лица центрального управления учета и статистики ВСНХ также констатировал, что «только с осени 1922 г. торговля изделиями нашей промышленности вступила в нормальное русло». Он отмечал завершение вынужденной и беспорядочной торговли, «когда на рынок массами выбрасывались ... старые запасы товаров, которые давили на рынок и без того обесиленный голодом»³⁰.

Таким образом, на этапе вхождения промышленности в рыночные отношения, акценты сместились на рыночные методы ее регулирования: хозрасчет, прибыль, кредит, совершенствование налоговой политики и др. Это давало основания очевидцам и участникам именовать этот этап в развитии промышленности, как этап «хозяйственной автономии», что многократно отражено в литературе 1920-х гг. Воздействие рыночных (экономических) механизмов на госпромышленность извне шло по линии синдикатов, через кредитную политику Госбанка и Промбанка. Так намечались контуры системы экономического регулирования промышленности посредством банков и синдикатов, которые начинали изучать рыночный спрос и все больше ориентировать свои отрасли и предприятия на производство продукции, имеющей спрос на рынке. Однако и государство не забывало о своей стратегической линии и вырабатывало политику в отношении рынка.

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА

В самом начале включения промышленности в рыночные отношения, в конце 1921 – начале 1922 гг. четко была определена политическая линия, которая предполагала в дальнейшем устранение рынка из хозяйственной практики. 1922 год стал определяющим как для развития рыночных отношений, так и в выборе государством методов воздействия на экономику и общество, в становлении механизмов государственного регулирования. Призывы: «учиться торговать», «овладеть методами экономического регулирования», «побеждать конкурентов не путем приказаний и монопольного положения, а путем лучшей работы», «...в открытом бою экономической конкуренции...»³¹ требовали грамотного отбора и использования методов государственного регулирования экономического развития.

Так как в перспективе предполагалось устранение рынка и товарно-денежных отношений из хозяйственной практики, государство не было заинтересовано в их расширении. Неудавшаяся попытка замкнуть рынок в рамки местного оборота весной 1921 г. сменялась попытками создать преимущества на рынке для госсектора. Государст-

венная промышленность стала пользоваться преимуществом при получении кредита и более низким страховым процентом (8 %), чем кооперативные (10 %) и частные предприятия (12 %). Государственные торговые предприятия пользовались льготами при выборе патентов³². Одновременно с выходом госпромышленности на рынок, ограничивались ее права в выборе контрагентов для приобретения сырья и других товаров. В первую очередь госпредприятия должны были обращаться к кооперации, затем к единоличному производителю (кустарю) и лишь в последнюю очередь – к частным лицам³³.

В 1922 году государство настойчиво решало политическую задачу «учиться торговать» и проводило денежную реформу, пытаясь создать устойчивую советскую валюту. В ВСНХ и Наркоматах были созданы торговые отделы, возникали акционерные торгово-заготовительные общества, паевые товарищества с участием государственного капитала. Руководство процессом становления организованного рынка взяла на себя Комиссия по внутренней торговле (Комвнуторг – КВТ) при СТО, созданная в середине 1922 г. для регулирования внутренней торговли: государственной, кооперативной и частной. Комиссия являла собой одно из первых государственных регулирующих образований, получивших в свое ведение всю биржевую торговлю. Она стала рассматривать и утверждать уставы бирж и составы биржевых комитетов³⁴. С этого времени биржи стали рассматриваться государством как органы, способные упорядочить и поставить под контроль торговые сделки. Постановлением СТО «О товарных биржах» (23 августа 1922 г.) всем государственным предприятиям предписывалось регистрировать все свои торговые сделки на бирже³⁵.

Комвнуторг стала организатором всех крупных ярмарок, часто заранее предпреляя ее статус (Всероссийская или региональная), что вело либо к расширению, либо к ограничению льгот и кредитов³⁶. Она разрабатывала торговое законодательство, утверждала уставы акционерных обществ, участвовала в разработке типового положения о трестах, содействовала развитию промышленно-экономического образования, участвовала в изучении ряда вопросов, которые требовали незамедлительного решения: налоговое обложение, деревенская торговля и другие³⁷.

Поддержав некоторые объективно существующие моменты в развитии рыночных отношений (участие частного капитала в биржевой

торговле, участие комиссии частных торговцев в подготовке Всероссийского биржевого съезда, отвергала монополизм на рынке отдельных трестов и других органов)³⁸, Комвноторг стала проводить политику пролетарского государства, создавая преимущества на рынке государственным и кооперативным торговым органам перед частными³⁹. Особенно четко это проявилось в решении вопросов о выдаче льготных или бесплатных патентов. Уже за третий квартал 1922 г. (по отношению к 1 полугодью) количество патентов, выбранных государственными и коммунальными предприятиями, выросло соответственно на 187,7 % и 143,3 %, количество же частных патентов сократилось до 78,7 %. Сократилось количество патентов, выбранных и кооперативными организациями (77,2 %), что скорее свидетельствовало об организационной и экономической слабости кооперации. Не случайно вопросы о финансовом кризисе кооперации и мерах ее государственной поддержки рассматривались Комвноторгом в ноябре 1922 г.⁴⁰

Однако процесс становления и упрочения своих позиций как регулирующего органа не был для Комвноторга простым. На полное регулирование внутренней торговли претендовал ВСНХ, выдвигая в качестве аргументов тезис о том, что торговля является заключительным звеном в промышленной деятельности и потому интересы торговли должны быть подчинены интересам промышленности⁴¹. Такое ведомственное противостояние не было случайным. Среди политических и хозяйственных руководителей были ярые сторонники приоритетного развития производства. К их числу принадлежали Л.Д. Троцкий, А.И. Рыков и др. Они считали, что «с точки зрения интересов всего хозяйства необходимо не только торговлю, но и систему налогов, денежное обращение, общее законодательство, железнодорожные тарифы, отчасти внешнюю политику и т. п. подчинить интересам развития промышленности»⁴².

Но ведомственное противостояние шло в разрез с интересами государственной политики. По сути, государство оказалось перед необходимостью найти механизмы взаимодействия, взаимной увязки интересов между торговой и промышленной политикой на государственном уровне. Объективная потребность в решении этой задачи была обусловлена и тем, что в 1922 г. одновременно с восстановлением рыночных отношений шел процесс обнаружения интересов государства и рынка, и выявилась главная сфера соприкосновения этих

интересов – легкая промышленность, фактически началась борьба государства и рынка за «отвоевание экономического пространства». Рынок требовал расширения сферы своего влияния, вовлечения в орбиту своего влияния легкой промышленности как основного производителя товаров народного потребления, государство искало пути к усилению своего влияния на экономику в целом и на рынок в частности. Первостепенной и для государственной политики и для развития рыночных отношений становилась задача развития промышленности и насыщения рынка товарами первой необходимости. В этой ситуации перспективы промышленного развития обсуждались во всех заинтересованных ведомствах и на политических форумах. Предложения сыпались как из «рога изобилия».

В институте экономических исследований Наркомфина предлагали проводить дифференцированную политику в отношении легкой и тяжелой промышленности: косвенное регулирование легкой промышленности через налоги, тарифы, кредит и непосредственное государственное вмешательство в развитие тяжелой промышленности, вплоть до назначения цен на ее продукцию⁴³. В ВСНХ обсуждалась идея превращения трестов в акционерные общества с привлечением частного, кооперативного и иностранного капитала. Однако из-за опасения возможной денационализации крупной промышленности эта идея была отвергнута⁴⁴. Г.Я. Сокольников предлагал использовать идею акционирования в практике государственного централизованного регулирования через владение государством контрольными пакетами акций банков и других акционерных компаний, и влияния на их кредитную политику⁴⁵.

В ходе подготовки к XII съезду партии, на обсуждение которого выносился вопрос о развитии промышленности, активно обсуждались пределы рыночного и государственного воздействия на нее. Ф.Э. Дзержинский, совмещавший чекистскую работу с хозяйственной деятельностью, в своих замечаниях писал об абстрактности тезисов Л.Д. Троцкого о промышленности: «В тезисах нет анализа рынка, а потому и нет никакого конкретного размежевания между регулирующей работой рынка и плановых государственных органов, а так как этого нет, хозяйственное маневрирование на практике может превратиться во всеобщее шатание и произвол...»⁴⁶. Для хозяйственников необходимость размежевать и конкретизировать регулирующую работу рынка и плановых государственных органов становилась все более очевидной.

Но для политиков вопрос о судьбе промышленности был решен однозначно и окончательно и не подлежал обсуждению. Предложения из хозяйственных и научных органов не оказали серьезного влияния на политику. В ходе подготовки декрета о трестах 1923 г. были отвергнуты все идеи и предложения относительно акционирования промышленности, тресты решено было оставить чисто государственными образованиями, в которые не допускался ни частный, ни кооперативный капитал и были предприняты все меры к тому, чтобы на ХП съезде партии (апрель 1923 г.) дискуссии о промышленности не состоялось.

Хотя в политбюро и обнаружились свои разногласия по вопросу о промышленности в связи с обсуждением тезисов, написанных Л.Д. Троцким к ХП партсъезду. Тезисы Л.Д. Троцкого не учитывали ни одного из вышеназванных предложений, его разногласия с остальными членами политбюро сводились к различному пониманию роли сельского хозяйства в восстановительном процессе и особенно механизма его «смычки» (торговли) с госпромышленностью, т. е. к различному пониманию приоритетов между торговой и промышленной политикой на государственном уровне.

Объективная экономическая ситуация в стране требовала для успешного укрепления «смычки» с крестьянским хозяйством – ускоренного развития промышленности и насыщения рынка товарами повседневного спроса. Но у политиков были другие акценты. Л.Д. Троцкому приписывалась недооценка роли крестьянства и попытка добиться ликвидации руководящей роли партии⁴⁷. В действительности же Л.Д. Троцкий рассматривал промышленность как незыблемую основу пролетарской диктатуры и акцентировал внимание на ее планомерном развитии, чтобы она «не отставала от развития земледелия... и жила не за счет бюджета, т. е., за счет сельского хозяйства», а за счет собственного расширенного воспроизводства⁴⁸.

Для достижения этой цели он предлагал сконцентрировать финансово-кредитные функции в одном учреждении – ВСНХ и планомерно расходовать средства госбюджета. По вопросу о взаимоотношениях партии и хозяйственных органов Л.Д. Троцкий предлагал разграничить партийную и хозяйственную работу, выступал против частого и несогласованного смещения и перемещения хозяйственников, за расширение хозяйственных прав, инициативы и самостоятельности директорского корпуса⁴⁹.

Тем не менее тезисы Л. Д. Троцкого критиковались на пяти заседаниях политбюро и двух пленумах ЦК, была создана специальная комиссия для окончательного редактирования тезисов. Чтобы избежать разногласий на съезде и таким образом предотвратить «вредное влияние на состояние партии», члены и кандидаты в члены политбюро (Зиновьев, Сталин, Каменев, Томский, Рыков, Бухарин, Калинин, Молотов) обратились с письмом ко всем членам и кандидатам пленума ЦК (март 1923 г.) о защите позиции большинства. Пленум утвердил поправки политбюро к тезисам о промышленности и обязал Л. Д. Троцкого дать новую редакцию тезисов⁵⁰. При этом политбюро не изменило сути тезисов по вопросу о взаимоотношениях партийных и хозяйственных органов, а лишь расширило их.

За неделю до открытия ХП съезда партии ВЦИК и СНК подписали декрет о трестах, который вводился в действие со дня опубликования и закреплял в качестве нормы административное вмешательство в текущую хозяйственную деятельность трестов, работающих на рынок⁵¹. Так были предприняты все меры к тому, чтобы дискуссии о промышленности на съезде не состоялось и судьба промышленности, связанной с рынком была предрешена до съезда.

Декрет ВЦИК и СНК от 10 апреля 1923 г. и последовавшие за ним декреты от 17 июля того же года регулировали деятельность той части промышленности, которая могла в ходе своей работы давать прибыль. Это законодательство завершило период адаптации государственных трестов к рынку и товарно-денежным отношениям, период, который еще называли «периодом хозяйственной автономии» и обозначило поворот к жесткой централизации управления промышленностью. Были нормативно закреплены такие формы руководства государственными трестами и предприятиями, которые внешне были еще одним шагом в направлении рынка, а на деле, часть промышленности, не успев в полной мере перейти на рыночные методы хозяйствования, вынуждена была снова перестраиваться на административный лад уже с весны 1923 г.

Основным принципом деятельности трестов вместо хозяйственного, становился коммерческий расчет, а основная цель их деятельности – получение прибыли. При этом коммерческий принцип понимался как частнохозяйственный, капиталистический и считался более приближенным к рыночным условиям, чем принцип хозяйственного расчета⁵². Он использовался в отраслях легкой, пищевой

промышленности. На хозрасчете оставались тресты, которые удовлетворяли общегосударственные нужды, поэтому хозрасчет уже не рассматривался в качестве рыночного метода хозяйствования.

Согласно законодательства о трестах 1923 г., государство оставалось не только собственником имущества и капитала всех трестов, оно осуществляло общий надзор и руководство трестами, претендовало на значительную часть чистой прибыли и распределяло ее. За трестами оставалось лишь право оперативной хозяйственной деятельности: они могли выбирать методы хозяйствования, могли использовать частнохозяйственные принципы, принципы коммерческого расчета и должны были давать прибыль⁵³. Такое законодательство снимало все опасения относительно возможной денационализации промышленности. Постепенно стало нормой административное вмешательство и в текущую хозяйственную деятельность: регулировали производственную программу, цены, сбыт, а основной и оборотный капитал трестов стал пополняться по распоряжению ВСНХ, и не зависел от эффективности их хозяйственной деятельности. По мере того как перераспределение капитала оказывалось в руках государства и осуществлялось административным путем, Госбанк действительно начинал утрачивать свои кредитно-регулирующие функции и становился лишь исполнителем воли административных органов.

На ХП съезде партии Л.Д. Троцкий сообщил, что доклад носит директивный характер и основан на тезисах ЦК, но в дальнейшем докладчик все-таки отошел от тезисов и развил свою концепцию перспектив развития народного хозяйства. Делая акценты на более жестком государственном регулировании народного хозяйства, на усилении планового государственного воздействия в отношении промышленности («наша тяжелая промышленность слишком тяжела для рынка»), Л.Д. Троцкий одновременно предлагал рассматривать планирование и руководство народным хозяйством «не обязательно, как жесткое администрирование, а как маневрирование, предвидение и согласование работы отраслей в условиях рынка... с их работой на государство», как сочетание текущего, оперативного планирования с перспективным⁵⁴. Очевидно, он ожидал поддержки и дискуссии на съезде, так как в заключительном слове с сожалением констатировал, что «серьезной дискуссии ни по вопросам промышленности, ни по вопросам планового руководства не состоялось»⁵⁵.

Большинство выступивших на съезде по вопросу о промышленности, воспринимали предложения Л.Д. Троцкого как начало борьбы с нэпом и потому склонялись к более либеральной хозяйственной модели, считая, что борьбу с нэпом начинать рано, что вначале следует «овладеть законами рынка и умело пользуясь их действием, ... победить нэп ее же методами»⁵⁶.

В резолюции «О промышленности» отмечалось первостепенное значение промышленности в укреплении диктатуры пролетариата, но на данном этапе подчеркивалось преобладающее значение крестьянского хозяйства, поэтому решения XII съезда партии предостерегали от преждевременной замены регулирующей работы рынка административными методами, и в большей мере настаивали на укреплении планового начала в развитии промышленности. Задачи в области промышленной политики предполагалось решать при правильном соотношении плана и рынка⁵⁷.

Эти задачи предписывалось решать Госплану. XII съезд партии потребовал от него расширить сферу планового воздействия на всю промышленность, транспорт, кредитную и финансовую политику, политику заработной платы. Одновременно предполагалось придать Госплану «более определенное положение, более твердую организацию, более ясные и бесспорные права и обязанности»⁵⁸. Усиление планового начала еще не означало утверждения «диктатуры плана». В самом плановом органе планирование понималось скорее как обеспечение пропорциональности и сбалансированности отраслей, как согласование ресурсов и потребностей. Вероятно, именно такой подход к планированию мог придать рынку регулируемый характер. Но в 1923 г. Госплан еще переживал период своего становления и первоначального организационного оформления и только начинал искать пути планирования в условиях рынка.

С ноября 1923 г. начинает работу конъюнктурное совещание (с декабря – совет) при Госплане, выросшее из неудачной комиссии СТО по кризису сбыта и зарплате. Автор идеи изучения конъюнктуры В.Г. Громан считал возможным определение экономических мероприятий правительства по регулированию на основе полного и систематического изучения хозяйственной конъюнктуры, с целью выяснения степени взаимной увязки отдельных сторон народного хозяйства между собой и выявления тенденций гармоничного, дисгармоничного или антогонистического развития⁵⁹. Первый обзор на-

родного хозяйства по докладу В.Г. Громана конъюнктурный совет обсудил уже в декабре. Основные его выводы и рекомендации легли в основу решений XIII партконференции: «в борьбе за овладение рынком – усилить плановое начало»⁶⁰.

С марта 1924 г. конъюнктурные комиссии создаются в ВСНХ, Наркомфине, Наркоматах внутренней и внешней торговли, Наркомате путей сообщения, Наркомземе. В дальнейшем предполагалось перейти к порайонному (областному) изучению хозяйственного положения в стране, но в различных регионах это было сложно организовать из-за отсутствия средств и кадров⁶¹. К середине 1920-х гг. при конъюнктурном совете были организованы конъюнктурное бюро и отдел торговой конъюнктуры и цен. Конъюнктурный совет стал разрабатывать основные меры по регулированию конъюнктуры, а бюро и отдел изучали произошедшие хозяйственные изменения. Собранные материалы были громоздки, сложны для анализа, и вряд ли могли оказать влияние на выработку экономической политики.

У ряда экономистов было вполне справедливое понимание того, что конъюнктурные обзоры характеризуют не все народное хозяйство, а лишь государственное по отраслям, которое меньше всего подвержено конъюнктурным изменениям. Поэтому они настойчиво предлагали изучать и конъюнктуру частного хозяйства. С невозможностью предсказать тенденции развития частного хозяйства, регулирующие органы столкнулись и при составлении первых балансов по отраслям⁶².

К началу 1924 г. Госплан еще не сумел утвердить себя в качестве компетентного и ведущего государственного ведомства, и авторитет его не был высок. В его адрес раздавались ядовитые насмешки типа той, что «если Госплан внезапно провалится сквозь землю, то этого никто не заметит. Все пойдет так, как идет сейчас»⁶³. Когда же Госплан пытался выполнять свою координирующую роль во взаимоотношениях ведомств, начинали возникать разногласия между ведомствами и Госпланом. Чаще всего эти разногласия касались ведомственных бюджетов. А если речь шла о бюджетах, то это неизбежно вело к разногласиям с Наркомфином, который продолжал оставаться более компетентным ведомством в вопросах экономического регулирования. В структуре Наркомфина были своя плановая комиссия, бюро государственных заказов – и их деятельность часто рассматривалась именно как планирование⁶⁴, что создавало дополнительную основу для противостояния с Госпланом.

К концу 1924 г. разногласия двух ведомств касались не только разных подходов к формированию ведомственных бюджетов, к методам составления балансов и исчисления прибыли и убытков, к расчетам основного и амортизационного капиталов⁶⁵, но и достаточно мелких вопросов взаимного представительства на совещаниях и заседаниях.

Наркомфин отдавал приоритет финансово-кредитным методам регулирования: добивался увеличения кредитов трестам и синдикатам, поддерживал торговлю, как сферу быстрого обращения капитала, т. е., как бы теперь сказали, придерживался монетаристской политики. Госплан выступал против такой политики, он настаивал на увеличении кредитов кооперации, на увеличении капиталов спецбанков и обществ взаимного кредита, не зная иных реальных путей к этому, кроме эмиссии⁶⁶.

В условиях отсутствия единого сбалансированного народнохозяйственного бюджета, вопрос о размерах выделяемых ведомствам средств решался в ходе длительного обсуждения и простого голосования членов президиума Госплана. Как правило, принималась сумма, исчисленная финансово-бюджетной секцией Госплана, но не рассчитанная Наркомфином или самим ведомством⁶⁷. И таким образом Госплан утверждал свой авторитет и выполнял политические предписания.

Утверждая свое первенство среди ведомств страны, в последнем квартале 1924 г. представители Госплана перестали участвовать в заседаниях сметно-бюджетного совещания при Наркомфине. Наркомфин всякий раз информировал СТО и СНК о неявке представителей Госплана, т. к. согласно ст. 5. Закона о бюджетных правах СССР, представители Госплана с правом решающего голоса должны были принимать участие во всех без исключения заседаниях сметно-бюджетного совещания Наркомфина⁶⁸. Но так как результаты обсуждения бюджетов и голосования по ним на совещаниях в Наркомфине были лишь промежуточным этапом, а право вынесения окончательного решения оставалось за президиумом Госплана, то Госплан стал вполне обоснованно считать свое участие в тех совещаниях нецелесообразным, а законодательство явно несовершенным.

На формирование единой политики в сфере банковских учреждений и в упорядочении кредитно-финансовой системы страны также одновременно претендовали Наркомфин и бюджетно-финансовая

секция Госплана. И здесь возникали конфликты и амбициозное ведомственное противостояние. По мере завершения денежной реформы, в июле 1924 г. СНК СССР предложил Наркомфину и Госплану предоставить к ноябрю концепцию общей политики в сфере банковских учреждений на предстоящий 1924/25 хозяйственный год. Наркомфин предоставил доклад в Госплан с опозданием на два месяца. После чего СТО и СНК пять раз запрашивали заключение Госплана по докладу Наркомфина. Наконец, через год, в июле 1925 г. бюджетно-финансовая секция Госплана сочла доклад Наркомфина устаревшим и не видела целесообразности его обсуждать. Секция считала, теперь уже вполне справедливо, что в 1925 г. направление кредитной политики изменяется, встают новые хозяйственные проблемы и потому нужна совершенно новая концепция финансово-кредитной политики⁶⁹. Низкая исполнительская дисциплина и неоперативность в работе бюджетно-финансовой секции связана, по нашим наблюдениям, с тем, что она не владела информацией в целом по всем банковским учреждениям страны. Банки запаздывали с отчетностью (либо вообще не стремились отчитываться перед Госпланом?) и потому секция вынуждена была оценивать лишь баланс Госбанка⁷⁰.

Наркомфин же имел более полную информацию. В его докладе были представлены балансы пяти крупнейших банков страны: Госбанка, Промбанка, Роскомбанка, Всекомбанка, Мосгорбанка⁷¹. Кроме того, у Госплана возникало много вопросов, на которые он не знал ответов. Например, как проанализировать соотношение прибыли и убытков Госбанка, если основным источником его прибыли является эмиссионное право и высокий дисконт? Как определить размеры собственных капиталов Госбанка? Каковы источники займа хозяйственного восстановления и фонда долгосрочного кредитования промышленности? Ответы на эти непростые вопросы российской действительности середины 1920-х гг. вероятно надо было искать на основе конструктивного диалога всех заинтересованных ведомств при координирующей деятельности правительства.

Пока же Госплану было очевидно, что высокий удельный вес Госбанка (70 % на 1.X.1924 г.) в сводном балансе пяти банков обеспечивается почти исключительно за счет эмиссии, которая не прекращалась и в ходе денежной реформы. «Открытием» для Госплана стало то, что на вкладах и текущих счетах Госбанка находится зна-

чительная сумма средств Наркомфина (хранить их больше было негде!), вероятно предназначенная для бюджетного финансирования отдельных ведомств. Госплан стал выяснять природу этих средств⁷².

Пока два ведомства страны – Наркомфин и Госплан – «выясняли свои отношения», вопросами регулирования, а заодно и примирения ведомств занимались СТО и СНК. Они пытались пойти по пути разграничения функций ведомств и объединения их усилий через создание специальных межведомственных комитетов и комиссий для решения отдельных вопросов. Были разграничены функции Госплана, ВСНХ СССР и ВСНХ союзных республик в области планирования, регулирования и управления промышленностью, но при этом плановые органы Наркоматов все равно оказались в двойном подчинении: Госплана и ВСНХ СССР⁷³. Кроме этого, по неполным данным Госплана к 1926 г. существовало 57 постоянных и временных комиссий, большинство из которых практически не работали, но эпизодически вмешивались в те или иные вопросы⁷⁴.

Таким образом, значительная часть усилий и времени уходила в первой половине 1920-х гг. не столько на концептуальную разработку перспектив дальнейшего развития страны и практическое проведение торгово-промышленной политики, сколько на государственное строительство, на преодоление межведомственных разногласий и определение полномочий наркоматов и других государственных учреждений, на решение организационных вопросов.

Реалии российской жизни 1920-х гг. все-таки заставляли политиков теоретически и политически увязывать развитие укладов с перспективами движения к социализму. Такие попытки начинались с 1924 г. Но место и роль рынка в этом процессе определялись чаще всего с точки зрения развития товарооборота. Кроме того, до середины 1920-х гг. политические акценты продолжали делать на укреплении «смычки» через организацию государственной и кооперативной торговли, то, вытесняя частного из торговли (1924 г.), то вновь допуская его в эту сферу (1925 г.). Однако при этом политики явно недооценивали роль самого производства в развитии рынка. В решениях XIII съезда партии было записано, что «только дальнейший рост товарооборота создает твердую базу для дальнейшего развития промышленности и завершения денежной реформы»⁷⁵. Такое понимание роли торговли не только противоречило настойчивым требованиям «левой» оппозиции на приоритетное развитие промышлен-

ности и усиление планового государственного воздействия на нее, но и логике рыночного развития, где в основе товарооборота все-таки должно лежать производство. Соединить оба подхода: большинства ЦК и оппозиции – никто не пытался. Механизм увязки промышленной и торговой политики в первой половине 1920-х г. так и не был найден. Акценты смещались в сторону обсуждения другой дилеммы: «диктатуры промышленности» либо «диктатуры финансов», не менее важных для развития рыночных отношений: без наличия необходимых товаров и устойчивой денежной единицы сложно следовать по пути рыночных отношений.

Государство стремилось в первую очередь добиться контроля над регулированием финансов. Одним из шагов в регулировании деятельности кредитных учреждений было создание по постановлению СНК в июле 1924 г. Комитета по делам банков при правлении Государственного банка. В состав комитета вошли по одному представителю от всех банков и обществ взаимного кредита. Комитет пытался выработать общие направления кредитной политики и координировать кредитные планы всех банковских учреждений страны: государственных, кооперативных, частных⁷⁶. Осенью 1924 г. по постановлению СТО создается Комиссия по разграничению функций и клиентуры кредитных учреждений во избежание конкуренции между ними. Комиссия просуществовала до мая 1926 г. и была распущена, так и не сумев выполнить своего предназначения⁷⁷. Банки в условиях конкуренции далеко не всегда руководствовались установками государственных ведомств.

Роль Наркомфина с его монетаристской политикой стала снижаться после завершения денежной реформы, когда принцип коммерческого кредитования был сведен к нулю, а финансовая несостоятельность трестов не оборачивалась их банкротством. Промышленность начинала требовать все больших и больших финансовых вложений.

Роль же Госплана при этом не повышалась. Госплан медленно входил в экономическую жизнь страны, медленно решал все вопросы. Утверждая плановые приоритеты, он явно отставал от темпов развития. С 1924 г. Госплан стал искать подходы к перспективному планированию. При этом почти два с половиной года ушли на поиск методологии планирования. В начале 1926 г., когда СТО запрашивал у Госплана предложения по методологии составления народно-хозяйственных планов, чтобы утвердить их, Госплан отвечал в СТО,

«что методология составления хозяйственных планов находится еще в полосе исканий и вряд ли может устанавливаться в законодательном порядке». В июне 1926 г., за неимением ничего другого, центральная методологическая комиссия Госплана заслушала и обсудила доклад В.А. Базарова, который исходил из возможности научного плана – прогноза, основанного на балансовом методе. Участники обсуждения высказали возражения лишь мировоззренческого характера и доклад был принят за основу⁷⁸.

По мере завершения восстановительного периода от Госплана ждали сбалансированных планов реконструкции. Ряд экономистов Госплана понимали, что «история не ждет», и если срочно не будет «стройного практического плана», то ожидается провал не только хозяйственников-плановиков, но и самой идеи планового хозяйства. К середине 1920-х гг. Госплан оказался перед необходимостью обеспечить темпы и качество самой плановой работы.

Целостный механизм регулирования экономики, основанный на сочетании плановых и рыночных методов, на практике не складывался даже в государственном секторе. В отношении использования такого механизма для регулирования всего народного хозяйства страны речь шла в основном в теоретических рассуждениях и построениях.

ПОД ВЛИЯНИЕМ РЫНОЧНЫХ ФАКТОРОВ

Хотя политические решения признавали необходимым сочетание плановых и рыночных методов воздействия на промышленность, найти на практике это оптимальное сочетание оказывалось не просто. Недопонимание сущности рынка (рынок чаще всего ассоциировался у политиков с торговлей, либо воспринимался как саморегулирующая система), незнание рыночных законов и механизмов, и нежелание познавать формы их проявления, противопоставление рынка, как категории капиталистической – плану, как категории социалистической (что сделал и Л.Д. Троцкий на XII съезде партии) становилось главным препятствием на пути формирования целостного хозяйственного механизма в государственном секторе, осно-

ванного, как на экономическом стимулировании, так и на плановом регулировании. Признание только одной государственной формы собственности в промышленности в качестве «социалистической» закрывало возможные альтернативные пути хозяйственного развития.

Выход госпромышленности на рынок должен был стать главным стабилизирующим фактором, механизмом расширения «социалистического влияния» на все народное хозяйство⁷⁹. Однако в целом она плохо решала задачу объединения вокруг себя других укладов, в силу своей низкой эффективности не могла удовлетворить все потребности рынка. В одном из статистико-экономических обзоров ВСНХ середины 1920-х гг. отмечался значительный рост потребления промышленной продукции внутри самих трестов: до 17 % всей валовой продукции. Эта доля потреблялась внутри промышленных трестов и не поступала на рынок, снижая тем самым общий объем товарной продукции⁸⁰. Возглавлявший ВСНХ Рыков А.И., неоднократно в своих выступлениях приводил данные о потреблении товарной продукции в городе и деревне. На долю городского потребления приходилось до 70 % всей продукции, которая шла на широкий рынок, и лишь 30 % уходило в деревню⁸¹. За промышленную продукцию шла жесткая борьба торговцев, особенно частника и кооперации. В этих условиях государство активно искало пути для расширения производства, в том числе кооперативного и частного. Было очевидно, что в сфере производства сложно говорить о конкуренции. Его развитие шло медленно и требовало дополнительных финансовых вложений. О том, что половина продукции всей промышленности непосредственно оплачивалась государством в 1922–23 году, писал в своем обзоре Л.Б. Кафенгауз, определяя в качестве ближайшей задачи оздоровления промышленности «освобождение ее от этой исключительной зависимости от госбюджета и в постепенном переходе к работе на действительно вольный и особенно сельский рынок»⁸². Анализ же развития по отраслям все-таки показывал, что «работа всех отраслей промышленности, связанных с размерами государственных заказов определялась исключительно размерами государственных субсидий», а «отрасли, работающие на вольный рынок, ... настолько развернули свое производство», что вышли на максимальную нагрузку своего оборудования. В первую очередь это проявилось в текстильной, хлопчатобумажной, резино-

вой, кожевенной, спичечной отраслях⁸³. Население нуждалось в товарах массового потребления.

Ход восстановления госпромышленности и увеличения объемов ее производства зависел не только от воздействия на нее рыночных факторов: спроса и покупательной способности населения, емкости и конъюнктуры рынка. Большую роль играло состояние основных фондов, наличие топлива (первая проблема, с которой столкнулась промышленность в условиях нэпа – его нехватка⁸⁴), сырья, банковских кредитов, специалистов и квалифицированных рабочих. Решение ряда этих проблем зависело в значительной мере от общегосударственной политики.

После тяжелого финансового положения в 1921–1922 гг. учитывая высокие производственные издержки и ориентированные на получение прибыли законодательством 1923 г., гостресты и синдикаты стали поднимать цены на свою продукцию. Апрельский декрет 1923 г., приказ Пятакова (июль 1923 г.) давали трестам право устанавливать цены по свободному соглашению продавцов и покупателей⁸⁵. Государственная промышленность, являясь монополистом в производстве товаров широкого потребления для внутреннего рынка (а иных рынков у госпромышленности не было), потенциально могла бы диктовать ему свои условия. А после длительного периода отсутствия этих товаров, любая промышленная продукция пользовалась бы спросом, если бы цены на нее соответствовали покупательной способности потребителя. Примерно такой подход к оценке рыночной конъюнктуры был характерен для ВСНХ. Л.Б. Кафенгауз объяснял рост цен на продукцию промышленности в 1923 г. ростом спроса на нее, улучшением рыночной конъюнктуры для сбыта промышленных изделий⁸⁶.

А.И. Рыков на первом Всероссийском съезде представителей биржевой торговли еще в январе 1923 г., также понимая, что промышленность имеет большие возможности при настоящем состоянии рынка использовать создавшиеся отношения между городом и деревней в свою пользу, предлагал смотреть на политику цен не «с точки зрения узких интересов промышленности или торговли», а с точки зрения тех задач, «которые стоят перед промышленностью в отношении деревни». «Вместо того чтобы центр тяжести

перенести на борьбу за понижение себестоимости (и дать дешевые товары деревне. – Л.С.), наши хозорганы сплошь и рядом думают только о том, чтобы как можно дороже продать», – говорил он⁸⁷.

Незнание емкости нэповского рынка, низкая покупательная способность деревни привели к тому, что «большинство наиболее крупных отраслей, работающих на вольный рынок, оказались не в состоянии реализовать всю свою продукцию на рынке»⁸⁸. Уже с начала марта 1923 г. из ряда центральных губерний сообщали о том, что «главнейшей причиной недовольства крестьян является то, что рынок для них с каждым днем становится все менее доступным, ибо фабрикаты производства во много раз выше цен фабрикатов сельского хозяйства»⁸⁹. На всем протяжении весны и лета почти повсеместно отмечалось «резкое ухудшение в состоянии промышленности», вызванное отсутствием сбыта и недостатком сырья, финансовым кризисом и концентрацией промышленности⁹⁰.

А от объемов и скорости рыночного оборота в значительной степени зависела зарплата рабочих и специалистов госпредприятий. Отсутствие сбыта всегда становилось причиной задержек зарплаты и роста рабочего недовольства, проявлявшегося в различных формах: от «итальянских забастовок» до крупных волнений, о чем многократно свидетельствуют сводки ОГПУ.

Представители синдикатских структур считали, что они первыми, в силу своей близости к рынку, отреагировали на кризисную ситуацию, и что именно через синдикаты в государственные органы пришла идея снижения цен. А. Трояновский, принимавший участие в обследовании синдикатов в составе инспекции РКИ писал о том, что «в период кризиса сбыта в 1923 г., когда проблема цен стала приобретать самостоятельное значение, ни Комвнторг, ни Госплан, ни ВСНХ ничего не сделали, чтобы предотвратить давно наметившийся кризис. Синдикаты же для разрешения кризиса по своей инициативе и с благословения Комвнторга стали снижать цены. Т. е., ни Комвнторг регулировала рынок, а рынок стал регулировать деятельность Комвнторга в 1923 г.»⁹¹.

Много выступивший по вопросу кризиса А.И. Рыков в октябре-ноябре 1923 г., напротив критиковал позицию синдикатов, которые шли «по пути развития нэпа в сторону свободной игры экономических сил» и «гнали цены вверх, пока рынок их принимал», совер-

шенно забыв «об общих и длительных задачах промышленности». Подчеркивая, что крестьянский рынок для промышленности – главный и основной, он настаивал на усилении государственного вмешательства в управление промышленностью, на необходимости «понижить цены на промышленные изделия и поднять ... цены на хлеб»⁹².

Однако синдикатское регулирование рынка приобретало порой самые неожиданные формы. Известно, что хлопчатобумажная промышленность реализовала в период кризиса сбыта 65–70 % всей своей продукции. Но значительная часть проданных товаров была куплена в кредит государственными и кооперативными торговыми органами и лежала на складах в Москве или в провинции, не найдя своего покупателя. Под покупку этих товаров были получены ссуды, которые требовали своего возврата⁹³.

До кризиса сбыта 1923 г. государство непосредственно не вмешивалось в те процессы, которые происходили на рынке: в механизм ценообразования, в регулирование спроса и предложения. Вмешательство государства в регулирование цен на промышленные товары привело к тому, что на большое количество товаров устанавливались фиксированные цены. Расширилось вмешательство Комвнторга в регулирование цен трестов и синдикатов (через пересмотр калькуляций, прейскурантов и т. п.)⁹⁴. Это ликвидировало кризис сбыта и привело к растущему торговому оживлению, а через него – к товарному голоду в 1924 г.

Логика восстановления товарного рынка требовала формирования рынка, регулирующего производство, который позволил бы ликвидировать диспропорциональность в развитии отраслей народного хозяйства и установить эквивалентное соотношение между отраслями легкой промышленности, работающей на широкий рынок, и сельским хозяйством, которое поставляет промышленности сырье. В этой связи программа преодоления кризиса, предложенная «левой оппозицией»⁹⁵, в которой делались акценты на развитие промышленности, в большей мере соответствовала логике рыночного развития, так как развитие промышленности и насыщение рынка товарами, а также их удешевление, позволило бы добиться в перспективе естественного, а не директивного снижения цен. Это открывало бы и перспективы для расширения сферы рыночных отношений, для укрепления товарной смычки промышленности и сельского хозяйства,

так как нехватка промтоваров станет одним из факторов, сдерживающих предложение хлеба государству.

В связи с этим вновь обострился вопрос о пределах рыночного и государственного регулирования, о мере допустимого государственного вмешательства, что активно обсуждалось в хозяйственных органах (ВСНХ, Наркомфине и др.). Высказывались мнения, что государство вполне могло бы регулирование цен на товарном рынке оставить за синдикатами. Это привело бы к более точному установлению рыночной цены на основе спроса и предложения, на основе соотношения товарной и денежной масс, оставив за собой регулирование развития производства, завершение денежной реформы и др. В Наркомфине предлагали использовать меры не прямого, а косвенного регулирования. Г.Я. Сокольников предоставил увеличенный кредит текстильной промышленности на условиях понижения ею отпускных цен, доказывая, что «социалистическое государство вполне способно перейти от системы прямого непосредственного командования к системе государственного ведения хозяйства по методу сложного и косвенного регулирования через систему банков, через цепь кредита, через тресты, синдикаты, кооперацию»⁹⁶. Но средств для таких кредитов всем отраслям у государства не было.

В хозяйственных органах, в том числе и в ВСНХ, существовало мнение, что недопонимание сущности рыночных механизмов становится главным препятствием в развитии самого государственного сектора. Вероятно осозная необходимость «рыночного образования» хозяйственников, в ВСНХ в 1924 г. обсуждали циркуляр для хозяйственников, разъяснявший суть положений рыночной экономики о том, как и при каких условиях промышленность сама создает для себя рынок, и какую работу стоит проделать в этом направлении, какие отрасли народного хозяйства промышленность должна «вовлекать в свою орбиту»⁹⁷. Однако, понимая логику рыночного развития, ВСНХ на практике все чаще стал склоняться к планово-административным методам регулирования рынка: стали составляться планы снабжения и распределения товаров, регулировались цены, велась борьба со спекуляцией с помощью ОГПУ. С февраля 1924 г. Ф.Э. Дзержинский стал одновременно и председателем ВСНХ СССР⁹⁸.

В начале 1924 г. торговое оживление на рынке промышленных товаров достигло таких размеров, что стала обнаруживаться нехват-

ка ситца, сахара, махорки, а к осени на низовых деревенских рынках возник «товарный голод» на мануфактуру, керосин, соль, сахар, табак и др.⁹⁹

В условиях товарного голода ВСНХ ставил задачу насытить рынок товарами за счет сохранения темпа расширения производства. А так как это было возможно лишь при дополнительном вложении средств в развитие промышленности, начался их поиск. Предполагалось вернуть в промышленность средства, увязшие в торговом обороте. Согласно справке о капиталах ВСНХ, вложенных в акционерные общества, паевые товарищества, синдикаты и прочие торговые предприятия, на 1 июля 1924 г. эти средства составляли более 20 млн рублей (20418863 руб. 46 коп.). Одновременно ставилась задача развития краткосрочного кредита через Промбанк. Обращалось внимание на чрезмерный рост заработной платы по отношению к производительности труда¹⁰⁰. Вероятно, понимая безысходность создавшегося положения, Ф.Э. Дзержинский вновь обращается к идее привлечения частного капитала в торговый оборот и в госпромышленность. В его архиве сохранился «Проект плана массового привлечения частного капитала на усиление оборотных средств госпромышленности», где предлагалось акционирование всей государственной промышленности. Предлагалось, сохранив контрольный пакет акций (51 %) за государством, распродать остальные всем желающим, в том числе и буржуазии, и самим работникам предприятий, чтобы рабочие почувствовали себя хозяевами своих фабрик и заводов не только морально, но и материально. Авторы проекта – работники Ленинградского завода «Красный треугольник» знали, что примерно такой же проект предлагал руководитель финансовой реформы Г.Я. Сокольников, но тогда он был отвергнут ЦК. А сейчас в разгар нэпа даже рабочие-коммунисты завода поддерживали эту идею. Приоритетное право на приобретение акций проект оставлял за работающими на предприятии (отсюда самый низкий номинал акций – от 5 до 10 рублей), рассчитывая, таким образом, мотивировать рабочих к ответственности, повышению трудовой дисциплины, рационализации производства¹⁰¹. «Железный Феликс» расценил идею как «типично буржуазную», но все-таки направил этот проект в политбюро, где он, вероятно, и был похоронен.

При очевидной неспособности промышленности насытить рынок необходимыми товарами, руководство ВСНХ стремилось к более

планомерному их распределению. С целью предупреждения перебоев в снабжении рынка товарами предполагалось создавать резервные товарные фонды, составлять планы реализации товаров по срокам, к чему активно планировалось привлекать синдикаты¹⁰².

Законодательством 1923 г. трестам формально разрешалось выбирать себе контрагентов по усмотрению, но оговаривалось, что при прочих равных условиях они должны были отдавать предпочтение госорганам и кооперации. С 1924 г., с началом «новой торговой политики» выбор контрагентов ограничивался системой плановых заводов и системой генеральных договоров с кооперацией, хотя наряду с этим обсуждались вопросы и привлечения частного капитала в торговлю. Ряд синдикатов (солесиндикат, сахаротрест и др.) составляли торговые планы, увязывая их с производственными планами ВСНХ и Госплана¹⁰³.

Рост рыночного спроса на товары народного потребления открывал перспективы развития для тех отраслей промышленности, которые работали над его удовлетворением. Поэтому рост отраслей легкой промышленности: пищевой, бумажной, химической, текстильной до 1925 г. шел более быстрыми темпами, чем тяжелой. Хотя и силикатная, горнодобывающая, электротехническая в 1923/24 г. по темпам восстановления уже начинала превосходить текстильную¹⁰⁴. Противоречия между отраслями легкой и тяжелой промышленности сохранялись и в 1924 г. они обнаружались по линии заработной платы. Ф.Э. Дзержинский считал вреднейшей позицией, когда доходные предприятия, которые не находятся на дотации, могут повышать зарплату независимо от уровня зарплат предприятий без дохода и находящихся на госдотации. Поскольку вся промышленность является государственной, Ф.Э. Дзержинский настаивал, что прибыль должна идти государству для покрытия государственного дефицита и дотаций отраслям пока дефицитным, а уровень зарплаты, по его мнению, должен был базироваться по уровню отстающих отраслей, а не наоборот¹⁰⁵. С февраля 1924 г. регулированием зарплат стала заниматься специальная Комиссия политбюро¹⁰⁶.

Вмешательство государства в вопросы регулирования зарплат сужало возможности администрации трестов и предприятий в стимулировании труда, но было обусловлено опережающим ее ростом по отношению к росту производительности труда. В промышленности стали проводиться кампании по поднятию производительности

труда, которые в большей мере шли через снижение расценок и повышение норм выработки, а не через рационализацию производства. Кампания по поднятию производительности труда в 1924/25 г. сопровождалась забастовками, так как рабочие расценивали ее как усиление эксплуатации, что в свою очередь усиливало их недовольство советской властью, ячейками РКП(б), фабзавкомами¹⁰⁷. Но это не было неожиданностью или новым явлением для власти, т. к. забастовки на почве низких тарифных ставок не прекращались и в предшествующие годы, о чем многократно свидетельствуют изданные сводки ВЧК- ГПУ-ОГПУ.

Государственным предприятиям приходилось «конкурировать» в сфере производства с кооперативной, кустарной и мелкой промышленностью. Это имело место в ряде отраслей: в кожевенной, в табачной, в маслостроительной и др.¹⁰⁸

С трудом переносили конкуренцию государственные обувные фабрики, их количество все время сокращалось (с 401 в октябре 1921 г. – до 38 в марте 1923 г.), а большую часть обуви производили кустари и ремесленники¹⁰⁹.

В 1921–1922 гг. потребительская кооперация взяла в аренду и получила в собственность предприятия, которые она не могла использовать без помощи государства. И только благодаря государственной поддержке, с 1923 г. начала развивать свое производство. Однако его размеры были ничтожно малы, составляя в 1924/25 г. – 6 %, в 1925–27 гг. – 6,4 %, в 1927/28 г. – 7,6 % от всей полученной в стране продукции¹¹⁰.

На кустарную и ремесленную промышленность, как на конкурента госпромышленности было обращено внимание по мере завершения перехода к нэпу, так как у нее оказались наиболее быстрые темпы восстановления: в 1922 г. – 59,6 % к уровню 1921 г. (у крупной и средней – только 42, 6 %). Факт более быстрого оживления кустарничества расценивался как положительный, но подчеркивалось, что оно – «питательный бульон», из которого развивается капитализм. А потому указывалось на опасность соединения кустарной промышленности с торговым частным капиталом и крестьянским рынком в противовес госпромышленности¹¹¹.

Государственная промышленность, расширяя производство, в свою очередь вытесняла кустаря, как с товарного, так и с сырьевого рынка. Так, к концу 1924 г. госпромышленность начала теснить кустар-

ные изделия на сельскохозяйственном рынке: вместо прялок крестьяне стали покупать готовый промышленный текстиль¹¹².

Ряд хозяйственников и ученых высказывались за сохранение мелкой частной промышленности, т. к. «она создает рынок для государственной промышленности на средства производства и служит источником доходов для государственной казны»¹¹³. Летом 1925 г. в условиях товарного голода на мануфактуру, внимание государства вновь было обращено на развитие мелкой кустарной промышленности: была оказана поддержка развитию льнопрядения, льноткачества и другим видам кустарной деятельности. Кустарям оказывалась помощь в снабжении сырьем, они получили ряд налоговых льгот¹¹⁴.

Более конкурентной, по отношению к производству, была торговая сфера. В условиях государственной монополии внешней торговли госпромышленность оставалась монополистом-производителем, поэтому вокруг нее быстро сформировался круг посредников по сбыту ее продукции из государственных, частных и кооперативных органов.

Уже с 1923 г. торговый аппарат синдикатов не был у трестов единственным. Возникали государственные акционерные общества, которые создавались ведомствами для обслуживания самих себя. Так на базе Наркомпрода было создано АО «Хлебопродукт». Всероссийский текстильный синдикат стал опасаться конкуренции с АО «ЦАТО», с Центросоюзом, с частником, который утверждался во всех товаропроводящих звеньях от мелкорозничной торговли до оптовой¹¹⁵. Снабженческая деятельность синдикатов в связи с этим стала снижаться, передаваться акционерным обществам, пайщиками которых в силу их ведомственной принадлежности вынуждены были становиться и сами синдикаты.

В еще большей мере, чем сбыт продукции, конкуренция затронула сырьевой рынок. Заготовками кожсырья, кроме Кожсиндиката занимались: АО «Кожсырье», Госторг, Центросоюз, арендаторы и частники. Заготовками шерсти – паевое товарищество «Шерсть», кооперация, частные торговцы. Заготовками льна – Льноцентр, Потребкооперация, частники¹¹⁶.

Сужая свои снабженческо-сбытовые функции, в силу существующей здесь конкуренции, синдикаты вынуждены были расширять маркетинговые функции: изучать конъюнктуру рынка, покупательную способность населения, заниматься рекламой продукции, кор-

ректировать производственную деятельность трестов в подборе необходимого для рынка ассортимента товаров и даже финансировать некоторые виды производства для рынка. Эта управленческо-аналитическая деятельность синдикатов и вызывала опасения в создании на их основе альтернативной системы управления промышленностью в противовес государственной.

Ситуация середины 1920-х годов была благоприятной для развития промышленности. К 1924/25 г. промышленность практически не знала перебоев с топливом. Обострялась сырьевая проблема у легкой и пищевой промышленности, но благодаря повышению закупочных цен на сырьевые культуры, крестьянство в 1923 и в 1924 гг. увеличивало посевы технических культур: конопли, хлопка, сахарной свеклы, табака, ячменя, подсолнечника, росла товарность этих культур. Достаточно быстрыми темпами в середине 1920-х годов увеличивалась емкость крестьянского рынка и рос спрос на промышленную продукцию¹¹⁷. Промышленные предприятия и тресты сами пытались искать источники финансирования в условиях недостаточности кредитов: расширяли практику запродаж (предварительной продажи) своей продукции, чем привлекали средства из торговли. Шли на прямые контакты с частными торговыми фирмами для реализации через частный торговый аппарат части своей продукции, привлекая, таким образом, и частный капитал в промышленность¹¹⁸. Темпы восстановления промышленного производства способствовали росту товарной продукции и укреплению позиций промышленности на товарном рынке. Показателем восстанавливающегося хозяйства, но на основе старого капитала является реклама середины 1920-х годов. Тресты, выступая под новыми советскими вывесками, обязательно сообщали о старых названиях своих фабрик и заводов. Под старыми фирменными вывесками они, очевидно, были более известны.

Проделанный экономистом Э. Квирином анализ доходов госбюджета за счет накоплений госпромышленности за четыре года (1923–1927 гг.) показывал, что промышленность в целом работала с прибылью (без военной и электротехнической), хотя ее платежи в госбюджет лишь на 69 % покрывали расходы государства на нее. Тем не менее, по мнению автора, к середине 20-х гг. воздействие рыночных механизмов на промышленность определялось зависимостью между стремлением трестов к получению прибыли, себестои-

мостью продукции и ценой товара, которая устанавливалась с учетом покупательной способности населения¹¹⁹.

Рыночные отношения госпромышленности с другими укладами в середине 1920-х годов развивались постепенно, расширялась их сфера, вовлекая в свой оборот все новые районы и новые слои населения. Однако выступление трестов на товарных рынках все более ограничивалось административными регулирующими органами. Даже биржи и ярмарки, хотя они и продолжали считаться институтами частного торгового оборота, становились орудиями планового государственного регулирования. Даже такой вопрос как организация рекламы на Нижегородской ярмарке в 1925 г. стал предметом обсуждения на президиуме ярмарочного комитета. Суть вопроса сводилась к одному: разрешать или не разрешать¹²⁰.

В середине 1920-х гг. обострился вопрос об организационных формах и правовых условиях развития промышленности. Вновь создавались комиссии, созывались совещания для подготовки и обсуждения промышленного Кодекса. ВСНХ беспокоило, что кроме трестов и синдикатов, которые оставались основными и главенствующими формами организации госпромышленности, возникли и существовали другие формы, юридическая природа которых не была установлена. Это касалось смешанных акционерных обществ, государственных паевых товариществ, учрежденных различными Наркоматами, местными советами или хозрасчетными предприятиями¹²¹. Жизнь порождала новые, смешанные формы организации производства, хотя и в рамках государственного хозяйства. Но этим тенденциям не суждено было реализоваться.

По мере восстановления промышленного производства на первый план выходила проблема нехватки основного капитала, технической реконструкции предприятий, обновления основных фондов. Программа развития промышленности, составленная Госпланом на 1925–26 г. значительно превышала реальные возможности госбюджета, поэтому предполагалась эмиссия, против которой выступали Наркомфин и ВСНХ в лице Ф.Э. Дзержинского¹²². Но реализовался Госплановский вариант, что привело к резкому перелому в развитии рыночных отношений, и в становлении самой системы мер государственного воздействия на промышленность.

Эмиссия 1925/26 г., кампании по снижению розничных цен 1926–1927 гг. нарушили соотношение товарной и денежной масс, поста-

вили развитие всех отраслей промышленности в полную зависимость от государства.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ?

У политиков и хозяйственников на протяжении 1920-х годов было вполне адекватное понимание сути регулирования и управления, мало отличающееся от современного. А.И. Рыков, например, различал тройную роль государственной власти в области промышленности: регулирование, руководство и управление. «Наше государство регулирует всю промышленность – как центрально-государственную, так и местную, и арендную, и концессионную. Это регулирование совершается путем законодательства, издания обязательных постановлений, выполнения функций государственного надзора, разработки конкретных вопросов экономической политики, в том числе вопросов таможенных, налогового обложения, правовых вопросов и т. п. Общее руководство центральная государственная власть сохраняет за собой по отношению к местной государственной промышленности. ...Оно выражается лишь в даче определенных директив местным органам власти». Управление осуществляется в отношении предприятий, выделенных и находящихся непосредственно в ведении центральных органов власти. Местные государственные промышленные предприятия находятся в управлении местных органов власти¹²³. В ходе обсуждения вопроса о реорганизации ВСНХ в 1923 г. в связи с созданием ВСНХ СССР он предлагал «отделить функции управления от функций руководства и регулирования»¹²⁴. В самом президиуме ВСНХ с начала 1922 г. «воздействие государства на промышленность в условиях некоторого расширения хозяйственной самостоятельности и территориальной децентрализации управления виделось в двух формах: общего управления и регулирования». Под управлением понималось прямое воздействие на промышленные предприятия: планирование, финансирование, снабжение, техническое руководство, контроль и т. п., а под регулированием – правовое воздействие и экономическое давление¹²⁵. Использование

тех или иных методов обуславливалось направлением государственной политики и объективными экономическими условиями. Ориентация на рыночное развитие требовала системы мер гибкого регулирования, а концентрация ресурсов для проведения индустриализации – планового государственного управления и финансирования.

Уже к концу 1922 г. стали обнаруживаться разные интересы легкой и тяжелой промышленности. Практика показывала жизнеспособность и эффективность тех трестов и синдикатов, которые были рождены «рыночной стихией» и ориентировались на потребительские интересы, нежели предприятия, работающие на нужды государства. Более тесная связь некоторых отраслей и предприятий с рынком вела к тому, что в литературе 1920-х гг. получило название как «тенденция к самоорганизации». Она проявилась в создании ряда совещательных и представительных органов, когда осенью 1922 г. почти во всех отраслях трестированной промышленности прошли съезды, избравшие бюро и Советы съездов своих отраслей.

Но в ВСНХ считали, что организационные формы процесса самоорганизации... должны быть связаны с аппаратом ВСНХ и другими государственными экономическими органами¹²⁶. Поэтому в декабре Президиум ВСНХ созвал объединенное совещание по крупной промышленности и транспорту и создал Совет съездов промышленности, торговли и транспорта. Само же ВСНХ вначале восприняло акционерный принцип в качестве организационной схемы управления: ВСНХ было как бы общим собранием акционеров, а правления трестов напоминали правление акционерного банка¹²⁷, только опирались они на плановое ведение хозяйства и ориентировались на госзаказ.

Идея созыва промышленно-отраслевых съездов и их влияния на государственную политику не нашла впоследствии достаточной поддержки и широкого распространения в промышленности, но нашла свое продолжение в проведении съездов биржевой торговли и в создании в 1923 г. Всесоюзного Совета съездов биржевой торговли, просуществовавшего до августа 1930 г., а так же в создании в январе 1926 г. Совета съездов государственной промышленности и торговли, просуществовавшего до середины 1929 г.¹²⁸

Фактически сохранив, таким образом, полный контроль над управлением промышленностью, сделав ставку на госаппарат, государство все-таки пыталось начать действовать по рыночным прин-

ципам. Проводя в жизнь законодательство о трестах, весной и летом 1923 г. специальная комиссия ВСНХ провела очередную ревизию промышленности: «пересмотр трестов», который сопровождался дальнейшей концентрацией производства. Одновременно в ходе этой кампании выяснялась емкость отраслевых рынков, изучались сырьевые ресурсы, финансовые возможности и перспективы промышленности в целом и ее отдельных отраслей¹²⁹.

Наряду с проведением законодательства о трестах вновь обострилась дискуссия о месте и роли синдикатов в системе советского хозяйства, которая фактически продолжалась с момента их образования в 1922 г. Их правовое положение не было определено, но государством они рассматривались как важнейшие торговые организации промышленности, как часть системы государственного хозяйства. В ходе споров вновь столкнулись ведомственные интересы, когда два ведомства: ВСНХ и КВТ предлагали свои декреты о синдикатах, отражавшие скорее интересы каждого из ведомств в вопросах регулирования внутренней торговли, но мало учитывающие государственные интересы и общеэкономические потребности страны¹³⁰.

Фактически же деятельность синдикатов была основана на коммерческих началах (под коммерческими понимались договорные отношения¹³¹) и в их поведении быстро обозначилась тенденция к монополистическому охвату товарного и сырьевого рынков. Хотя их монопольное положение и было вполне закономерным, т. к. тресты являлись монополистами – производителями в государственном или местном масштабе, а синдикаты монополизировали сбыт их продукции и заготовку сырья. И лишь в деятельности синдикатов договорные отношения получили свое применение и развитие на всем протяжении их существования (1922–1929 гг.).

Договорные отношения считались гарантией стабильности новой (нэповской) системы хозяйствования и охватывали все аспекты: сбыт, снабжение, заготовки, финансы, производство и все связи между трестами и синдикатами, между синдикатами разных отраслей, между трестами. Формы договорных отношений не были стабильными, менялись в зависимости от хозяйственной практики, от воздействия регулирующих органов¹³².

На совещании синдикатов 30 июня 1923 г. было принято Положение о Совете синдикатов, чем было положено начало созданию Всероссийского Совета синдикатов (ВСС), который создавался для

защиты интересов синдикатов от административного произвола ведомств, особенно от Наркомфина, налоговая политика которого предусматривала максимальное и многократное обложение промышленности и ее торговых органов¹³³. Секция промышленности и торговли Наркомфина обсудила этот вопрос и высказала опасения, что Совет синдикатов создан как орган защиты своих интересов в противовес Президиуму ВСНХ и Госплану¹³⁴.

Стремление синдикатов «самоорганизоваться» еще более настоятельно потребовало государственные органы. С целью выяснения их роли в хозяйственной практике, летом 1923 г. промышленная инспекция провела обследование ряда синдикатов. Рабоче-крестьянскую инспекцию (РКИ) беспокоило, что легкая промышленность, работающая на рынок, была прибыльной, а тяжелая индустрия оставалась убыточной, ...а в создании ВСС РКИ увидела угрозу обособления легкой промышленности от ВСНХ. Их насторожило, что ВСС начал подчинять своему влиянию Промбанк, а через него начал забирать в свои руки управление всей промышленностью ... «в противовес ВСНХ и Госплану»¹³⁵. Выводы инспекции заключались в том, что отводили синдикатам роль лишь торговых органов, но предостерегали их от осуществления управленческих и регулирующих функций в своих отраслях. «Синдикаты могут и должны быть торговыми органами, обслуживающими тресты в деле реализации их продукции и заготовок сырья и вспомогательных материалов. Обслуживание это должно осуществляться на коммерческих началах, т. е. на основании договоров с трестами», которые регулировали бы производственную деятельность трестов в подборе необходимого для рынка ассортимента товаров, в согласовании производственных программ трестов с потребителями и емкостью рынка, в постановке некоторых видов производства. Но одновременно признавалось, что синдикаты не могут и не должны быть органами управления отдельными отраслями промышленности, функции управления и регулирования должны перейти к ВСНХ¹³⁶.

В 1924 г. дискуссия о синдикатах обострилась вновь. Руководство ВСС критически оценило результаты обследования синдикатов промышленной инспекцией РКИ и провело собственное обследование, а по итогам его выступило против обвинений в стремлении забрать в свои руки управление всей промышленностью, во взвинчивании цен¹³⁷. Центральным вопросом стал вопрос влияния синдикатов на

производство. Согласно Уставов, регулирующих их деятельность, они не могли вмешиваться в производственную деятельность трестов. Руководство ВСС обосновывало целесообразность влияния на производство мерами чисто экономического характера: путем договорных соглашений с трестами, через систему заказов с гарантией сбыта при определенном ассортименте товаров, через финансирование новых видов производства, через обеспечение доброкачественным сырьем и т. п.¹³⁸ Подчеркивалось, что синдикатами никто не руководил и не управлял, что они сами всегда проявляли здоровый хозяйственный инстинкт.

Синдикатское воздействие на производство явно не устраивало ВСНХ, поэтому каждая их хозяйственная инициатива расценивалась лишь как попытка противопоставить себя ВСНХ и другим государственным регулирующим органам. Усматривая определенный параллелизм в работе ВСС и ВСНХ, ВСНХ, опасаясь обособления легкой промышленности, не считал возможным передать определенные функции ВСС и признать его, таким образом, одним из регулирующих органов¹³⁹.

В конце 1923–1924 годах предпринимались попытки ограничить монополию синдикатов в заготовительной и торговой работе через развитие конкуренции на товарном и сырьевом рынках, о чем уже упоминалось ранее.

В условиях отсутствия законодательства о синдикатах, ВСНХ в марте 1925 г. утвердил и издал Примерный (типовой) Устав синдиката, где унифицировались их права и обязанности¹⁴⁰. Вероятно, этот документ сыграл свою роль в деле огосударствления и синдикатов. Во второй половине 1920-х гг. изменилась их роль и в организации товарооборота и в управлении и регулировании производства. С 1926/27 г. синдикаты все более превращались из оперативных хозяйственных органов в планово-регулирующие. Место договоров и заказов все больше занимали планы-завозы товаров.

Ставка на государственную организацию в вопросах управления промышленностью приводила к созданию все новых внутриведомственных и межведомственных управленческих структур, часто дублирующих одни вопросы, порождала новые комиссии. В этом направлении менялся и сам ВСНХ, усиливая централизаторские тенденции. В 1923 г. с образованием ВСНХ СССР в его составе было создано два подразделения: Центральное управление государствен-

ной промышленности (Цугпром), которое было задумано в качестве «треста трестов», «государственного концерна», который стал искать пути к развитию крупной промышленности по отраслям и отстаивать ее интересы и Главное экономическое управление (ГЭУ), осуществлявшее общее руководство республиканской и местной промышленностью. В дальнейшем, к середине 1920-х гг. внутри ВСНХ наметилась линия к возрождению отраслевого управления и главков (к началу 1926 г. – их было 7) и к ликвидации местных совнархозов, а для выработки планов промышленности было создано планово-отчетное управление и целая система плановых органов. В марте 1925 г. при президиуме ВСНХ создается особое совещание по восстановлению основного капитала в промышленности (ОСВОК) для разработки перспективного плана, в ноябре – Военно-промышленное управление, которое сразу же заявило о своих правах и требовало особых условий и полномочий¹⁴¹. Даже в советской историографии период 1923–1924 гг. в реорганизации ВСНХ оценивался как стремление к «неоправданной централизации управления»¹⁴².

Все дальнейшее развитие промышленности и оформление ее хозяйственных связей происходило в условиях, когда государство стремилось к максимальному охвату всех сфер промышленной деятельности, и по мере обнаружения сфер, свободных для инициативы, предприимчивости и самостоятельности, на них тот час же обращалось внимание и возможности их, как правило, ограничивались, либо вовсе устранялись. Например, во взаимоотношениях предприятий с трестами оставалось место для расширения хозяйственной самостоятельности предприятий. Внутри трестов было движение за расширение хозяйственных прав директоров предприятий, входящих в трест. В ходе этого движения сложилась организация – Клуб красных директоров, которая отстаивала идею поставить в центр хозяйственной организации предприятие и довести хозрасчет до отдельной фабрики и завода.

Предлагалось перейти на договорные отношения между трестами и предприятиями. Трест, как финансово-коммерческое объединение, распределял бы заказы между своими производственными единицами, и принимал от них готовый товар для реализации на договорных основаниях. Однако сочли, что регулирующее воздействие государства на предприятие будет затруднено в силу их многочисленности,

поэтому трест оставили основной хозрасчетной единицей в организации промышленности, идея договорных отношений треста со своими предприятиями была отвергнута. Лишь в дальнейшем признавалось возможным расширение прав директорского корпуса совместно с автоматизацией фабрик и заводов¹⁴³.

Вероятно, с целью расширения планового воздействия на промышленность, в июне 1927 г. было принято новое «Положение о государственных промышленных трестах», потребовавшее от трестов работы «на началах коммерческого расчета», но в «соответствии с утвержденными плановыми заданиями»¹⁴⁴. Исключалась прибыль, как главная цель деятельности трестов, но делался шаг к оформлению договорных отношений между трестами и входящими в них предприятиями. Однако в этой своей части «Положение» не было реализовано на практике.

К 1928 г. обнаружилась тенденция ослабления связи синдикатов с рынком, что свидетельствовало о все большем отрыве промышленности от широкого сбытового и заготовительного рынка и усилении планового начала в работе промышленности¹⁴⁵.

Новое расширение своей деятельности синдикатами (планирование заводов товаров) вновь привело к тому, что отраслевые управления ВСНХ теряли реальную власть над промышленностью. Так в 1928 г. функции Главного текстильного управления ВСНХ СССР были переданы Всесоюзному текстильному синдикату (ВТС)¹⁴⁶. Полномочия ВТС значительно расширились, но реально он превратился в орган планово-бюджетного управления государственной промышленности (один из главков), работающий под руководством ВСНХ.

В 1928 г. впервые ВЦИК и СНК приняли «Положение о государственных синдикатах»¹⁴⁷. Однако в 1928 г. было замечено, что темпы роста синдикатских оборотов на всем протяжении их существования значительно опережали темпы роста товарной продукции госпромышленности¹⁴⁸. Это, вероятно, и сыграло свою роль в их ликвидации. Спекулятивная тенденция в деятельности синдикатов в условиях борьбы за снижение цен не могла остаться незамеченной. Поиски оптимальной схемы организации и управления промышленностью привели в 1929 г. к очередной реорганизации управления промышленностью. В конце 1929 г. тресты и синдикаты были ликвидированы, на их основе создавались промышленные объединения¹⁴⁹.

Эмиссия и государственное регулирование цен не позволяют говорить о воздействии рыночных факторов на развитие промышленности во второй половине 1920-х гг. Но крайне сложно говорить и о расширении планового воздействия на промышленность. Значительная часть исследователей считают такую политику государства грубым административным вмешательством в работу промышленности, приведшим впоследствии к быстрому оформлению административно-командной системы.

*
* *

Подводя итоги, отметим, что восстановление госпромышленности в 1920-е гг. осуществлялось благодаря воздействию на нее как государственной политики, так и рыночных факторов. До середины 1920-х гг. воздействие рыночных факторов было направлено на решение восстановительных задач и потому в меньшей мере проявлялись их противоречия с государственной политикой. Темпы восстановления, которые во многом были заданы воздействием рыночных факторов, не противоречили общим задачам периода. Поведение же промышленности на рынке определялось не столько интересами самой промышленности, сколько интересами государства. Интересами государства определялось и общее направление ее развития.

Государство не было заинтересовано в расширении и развитии рыночных отношений, поэтому период «хозяйственной автономии» для промышленности был крайне непродолжительным (1921–1922 гг.) и быстро сменился целенаправленным государственным воздействием на нее. Рыночные факторы и методы отступали на второй план по мере становления и упрочения государственной централизованной системы управления госпромышленностью.

В силу своей низкой эффективности промышленность не сыграла ведущей роли в становлении организованного рынка. Чтобы оживить сам рынок, государству нужно было инвестировать в производство товаров массового спроса, в развитие его инфраструктуры. насыщенность рынка товарами напрямую зависело от государственной торгово-промышленной политики. Связь с товарным рынком промышленность осуществляла через свои торговые органы – синдикаты, которые в процессе «рыночного влияния» на них, становились

органами оперативного управления (руководства) в своей отрасли, все более активно осваивая маркетинговые функции. Они изучали емкость рынков, структуру спроса, пытались ориентировать развитие промышленности на потребности рынка. В большей мере это касалось отраслей, работающих над выпуском товаров широкого потребления. Однако государство вовсе не спешило признать за ними их регулирующее начало. За свои интересы боролись государственные ведомства, которые и одерживали организационную и идеологическую победу.

Оказавшись опорой государственной власти и в силу этого монополистом-производителем товаров народного потребления, госпромышленность практически не знала конкуренции в производственной сфере. С конкуренцией она сталкивалась только на товарном рынке. Вокруг нее быстро сложился круг посредников по сбыту продукции и заготовкам сырья и продовольствия. Кроме государственных торговых органов, в сфере оборота утверждалась кооперация и более активно частный торговец. Потребление промышленной продукции было велико в самом государственном секторе и поэтому промышленность в целом плохо решала задачу формирования своего рынка вовлечением в его орбиту других укладов.

Внутри хозяйственных ведомств и внутри трестов было стремление к расширению инициативы и предприимчивости не только трестов, но и входящих в них предприятий. Но все попытки хозяйственников добиться более широкой хозяйственной самостоятельности внутри трестов наталкивались на государственные ограничения и запреты, на опасения государства потерять контроль над промышленностью, что имело место уже с конца 1922 – начала 1923 гг.

По мере того, как восстановительный потенциал был исчерпан, менялось и направление развития. Административное вмешательство в регулирование цен, заработной платы, в управление сделало работу промышленности полностью зависимой от государства и его политики.

К середине 1920-х гг. стали появляться попытки теоретически решить проблему взаимодействия рыночных и плановых методов регулирования, методологически обосновать необходимость соединения плановых и рыночных методов в единый механизм хозяйствования, который и мог бы, по мнению их авторов, привести страну к социализму. Многие концепции исходили из хозяйственных ве-

домств, где работали их авторы, и имели в своей основе попытки определить пути дальнейшего развития государства на основе потенциала всех сохранявшихся укладов. Но партия и государство иначе видели решение перспективных задач.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Народное хозяйство России за 1921–22 гг. Статистико-экономический ежегодник. – М., 1923. С. 325–326.

² Рыков А.И. Избранные произведения. – М., 1990. С. 186–187.

³ Там же. С. 195–197; Управление народным хозяйством СССР. 1917–1940 гг. – М., 1968. С. 50.

⁴ См.: Варга Е. Централизация руководства хозяйством – децентрализация управления // Экономическая жизнь. 1920. 8 октября. В дальнейшем примерно эти представления повторит А.И. Рыков. Подробнее см. четвертый раздел данной главы.

⁵ Известия ВЦИК. 1921. 30 марта.

⁶ Новая экономическая политика в промышленности. Сборник декретов, постановлений, инструкций. – М.: ВСНХ. 1921. С. 17–18, 19–20.

⁷ Народное хозяйство России за 1921/22 гг. С. 325–330.

⁸ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т. 1 Ч. 1. С. 222, 226, 237–238, 305, 406 др.

⁹ Народное хозяйство России за 1921/22 г. С. 330–333; На новых путях. Вып. III. Промышленность. С. 29.

¹⁰ КПСС в резолюциях... Т. 3. – М., 1984. С. 64.

¹¹ Богданов П.А. Некоторые итоги работы ВСНХ // Народное хозяйство. 1922. № 4. С. 7–8; Базаров В. К пятилетию нэпа // Экономическое обозрение. 1926. № 3. С. 8. И др.

¹² На новых путях. Вып. III. Промышленность. С. 28–29.

¹³ Рыков А.И. Указ. соч. С. 217.

¹⁴ Нэп и хозрасчет. С. 8–9, 140.

¹⁵ На новых путях. Вып. III. Промышленность. – М., 1923. С. IX–X; Жирмунский М.М. Частный капитал в товарообро-те. – М., 1924. С. 18.

¹⁶ На новых путях. Вып. II. Финансы. – М., 1923. С. 190

¹⁷ Очередные вопросы хозяйственной политики. – М., 1922. Вып. II. С. 89–90.

¹⁸ Нэп и хозрасчет. С. 230

¹⁹ На новых путях. Вып. II. С. 195.

²⁰ А.Ф. Налоги на госпредприятия // Бюллетень ВТС. – М., 1922. № 11. С. 1–2; Он же. Налоговая политика и текстильная промышленность // Бюллетень ВТС. – М., 1922. № 35. С. 1–2. И др.

²¹ Народное хозяйство России за 1921/22 г. С. 241–243, 256–257; Нэп и хозрасчет. С. 249–251.

²² Кириллов И.А. Финансирование промышленности // Нэп и хозрасчет. С. 252; РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6926. Л. 14–19.

²³ Декреты Советской власти. Т. 1. – М., 1957. С. 55–56.

²⁴ См.: РГАЭ. Ф. 480. Оп. 6; Настольный спутник торговли и промышленности на 1923 г. – М.: Реклам-центр, б / г.

²⁵ Русский экономист. Берлин. 1922. № 5–6. С 22.

²⁶ На новых путях. Вып. III. С. 36–42.

²⁷ Синдикаты и госторговля. (По материалам промышленной инспекции) . – М.: Изд-во НК РКИ. 1923. С. 3.

²⁸ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т. 1. Ч. 1. С. 483

²⁹ Там же. С. 405, 412, 440, 452, 467, 432 и др.

³⁰ Проф. Кафенгауз Л.Б. Обзор работы русской промышленности за 1 полугодие 1922–23 года. Статистико-экономический очерк. – М., 1923. С. 4–5.

³¹ Рыков А.И. Указ. соч. С. 196.

³² Народное хозяйство России за 1921/22 г. С. 238; РГАЭ. Ф. 8151. Оп. 5. Д. 6. Л. 7–14.

³³ СУ РСФСР. 1921. № 68. Ст. 527.

³⁴ РГАЭ. Ф. 8151. Оп. 5. Д. 2; д.4. Л. 12.

³⁵ Советская товарная биржа. – М., 1992. С. 28. Этот порядок сохранялся до середины 1924 г.

³⁶ РГАЭ. Ф. 8151. Оп. 5. Д. 2. Л. 17–18, 26, 27, 31, 43, 61 и др.

³⁷ Там же. Л. 12, 76–78, 80, 82–83, 91–92.

³⁸ Там же. Л. 8, 9–10, 72; Д. 7. Л. 72.

³⁹ Там же. Д. 6. Л. 7–14.

⁴⁰ Там же. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 5412. Л. 42; Ф. 8151. Оп. 5. Д. 2. Л. 30, 43.

⁴¹ Рыков А.И. Указ. соч. С. 221.

⁴² Там же. С. 222.

⁴³ РГАЭ. Ф. 7733. Оп.1. Д. 6365. Л. 103–105, 106

⁴⁴ Нэп и хозрасчет. С. 177, 230. Кооперативный капитал разрешалось использовать только по декрету от 17 июля 1923 г.

⁴⁵ Сокольников Г.Я. Финансовая политика революции. Т. 1. – М., 1925. С. 44.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 279. Л. 6–7. С 14. 04. 1921 г. Ф.Э. Дзержинский был председателем ОГПУ и председателем НКПС. Л.Д. Троцкий – членом политбюро ЦК и председателем Реввоенсовета.

⁴⁷ XII съезд РКП(б). Стен. отчет. – М., 1968. С. 817.

⁴⁸ Там же. С. 810–812.

⁴⁹ Там же. С. 344–349, 814.

⁵⁰ Там же. С. 816–820

⁵¹ Нэп и хозрасчет. С. 28–67. Декрет был опубликован в «Известиях ВЦИК» 12 и 13 апреля 1923 г.

- ⁵² Нэп и хозрасчет. С. 163.
- ⁵³ Нэп и хозрасчет. С. 42–44, 61, 137–138, 163, 170
- ⁵⁴ XII съезд РКП(б). Стен. отчет. С. 309, 336–338.
- ⁵⁵ Там же. С. 667.
- ⁵⁶ Там же. С. 343, 353–357, 375–376.
- ⁵⁷ КПСС в резолюциях. Т. 3. С. 57–63.
- ⁵⁸ КПСС в резолюциях. Т. 3. С. 60–63, 68
- ⁵⁹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 148. Л. 117–118.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Там же. Л. 119; Д. 183. Л. 166–172.
- ⁶² Там же. Д. 183. Л. 174; Д. 369. Л. 78 (об).
- ⁶³ РГАСПИ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 42. Л. 47.
- ⁶⁴ Там же. Л. 48.
- ⁶⁵ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 196. Л. 52–53.
- ⁶⁶ Там же. Оп. 14. Д. 306. Л. 7, 11.
- ⁶⁷ Там же. Оп. 1. Д. 196. Л. 6–7.
- ⁶⁸ Там же. Д. 327. Л. 5–6, 10.
- ⁶⁹ Там же. Оп. 14. Д. 306. Л. 1, 2, 4.
- ⁷⁰ Там же. Л. 10.
- ⁷¹ Там же. Л. 5, 7.
- ⁷² Там же. Л. 8, 9.
- ⁷³ Там же. Оп. 1. Д. 342. Л. 1, 2, 2 (об); Д. 341. Л. 3.
- ⁷⁴ Там же. Оп. 1. Д. 342. Л. 3–8. В 1926 г. пройдет учет и проверка деятельности этих комиссий, многие из них будут ликвидированы.
- ⁷⁵ КПСС в резолюциях. Изд. 9. – М., 1984. Т. 3. С. 57–63.
- ⁷⁶ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 14. Д. 303. Л. 5.
- ⁷⁷ Там же. Д. 299. Подробнее см.: *Суворова Л.Н.* Государство и рынок в России в 1923–1928 годах // НЭП: Завершающая стадия. Соотношение политики и экономики. – М., 1998. С. 75–77.
- ⁷⁸ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 148. Л. 118, 119, 119 (об), 120, 122, 124; Д. 348. Л. 26, 85–88, 116.
- ⁷⁹ *Рыков А.И.* Указ соч. С. 254
- ⁸⁰ Государственная промышленность СССР за 1924–25 операционный год: Статистико-экономический обзор под ред. проф. Л.Б. Кафенгауза. ВСНХ. – М.–Л., 1926. С. 136.
- ⁸¹ *Рыков А.И.* Указ. соч. С. 256, 273, 327.
- ⁸² *Кафенгауз Б.* Обзор работы русской промышленности за 1 полугодие 1922–23 г. С. 10, 58.
- ⁸³ Там же. С. 34–44.
- ⁸⁴ Народное хозяйство России за 1921/22 г. С. 122.
- ⁸⁵ Нэп и хозрасчет. С. 63.
- ⁸⁶ *Кафенгауз Л.Б.* Обзор работы русской промышленности за 1 полугодие 1922–23 года. С. 5–7.

- ⁸⁷ Рыков А.И. Указ. соч. С. 233–234.
- ⁸⁸ Кафенгауз Л.Б. Обзор работы русской промышленности за 1 полугодие 1922–23 г. С. 55.
- ⁸⁹ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т. 1. Ч. 2. С. 725–726, 756, 757, 782 и др.
- ⁹⁰ Там же. С. 861–862, 885, 886, 909–910
- ⁹¹ Синдикаты и госторговля. С. 142.
- ⁹² Рыков А.И. Указ. соч. С. 248–252, 253–254, 259.
- ⁹³ Кафенгауз Л.Б. Обзор работы русской промышленности за 1 полугодие 1922–23 года. С. 55–56.
- ⁹⁴ РГАЭ. Ф. 8151. Оп. 5. Д. 3. Л. 1–2; РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 2. Д. 292. Л. 29–36.
- ⁹⁵ Подробнее см.: Горинев М.М. Альтернативы и кризисы в период нэпа // Вопросы истории КПСС. 1990. № 1.
- ⁹⁶ Сокольников Г.Я. Новая полоса хозяйственного строительства // Социалистическое хозяйство. – М., 1925. № 4. С. 26.
- ⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 2. Д. 253.
- ⁹⁸ Дзержинский Ф.Э. Избранные произведения в 2-х томах. – М., 1967. Т. 2. С. 83–92, 186–187, 200–203, 262.
- ⁹⁹ Первушин С.А. Хозяйственная конъюнктура. Введение в изучение динамики русского народного хозяйства за полвека. – М., 1925. С. 262.
- ¹⁰⁰ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 2. Д. 284. Л. 42–43; д. 260. Л. 2, 8; Д. 292. Л. 204.
- ¹⁰¹ Там же. Д. 287. Л. 1–2, 3–4, 9, 19, 25, 27–29, 31; См. так же: Истоки. Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 1. – М., 1989. С. 165.
- ¹⁰² РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 2. Д. 252. Л. 2; Синдикаты и госторговля. С. 144–147.
- ¹⁰³ Нэп и хозрасчет. С. 64; Новая торговая практика. К характеристике внутренней торговли в 1 половине 1924/25 г. – М., 1925. С. 54–55; Биржи и рынки. С. 22.
- ¹⁰⁴ Народное хозяйство СССР в 1923/24 г. С. 44–47.
- ¹⁰⁵ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 2. Д. 292. Л. 68.
- ¹⁰⁶ Там же. Л. 28–30.
- ¹⁰⁷ Там же. Оп. 3. Д. 378. Л. 61, 79, 18–31, 4; Оп. 2. Д. 292. Л. 123.
- ¹⁰⁸ Частный капитал в народном хозяйстве СССР. – М., 1927. С. 365–366, 435, 460, 558.
- ¹⁰⁹ Кафенгауз Л.Б. Обзор работы русской промышленности за 1 полугодие 1922–23 года. С. 43–44.
- ¹¹⁰ Народное хозяйство СССР в 1922–23 г. – М., 1925. С. 145–146; Бокарев Ю.П. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х гг. как исторический источник. – М., 1981. С. 218.
- ¹¹¹ XII съезд РКП(б). Стенограф. отчет. – М., 1968. С. 311, 313–314.
- ¹¹² Народное хозяйство СССР за 1923/24 г. С. 54.
- ¹¹³ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 2. Д. 218. Л. 3.
- ¹¹⁴ Народное хозяйство СССР в 1924/25 г. С. 80–81; СЗ. 1925. № 25. Ст. 168; № 32. Ст. 212–213; № 38. Ст. 285.

- ¹¹⁵ Синдикаты и госторговля. С. 128.
- ¹¹⁶ На новых путях. Вып. 1. Торговля. С. 220.
- ¹¹⁷ Народное хозяйство СССР в 1923/24 г. С. 7; Народное хозяйство СССР в 1924/25 г. С. 10; Государственная промышленность СССР за 1924–25 операционный год: Статистико-экономический обзор под ред. проф. Л.Б. Кафенгауза. ВСНХ. – М.–Л., 1926. С. 12, 136, 140–141; *Бокарев Ю.П.* Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов, как исторический источник. – М., 1981. С. 274–276.
- ¹¹⁸ Народное хозяйство СССР в 1923/24 г. С. 52.
- ¹¹⁹ *Квиринг Э.* Куда идет прибыль госпромышленности. – Л., 1926. С. 8–9, 23.
- ¹²⁰ РГАЭ. Ф. 8151. Оп. 1. Д. 24. Л. 3–8.
- ¹²¹ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 2. Д. 276. Л. 2.
- ¹²² Подробнее см.: *Бокарев Ю.П.* Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР. Гл. VIII. С. 260–261.
- ¹²³ *Рыков А.И.* Указ. соч. С. 242–246.
- ¹²⁴ Там же. С. 246–247.
- ¹²⁵ См.: *Лотов Л.Н.* Система управления государственной промышленностью в годы нэпа // НЭП: завершающая стадия. Соотношение политики и экономики. – М., 1998. С. 98.
- ¹²⁶ *Рыков А.И.* Указ. соч. С. 217
- ¹²⁷ Нэп и хозрасчет. С. 177.
- ¹²⁸ В литературе 1920-х гг. создание этих органов представлялось отчасти в плане развития самоорганизующей тенденции в промышленности. См.: Народное хозяйство России за 1921/22 г. – М., 1923. С. 336; На новых путях. Вып. III. – М., 1923. С. 44–46. А так же: РГАЭ. Ф. 3600. Оп.1; Ф. 3912. Оп. 1.
- ¹²⁹ *Собсович Л.* Пересмотр трестов и концентрация промышленности // Соц. хоз-во. – М., 1923. № 6–8; *Он же.* Пересмотр трестов // Соц. хоз-во. – М., 1923. № 23.
- ¹³⁰ Хозяйственный механизм периода новой экономической политики. Сб. обзоров. (По материалам 20-х годов). – М.: ИНИОН. 1990. С. 42.
- ¹³¹ Синдикаты и госторговля. (По материалам промышленной инспекции). – М., 1923. С. IV.
- ¹³² Синдикаты и внутрисиндикатские отношения. – М., 1927. С. 35, 99.
- ¹³³ Бюллетень ВТС. № 46. С. 16.
- ¹³⁴ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6938. Л. 91.
- ¹³⁵ Синдикаты и госторговля. С. 14, 19.
- ¹³⁶ Там же. С. IV, 150.
- ¹³⁷ Синдикаты. По материалам Совета синдикатов. – М.: ВТС, 1924.
- ¹³⁸ Там же. С. 109.
- ¹³⁹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6938. Л. 91.
- ¹⁴⁰ Нэп и хозрасчет. С. 103–116.
- ¹⁴¹ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 2. Д. 256. Л. 75–76; Нэп и хозрасчет. С. 147, 151–152; *Лотов Л.Н.* Указ соч. С. 98–113.

¹⁴² Дробижев В.З. Главный штаб социалистической промышленности. (Очерки истории ВСНХ. 1917–1932 гг.). – М., 1966. С. 141.

¹⁴³ Нэп и хозрасчет. С. 153–155, 157.

¹⁴⁴ СЗ. 1927. № 39. Ст. 391, 392.

¹⁴⁵ Синдикатская система СССР. – М., 1928. С. 3–5, 7, 9.

¹⁴⁶ СЗ. 1928. № 38. Ст. 350.

¹⁴⁷ СЗ. 1928. № 16. Ст. 128, 129.

¹⁴⁸ Синдикатская система СССР. С. 6.

¹⁴⁹ СЗ. 1930. № 45. Ст. 157; № 48. Ст. 501.

Глава 3

МЕЛКОТОВАРНОЕ КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

ПРОДНАЛОГ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ХОЗЯЙСТВА

В российской экономике 1920-х гг., В.И. Ленина и его единомышленников более всего беспокоила «смычка» госпромышленности с мелкотоварным крестьянским хозяйством, укрепление которой стало центральной политической и практической задачей нэпа. Об этом В.И. Ленин много говорил на XI съезде партии, оценивая итоги первого года нэпа и определяя новые задачи¹. Крестьянство в значительной его массе рассматривали как политического союзника рабочего класса и как основного потребителя промышленной продукции. Но оно лишь по мере восстановления своего производства могло расширять спрос на промышленную продукцию, увеличивая, таким образом, емкость внутреннего рынка.

Замена продовольственной разверстки натуральным налогом, по решению X партсъезда (март 1921 г.) хотя и была по-разному встречена разными социальными группами крестьянства, в целом стала положительным фактором в восстановлении крестьянского производства. Позитивную роль сыграл и мартовский декрет ВЦИК РСФСР, отменивший государственную монополию на хлеб и продразверстку, как способ ее реализации². Крестьянин признавался государством собственником произведенного им хлеба, а за использование государственной земли должен был платить натуральный хлебный налог. «Все запасы продовольствия, сырья и фуража, остающиеся у земледельцев после выполнения ими налога, находятся в их полном распоряжении и могут быть используемы ими для улучшения и укрепления своего хозяйства, для повышения личного потребления и для обмена на продукты фабрично-заводской и кус-

тарной промышленности и сельскохозяйственного производства», – закреплялось в резолюции X съезда РКП(б). Дополнительно получать от крестьян продукты сельского хозяйства государство собиралось «нормальным путем, т. е. в обмен на фабрично-заводские и кустарные изделия». Обмен допускался первоначально лишь в пределах местного хозяйственного оборота³.

Однако, как уже показано, товарообмен с первых попыток его организации весной 1921 г. сосуществовал и конкурировал с частным рынком, попадая под влияние рыночной конъюнктуры, а к осени потерпел явную неудачу в конкуренции с рынком и вылился в куплю-продажу. Картина сельскохозяйственного и всероссийского рынка в целом в конце 1921 – начале 1922 гг. была пестрой и разнообразной, она свидетельствовала о плохом транспортном сообщении, о неспособности частных торговцев и потребительской кооперации решать проблему перераспределения товаров, о нехватке денежных знаков в регионах.

Выход на рынок мелкотоварного крестьянского хозяйства после сдачи продналога в 1921 г. был осложнен неурожаем и голодом в ряде зернопроизводящих губерний Поволжья и других регионах страны. Недостаток сельскохозяйственных продуктов в этих губерниях привел к «диктатуре хлеба» на рынках, когда самыми дорогими в силу их жизненной необходимости стали продукты питания и цены на них продолжали расти. Однако значительная часть государственного товарообменного фонда промышленных товаров была направлена именно в эти губернии, когда была сделана предварительная оценка урожая. Перебросить товары в другие губернии в течение лета, когда погодные условия внесли свои коррективы, органы потребительской кооперации, которым была поручена организация товарообмена, не успели.

Губернии центра, юго-запада и запада собрали в 1921 г. неплохой урожай и их рынки были насыщены достаточным количеством хлеба и других сельскохозяйственных продуктов, но здесь не оказалось промышленных товаров первой необходимости. Наплыв мешочников и частных торговцев из голодающих районов Поволжья привел к быстрому росту цен на хлеб и оскудению здесь сельскохозяйственных рынков. Из-за плохого транспортного сообщения, отсутствия единой валюты и ее нехватки, мешочники и частные торговцы не сумели решить проблему перераспределения товаров в стране. Ску-

пив продукцию сельскохозяйственного производства, они оставили центральные и западные рынки с неудовлетворенным спросом на мануфактуру, обувь, соль, керосин, сельхозинвентарь и машины, другие товары первой необходимости⁴. Было очевидно, что рост цен на хлеб в более урожайных губерниях центра, запада и др. был в большей мере результатом наплыва мешочников из неурожайных губерний и спекулянтов-перекупщиков, нежели попыток крестьянства диктовать свои условия рынку⁵.

Обнаруживая спрос на хлеб и другие сельскохозяйственные продукты, крестьяне голодающих губерний не могли удовлетворить свои потребности и в промышленных товарах. Неудовлетворенный спрос на промышленные товары в регионах с достаточным урожаем побуждал крестьянина делать хлеб средством накопления, расширять собственное потребление и развивать свое хозяйство. По подсчетам исследователей, запасы крестьянского хозяйства в 1921/22 г. составили 515 миллионов пудов хлеба⁶, который можно было бы перераспределить в голодающие регионы. Но рыночный механизм не сработал в полной мере, а механизмов перераспределения на уровне государства еще не было создано.

Восстановление сельскохозяйственного производства в 1922–1923 гг. не было прямолинейным, однонаправленным и бесконфликтным, так как внутри деревни проходили сложные социальные процессы, а государственная аграрная политика не имела последовательного характера. Крестьянство, разоренное прошлогдным голодом, испытывало большие трудности в развитии своего хозяйства из-за недостатка рабочего скота, сельскохозяйственного инвентаря, нехватки семян. Однако интерес к восстановлению и расширению своего хозяйства у крестьянства наблюдался повсеместно. А государство видело свою главную задачу в создании стимулов к расширению производства, в пропаганде среди крестьян агрономических знаний с целью более эффективного использования земли и перехода к более прогрессивным методам ведения хозяйства. На организацию просветительской работы среди крестьян был направлен декрет Совнаркома (22 августа 1921 г.) «О массовом распространении среди крестьянского населения сельскохозяйственных знаний и улучшении приемов ведения сельского хозяйства». Соответствующие задачи были поставлены и перед партийными организациями. Предполагалось создание сельскохозяйственных кружков, проведение циклов

бесед и других мероприятий для подготовки перехода крестьян к новым интенсивным способам ведения хозяйства с весны 1922 г.⁷

В марте 1922 г., в преддверии новой посевной кампании, был введен единый натуральный налог на продукты сельскохозяйственного производства на предстоящую продналоговую кампанию 1922/23 гг. Как было записано в резолюции XI партсъезда «О работе в деревне», единый натуральный налог вводится в целях общего совершенствования налоговой политики и «особенно облегчения бремени, падающего на беднейшее крестьянство»⁸. Натуральным налогом должно было облагаться каждое крестьянское хозяйство в отдельности по прогрессивной шкале обложения, а взиматься он был должен в единой весовой мере (пуд ржи или пуд пшеницы), хотя мог вноситься различными сельскохозяйственными продуктами: продовольственными или фуражным зерном, масличными семенами, картофелем, сеном, маслом и мясом. Размеры налога устанавливались с учетом количества пахотной и сенокосной земли, количества рабочего и продуктивного скота в хозяйстве, числа едоков в семье, объемов урожайности.

Однако несовершенство налогового аппарата, слабость местных органов власти не позволяли в полной мере проводить в жизнь принимаемые властью решения. Кроме единого натурального налога стали вводиться денежные налоги (в мае 1922 г. введен подворно-денежный налог, трудгужналог), которые увеличивали тяжесть обложения. Крестьяне постоянно жаловались на удвоение налогов, хотя весна 1922 г., не давала увеличения посевных площадей, а наоборот наблюдалось их максимальное сокращение. Площадь под зерновыми культурами в 1922 г. составила 66,2 млн гектаров против 79,8 млн — в 1921 г. (включая и озимый клин, засеянный осенью 1921 г.)⁹.

Политические идеалы большевизма требовали соблюдения классового принципа в налоговой (и не только в налоговой) политике. Поэтому мартовский 1922 г. декрет ВЦИК и СНК СССР «О едином натуральном налоге на продукты сельского хозяйства на 1922–1923 гг.» давал льготы маломощным хозяйствам, семьям красноармейцев, безлошадным крестьянам, что, по свидетельству органов ГПУ, далеко не всегда соблюдалось на местах.

Тем не менее, из ряда губерний весной и летом в центр сообщали о стремлении крестьян к восстановлению своего хозяйства, о расширении посевных площадей там, где был недосев и гибель озимых,

о том, что «крестьянство все свои взоры обратило на восстановление своего хозяйства и чрезвычайно слабо реагирует на политические вопросы дня»¹⁰. В центральных и черноземных губерниях отмечались стремление зажиточных крестьян выделиться на хутора и отруб и почти повсеместная экономическая зависимость бедноты от кулаков, что проявлялось в совершении кабальных сделок бедноты, а порой и середняков с кулаками, в распродаже имущества за бесценок, в продажах хлеба кулакам на корню¹¹. Государство вмешивалось в эти отношения с целью поддержки бедноты, снятия социального напряжения и недовольства властью. «Декрет ВЦИК о расторжении кабальных сделок весьма обрадовал бедноту и вызвал озлобление заинтересованного кулачества», — отмечалось в июльском обзоре ГПУ. Политико-экономические обзоры лишь за июль и август 1922 г., когда уборка хлеба завершалась и голод в ряде губерний отступал, хотя и не был преодолен полностью, информировали о достаточно хорошем урожае, и хорошем настроении крестьянства в связи с этим, о некоторой стабилизации рыночных цен на продовольственные товары, которые на всем протяжении первого полугодия стремительно росли вверх¹².

В сентябре–октябре из ряда губерний центра (Московской, Тульской, Калужской, Владимирской, Иваново-Вознесенской и др.) и юго-востока сообщали о вполне успешном сборе продналога, о завершении осенней посевной кампании, об увеличении площадей засева озимых. Там, где был достаточный урожай и объявлена 10 % скидка, крестьяне стремились быстрее сдать продналог, чтобы воспользоваться существующими льготами, но сталкивались с плохой организацией, с неналаженностью механизмов и аппарата по его сбору. В октябре снова заговорили об экономическом кризисе в связи с завершением срока 10 % скидки и началом кампании принудительного сбора продналога, особенно среди тех, кому платить продналог просто было нечем.

В октябрьском обзоре политико-экономического состояния страны был дан достаточно подробный анализ продналоговой компании осени–зимы 1922/23 г., отмечены региональные особенности его сбора и проблемы деревенской жизни. Отмечалось, что продналог добровольно сдают лишь бедняки, но в ряде губерний (Башкирия, Чувашия, Вотская обл., Череповецкая и Курская губ., Сибирские губернии и др.) после его сдачи они будут обречены на голодовку

и уже теперь покупают хлеб на рынке, либо добавляют в хлеб суррогаты. В центральных, северо-западных и сибирских губерниях наблюдалось открытое недовольство или прямая враждебность крестьянства из-за чрезмерно высоких ставок налогообложения и невысокого урожая, что породило массовые ходатайства о понижении налоговых ставок. Здесь крестьяне стремились сдать продналог облигациями хлебного займа, а не натурой. Когда в этих губерниях разрешили вместо хлеба сдавать мясо, то в северо-западных губерниях (Псковской, Череповецкой, Новгородской, Петербургской, Вологодской) оказались перед угрозой массового истребления молодняка, а продорганы оказались совершенно неподготовленными к приему такого большого количества скота. В некоторых губерниях на продналог уходило $\frac{2}{3}$ урожая, в ряде губерний крестьяне с осени покупали хлеб на рынке для прокормления своих семей, в других – заготавливали на зиму траву, в ряде губерний наблюдались случаи самоубийства из-за непосильности ставок¹³. Только более зажиточные крестьяне (кулаки) и крестьяне урожайных губерний (Воронежская и др.) «удерживали хлеб для его продажи на рынке по более высоким ценам»¹⁴.

Почти повсеместно крестьяне сталкивались с бесчинством работников, с насилием и злоупотреблениями. Крестьян обвешивали при приеме продналога, завышали его ставки, вымогали взятки, чтобы они могли воспользоваться скидками и не стояли в очереди по 5–6 суток. Списки налогоплательщиков были перепутаны, и с крестьян взималось больше, чем причиталось. Применялись насилие и необоснованные репрессии, которые выливались в дикое бесчинство и произвол. Своего апофеоза подобные действия в 1922 г. достигали в регионах, отдаленных от центра. И если в центральных районах к октябрю уже наблюдалось «полное замирание всех групп населения», сводки из сибирских губерний (Алтайской, Томской, Омской, Иркутской) поражали даже сотрудников ГПУ.

В середине ноября 1922 г. начальник ИНФО ГПУ Ашмарин В.Ф. обобщил «этот грозный и потрясающий материал» по Алтайской и Омской губерниям в отдельной выписке и, вероятно, находясь в растерянности, запрашивал руководство о том, кому эту выписку направлять. Речь шла о применении к неплательщикам: и к беднякам и к кулакам – репрессивных мер, переходящих всякие законные границы. В связи с этим настроение крестьянства оставалось подавленным.

ным, особенно из-за удвоения ставок налога в неурожайных уездах. Ответственность за это возлагалась на местные власти, которые передавали неправильные данные о размерах посевных площадей. Тем не менее, продработники требовали сдачи продналога, не взирая на реальное положение крестьянского хозяйства.

Продработники заставляли крестьян везти продналог в дождливую погоду, а на приемном пункте они вынуждены были ждать своей очереди неделями, но за взятку (в основном самогоном), продналог принимался без очереди. Принимаемый продналог могли сваливать в сарай без крыши, где хлеб просто гнил. Кроме этого, в массовом порядке можно было наблюдать хищения из ссыпных пунктов и заготконтор, собранных по продналогу продуктов, которые часто продавались здесь же на местных рынках продработниками в целях личной наживы.

Крестьянам не давали возможности завершить обмолот хлеба и огородить пастбища, из-за чего скот уничтожал до половины не обмолоченного хлеба. Крестьян-неплательщиков арестовывали, раздевали и вместе с женщинами и детьми сажали в холодные амбары, «заставляли арестованных влезать на крышу и кричать по-петушину, и лаять по-собачьи». Среди продинспекторов обычным явлением было пьянство. Пьяные уполномоченный и продинспектор, разъезжая по одному из сел Омской области требовали «100 % продналога, 100 % баб и 100 % самогона». Отмечались массовые требования продинспекторами у крестьян гусей, кур, уток, поросят. В счет продналога забирали без санкций судебной власти сельхозинвентарь, домашние вещи, опечатывали все имущество¹⁵. О возмутительном поведении продинспектуры и представителей местных властей сообщали вплоть до завершения продналоговой кампании 1922/23 г.¹⁶ Участились случаи грубого обращения с крестьянами, пьянство и взяточничество и в европейских губерниях и в других регионах¹⁷.

На неподобающие действия со стороны продинспекторов крестьяне могли ответить избиениями и изгнаниями продотрядов из деревни, были случаи стрельбы по продотрядам и даже убийства продинспекторов¹⁸. Ссылаясь на чрезмерность продналоговых ставок, крестьяне прятали хлеб или, не дождавшись своей очереди, могли увезти свой хлеб обратно с приемного пункта. Вместо хлеба пытались сдавать овес и просо, что не принималось продорганами. Фиксировались

и многочисленные факты открытой агитации кулаков против советской власти. Применялись и другие формы протеста, когда в ответ на грубость и издевательства работодателей в одном из омских сел, «женщины и старики с пением царского гимна собрались на площади и стали молить БОГА о ниспослании им царя»¹⁹. Другой крайностью было стремление пропить часть хлебных запасов, когда повсеместно начинали выделять самогон и поголовно пьянствовать (вместе с представителями местной, районной и губернской власти, милиции, продинспекторами и продкомиссарами)²⁰.

Все это дестабилизировало обстановку в деревне и подрывало авторитет государства и власти в глазах крестьянства. Наиболее близкие к крестьянству госорганы (губземуправления) вполне правомерно считали, что «нынешняя продналоговая кампания крайне болезненно отзовется на сельском хозяйстве и окончательно подорвет его...». В декабрьском обзоре отмечалось, что «сбор продналога в значительном количестве губерний чрезвычайно тяжело, а местами даже катастрофически отразился на материальном положении крестьян»²¹. И касалось это не только регионов прошлогоднего голода и нынешнего неурожая.

Ситуация усугублялась и стремительным ростом рыночных цен на предметы первой необходимости, а в менее хлебобродных губерниях и на продовольственные товары. Поэтому крайне сложно говорить о рыночных возможностях крестьянского хозяйства, о стимулирующем воздействии рынка, как мотиватора индивидуальных интересов, на восстановление крестьянского производства. Были случаи, когда местные власти вообще запрещали крестьянам продавать сельхозпродукты на рынке и вывозить их за пределы области до получения удостоверения о полной сдаче продналога. Это касалось тех районов, где продналоговая кампания тормозилась массовыми случаями сбыта хлеба на рынке²².

Стремление государства улучшить материальное положение рабочих осуществлялось в основном за счет крестьянства. Но ресурсы деревни на приобретение промтоваров были очень ограничены, восстановительный процесс в сельском хозяйстве также требовал определенных накоплений. Хотя в общем объеме товарооборота преобладал внутридеревенский и местный товарооборот сельхозпродуктов²³, сам деревенский рынок в 1922 – начале 1923 гг. оставался преимущественно сельскохозяйственным. Например, во многих уездных

отчетах о состоянии рынков в Калужской губернии, не самой отдаленной от центра промышленного производства, сообщалось что, «предметами торговли на рынках были товары сельскохозяйственного производства и предметы кустарной промышленности, изделий фабрично-заводского производства почти не было»²⁴.

Более высокий урожай 1922 г. привел к тому, что крестьянство, успешно сдавшее продналог государству, оказалось перед проблемой сбыта излишков своей продукции. Цены на хлеб стали снижаться, что обесценило ценность крестьянского труда. Эта тенденция была повсеместной, так же как и вторая: рост цен на товары промышленного производства. Такая ситуация на товарном рынке в 1922 г. не способствовала росту товарности крестьянского хозяйства, повышению его покупательной способности, не стимулировала рост крестьянского производства и расширение емкости крестьянского рынка на промышленную продукцию. (Хотя по отношению к голодному 1921 г. все эти показатели удвоились.)

Не было готово к хорошему урожаю и государство. Закупки хлеба были еще плохо организованы и осуществлялись по низким твердым ценам, экспорт не был восстановлен. По сути, крестьянин, накормив страну, оставался наедине со своими проблемами, оказавшись между рынком и государством. Имея излишки хлеба, но, не имея возможности реализовать их так, чтобы удовлетворить свои потребности в промышленных товарах ни с помощью рынка, ни с помощью государства, крестьянство начнет искать иные пути к этому: развивать домашнее производство, покупать кустарные изделия и все более замыкаться в своих натурально-потребительских рамках. Болезненно переживая ситуацию, но, оставаясь собственником, хозяином, крестьянин не мог не извлечь из нее уроков. А основной потребитель хлеба – государство, рассчитывая получить в порядке товарообмена и коммерческих заготовок 151 млн пудов, смогло закупить у крестьянства лишь немногим более 60 млн пудов²⁵.

Сводки и обзоры ГПУ показывают, что наиболее уязвимой, унижаемой и не защищенной социальной группой оставалась беднота. «Главная тяжесть репрессий в связи с продкампанией падает на крестьянскую бедноту», – сообщалось из ряда губерний в феврале-марте 1923 г. «Не в состоянии выполнить налог главным образом беднота», – отмечалось в ноябрьском обзоре. Практически повсеместно наблюдались жалобы бедноты на непосильность налогов. «Бед-

нота недовольна, что несет тяжесть всех налогов наравне с кулачеством...»²⁶. Все это ставит под сомнение проведение классового принципа в налогообложении в реальной жизни, хотя государство его усиленно декларировало.

Разорение бедноты усиливалось в связи с недородами и гибелью урожая, в связи с массовыми распродажами скота и инвентаря. Это была типичная картина для голодающих губерний и в 1922, и в 1923, и в 1924 гг.

В 1922–1923 гг. крестьянское производство оставалось еще в основном земледельческим и лишь в ряде губерний северо-западного и западного регионов возросло производство сырьевых культур и увеличилось количество скота²⁷. Посевная кампания 1923 г. прошла более интенсивно, везде отмечалось расширение посевных площадей и в целом по стране они составили около 80 % от довоенных, а в центральном промышленном районе даже превысили довоенный уровень. Актуальной была помощь государства, особенно семенами, т. к. хозяйства бедняков и середняков испытывали острый недостаток посевного материала, рабочего скота и инвентаря. Наркомзем стремился оказать помощь именно бедняцким и середняцким хозяйствам, но отпущенный фонд семенной ссуды был не большим и 25 губерний его не получили вообще. В некоторых районах, где в волисполкомах и посевкомах преобладали зажиточные крестьяне и кулаки, он был распределен среди них. Отмечалась не только недостаточность отпущенной ссуды, но и не качественность семян, их засоренность, а также высокие начисления при возврате ссуды (до 50 %), из-за чего бедные крестьяне, часто даже нуждаясь в семенах, отказывались от них. Более медленно шло восстановление животноводства, которое зависело от имеющихся в хозяйстве хлебных излишков²⁸.

Вместе с тем, отсутствие стимулирующего фактора на хлебном рынке в 1922 г. привело к некоторой переориентации крестьянского производства. 1923 и 1924 годы дали максимальный прирост посевов технических культур: хлопка (218,8 %), табака (133,3 %), конопли (50,1 %), ячменя (58 %), сахарной свеклы (40,1 %)²⁹. Закупка этих культур начала проводиться государственными, кооперативными и частными заготовителями на коммерческой основе уже с 1921 года. В этом, очевидно, проявилась рыночная ориентация крестьянского производства уже на этапе восстановления своего хозяйства.

Завершение продналоговой кампании 1922/23 г. выявило повсеместное недовольство бедноты и середняков многочисленностью налогов, неравномерностью их распределения, бессистемностью их взимания³⁰. Кроме натурального налога и ряда денежных налогов собирали недоимки прошлых лет, долг по семенной ссуде и «новый налог» – на страхование жилищ и скота. На крестьянских беспартийных конференциях в марте 1923 г. крестьяне признавали налоги необходимыми и от их уплаты не отказывались, но высказывали пожелание об устранении множественности налогов и объединении их в один, «чтобы этот налог был объявлен заранее, чтобы иметь возможность вовремя к нему подготовиться». Предлагали ввести «учет платежеспособности каждого крестьянина», открыто говорили о том, что налоги разоряют крестьянское хозяйство³¹. В одной из волостей Тюменской губернии на беспартконференции по вопросу посевной кампании приняли решение «просить высшие органы дать возможность крестьянам восстановить разрушенные хозяйства, освободив их от непосильных налогов»³².

Во многих губерниях отмечалось стремление крестьянства к активному участию в общественной жизни. Крестьяне не стеснялись высказывать свои пожелания и чаяния, в надежде быть услышанными и понятыми.

Проводимые конференции выявили недовольство налоговой политикой и со стороны более крепких хозяйств. Это недовольство проявлялось в «агитации кулаков против советской власти и коммунистов», в открыто враждебном отношении к ней, в убийствах партийных и советских работников («кулачество поднимает голову и сводит личные счета»)³³.

На протяжении всего 1923 г. экономическое положение значительной части крестьянства (кроме кулаков) было «довольно тяжелым и печальным». Уплатив множественные налоги, сами крестьяне остались без хлеба и скота, питались суррогатами и в значительном количестве губерний (от 30 до 40) голодали. К осени 1923 г., к началу уборки нового урожая, когда запасы прошлого урожая истощились, были плохие виды на новый урожай, плохо прошла осенняя посевная – экономическое положение значительной части крестьянства еще более ухудшилось³⁴. Уменьшалась и помощь голодающим. Отмечалось даже уменьшение пьянства в целом и по наиболее «пьяным» губерниям. Крестьяне неблагополучных губерний распродавали скот и пытались запастись хлебом³⁵.

Уборка и реализация нового урожая не принесли улучшения крестьянского положения. Ход продналоговой кампании вновь выявил «ряд ненормальностей» и в самом аппарате и в способах взимания налога. В связи с повсеместным недовольством крестьянами множественностью налогов в 1922 г., в мае 1923 г. декретом ВЦИК и СНК СССР был введен единый сельскохозяйственный налог. Прошедший накануне XII съезд партии при обсуждении вопроса о налоговой политике в деревне особое внимание снова обратил на соблюдение классового принципа. Поэтому единый сельскохозяйственный налог на 1923/24 год устанавливался с учетом все более очевидной социальной дифференциации крестьянства. Критерии налогообложения оставались те же, что и ранее: количество пахотной и сенокосной земли в хозяйстве, количество едоков, количество взрослого рабочего и продуктивного (крупного рогатого) скота, урожайность хлебов и трав на десятину, – но в соответствии с ними вводились группы и разряды по каждому из показателей. Вводилось 9 групп по количеству пахотно-сенокосной земли на едока, 4 группы по количеству голов скота в хозяйстве, 11 разрядов урожайности. Часть налога решалось вносить в денежной форме³⁶.

Но его ставки в очередной раз оказались непомерно высокими для многих хозяйств, что сразу же вызвало массовые ходатайства об их понижении. Вполне справедливо утверждение, что «рост налогового бремени опережал восстановление ресурсов крестьянского хозяйства»³⁷, а принцип индивидуального обложения исполнялся таким образом, что чаще всего был не понятен крестьянину, различия в материальном положении здесь наблюдались лишь в зависимости от принадлежности к той или иной социальной группе³⁸.

Новыми моментами продналоговой кампании 1923 г. были удаленность заготконтор (до 300–500 верст) и требование высокой кондиционности зерна, что создавало дополнительные трудности, т. к. значительная часть крестьянских хозяйств не располагала техническими возможностями для его сушки, сортировки и т. п. Поэтому, когда зерно забраковывалось, его продавали здесь же за бесценок, чтобы не везти обратно. На этой почве возникали отказы от сдачи продналога вообще. Крестьяне ряда губерний (центральных, западных, уральских и др.), где денежная реформа уже завершилась, стремились сдать продналог деньгами и облигациями государственного займа. Однако особое недовольство вызывало несоответствие

эквивалентов денежного и натурального налога. Чаще всего нужно было продать два пуда зерна, чтобы проплатить один пуд налога. Поэтому предпочитали массовую продажу скота и инвентаря, чтобы сдавать продналог деньгами. В окраинных, периферийных регионах, где были крайне низкие цены на хлеб, и ощущался острый недостаток денежных средств, а облигации хлебного госзайма стоили очень дорого, крестьяне вынуждены были сдавать продналог натурой³⁹. Соотношение между натуральными и денежными выплатами устанавливалось отдельно для каждой губернии и даже для каждой волости.

Не лучшим образом на восстановление крестьянского производства и сдачу продналога повлияли «ножницы цен» осени 1923 г. Крестьяне практически всех губерний отмечали, что платят за фабричную продукцию в два-три раза больше, нежели в прошлом году. Приведем лишь одну цитату. «Крестьяне Ярославской губ. при продаже льняного волокна не могут купить мануфактуры: вместо 20–30 аршин ситцу, которые давал сбыт льна до войны, они теперь получают только 10 аршин. В Алтайской губ. крестьяне за одну корову получают ситцу только на 2–3 рубахи. В Царицынской губ. крестьяне не в состоянии приобретать такие необходимые предметы, как соль, керосин, спички, шорные изделия. В Воронежской губ. крестьянин, чтобы купить пуд соли, продает 6–7 пудов ржи. Пара сапог по ряду губерний стоит 60 пудов ржи или 50 пудов пшеницы. Подобные же факты приводятся почти по всем губерниям»⁴⁰. Далее отмечалась тенденция к сокращению посевных площадей под хлебом из-за низких цен на него. Крестьяне начинали сеять только для собственного потребления, что лишало хозяйство излишков и для обмена с промышленностью и для дальнейшего восстановления собственного хозяйства.

После уплаты налога материальное положение значительной части крестьянства оставалось крайне тяжелым. Полуголодное существование вынуждало задумываться не столько о развитии своего хозяйства, сколько об иных возможностях и источниках дохода, когда начинались поиски работы в городах, возобновлялось отходничество, из неурожайных губерний крестьяне стремились переселиться в более плодородные губернии.

Другая тенденция была связана с попытками ждать помощи от государства. Хотя и не так часто в сводках и обзорах ОГПУ можно

встретить информацию, когда «середняки и бедняки к советской власти относились доверчиво, надеясь, что она окажет им поддержку в восстановлении хозяйств и в будущем им не придется работать на кулаков». Лишь в августовском обзоре 1924 г. отмечалось, что «в некоторых районах голодающих губерний переселение и уход на заработки уже не носят массового характера и местами совершенно прекратились. Крестьянство надеется на помощь государства»⁴¹. Возможно, свою роль играла именно классовая политика: с каждым годом увеличивалось число освобожденных от налога бедняцких хозяйств. В 1922/23 г. было освобождено около полумиллиона дворов, т. е. 3 % всех крестьянских хозяйств, в 1923/24 г. – более 2,2 млн дворов, т. е. 14 % всех хозяйств⁴². Но если учесть, что бедняцких хозяйств в 1922–24 гг. насчитывали во многих губерниях до 50 %, а в неблагополучных голодающих губерниях – до 60 %⁴³, то становится ясно, что политические обещания «не оплачивались» и на треть. Возможно, эти цифры «сблизились» к середине 1920-х гг. По данным комиссии Совнаркома в 1924/25 г. бедняцких хозяйств, в среднем по стране было 25,9 %, а освобожденных от налога в 1925/26 г. – 5,4 млн дворов, т. е. до 25 % крестьянских хозяйств⁴⁴.

Вероятно поэтому, более частым явлением становилось безразличное и недоброжелательное отношение к нэпу, к кооперации и к новой власти, в которой видели только «гнет для крестьян». Частым явлением были слухи о том, что в высших органах власти засели «спецы и буржуи», «которые мстят крестьянам» и «стремятся налогами разорить все трудовое крестьянство»⁴⁵. Повсеместно стало проявляться стремление приспособливаться к условиям новой жизни, всячески избегать уплаты налогов, не сокращая при этом собственного потребления. О том, что в деревне лучше всего жилось самогонщикам, которые приспособились получать неплохой доход с этого «промысла» и не платить налогов (а это более 28 % дворов на одну деревню) исследователи уже писали⁴⁶. В начале марта 1923 г., на одной из беспартконференций в Тверской губернии, где был поднят вопрос о борьбе с самогоном, он не нашел своего разрешения в положительную сторону. Большинство крестьян сами высказались за его производство, мотивируя свою позицию тем, «что дорогие вина и латвийский спирт им недоступны», поэтому «они и будут изготавливать самогон для своего употребления»⁴⁷. А если власть народная, сами принимаем то решение, которое нам выгодно.

Некоторые крестьяне приспособились сохранять видимость бедняцкого хозяйства: ко времени сбора налога резали теленка и поросят, и продавали лишний скот, освобождаясь, таким образом, от налогов. А середняки разрывались на части⁴⁸. Были и еще некоторые категории «состоятельных крестьян», которым, по мнению их односельчан, жилось совсем неплохо, но налога они не платили. Это торговцы, которые относились к категории безлошадных, и отдельные крестьяне, которые вместе с детьми работали на промышленных предприятиях, а жили в деревне, – они также попадали в категорию безлошадных⁴⁹.

Хорошо известно, что продналог собирали органы Наркомпрода, аппарат и методы работы которого сложились в годы гражданской войны, и в большей мере напоминали продразверстку; что к проведению налоговых кампаний привлекались армия, органы милиции, ревтрибуналы, выездные сессии народных судов, которые на месте определяли меры наказания: денежные штрафы, конфискация части или всего имущества, лишение свободы на срок до 6 месяцев. Поэтому становится понятным, что размеры продналога, формы и методы его исчисления и сбора далеко не свидетельствуют о его стимулирующей роли для восстановления крестьянских хозяйств. После сдачи продналога крестьяне многих губерний оставались без хлеба и голодали, поэтому продавать на рынке им было нечего. Рыночные стимулы и мотивы их вовсе не касались. Скорее более значимым стимулом было возвращение к мирной жизни и мирному труду, где естественным было желание крестьянина быстрее возродить свое хозяйство. И о восстановлении своих хозяйств многие крестьяне лишь мечтали.

В полной мере этот вывод может быть распространен и на оценку товарообмена из-за несоответствия в ценах на продукты сельского хозяйства и фабрично-заводского производства, когда государственные закупочные цены на хлеб всегда были крайне низкими, а товары промышленного производства стоили очень дорого. Налог и неэквивалентный обмен, уже в 1923 г. подорвали платежеспособность крестьянских хозяйств, спровоцировав кризис сбыта промышленных товаров. Крестьянское хозяйство, еще не почувствовав на себе неповской заинтересованности, не сумев включиться в рыночные отношения, не получив времени для своего восстановления, стало основным источником средств для пополнения госбюджета и обеспечения

жизнедеятельности государства, для восстановления промышленности. А продналог и товарообмен стали двумя каналами для выкачивания этих средств из деревни с самого начала нэпа. Деревня оставалась единственным источником для экономического восстановления страны, а сама в значительной степени выживала в условиях голодного и полуголодного существования. Голод, начавшийся в 1921 г. в Поволжье, в 1922 г. распространился на губернии других регионов: севера-запада, запада, Сибири и продолжался и в 1923 и в 1924 гг.⁵⁰

Оценка значимости крестьянского труда в возрождении своих хозяйств увеличивается, если принять во внимание, что восстановление крестьянского производства осуществлялось на основе значительного преобладания ручного труда. По данным Наркомфина, сельхозинвентаря в 1921/22 г. было произведено 53,6 % предусмотренного программой, а реализовано лишь 85 % от произведенного. Емкость крестьянского рынка составила менее 5 % довоенного. Емкость рынка на сельхозинвентарь за девять месяцев 1922/23 г. увеличилась в два раза к уровню предшествующего года, но составила соответственно менее 10 % довоенного⁵¹.

Бюджетные обследования крестьянских хозяйств показывают преобладание живого (ручного) труда над машинным, как при производстве зерновых, так и при производстве технических культур и в 1925 г.⁵² По данным крестьянских бюджетов 1925/26 г., расходы на товары хозяйственного назначения в сеющих хозяйствах были почти в четыре раза меньше, чем на товары личного потребления⁵³. Т. е., весь восстановительный процесс в сельском хозяйстве проходил на основе значительного преобладания ручного труда. Экономически слабое государство, само нуждаясь в источниках доходов, только декретами не могло кардинально изменить эту ситуацию.

Медленное, «мучительно тяжелое» восстановление сельскохозяйственного производства, при достаточно низкой товарности, все-таки способствовало все большему вовлечению крестьянства в рыночные отношения. Показателем этого является динамика развития внутридеревенской и местной торговли в начале 1920-х годов, когда беднота распродала по осени рабочий и продуктивный скот, инвентарь и стремилась запастись хлебом до нового урожая, а кулаки скупали все по дешевке, чтобы весной продать по более высоким ценам. Фактически возрождались и начинали проявляться некоторые дореволюционные тенденции в развитии аграрного рынка⁵⁴. Кроме

этого, с 1 января 1924 г., с завершением денежной реформы, отменялись все натуральные налоговые выплаты, и продналог начинал приниматься только в денежной форме, что делало неизбежным включение крестьянских хозяйств в товарно-денежные отношения. Чтобы получить деньги для уплаты налога, крестьяне должны были предложить рынку часть полученного ими хлеба, либо другой сельхозпродукции. Новые возможности открывались и для государства: оно могло наладить «смычку» между промышленностью и сельским хозяйством на основе товарно-денежных отношений. С 1924 г. рынок стал основной формой связи государства и крестьянства, сельского хозяйства и промышленности, города и деревни.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА

Хотя нэп и считали вынужденной уступкой в первую очередь крестьянству, рассматривая продналог и товарообмен в качестве стимулов к расширению крестьянских посевов, к восстановлению и развитию крестьянского производства, в чем государство нуждалось в первую очередь, но они были таковыми скорее теоретически, чем практически. Размеры налога ежегодно увеличивались и часто были непосильны для бедняцких и части середняцких хозяйств, а формы и методы его сбора после завершения добровольной сдачи скорее напоминали продразверстку. Равноценных товарообменных отношений с крестьянскими хозяйствами не было. С начала 1921 г. обменные эквиваленты на сельхозпродукты были в три раза ниже по отношению к промышленным товарам, хотя в начале 1922 г. они были отменены. Крестьянин не стал собственником, хозяином своей земли, национализация земли была основным препятствием на пути развития индивидуальных форм землепользования. Некоторое повышение товарности крестьянских хозяйств в первые годы нэпа не было востребовано ни внутренним рынком, ни внешним, при наличии государственной монополии внешней торговли.

Жизнь возрождала старые противоречия на новом уровне. Политические идеалы революции требовали поддержки и помощи мало-мощным бедняцким хозяйствам. Но экономически более крепкие хозяйства демонстрировали более быстрые темпы восстановления

и развития производства зерна, сырья, животноводства. Объективно, им в первую очередь следовало бы дать простор в их хозяйственной деятельности и проводить в отношении их продуманную налоговую, кредитную, торговую и заготовительную политику, чего власть не могла допустить. Поэтому становление единой аграрной государственной политики проходило также мучительно трудно.

Управление сельским хозяйством, как отраслью осуществлял Народный комиссариат земледелия (Наркомзем) РСФСР. Но при этом другие ведомства курировали отдельные вопросы: продналог до июля 1923 г. собирал Наркомпрод (в июле он был ликвидирован), денежно-финансовые налоги собирал Наркомфин, в Госплане одна из четырех ведущих секций была секция сельского хозяйства, координирующим началом были СНК РСФСР и соответствующие партийные органы. Партийные и государственные органы рассматривали сельское хозяйство как единую целостную отрасль народного хозяйства, но в годы нэпа оно таковой еще не было. Тем не менее, объявив введение продналога и товарообмена в марте 1921 г., государство в дальнейшем стремилось планировать развитие сельскохозяйственного производства.

Известны составленные, и даже утвержденные, но не реализованные планы в области сельского хозяйства. Первый – государственный план засева, разработанный Производственной комиссией Наркомзема по решению VIII съезда Советов в начале 1921 г. План был признан удачным и утвержден СНК, но не был в полном объеме проведен в жизнь, использовали лишь отдельные меры в плане организации посевов⁵⁵. С образованием в феврале 1921 г. Госплана – плановая комиссия (Земплан) была создана и в Наркомземе РСФСР.

Вторым был Генеральный план Наркомзема на 1921/22 г., где содержалась развернутая программа восстановления сельского хозяйства. В ноябре–декабре 1921 г. план был одобрен на совместном заседании Президиума Госплана (сельскохозяйственной секции) и представителей Наркомзема и принят высшим хозяйственным руководством страны, но также не проведен в жизнь. Вероятно, принципы косвенного индикативного регулирования обособленного индивидуального крестьянского хозяйства, основой которых А.В. Чаянов считал равноправное партнерство государства с частными интересами крестьянина, изначально не соответствовали государственным интересам⁵⁶. Сам факт, что эти планы удалось составить, говорит об

их высоком качестве и профессионализме тех, кто их составлял. План предлагал рыночную модель восстановления и развития индивидуального хозяйства, что в большей степени соответствовало естественно-эволюционному ритму развития и крестьянским интересам.

В дальнейшем становление плановой работы в области сельского хозяйства было связано с развитием двух идей, вытекающих из второго плана. Это разработка методологии планирования мелкотоварного хозяйства, что, на наш взгляд, нашло свое отражение в теоретических поисках всех трех аграрных школ периода нэпа, и реализация на практике идеи экономического районирования, чем и стали заниматься Госплан и Наркомзем уже с 1921 г. Работа по районированию в 1922–1923 гг. проходила одновременно с разработкой перспективного плана восстановления и развития сельского хозяйства. В 1923 г. были завершены теоретические обоснования районирования и предприняты первые шаги по их практическому применению. К лету 1924 г. завершена подготовительная работа по составлению первого перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства страны, одобренного после длительного его рассмотрения Президиумом Госплана в июле-августе 1925 г., но также не проведенного в жизнь из-за его рыночно-ориентированной концепции⁵⁷.

Дальнейшие направления новой аграрной политики были определены на XI Всероссийской партийной конференции в декабре 1921 г. Признавая наличие кризиса в сельском хозяйстве и возможную угрозу нового неурожая, предполагалось при «незыблемом сохранении национализации земли» упрочить крестьянское землепользование, предоставив крестьянам свободу выбора форм землепользования. Акцентировалось внимание на необходимости поддержки маломощных крестьянских хозяйств (в первую очередь семей демобилизованных красноармейцев) с помощью льготных кредитов, облегчения налогового бремени, оказания помощи в снабжении семенами, сельхозинвентарем⁵⁸. На первом этапе нэпа эти задачи пытались активно решать комитеты крестьянской взаимопомощи. Принимая активное участие в посевных кампаниях, в борьбе с вредителями, организуя коллективную обработку земель, они оказывали значительную помощь бедноте и семьям красноармейцев. Только там, где значительным было влияние зажиточных слоев крестьянства, их деятельность не была активной⁵⁹.

В связи с принятыми решениями, важнейшим звеном государственной аграрной политики 1922 г. стала нормативно-правовая работа

по обеспечению стабильного, устойчивого и эффективного землепользования, первым шагом в которой стало принятие в мае 1922 г. «Закона о трудовом землепользовании»⁶⁰, а следующим – разработка и принятие Земельного Кодекса.

По поручению IX Всероссийского съезда Советов (декабрь 1921 г.), Наркомзем в течение 1922 г. провел работу по кодификации земельного законодательства. Проект Кодекса обсуждался в местных органах власти, были дискуссии в Наркомземе. В октябре 1922 г. Земельный Кодекс был рассмотрен комиссией Совнаркома и 30 октября принят IV сессией ВЦИК. С 1 декабря этого же года он вводился в действие⁶¹.

Исследователи неоднократно отмечали противоречивость его положений, что препятствовало проведению понятной и последовательной аграрной политики. Тем не менее, за крестьянами закреплялись права на владение, пользование и распоряжение землей, хотя они и были ограничены. Бессрочным объявлялось только трудовое крестьянское землепользование. Прекращение права на него связывалось с добровольным отказом от земли всех членов двора и полным прекращением ведения двором самостоятельного хозяйства, либо с окончательным переселением в другое место. Возможным было лишение права на землю по суду и занятие земли государством⁶². Земля, которая находилась в трудовом пользовании, закреплялась за земельными обществами. Свободная купля-продажа, коммерческая аренда, равно как и дарение, завещание и залог земли были запрещены. Разрешалась трудовая аренда земли на срок не более трех севооборотов и применение наемного труда⁶³.

Кодекс закреплял за крестьянами право выбирать формы и порядки землепользования (отсюда возникало стремление выделиться на хутора, отруба), но требовал согласия общины на выход из нее, если не предвиделось общих переделов земли. В этом случае выйти из общины с землей можно было по требованию не менее одной пятой его членов. При полных переделах выход из общины ничем не ограничивался. Более жестко регулировалось проведение переделов земли: не разрешалось проводить переделы ранее трехкратного севооборота, а при их отсутствии – передел не мог проводиться девять лет⁶⁴. Досрочные переделы допускались лишь в случае перехода общины к улучшенным формам землепользования (от трехполья – к многополью). Виды землеустроительных работ также определялись нормами Земельного Кодекса⁶⁵.

Кроме индивидуального землепользования, в Кодексе закреплялись и коллективные формы: землепользование коммун и артелей, а также совхозов⁶⁶.

Достаточно широко трактовалось понятие «земельное общество». Под ним понималось не только наличие традиционной общинной организации, но и любой территориальной организации крестьянских дворов: колхозов, хуторов и других добровольных объединений. Именно в пределах земельного общества или сельхозтоварищества⁶⁷ крестьянин мог реализовать свое право на долю земли из надела и на пользование совместными угодьями.

Таким образом, государство предоставляло индивидуальному крестьянскому хозяйству право вести хозяйство на земельном участке в пределах традиционного земельного общества (тогда это был чересполосный участок), либо в пределах нового земельного общества (хутор), либо на одном участке (отруб). Крестьянину-землепользователю разрешалось возводить на своем участке различные сооружения для хозяйственных и жилищных надобностей, он имел право на посевы и все соединенное с землей, пока то не перешло законно к другому лицу. При последовательной и стабильной государственной политике вполне можно было нормально жить и спокойно трудиться на земле, о чем крестьяне всегда мечтали.

Проведение землеустройства было встречено крестьянами вполне доброжелательно, «весьма популярным стало групповое и отрубное выселение», но очень быстро стало понятно, что и в этом вопросе деревня не единодушна. Первая же кампания по землеустройству, которая проводилась Наркомземом весной 1923 г. показала крупные проблемы, когда «переделы превращались в кровавые побоища», многие землеустроительные дела тянулись почти целый год, а в низовом аппарате Наркомзема оказались «не вполне благонадежные в политическом отношении элементы», они откладывали разбор заявлений и жалоб крестьян, а заявления бывших помещиков и кулаков рассматривали быстро и в их пользу⁶⁸. Кулаки вели борьбу за возвращение своих земель, отнятых революцией, самовольно захватывали большие земельные участки из общественного фонда. С помощью взяток и подкупа землемеров им удавалось их узаконить.

С осени 1922 г., когда после уборки урожая и в ходе сдачи продналога началось новое повышение цен на хлеб, что было несколько неожиданно, т. к. в условиях хорошего урожая более вероятным яв-

ляется их падение, государственные органы начинают активно регулировать ценообразование на хлебном рынке. Первоначально это были разовые акции, направленные на снижение цен на продовольствие в городах, но использовали и предельные закупочные цены (лимиты), особенно в хлебных губерниях.

Оценивая рыночные связи и тенденции конца 1922 г. в Дополнительном информационном письме в ЦК РКП на имя И.В. Сталина, специалисты информационного отдела ГПУ констатировали серьезную конкуренцию госорганов с частником в деревне по скупке хлеба и очередной рост цен на него. При этом отмечалось, что государственные заготовки проходили менее успешно, чем частные, из-за нехватки наличных денег у госорганов и установленных твердых закупочных цен. К концу октября – в ноябре частные перекупщики, завершив скупку хлеба в деревне, стали продавать его в городе, что несколько стабилизировало цены на продовольствие в городе. Крестьяне, получив наличные деньги за свой хлеб в основном от частного скупщика, стремились приобрести на рынке предметы крестьянского обихода и только в этом случае промышленность, сбывающая свою продукцию в деревню, получила возможность ликвидировать задолженность своим рабочим и увеличить их тарифные ставки⁶⁹.

В декабрьском обзоре отмечалось усиление регулирования хлебного рынка госорганами, что нашло свое проявление в более регулярном подвозе продуктов в города в связи с окончанием продовольственной кампании. Ожидалось замедление роста цен и, следовательно, улучшение материального положения рабочих⁷⁰. В некоторых губерниях рост цен на хлеб и муку прекращался, и цены стабилизировались и даже понижались в связи с проведением активных продаж государственными и кооперативными органами. Это имело место в конце октября – начале ноября в Иваново-Вознесенской губернии, где ГУМ и некоторые потребительские общества стали продавать муку. Но здесь же наблюдалось сильное повышение рыночных цен на предметы, отсутствующие в кооперативах⁷¹.

Дальнейшее вмешательство государства в ценообразование на хлебном рынке осуществлялось таким образом, что при падении цен, власть не очень стремилась стимулировать тенденцию к их повышению (государству более выгоден был дешевый хлеб), но при росте цен принимались самые активные меры по их снижению: сокращалось финансирование хлебозаготовок, проводилась хлебная интервенция, вводились лимитные цены⁷².

Многие государственные деятели понимали, что низкие закупочные цены на хлеб разоряют крестьянское хозяйство, и на основе обследования различных сторон деревенской жизни, власть пыталась выработать более целенаправленную аграрную политику. В связи с подготовкой XII съезда партии (апрель 1923 г.) в партийно-государственных кругах развернулась дискуссия о тяжести налогового бремени на крестьянство. Поводом стала новая книга Ю. Ларина о нэпе⁷³, в которой он, на фоне явного недовольства нэпом, делал вывод о том, что «крестьянство не несет на себе почти никакого бремени для возрождения страны...». Автор предлагал на треть увеличить обложение деревни по сравнению с существующим. Его оппоненты – А. Лежава, возглавлявший Комвнторг и выступивший на съезде по вопросу о налоговой политике в деревне Л. Каменев, считали обратное. И в докладе Л. Каменева и в резолюции съезда акценты делались на необходимости «облегчить участие крестьянства» в уплате налогов и «обеспечить соответствие тяжести обложения каждого хозяйства с размерами его доходов...»⁷⁴. В качестве одной из ближайших задач государства определялась задача налаживания экспорта крестьянского хлеба, не потребляемого внутри страны. Выход на внешний хлебный рынок связывался с перспективами повышения цен на хлеб внутри страны и развитием промышленности. Съезд принял решение и о введении единого сельскохозяйственного налога, о чем уже упоминалось ранее.

С весны 1923 г. наркоматы, ведомства, учреждения начали проводить обследование самых различных аспектов деревенской торговли, в августе была создана комиссия по работе в деревне при ЦК РКП(б)⁷⁵. Полученная информация значительно расширяла представление о действительном положении деревни, помогала выделять главные проблемы и вырабатывать определенные мероприятия в отношении деревни. Меры намечались вполне своевременные, они были направлены на оказание деревне посильной помощи со стороны государства, на аккумуляцию внутридеревенских финансовых возможностей, на совершенствование налоговой политики. Принимались меры по укреплению кооперации и расширению ее торговой сети в деревне. Восстанавливался и развивался сельскохозяйственный кредит. Активизировался поиск выхода на международные хлебные рынки в силу узости внутреннего и др.⁷⁶

С 1923 года выделяются государственные средства на организацию обществ сельскохозяйственного кредита (20 млн руб. золотом) и на целевое кредитование сельского хозяйства (17345 руб. золотом). Согласно постановления ВЦИК и СНК «О восстановлении сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности и об организации для крестьянства сельхозкредита» (декабрь 1922 г.), при ВЦИК создается специальный Комитет содействия сельскому хозяйству, который стал осуществлять общее руководство организацией сельскохозяйственного кредита, способствовал созданию обществ сельскохозяйственного кредита на местах. Учредителями обществ сельхозкредита были Госбанк, Наркомат земледелия, Всероссийский кооперативный банк. В число учредителей могли входить и другие государственные учреждения и предприятия, кооперативные и общественные организации, а также граждане, «заинтересованные в развитии сельского хозяйства». Кредитование осуществлялось путем выдачи ссуд отдельным крестьянам и первичным кооперативам: сельскохозяйственной, сельской кустарно-промысловой и сельской потребительской кооперации. В феврале 1923 г. СНК утвердил устав обществ сельскохозяйственного кредита, разработанный Наркомземом и Госбанком. Вслед за этим прошла кампания по утверждению уставов целого ряда таких обществ.

В феврале 1924 г. постановлением ЦИК и СНК СССР утверждено создание акционерного общества «Центральный сельскохозяйственный банк», деятельность которого распространялась на всю территорию СССР. Задачами банка были: «изыскание и привлечение новых источников средств для развития сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности; объединение и планомерное использование государственных средств»; кредитование «общественных и кооперативных учреждений и предприятий, работающих в области сельского хозяйства и сельхозпромышленности, на условиях долгосрочного и краткосрочного кредита; содействие развитию сети учреждений мелкого сельхозкредита»⁷⁷.

Но из-за экономической слабости государства и отсутствия средств у значительной части сельского населения, все меры проводились в жизнь крайне медленно. И в 1923 и в 1924 гг. почти повсеместно отмечались плохая работа и плачевное состояние сельской кооперации. Потребительская кооперация, на которую возлагалась задача организации обмена, а потом – торгового посредничества

между городом и деревней, явно не оправдывала возлагаемых на нее надежд. Приход в правления кооперативов коммунистов не сделал работу кооперации более эффективной⁷⁸.

Партийные оценки процессов происходящих в деревне, данные на партийных форумах начала 1924 г. (в январе – XIII Всероссийская конференция РКП(б), в мае – XIII съезд партии), во многом опирались на анализ решений XII съезда партии, что все-таки свидетельствует о стремлении проводить единую линию в аграрной политике, и в очередной раз подчеркивали важность восстановления крестьянского хозяйства для страны в целом и для восстановления промышленности. Но одновременно отмечалось, что выполнение его решений « в области работы в деревне не развернулось в достаточном объеме», особенно в области проведения налоговой политики, землеустроительных работ, работы низового аппарата⁷⁹. Перечень проблем и недостатков работы в деревне в партийных документах соответствует их перечню в сводках и обзорах ОГПУ, что свидетельствует о том, что приблизительное положение дел в деревне партийные функционеры примерно знали и пытались на них реагировать, закрепляя их в своих резолюциях. Хотя по признанию главы советского правительства А.И. Рыкова, высказанному им вскоре после XIII съезда на собрании партийного актива в июне 1924 г., «мы к крестьянскому вопросу, к крестьянству, к деревне вплотную еще не подошли... Мы не знаем отношений различных групп крестьянства друг к другу, вопросы расслоения крестьянства, изменения его быта, все это теперь только впервые нащупывается. И это в стране, в которой большая часть населения состоит из крестьян. И это в партии, которая вопросы смычки с крестьянством поставила перед собой уже много лет назад и работает над ними»⁸⁰.

XIII партконференция наметила целый комплекс практических действий, направленных на поддержку сельского хозяйства. Интенсивное развитие сельского хозяйства, увеличение производства сырьевых культур, развитие животноводства связывалось с использованием поощрительных льгот в налогообложении и кредитовании, с развитием в деревне всех видов кооперации, с поддержанием выгодных для крестьянского хозяйства цен на хлеб за счет развития хлебного экспорта и организации государственной хлебной торговли на внутреннем рынке. Партконференция приняла решение о переходе с 1924 г. «к взиманию единого сельскохозяйственного налога в де-

нежной форме», с исчислением его в твердой валюте, чему способствовало завершение денежной реформы, и подтвердила «широкие льготы по сельскохозяйственному налогу для маломощных крестьянских хозяйств»⁸¹. Здесь же подчеркивалась необходимость организации батрацких и бедняцких элементов.

XIII съезд партии (май 1924 г.) в резолюции «О работе в деревне» констатировал, что производство сельского хозяйства и благосостояние широких крестьянских масс, хотя и медленно, но непрерывно идут вперед, что политика нэпа в деревне себя целиком оправдала, в т. ч., и в плане происходящего в деревне расслоения. Основой расслоения назывались «не столько земля, сколько торговля, скот, инвентарь, превращающиеся в орудие накопления и средство эксплуатации маломощных хозяйств» со стороны зажиточных слоев. Далее отмечалось две линии в хозяйственном развитии деревни: капиталистическая, когда на одном полюсе накапливается капитал, на другом – наемный труд и нищета, и социалистическая – через кооперацию. В связи с этим, важнейшее значение приобретала работа по развитию всех видов и форм коллективной деятельности, как в производстве, так и в других сферах: артелей, товариществ по совместной обработке земли, коллективная закупка инвентаря, всех видов и форм кооперирования – производственной, сбытовой, потребительской, кредитной, активизации работы комитетов взаимопомощи⁸². Для увеличения партийной опоры в деревне съезд восстановил право крестьянства на общих основаниях вступать в компартию.

Надо полагать, что авторы резолюции несколько лукавили в отношении роли земли в процессе расслоения крестьянства, либо весной эти проблемы еще не проявились в полную силу. 1924 год обнажил всю остроту проблем землеустроительной политики и практики. Сельские общества, осознав преимущества многопольной системы ведения хозяйства перед трехпольной (вероятно, результат работы по пропаганде агрономических знаний!), стремились быстрее осуществить переход на многополье. Но их заявления подолгу не рассматривались, планы нового землеустройства им не высылались. Недостаток землемеров и агрономов приводил к конкурентной борьбе за них между обществами. В некоторых уездах, крестьяне, заинтересованные в переходе на новые формы обработки земли, сами без участия агрономов проводили разбивку земельных участков. Второй причиной самостоятельного перехода к более эффективным

формам землепользования была высокая плата за землеустройство, которая оказывалась непосильной для бедняцких и ряда середняцких хозяйств. А более зажиточные хозяйства чаще всего не стремились внести свои «отчисления в общественный амбар на землеустроительные работы, а собирали свой хлеб отдельно, устраивали нелегальные собрания для обсуждения данного вопроса»⁸³.

Государство не обеспечивало бесплатного проведения землеустройства, поэтому очередными «налогами» для крестьян стала плата за него. Землеустройство стоило слишком дорого, т. к. платить приходилось всем представителям земельных органов: комиссиям и землемерам, которые требовали угощение и пропитание, устраивали денежные поборы, требовали высокую плату за перемер земли, за обмежевку. Если крестьяне прекращали кормить землемера, «узнав, что он получает жалование» или платить ему, он «производил передел в пользу кулаков или бывших помещиков». Обложение сельского населения землемерами в свою пользу (яйца, масло, мука) становилось «нормой». Например, землемер в Калужской губ. собрал с крестьян 3000 штук яиц, а когда крестьяне приглашали его еще четыре раза для перехода на шестиполье, он категорически отказался приехать, заявив, что «теперь не 1920 год и ему надоело получать яйца»...⁸⁴

Продолжалась скрытая и явная борьба между различными группами крестьян за землю. Особенно ожесточенно эту борьбу вели кулаки. Сами они стремились выйти на отруба, обманом захватив лучшие участки земли, саботируя при этом проведение переделов для всего села, отговаривая крестьян от землеустройства. А бедняки и середняки негодовали. Чаще на стороне кулаков оказывались и представители уездной и местной власти⁸⁵. В целях предотвращения дальнейшей борьбы на почве землеустройства, и увеличения роста хуторов и отрубов в октябре 1924 г. Наркомзем разослал циркуляр «О прекращении хуторских разверстаний»⁸⁶.

Переход на денежный налог изменил порядок обложения крестьянского хозяйства. Все население, которое занималось сельским хозяйством, подлежало обложению единым сельскохозяйственным налогом и никакими иными налогами не могло облагаться. За единицу обложения принималась десятина пашни. Доходы от неземледельческих заработков облагались промысловым налогом.

Новые ставки сельхозналога были объявлены в мае 1924 г., когда еще не завершилась продналоговая кампания прошлого года, и они

сразу же вызвали массовое недовольство своими размерами и тем, что они непропорционально ложились на разные слои крестьянства. В августе–сентябре, когда стали очевидными итоги сельскохозяйственного года и начиналась новая кампания по сбору налога, теперь уже деньгами, сведения о тяжести налога все более подтверждались. Повсеместно отмечалось, что новый налог тяжелее прошлогоднего, что «налог большей тяжестью ложится на бедняцкие хозяйства, а обложение кулацкого хозяйства повысилось в меньшей степени». В Московской губ. налог на 1924/25 г. оказался выше прошлогоднего на 120 %, в некоторых ее волостях увеличился в 5–6 раз. В Иваново-Вознесенской губ., в зависимости от волости, увеличивался на 85 %, на 67 %, на 25 %. В Ярославской губ. – выше в 2,5–4 раза. В ряде губерний обложение бедноты выросло на 20–25 %, в некоторых районах – на 50 %, а для более зажиточных рост составлял – 10–25 %. Информация о тяжести налоговых ставок поступала на всем протяжении продналоговой кампании практически из всех губерний и областей. В отдельных губерниях крестьяне-бедняки пытались избежать получения окладных листов, уходя из дома на свои самые дальние наделы и закрывая дом на замок (Тамбовская губ.), в других – начинали усиленно варить самогон для уплаты налога (Воронежская губ.)⁸⁷.

Проведение продналоговой кампании в целом повторило ситуацию предшествующих лет. Маломощные хозяйства разорялись, распродавали скот в массовом порядке, увеличивалось число безлошадных хозяйств. Отсрочек по оплате не давали, о чем крестьяне часто просили, поэтому вынуждены были продавать последнюю скотину, а на почве безвыходного положения отдельные крестьяне шли на самоубийства. В районах недорода у бедноты и части середняков хлеба с суррогатами хватало в лучшем случае до января. За бесценнок продавалось все, что могло быть продано, вплоть до хозяйственных строений и своих жилищ. Несмотря на голод и нищенство, широко применялась система репрессий и высоких штрафов. Скидки по налогу для бедноты в целом ряде случаев не дошли до них, местные органы сознательно их не применяли.

К осени 1924 г. в качестве объекта обложения стал учитываться взрослый скот, а потом и молодежь, чем рассчитывали отличить более состоятельные хозяйства от бедных, т. к. именно кулаки имели наибольшее количество скота. Это повлекло уже с августа массовую

распродажу скота крестьянами и падение цен на него на рынке, создало угрозу для развития животноводства. Распродавала скот в основном беднота, скупали – частные торговцы, которых иначе как спекулянтов-перекупщиков, не воспринимали. Они стремились воспользоваться ситуацией и всячески понижали цены. Дойная корова в центральных губерниях стоила 20–30 руб., лошадь – 50 руб. Чтобы избавиться от налога и зажиточные крестьяне уже не покупали, а продавали часть скота и лошадей и покупали ненужные для хозяйства вещи (например, граммофоны)⁸⁸. Убыль скота в целом оказалась на уровне 40 %, а в самых неблагополучных районах – от 60 % до 80 %.

В связи с недородом и неурожаем в зернопроизводящих губерниях Повольжья, юго-востока и др. ресурсы деревни в 1924 г. были значительно ниже. При низких ценах на хлеб, вывоз хлеба на рынок резко сократился. Проявилось стремление крестьян не продавать хлеб госорганам, а уплатить налог натурой. Крестьяне селами отказывались от уплаты налога. Лимитные закупочные цены ударили в первую очередь по бедняцким хозяйствам, которые не могли иначе уплатить налог, как только продав хлеб. И хотя теперь налог собирали не вечно пьяные продинспекторы и продкомиссары, а финагенты, они «не отставали» от своих предшественников. Процветало взяточничество, опись имущества начиналась на следующий день после вручения окладных листов, конфискация имущества осуществлялась у категорий населения, освобожденных от уплаты (чаще всего, семьи красноармейцев). При конфискации имущества у неплательщиков забирали: у бедняков последнюю корову или последний топор, у вдов – скатерть и полотенце, последний чугун... Изъятый скот и имущество за бесценно продавали на местных аукционах, а покупали сами представители административных органов. Высокими были штрафы за неуплату или недоплату налога. В одной губернии у вдовы конфисковали швейную машинку за 99 коп. неуплаты, у инвалида – самовар за 25 коп. неуплаты⁸⁹.

В Ярославской губ. был случай, когда с батрака, не имеющего скота – налог взимался 22 руб., а с кулака, имевшего 20 десятин земли, скот и хорошо оборудованное хозяйство – 21 руб. Такие ситуации объяснялись льготами за разведение племенного скота и травосеяние, за что государство действительно облегчало налог. Хозяйствам, имеющим племенной скот, полагались не только льготы по налогу,

им выдавался фураж, улучшенные семена, премии, сельхозкредит, что и приводило к уменьшению обложения этих хозяйств, и что было просто не доступно для бедноты. Получалось, что государственная помощь и поддержка была адресована беднейшим хозяйствам, а на практике она укрепляла зажиточные и кулацкие хозяйства. В целом по стране, как отмечалось в аналитических записках ОГПУ, единый сельхозналог «был тяжел для всех и особенно для беднейших слоев», налог был увеличен для бедноты на 150–200 % от уровня прошлого года, для середняка – на 100–120 %, для кулака – на 70–80 %⁹⁰.

При таких условиях правомерно было ждать в первую очередь от зажиточных хозяйств повышения товарности, однако здесь же отмечалось, что «восстановление сельского хозяйства кулаком дает незначительный экономический эффект, т. к. основную массу сельхозпродуктов... дает середняк», он же (середняк) является и основным покупателем промышленных товаров.

Анализ факторов деревенского (в терминологии 1920-х гг. – классового) расслоения, которое «зашло весьма далеко», показывал, что кулаки и зажиточные слои деревни часто мыслили предпринимательскими (рыночными) категориями и использовали самые различные возможности, которые открывала перед ними жизнь. Отмечалось, что в деревне расширяются масштабы ростовщичества (под 100 % урожая, или под 200–300 %), т. к. при отсутствии государственного кредитования маломощных хозяйств, все обращались за помощью к кулакам. В докладной записке секретного и информационного отделов ОГПУ сообщалось, что «беднота и середняк в деревне знает только кулака, который, хотя и на тяжелых условиях, но все же дает нужный кредит... Кулак та сила, без которой беднота и середняк не могут и мыслить себе деревни, кулак – решающая сила... Деревня в лице бедноты и середняка не видит поддержки от государства и не ждуг ее»⁹¹.

Зажиточные хозяйства боролись за землю, зная, что они будут на этой земле делать. Бедняки же сдавали кулакам в аренду свои земли, так как не могли их обработать собственными силами. Да и за землю часть бедноты держалась постольку, поскольку была лишена других источников дохода и других возможностей к жизнеобеспечению. «Если бы государство дало возможность работать на фабриках или на рудниках, то черт с ней с землей, пусть ею подавятся кулаки»⁹². Хотя так думали далеко не все.

И среди бедняцких слоев не все были лодыри, каковыми их часто считали, среди них отмечалась тяга к землеустройству и к расширению своих наделов (иногда за счет зажиточного крестьянства), они стремились улучшить свое хозяйство путем перехода на многополье, стремились вырваться от кулацкой зависимости (хотя были слабыми, «не доросли до рынка»). Они были «готовы к коллективной работе», а в кооперации и деятельности комитетов крестьянской взаимопомощи видели хорошие возможности для себя. Поэтому часто недоумевали, «почему компартия слабо проводит в жизнь полезные для крестьян мероприятия?», «почему компартия не проводит в обязательном порядке переход от трехполья к многополью?», «почему втридорога берет за землеустроительные работы?», «почему не обязует всех граждан быть членами кооперативов?»⁹³.

У зажиточных крестьян иногда и не земля вовсе становилась основным источником получения дополнительных средств. Были «инвентарные хозяйства», которые имели незначительные наделы, но их доход от сдачи в аренду машин и другого инвентаря значительно превышал доходы от обработки земли. У кулака – арендатора мельницы все деревни в округе были в должниках. Кулак за молотилку получал за осенний сезон 500–600 пудов хлеба, т. е. приблизительно урожай с 12 десятин (а облагался на уровне середняка или бедняка). Кулаки имели возможность придержать собственный хлеб и не продавать его по лимитным ценам, они подкупали еще и хлеб у бедноты, а продавали позже по возросшим ценам⁹⁴. Все это давало основания для утверждения, что «к концу 1924 г. кулацкие слои... совершенно оформились». Экономическое усиление кулацких хозяйств неизбежно вело к росту их политического влияния на всю деревню и на низовой советский и партийный аппарат. В августе 1924 г. в обзоре ОГПУ констатировалось, что «низовой соваппарат в его теперешнем состоянии не в силах проводить мероприятия советской власти, направленные в пользу беднейших слоев деревни»⁹⁵. Вначале этот процесс был отмечен в Сибирской деревне, а позже и во всех остальных.

Председатель СНК СССР и РСФСР Рыков А.И. еще в июне сообщил о нескольких известных ему случаях, когда «продналоговые льготы были использованы не бедняками, а кулаками, которые сидели в сельских и волостных Советах. Они главную податную тяжесть складывали на бедняка и середняка, а себя освобождали от налога».

Главу советского правительства беспокоило, что любая государственная помощь, адресованная беднякам и середнякам (а до осени 1924 г. государство собиралось направить в помощь крестьянству до 30 млн руб. золотом в связи с недородом и неурожаем), вновь окажется в руках кулацко-буржуазного элемента, который любые экономические ресурсы (семенную ссуду, кредиты, финансирование кооперации) использует для организации богатых против бедных. Целью государства было сделать эту помощь «орудием освобождения бедноты, орудием организации середняцко-бедняцкой массы крестьянства вокруг Советской власти»⁹⁶.

Недовольство крестьян размерами налога, неправильным распределением льгот по налогу, низкими ценами на хлеб у государственных и кооперативных заготовителей, слабой работой сельских советов, волисполкомов, комитетов взаимопомощи, перегибами и злоупотреблениями вело к тому, что экономические проблемы все более приобретали политическую окраску. О росте политического сознания всего крестьянства говорят многие факты, когда крестьяне начинали понимать, что «власть принадлежит не рабочим и крестьянам», пытались установить прямую связь с рабочими и просили дешевле продавать им сельскохозяйственную технику, предлагали для смычки города с селом не только уменьшить налоги, но и сократить высшие ставки зарплаты служащих и рабочих до прожиточного минимума⁹⁷.

Политико-экономическую ситуацию в деревне характеризовали сводки из различных губерний примерно следующего содержания: «В селе... раскол крестьян на две группы. Первая группа состоит из 30–40 домохозяев во главе с комитетом взаимопомощи. Вторая – под влиянием кулачества, их количество больше... Сельсовет действует по указке кулачества... В каждой группе есть и кулаки и середняки и бедняки... Вторая группа тормозит все мероприятия советской власти...»⁹⁸. Впрочем, процессы, происходившие в деревне были намного сложнее.

Анализ этих процессов органами ОГПУ, показывал, что расслоение в деревне идет не столько по традиционной линии размывания середняка и разорения бедноты, сколько с учетом новых возможностей, которые открывались советской властью. В обзорах конца 1924 – начала 1925 гг. отмечалось, что «в среде зажиточных крестьян есть выходцы из маломощных групп деревни», которых окрестили

«советскими кулаками». Объяснялось, что эта группа возникла в результате «прикармливания» на работе в низовом советском, партийном и кооперативном аппарате. Она «советски настроена, однако совершенно оторвана от бедноты и недовольна льготами бедноте, часто проводит совместно с зажиточными слоями деревни политику изоляции бедноты»⁹⁹. Вряд ли это карьерное обогащение можно рассматривать в качестве тенденции движения к социализму. Происходило смыкание старых и новых зажиточных слоев деревни.

Крестьяне не были и безмолвной массой, они не только начинали понимать, что власть принадлежит не рабочим и крестьянам, а «кучке коммунистов, которая что хочет, то и делает», но и открыто говорили об этом. «... Наша РКП(б)... сильно обюрократилась». «... Народилось новое дворянство в лице коммунистов, коммунисты хорошо одеты, сытно кушают, крестьянин же голодает, живется хорошо только коммунистам и кулакам», «...для смычки города с селом надо уменьшить налог и сократить высшие ставки заработной платы до прожиточного минимума у служащего и рабочего». «Советскую власть любить не стоит, т. к. она своих обманывает... Рабочим живется хорошо, ...они в одном месте и требуют чего им нужно, а власть их боится и уступает им, а крестьянин, пока он не действует кулаком, его не бояться, а на нем ездят». «...За семь лет существования Советской власти крестьяне от нее, кроме налогов ничего не видели, крестьяне живут рабами у рабочих. ... Крестьяне научились бы тоже управлять государством не хуже рабочих, но их никуда не допускают. Советская власть делит крестьянскую землю и при дележе обирает крестьян, ...крестьяне... не организованы, их обирают потому, что они не могут защищать своих интересов»¹⁰⁰.

Политическая активность крестьянства заметно активизировалась в начале 1925 г. Это проявилось в участии их в проведении переывборов в Советы, где «сомкнулись» в «единый фронт» недовольство коммунистами и властью со стороны бедняцких и части середняцких слоев и борьба зажиточных слоев (кулачества) за свои политические права, что также было направлено против коммунистов и советской власти. Скорее всего, уже в сознании всей деревни советская власть, от которой «никто не видел защиты», связывалась с коммунистами. Идея создания крестьянских организаций, чаще всего крестьянского союза, с целью защиты своих интересов исходила как от кулацких, так и от бедняцких и середняцких слоев, хотя в высказываниях разных

групп крестьянства находили различное понимание содержательной стороны этих организаций¹⁰¹. Пока не было ни единой концепции, ни единой программы союза, а была лишь только идея объединения и создания организации с целью «влиять на общую политику советской власти по отношению к крестьянству» (в этом виделся ее политический смысл). В отношении экономических вопросов была полная разногласица, но смысл сводился к тому, «чтобы доход крестьянина равнялся зарплате рабочего», чтобы «облегчить крестьянам налог», установить «выгодные крестьянам цены на хлеб и фабрикаты». Больше всего настораживали высказывания типа: «Если не соглашаются, то пусть помирают с голоду, не дадим им куска хлеба», или вопросы: «Почему Советская власть не разрешает организовать крестсоюзы?»¹⁰². Инициатива шла снизу: от сельских избирательных собраний и волостных съездов.

Чтобы еще раз не допустить превращения экономики в политику (как весной 1921 г.), государство наконец-то пошло на введение деревенского нэпа. Апрельский пленум ЦК РКП(б) 1925 г., и прошедшая вслед за ним XIV партконференция в интересах подъема сельского хозяйства и для увеличения товарности крестьянских хозяйств увеличили сроки сдачи земли в аренду, узаконили применение наемного труда, запретив субаренду и спекуляцию землей. Пленум подтвердил свободный выбор форм землепользования крестьянством (хутора, отруба), переход к многопольным севооборотам, предполагал выделение средств из госбюджета на проведение бесплатных землеустроительных работ для бедняцких хозяйств, и максимально льготного кредита для других, высказался за развитие перерабатывающей промышленности для сельского хозяйства. Были приняты решения об увеличении кредитования и облегчении налогового обложения кустарных промыслов¹⁰³.

XIV партконференция поддержала своими решениями развитие сельскохозяйственной, кредитной и промысловой кооперации, а для улучшения снабжения деревни металлом — развитие государственных и кустарных предприятий в металлопромышленности. Одновременно подчеркивалась необходимость гибкого экономического регулирования хозяйственной жизни, устранения пережитков «военного коммунизма», прекращения административной борьбы против частника и кулака¹⁰⁴. Было признано правильным недавно принятое постановление ЦИК и СНК СССР о значительном снижении размера

единого сельхозналога (до 280 млн руб. – почти вдвое к уровню прошлого года) и необходимости совершенствовать механизм налогообложения, в очередной раз обращалось внимание на обеспечение интересов бедноты и середняков¹⁰⁵. Н.И. Бухарин на собрании Московского актива в апреле 1925 г. обратил в адрес крестьян свой знаменитый лозунг: «Обогащайтесь, накапливайте, развивайте свое хозяйство!»¹⁰⁶.

Эти решения способствовали развитию всех укладов внутри деревни так и в советской экономике, расширению сферы рыночных отношений, развитию кооперации, общему подъему и приближению к завершению восстановления хозяйства. Для крестьян начинался «настоящий нэп» – без принудительных заготовок и непосильных налогов¹⁰⁷.

В целом государственная аграрная политика имела целью восстановление сельского хозяйства, но власть не представляла четко механизм этого восстановления, поэтому ее роль в этом процессе не была решающей. Государственная помощь голодающим, снабжение семсудой, финансовая поддержка сельского хозяйства были слабыми. Крестьянин вручную, на своих плечах тащил страну из разрухи, спасая ее от голода. Если судить по принимаемым партийным и государственным решениям аграрная политика все более начинала приобретать некоторые черты комплексности и осуществлялась по многим направлениям. Это нормативное регулирование индивидуального и коллективного землепользования, поиски адекватной налоговой политики в отношении различных групп крестьянства, регулирование процессов на аграрном рынке и в сфере укрепления «смычки» через ценообразование, усилия по развитию государственного кредитования. Но, как и любая государственная политика, она исходила из приоритета государственных интересов в плане пополнения госбюджета и мало учитывала возможности, интересы и особенности индивидуальных крестьянских хозяйств. На данном этапе это ярко проявилось в налоговой политике, в политике регулирования закупочных цен. Эта политика не была грамотной, адресность государственной помощи не всегда находила своих адресатов. Социальное расслоение, как неизбежный спутник свободной хозяйственной эволюции, в которой выживают экономически более крепкие и активные хозяйства и разоряются слабые, показывает низкую роль государства в регулировании процессов, происходящих в деревне. Скорее власть налогами и ценами стимулировала этот процесс.

Читая сводки и обзоры ОГПУ за 1922–1924 гг., создается впечатление, что до 1925 г. речь должна идти не о восстановлении крестьянского (и всего сельского) хозяйства, а о дальнейшем его разрушении налогами, ценами, стихийными бедствиями и голодом, репрессиями и произволом. Старые (капиталистические) отношения в деревне накладывались на новые и часто поглощали их. Надежды и иллюзии беднейших слоев на быстрое улучшение своего материального положения не оправдывались, что становилось самым глубоким разочарованием для них. Зажиточные хозяйства, как экономически более мобильные и крепкие, быстрее восстановились и развивались более стабильно, и скорее могли отреагировать на изменения и на потребности государства, но не стремились к этому в силу политико-идеологической атмосферы. Политические идеалы в деревне, да и в государстве в целом, постоянно приходили в столкновение с экономическими интересами. Государству приходилось то поворачиваться «лицом к деревне», то «выпрямлять классовую линию», а крестьянству бороться за свои экономические интересы и политические права.

Углубление социально-экономического расслоения в деревне позволяет с середины 1920-х гг. говорить об аграрной многоукладности, где наряду с различными социальными группами индивидуальных хозяйств (кулацкие, середняцкие, бедняцкие)¹⁰⁸, были узаконены и развивались коллективные формы землепользования (артели, коммуны, колхозы, совхозы).

КРЕСТЬЯНСТВО И РЫНОК

Степень включенности крестьянского хозяйства в рыночные отношения измеряется соотношением товарного и натурального производства. Все имеющиеся источники¹⁰⁹ и исследования свидетельствуют о невысокой товарности крестьянского производства, особенно в начале восстановительного процесса. Восстановление товарности крестьянского хозяйства отставало от прироста валовой продукции, так как расширялось потребление сельхозпродукции самим крестьянским хозяйством. Хотя размеры крестьянского предложения рынка были связаны и с природно-климатическими факторами: хороший

или плохой урожай, высокий или низкий валовой сбор и с размерами налога.

Государство в первую очередь интересовала покупательная способность крестьянского хозяйства, поэтому партийные комиссии, наркоматы, ведомства, учреждения пристально изучали самые различные аспекты деревенской жизни по мере углубления новой экономической политики. Изучались рыночные связи сельского населения и общее состояние торговли в деревне (Комвнуторг), размеры товарности сельскохозяйственного производства (Госплан, ВСНХ), емкость крестьянского рынка на промышленные изделия (Госплан, ЦСУ) и другие вопросы.

Крестьянство стремилось к восстановлению своих хозяйств и расширению их товарности. Но ситуация с низкими ценами на хлебом рынке в 1922–1923 г. являлась тормозом на этом пути, вела к сокращению посевов хлеба, и подталкивала к расширению посевов технических культур, заготовка которых шла на коммерческих началах для государственных промышленных предприятий, работающих на условиях хозяйственного, а позже коммерческого расчета, а также для частных и кустарных предприятий.

Высокие цены на товары промышленного производства и низкая покупательная способность сельского населения четко обозначили тенденцию к натурализации крестьянского хозяйства. Из различных регионов страны сообщали о развитии домашнего ткачества, сапожного ремесла и т. п.¹¹⁰, хотя они и были более трудоемкими, а ручной труд оставался преобладающим в крестьянском хозяйстве.

Отсутствие эффективной системы товарообменных отношений между городом и деревней приводило к тому, что основным видом торговых отношений в деревне был внутридеревенский оборот. Зажиточная часть деревни, аккумулируя в своих руках хлеб, превращала его в средство накопления, развивала животноводство, увеличивая поголовье скота. Уже в 1922 г. внутридеревенская торговля была названа Комиссией РКП(б) в качестве одного из важнейших условий, которые способствовали дифференциации крестьянства и подъему зажиточных хозяйств (а далее – превращения их в эксплуататорские)¹¹¹.

Анализ крестьянских бюджетов за 1922–23 гг., проделанный профессором Л.Н. Литошенко к первой Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке (август 1923 г.)

также показал невысокую товарность крестьянских хозяйств, при некоторых региональных различиях. На севере, в центральном промышленном районе, на Алтае – преобладало отчуждение продуктов животноводства; на западе, в земледельческом центре и на юге – продуктов земледелия и полеводства. Выше была товарность крестьянских хозяйств в потребляющих районах, ниже – в производящих¹¹². В богатых хозяйствах платежно-меновой фонд был в два-три раза больше, чем в бедных. Этот фонд формировался в большей мере за счет рыночной реализации излишков своей продукции, и в меньшей мере за счет промысловых заработков. В бедных хозяйствах, наоборот, преобладали промысловые доходы, а не сельскохозяйственные¹¹³. В целом же выводы о товарности крестьянских хозяйств в 1922–1923 гг. сводились к тому, что «отчуждение имеет целью обратное приобретение сельхозпродуктов. А товарность сельского хозяйства – есть ни что иное, как местный, крестьянский же рынок сельхозпродуктов. Фондом для оплаты услуг промышленности, транспорта, государства современная товарность сельского хозяйства служит в очень слабой степени»¹¹⁴.

Натурально-потребительский характер крестьянского хозяйства позволял ему существовать при минимальном обращении к рынку. Однако крестьянство нуждалось в деньгах для уплаты ряда налогов, для приобретения промышленных товаров и это делало обращение к рынку неизбежным. Рыночные отношения крестьянского хозяйства до перехода на денежный налог развивались в основном в форме местных рынков крестьянской продукции: по линии реализации излишков произведенной продукции, где за нее конкурировали госорганы, кооперация и частные заготовители. В неурожайных районах крестьяне вынуждены были приобретать недостающие сельхозпродукты, где крестьянин вступал в торговые отношения с односельчанами или крестьянами других, чаще соседних, деревень, а также с частным торговцем. Развивались аренда-сдача земли и наем рабочей силы.

Для приобретения промышленных товаров крестьянин обращался к частнику, который господствовал на деревенском рынке в течение всего восстановительного периода, а также к государственным и кооперативным органам¹¹⁵. Но цены в кооперативах часто были выше рыночных, поэтому и отношение к кооперации было недоверчивое либо безразличное.

По данным Наркомвнуторга, покупательная способность сельского населения в 1922–1923 гг. была очень низкой и равнялась лишь третьей части покупательной способности уездного населения. В 1923/24 г. покупательная способность сельского населения составляла – 5 руб. 07 коп, уездного – 18 руб. 10 коп. В отдельных регионах была своя специфика. Обследование рыночного оборота в Вотской обл. в 1923/24 г., также проведенное Наркомвнуторгом, показало, что с продажи сельхозпродуктов крестьянское хозяйство получало доход от 4 руб. 13 коп. до 5 руб. 18 коп., а промышленной продукции приобретало в среднем (по всем посевным группам) в два раза меньше, удовлетворяя свои потребности за счет промыслов, ремесла и отхода. Из общей суммы затрат на промышленную продукцию расходы на сельхозинвентарь и другие хозяйственные нужды не составляли и половины (46,4 %) ¹¹⁶.

Занятия сельским хозяйством в условиях аграрного перенаселения, при котором избыток рабочего времени достигал от 20 до 40 % от общего времени ¹¹⁷, не всегда обеспечивали возможность выживания для крестьянства. Поэтому в поисках дополнительных источников доходов, часть крестьян начинает искать сезонную работу за пределами своего хозяйства и продавать свои возможности к труду, свой труд, свои рабочие руки. Крестьяне чаще всего искали дополнительный заработок в конкретных отраслях народного хозяйства, что, по мнению В.П. Данилова, свидетельствует о достаточно отчетливой профессиональной специализации крестьян-отходников и отхожих промыслов, которые превращали крестьян в представителей другой профессии ¹¹⁸. С 1923 г. начинает восстанавливаться неземледельческий отход. Для некоторых районов эти заработки были единственным источником существования. Основная масса отходников (до 75 %) шли в города, пополняя тем самым ряды безработных и расширяя предложения на рынке неквалифицированного труда ¹¹⁹. Устойчивый рост отходничества наблюдался до 1925 г.: в среднем по губерниям Европейской России в 1923/24 г. уходило из деревни в поисках дополнительного дохода до 32 человек на 1000 жителей, в 1924/25 г. – около 34 человек, в 1925/26 г. – более 40 человек. Более высокие показатели наблюдались в Центральном промышленном районе: в 1924/25 г. число отходников здесь увеличилось вдвое к уровню прошлого года и составило 63 человека на 1000 жителей. Высокий уровень отходничества наблюдался в северо-западном, западном, северо-восточном районах, на Урале ¹²⁰.

С лета 1924 г. со всех регионов страны писали о деревенской безработице – как массовом повсеместном явлении. Отсутствие побочных заработков на отхожих промыслах усложняло эту ситуацию. В 1924–1925 гг. спрос на деревенскую рабочую силу был невысоким и падал во всех волостях и губерниях, где были развиты отхожие промыслы. Потребности в рабочих на отхожих промыслах составляли до 20–30 % от довоенного времени. Сокращалось количество самих промыслов, некоторые закрывались из-за отсутствия рынков сбыта (санный, рогожный) и сильной конкуренции (кожевенные), некоторые из-за не востребоваемости услуг (каменщики, штукатуры, печники). Те кустарные и ремесленные производства, которые продолжали действовать (кузнецы, мельники и др.) были обложены промысловым налогом, что вызывало недовольство крестьян-заказчиков, так как повышались цены на их услуги. Крестьяне, которые сами занимались поиском дополнительных заработков, сталкивались теперь с необходимостью брать патент на свой вид деятельности, платить подоходный налог, что резко уменьшало их доходы (по сравнению с довоенными на 30–35 %) ¹²¹.

К 1926 году темпы отхода стабилизировались. Государственные ведомства стремились регулировать и упорядочить эти процессы, организуя пункты вербовки на торфоразработки, на заготовку и сплав леса, на свеклосахарные плантации и др. Количество крестьян, уходящих по вербовке к середине 1920-х гг. по ряду профессий составляло от 25 % до 78 % от общего числа всех занятых в данной отрасли ¹²².

С 1924 г., когда натуральный налог был заменен денежным, крестьянство вступает в непосредственные торговые отношения с государством, которое стало вести заготовку хлеба через рынок. Государственные органы ежегодно пытались оценивать размеры урожая, определять возможные размеры хлебных излишков и в соответствии с этим планировать хлебозаготовки, осуществлять кредитование заготовителей. Однако государство выступало не только в роли покупателя хлеба и технических культур, но и в роли продавца промышленной продукции крестьянам.

Обмен продукцией между крупной промышленностью, принадлежащей государству, и мелкотоварными крестьянскими хозяйствами рассматривался государством как решающий фактор не столько в развитии рыночных отношений, сколько в укреплении смычки между

промышленностью и сельским хозяйством, городом и деревней. Развитие этих отношений начиналось с того, что город и деревня лишь на треть удовлетворяли потребности друг друга. В 1923/24 г. крестьянское потребление составило 31,3 % всего поступления промышленной продукции, и крестьяне реализовали через рынок 30 % продукции сельского хозяйства¹²³. Место недостающего городского товара для крестьян занимали изделия местной кустарной промышленности, которые были дешевле и доступнее, их крестьяне приобретали в ходе непосредственного обмена с кустарем или через частного посредника, либо это были изделия собственного производства. В целом по стране к концу 1923 г. деревня потребляла до 80 % продукции кустарной промышленности¹²⁴. Предостережения Л. Троцкого, высказанные на XII съезде партии, в отношении «смыкания» кустарной и ремесленной промышленности с крестьянским хозяйством подтверждались.

На повышении покупательной способности крестьянства благоприятно отразилось регулирование цен в связи с кризисом сбыта 1923 г., а «смыкание ножиц» привело к некоторому торговому оживлению на деревенских рынках, и весь 1924 год наблюдался недостаток основных товаров крестьянского потребления: ситца, керосина, соли, сахара, табака, махорки¹²⁵. Хотя этот тезис в значительной степени оспорен современной историографией в части того, что торговое оживление 1924 г. было вызвано не возросшим покупательским спросом деревни, а «усилением активности частного капитала», который «стал вкладывать деньги (совзнаки) в товары», повсеместно скупая их¹²⁶. Тем не менее, сам факт недостатка и отсутствия этих товаров свидетельствует о том, что эти товары были востребованы. А государство все-таки пыталось вывести страну из кризиса «недопроизводства и недопотребления». По мнению В.П. Данилова, политика государства в этот период имела ярко выраженный производственный характер: в январе 1924 г. было проведено радикальное снижение цен на продукцию сельскохозяйственного машиностроения, чем была обеспечена доступность для крестьян необходимых орудий производства¹²⁷. А «ножицы цен» и сопутствующие им претензии крестьянства к власти отнюдь не исчезли, но их объектом стали, в основном, такие товары личного и домашнего потребления, как мануфактура, обувь, соль, керосин, спички и т. д.¹²⁸ Нерыночные меры государства стремились создать более желательную

с точки зрения государства ситуацию для смычки и для развития производства.

Кроме этого, с 1924 г., чтобы предупреждать перебои в снабжении рынка промтоварами стали создаваться резервные товарные фонды, составлялись планы завоза и реализации товаров по срокам через синдикаты. В 1925 г. предпринимались меры к расширению производства товаров в государственном секторе, восстановлению мелких кустарных промыслов, кустарно-промысловой кооперации и подъему товарности крестьянских хозяйств, чему способствовали апрельские политические решения. Льготы лицам, занимающимся неземледельческим трудом в деревне, кустарям и ремесленникам, преследовали цель ослабить социальное напряжение в связи с деревенской безработицей и расширить кустарное производство товаров крестьянского потребления.

Но деревня восприняла лозунг «лицом к деревне», как «поправление» и слабость политической власти¹²⁹, поэтому этот курс продолжался недолго, лишь до конца 1925 г.

Недород 1924 г. привел к снижению валовых сборов хлеба, и это не замедлило сказаться на рыночной конъюнктуре. Если чрезмерное предложение хлеба на рынке катастрофически понижало ценность крестьянского труда и обесценивало его продукцию, то неурожай зерновых вел к росту цен. Рост цен на хлеб не остановила хлебная «интервенция», предпринятая государством в неурожайных районах в целях их понижения, не компенсировал обильный сбор технических культур. А на политику лимитных закупочных цен, установленных с августа 1924 г. для государственных заготовителей, крестьяне – держатели хлеба (кроме бедноты, которая вынуждена была продавать хлеб для уплаты налога) ответили очень сдержанным предложением. Это привело к сокращению размеров государственных заготовок и усилению роли частника на хлебном рынке, который скупал хлеб на 10–30 % (а иногда на 50 %) выше лимитированных цен¹³⁰. Ограниченное предложение хлеба на хлебном рынке повлекло рост цен на него, с чем не могли не считаться и государственные заготовители.

Лимитированные цены были установлены и на сырьевые культуры. С 1924 г. государство начинает регулировать сырьевой рынок, в частности, льняной. Заготовки льна по всей территории страны были разрешены очень небольшому кругу заготовителей, хотя и проходили

со значительным превышением заданий. Крестьянство уже привыкшее рассматривать хлеб в качестве средства накопления, вероятно, не относилось также к сырьевым культурам (и для их хранения были нужны соответствующие условия) и стремилось продать их в первую очередь.

Неустойчивая рыночная конъюнктура, связанная как с недостатком хлеба, так и с недостатком промышленных товаров, несколько улучшилась в пользу крестьянства после сокращения налоговых платежей в 1925 г. Постепенно реализуя хлебные запасы, крестьянин мог расширить спрос не только на промтовары, но и на сельхозорудия, на лесоматериалы. В 1924/25 г. емкость крестьянского рынка возросла на 73,1 % к уровню предшествующего года, что рассматривалось как рост крестьянских накоплений и крестьянского благосостояния¹³¹.

Реализация хорошего урожая 1925 г. снова создала уникальную ситуацию на хлебном рынке, когда вместо ожидаемого понижения цен, цены на хлеб стали расти. Хлебозаготовительная кампания 1925 г. сопровождалась сложными условиями уборки, конкуренцией государственных заготовителей с частным скупщиком, который использовал недостаток хлеба в потребляющих районах. Крестьяне, реализуя сырьевые культуры для уплаты сельхозналога, снова сдерживали предложение хлеба. В условиях дефицита промышленных товаров, а местами и товарного голода, крестьянин не очень нуждался в деньгах, так как купить на них все равно было нечего, а хлеб уже стал надежным средством накопления. Это срывало не только план хлебозаготовок, но и план хлебного экспорта. Государство вынуждено было пойти на дополнительные расходы для закупки необходимого количества хлеба, обеспечив тем самым приток значительного количества денег в деревню¹³².

Государство не имело точных данных о наличии хлебных запасов в деревне. В начале декабря 1925 г. на одном из заседаний политбюро ЦК РКП(б) обсуждался вопрос «О работе ЦСУ в области хлебофуражного баланса», после которого руководитель ЦСУ Попов П.И. был отстранен от должности. Он не хотел завышать показатели хлебного производства в стране, и не хотел признавать наличие огромных запасов хлеба в деревне, в частности у кулаков¹³³.

Выделение дополнительных средств на закупку хлеба не могло не отразиться на напряженном государственном бюджете, который

был сориентирован на интенсивное развитие промышленности, в первую очередь тяжелой. Однако завершение восстановления сельского хозяйства (в 1925 г. посевные площади достигли 94 % довоенных, поголовье скота – 91 %, валовые сборы зерновых – 80 %) ¹³⁴, повышение платежеспособности деревни и возросший в связи с этим спрос на промышленную продукцию, как потребительского, так и производственного назначения требовал расширения промышленного производства, ориентированного на деревню. Курс на индустриализацию, на развитие отраслей производящих средства производства должен был решить проблему стадийного отставания страны от более развитых государств, но был далек от бытовых потребностей деревни.

Структура крестьянского спроса в 1924/25 и в 1925/26 годах показывала, что деревня в большей мере нуждается в товарах личного потребления. На их приобретение крестьяне тратили в среднем в пять раз больше, чем на товары хозяйственного назначения ¹³⁵. Только ориентированность государственной политики на выпуск нужных крестьянину товаров по доступным ценам, могла привести к укреплению смычки города и деревни на экономической основе, к дальнейшему развитию рыночных отношений. Это выдвигало на первый план развитие легкой промышленности, где проблема реконструкции и даже строительства новых фабрик и заводов была крайне актуальной. Обследование рынка текстильных товаров в конце 1925 г. приводило к выводу о необходимости быстрого развертывания фабрик и постройки новых. Наркомфин подсчитал сумму необходимых средств, часть которых в качестве кредитов текстильному синдикату готовы были дать Англия и Америка ¹³⁶.

Курс на индустриализацию не учитывал естественный ход развития народного хозяйства. Пытаясь дать средства производства крестьянскому хозяйству, государственные и политические деятели не задумывались над тем, что развитие легкой и кустарной промышленности значительно расширило бы рынок самой тяжелой промышленности, на развитии которой делался акцент. Эта логическая взаимосвязь отраслей народного хозяйства тогда была общеизвестна, но она мало учитывалась политиками. Да и финансовых средств на все не хватало, что повлекло новое повышение налоговых ставок на крестьянские хозяйства в 1926 г.

Апрельский (1926 г.) пленум ЦК принял решения об изменении системы налогообложения на 1926/27 хозяйственный год. Отмечая рост накоплений в крестьянских хозяйствах, и подчеркивая необходимость регулирования этих накоплений в соответствии с интересами пролетарского государства, при «полном освобождении от налога наиболее маломощных групп и усилении обложения зажиточных и кулацких слоев», предполагалось приблизиться к «системе подоходного», прогрессивного обложения¹³⁷. Начисление налога должно было производиться на все денежные источники доходов, земледельческого и неземледельческого характера. А в определении размеров обложения и в расходовании собранных средств, предполагалось повысить участие местных органов. Значительная часть суммы сельскохозяйственного налога (не менее $\frac{2}{3}$) могла оставаться в распоряжении местных советов для удовлетворения местных нужд.

Одновременно, пытаясь добиться укрепления смычки на основе рыночных отношений, государство в 1926 г. проводит кампанию по снижению розничных цен на промышленные товары широкого потребления. Стали практиковаться плановые завозы товаров в деревню, которые, если и доходили до нее, не всегда соответствовали реальному спросу крестьян. О неудовлетворенном спросе крестьян свидетельствуют крестьянские бюджеты 1925/26 г. Из общей суммы приобретений доля промышленной продукции в среднем по РСФСР составляла до 54 %, а остальное приходилось на обратные покупки сельскохозяйственной продукции. Бюджеты свидетельствуют также, что меновые операции на рынке практически исчезли, все продавалось и покупалось за деньги – деревня практически полностью перешла на денежные расчеты¹³⁸. О наличии реальных денег в деревне достоверной информации в государственных органах также не было, поэтому и не обсуждался вопрос о возможности включения этих денег в общегосударственный оборот через развитие сберегательного дела, через займы. Зато последовавшая эмиссия вела к падению покупательной силы крестьянских накоплений, которые крестьянин никуда не мог вложить, теряя их.

Для восполнения бюджета, государство пошло на увеличение косвенного обложения путем повышения акцизов на табак, сахар, спиртные напитки, но это привело к тому, что приобретение спиртных напитков и табака упало. Не упало их потребление. Крестьяне увеличили производство самогона, по их признанию, как только

подняли цены на водку. Себестоимость 10 бутылок самогона составляла 3 руб. 50 коп., в то время как бутылка водки стоила 1 руб. 50 коп. Торговля самогоном давала чистую прибыль с десяти бутылок равную 6 руб. 50 коп.¹³⁹ Являясь производителем табака, деревня сократила спрос и на табачные изделия. По мере того, как государство все активнее стремилось развивать рыночную «смычку», деревня проявляла неудовлетворенность его политикой и начинала замыкаться в рамках «малого круга оборота», либо в рамках своего хозяйства.

В попытках государства строить смычку с деревней на основе рыночных отношений несколько нелогичным выглядит принятие Наркомземом в январе 1926 г. «Нормального устава земельного общества», расширившего внутриобщинную демократию, права и хозяйственные возможности земельных обществ, по сути традиционных крестьянских общин¹⁴⁰. Хотя, как уже упоминалось, под земельным обществом понималась любая организация крестьянских хозяйств (и старая, общинная, и новая, коллективная либо хуторская), тем не менее, российская практика уже имела опыт сознательного разрушения общины с целью углубления рыночных отношений в деревне в годы Столыпинских реформ. Советское государство скорее стремилось найти в общине коллективистский институт, на который можно было бы опираться в решении различных вопросов, либо, как неоднократно оценивалось исследователями, стремилось к ее огосударствлению. В «Уставе» расширялись масштабы общинного землепользования за счет передачи государственных земель в пользование сельским обществам. Земельные общества, уже имевшие права юридического лица, теперь получали возможность получать ссуды (под векселя и другие обязательства) на производство землеустроительных, мелиоративных и агрикультурных работ, на приобретение сельскохозяйственного инвентаря, решать вопросы правильного и целесообразного использования находящихся в его пользовании земельных угодий. Но при этом общество должно было отвечать по своим обязательствам имуществом всех его членов¹⁴¹. Коллективная ответственность общины создавала большую уверенность в возвратности кредитов и других финансовых вложений в деревню.

Но рыночные тенденции развивались далеко не в сфере укрепления общины. В середине 1920-х гг. крестьянское хозяйство не могло не отреагировать на изменения рыночной конъюнктуры и на спрос со

стороны государства на его продукцию. Рост цен на хлеб в 1925/26 г. привел к тому, что в 1926 г. приостановился и даже уменьшился рост посевных площадей под сырьевыми культурами, снизилась их урожайность, обострилась проблема сырья для легкой промышленности. Началась борьба с частными заготовителями, которые заготавливали сырье для частной и кустарной промышленности, собирая на различных сырьевых рынках (кожсырье, маслосемена, шерсть) до 40–45 % сырья¹⁴².

Зерновое производство в 1926 г. впервые за послевоенное время, не только достигло довоенного уровня, но и превзошло его, как по валовому сбору, так и по посевным площадям. Валовые сборы хлебов в 1913 г. составляли 4550,9 млн пудов, в 1926 г. – составили 4568 млн пудов. Хлебозаготовительная кампания 1926/27 г. проходила достаточно успешно. Но чтобы стимулировать развитие сырьевых отраслей сельского хозяйства были повышены, хотя и незначительно, индексы цен на технические культуры (со 140 до 145), но во многих районах это привело к снижению индексов цен на зерно (со 123 до 106)¹⁴³. Изменение налогообложения деревни вынуждало крестьян расширять продажу хлеба, чтобы получить деньги для уплаты налога, но спрос на хлеб оказался ограниченным. Частные заготовители вытеснялись с хлебного рынка, государственные и кооперативные еще не сумели полностью освоить этот рынок, поэтому стала складываться система продаж хлеба государственным и кооперативным заготовителям в кредит по ценам следующего месяца, с получением только определенных авансов. Эта форма заготовок была поддержана государством¹⁴⁴. Но она не удовлетворяла крестьянина, который стремился расширить круг своих контрагентов-потребителей не только за счет частного торговца, но и за счет горожан¹⁴⁵.

Хорошее предложение хлеба со стороны крестьянства позволило государству решить свои внутренние проблемы и увеличить хлебный экспорт. Однако крестьяне вновь не получили необходимых промышленных изделий и цены на них росли из-за дефицита. В феврале 1927 г. последовала новая кампания по снижению розничных промышленных цен, но механизм неэквивалентного обмена поддерживался недостатком или отсутствием ряда товаров: в 1926/27 г. промышленность недопоставила на внутренний рынок товаров на 500 млн руб.¹⁴⁶

В 1927 г. крестьянство, как и ранее, отреагировало на рыночную конъюнктуру предшествующего года. Удельный вес зерновых в струк-

туре крестьянских посевов снизился, кроме овса, который способствовал подъему животноводства¹⁴⁷. Снизилась урожайность зерновых, сократились валовые сборы, очередная хлебозаготовительная кампания началась с низких цен на хлеб и шла с большим дефицитом хлеба (индекс цен на зерно в 1 квартале 1927/28 г. составлял 109, а на технические культуры – 151)¹⁴⁸. Рыночное поведение крестьянства и ранее не «вписывалось» в государственные планы хлебозаготовок, а теперь оно не «вписалось» в планы индустриализации. Поэтому вместо экономических мер, стимулирующих продажу хлеба государству, крестьян обвинили в спекуляции, применив к ним 107 статью Уголовного кодекса РСФСР. Эта мера помогла государству восполнить большую часть недостающего хлеба. Насильственное изымание хлеба у крестьян было преподнесено как антикулацкая политика.

Во второй половине 1920-х гг. продолжалось социальное расслоение деревни. Оно шло по линии сокращения бедняцких хозяйств (с 25,9 % в 1924/25 г. до 22,1 % в 1926/27 г.), при одновременном росте середняцких (с 61,1 % в 1924/25 г. до 62,7 % в 1926/27 г.), кулацких (с 3,3 % – до 3,9 %) и пролетарских хозяйств (с 9,7 % – до 11,3 %)¹⁴⁹. В дискуссиях и спорах о классовом расслоении деревни, особую остроту вызывал вопрос о кулаке. Отсутствие четких единых критериев при решении вопроса: «кого считать кулаком?», приводило к самым различным определениям количества кулацких хозяйств: от 6 до 12 % и более. Нарком земледелия А.П. Смирнов предлагал выделять два типа зажиточного крестьянства: ростовщическое, эксплуатирующее батраков и богатеющее на торговом посредничестве, и крепкое трудовое хозяйство, укрепляющее себя в производстве за счет вложения своих средств в приобретение живого и мертвого инвентаря, улучшенных семян и т. п.¹⁵⁰

Но на XIV съезде партии (декабрь 1925 г.) Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, И.В. Сталин и другие говорили о растущей кулацкой опасности в деревне¹⁵¹. Характерный для первой половины 1920-х гг., анализ деревни через посевные группы крестьянских хозяйств, основанный на изучении крестьянских бюджетов¹⁵², во второй половине все больше сменяется социально-классовым анализом, разделявшим крестьян на бедноту, середняков и кулаков¹⁵³. Естественно-эволюционный процесс социального расслоения все более квалифицировался как классовый. Нельзя не согласиться с исследователями, что именно

в ходе расслоения формируются экономически активные слои крестьянства и повышается их трудовая отдача¹⁵⁴, что эти процессы долговременны, что российская деревня находилась еще на этапе перехода к капитализму. До капитализма она еще, в большинстве своем, не доросла. Можно следовать ленинской трактовке этого вопроса, а можно и не следовать, – не доросла и до рынка, так как рынок неизбежный спутник свободного эволюционного развития. Если нет времени для свободной эволюции, нет места и для всех присущих ей процессов, в том числе и рыночных. Рынок и был в большей мере нужен крестьянству, чтобы пройти необходимый этап в своей эволюции. Но российское крестьянство, скорее готово было принять рынок с равноправными партнерскими отношениями.

Исследователи сходятся во мнении, что главным поставщиком хлеба государству были середняки, хотя и признают «полутоварный, полунатурально-потребительский» характер этих хозяйств, объясняя это состояние трудностями роста средних слоев из бедняцко- батрацких рядов при поддержке советской власти. Для зажиточных хозяйств хотя и были характерны более высокие темпы восстановления и роста доходности, но эти доходы почти целиком шли на улучшение личного потребления, а не на производственное накопление и расширение хозяйства¹⁵⁵.

Для крестьянских хозяйств в 1920-е гг. не существовало единого рыночного пространства. Неравноправные отношения с государством вынуждали крестьян искать других торговых партнеров (контрагентов – в терминологии 1920-х гг.), отношения с которыми давали бы возможность в большей мере окупить свой труд и удовлетворить потребности в необходимых товарах. При этом крестьянское хозяйство было втянуто в оборот с государством, с кооперацией, на уровне своего местного города (с частником, кустарем, ремесленником, горожанином), во внутридеревенский оборот: с односельчанином, с кулаком¹⁵⁶. Все эти рыночные контрагенты (или уровни рынка) не дополняли, а чаще противостояли друг другу, предлагая разные условия крестьянину, но крестьянин при этом мог делать свой выбор.

Низкие государственные закупочные цены на продукцию крестьянского производства, особенно на хлеб, неэквивалентный обмен с промышленностью («ножницы цен» существовали на всем протяжении 1920-х гг.), товарный голод нарушали законы товарного производства в целом и подрывали экономическую основу «смычки», ко-

торая не складывалась и на основе рыночных отношений. Дальнейшее развитие рыночных отношений с деревней было бы возможно лишь при условии учета объективных экономических интересов крестьянства. Но эти интересы все более приходили в столкновение с политикой индустриализации и с курсом на построение социализма, где нужна была концентрация ресурсов, а не их «рыночное разбазаривание». Рынок, являясь механизмом эволюционного развития, становится непригоден для решения мобилизационных задач, когда интересы одного уклада предполагается решать за счет разорения других. Рынок требует ответственности и строгого соблюдения договорных отношений, которые заключаются на основе взаимной выгоды. Ни один из этих рыночных принципов государство не соблюдало в отношениях с индивидуальными крестьянскими хозяйствами.

Незащищенность крестьянства перед лицом государства рано или поздно привела бы к попыткам политической самоорганизации, что уже имело место в середине 1920-х годов. Идея «Крестьянского союза» возникшая вновь в 1924 г. и получившая более широкое распространение в деревне во второй половине 1920-х гг., хотя и понималась по-разному различными социальными группами, в целом рассматривалась, как возможность иметь организацию, защищающую интересы крестьян от произвола политической власти¹⁵⁷.

ОТ ИНДИВИДУАЛЬНОГО КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА – К КОЛЛЕКТИВНОМУ ПРОИЗВОДСТВУ

Проигрывая крестьянству в экономическом соревновании на рынке («кто – кого?», «кто кого регульнул?»), государство начинает искать иные подходы к деревне. Еще в марте 1927 г. были приняты два постановления ЦИК и СНК СССР «О коллективных хозяйствах» и «О советских хозяйствах», которые исследователи рассматривают в качестве подготовки к массовой коллективизации. XV съезд ВКП(б) в декабре 1927 г. называет в качестве основной задачи в деревне производственное кооперирование, объединение индивидуальных крестьянских хозяйств – в крупные коллективные. Хотя в решениях съезда речь шла о постепенном переходе на рельсы крупного сельскохозяйственного производства, о добровольности этого

перехода, о развитии и поддержке всех форм кооперации¹⁵⁸, обсуждение доклада В.М. Молотова «О работе в деревне» на этом съезде показало сколь однозначно понимание ленинского кооперативного плана участниками съезда: кооперация – это колхозы. Единицы оппонентов никто и не услышал¹⁵⁹.

В постперестроечной литературе достаточно убедительно показано, что серьезных преимуществ коллективных хозяйств перед единоличными к концу 1927 г. не было. Число колхозов за два предшествующих года (после принятия в феврале 1925 г. постановления «О совхозах», где им уже тогда отводили решающую роль в переводе индивидуальных хозяйств на рельсы крупного земледелия), несколько выросло лишь при усиленной поддержке государства, а их удельный вес в общем объеме производства оставался ничтожным и составлял менее 1 %¹⁶⁰. Однако в качестве организационной формы коллективного хозяйства государством был избран именно колхоз, как «высшая форма кооперирования» и последняя, на пути к социалистическому обобществлению. Вслед за этим следовало строительство совхозов, доля которых была даже выше – 1,5 % всего производства.

Из 24 млн крестьянских хозяйств – к 1927 году лишь около 6 % хозяйств имели 3–4 и более лошадей, 3 % богатых хозяйств владели 15–20 % общей массы средств производства и 30–31 % сельскохозяйственных машин. 28,3 % крестьянских хозяйств в РСФСР не имели рабочего скота, 31,6 % – пахотного инвентаря¹⁶¹. В письмах в «Крестьянскую газету» в начале 1928 г. можно встретить оценку самих крестьян, что не кулак основной держатель хлеба, и что под кулаком надо понимать «крестьянина труженика-хлебороба», который приносит пользу государству и улучшает свое хозяйство¹⁶².

Безусловно, хлеб для кулацких и для ряда зажиточных хозяйств был одним из основных предметов купли-продажи (в терминологии 1920-х гг.: предметом спекуляции, в современной – предметом бизнеса), но одновременно скупая хлеб, они развивали животноводческую отрасль. Все зажиточные хозяйства имели большое количество крупного и мелкого скота¹⁶³, что часто вызывало зависть и ненависть к ним со стороны бедноты.

Пока разрабатывались и обсуждались планы кооперирования индивидуальных крестьянских хозяйств, государство пыталось найти некие новые формы взаимоотношений с крестьянскими хозяйствами,

которые все-таки обеспечивали бы ему выполнение планов закупок хлеба, сырья и другой сельскохозяйственной продукции. В качестве такой формы уже в 1927 г. стала широко применяться система договорных отношений – контрактация. Государство через посредничество кооперации заключало с крестьянскими хозяйствами предварительные договоры на поставку оговоренного количества сельскохозяйственной продукции в строго установленные сроки. А договорные отношения неотъемлемый атрибут рыночной экономики. При заключении договора крестьянину выдавался аванс за поставку будущего урожая. А при получении продукции, организация, заключившая договор, должна была оплатить установленную в договоре сумму, не взирая на рыночные колебания цен. Государство видело в этой системе определенные гарантии от заготовительных кризисов, а при соответствующих закупочных ценах эту систему отношений вполне могло бы принять и крестьянство. Но при использовании рыночных инструментов (договорных отношений) и в этом случае государство учитывало только свою выгоду.

Первоначально контрактация охватывала в основном посевы технических культур: сахарной свеклы, табака, льна. С 1927 г. стали заключаться договоры на поставку картофеля и подсолнечника, а с весны 1928 г. – на поставку зерновых. Рассчитывая таким образом стимулировать крестьянское производство, государство стало выплачивать авансы при контрактации посевов – 9 руб. за гектар при проведении зяблевой вспашки, 7 руб. – при ее отсутствии. Для бедняцких хозяйств предполагались 50 % надбавки¹⁶⁴. При заключении договоров преимущества стали отдаваться коллективным хозяйствам. В проведении контрактации предполагалось создание новых коллективных хозяйств, от простых товариществ до колхозов. К примеру, с осени 1928 г. в Центрально-Черноземной области было прекращено заключение договоров контрактации с отдельными единоличными хозяйствами¹⁶⁵. Пик контрактации пришелся на время хлебозаготовок 1928 г. Индивидуальные хозяйства неохотно и с недоверием шли на контрактацию, расценивая, что предлагаемые авансы и цены – низкие, а при удачной рыночной конъюнктуре можно будет получить за свою продукцию более высокую цену. А при неустойчивости рыночных отношений и при непредсказуемости погодной ситуации брать на себя какие-либо обязательства было вообще рискованно. Как и другие мероприятия того времени, контрак-

тация имела много неорганизованности, проводилась с запозданием, кредиты и семена отпускались несвоевременно¹⁶⁶.

XV съезд партии внес коррективы и в выбор форм крестьянского землепользования. Если до недавнего времени поощрялись формы индивидуального и общинного землепользования, то теперь необходимо было «содействовать росту таких форм землепользования, которые более благоприятны для развития кооперирования и механизации сельского хозяйства (поселки, выселки)», требовалось ограничить практику выделения на отруба и, особенно, хутора, и совершенно прекратить их в тех случаях, когда они ведут к росту кулацких элементов¹⁶⁷. Через год, в декабре 1928 г. на смену Земельному кодексу было принято новое законодательство – «Общие начала землепользования и землеустройства»¹⁶⁸, по-новому регулирующие эти вопросы. В нем определялась система льгот для коллективных хозяйств (по сельхозналогу, по кредитованию, по наделению землей и бесплатному землеустройству, по снабжению техникой, семенами и т. п.), поощрялись коллективные формы землепользования, основанные на классовом принципе. Новое законодательство положило начало разрушению общины и других земельных обществ, в плане запрещения избирать и быть избранными в выборные органы тем членам земельного общества, которые не имеют права избирать в Советы. Да и сама община была запрещена в 1928 г., хотя общинные традиции сохранялись в деревне вплоть до 1970-х гг.¹⁶⁹

На XV съезде партии сталинское руководство выступало (лицемерно)¹⁷⁰ за сохранение и продолжение нэпа, на это были направлены и принятые на съезде решения. Однако уже 5 января 1928 г. была принята, а 6 января разослана от имени ЦК ВКП(б) на места первая сталинская директива, требующая неукоснительного исполнения планов хлебозаготовок. Она положила начало применению в процессе хлебозаготовок насилия на основе Ст. 107 действующего тогда Уголовного Кодекса. Это дает основания признать, что «слом нэпа был начат решениями генсека и узкой группой его единомышленников», без обсуждения и принятия решений на партийных съездах и пленумах¹⁷¹.

На первом пленуме нового созыва (апрельский 1928 г.) проявилось отсутствие четкой позиции обеих сторон по вопросу хлебозаготовок, которые как бы заняли выжидательную позицию в отношении друг друга. Никто из лидеров по данному вопросу не выступил, вы-

слушивали мнения участников пленума – членов ЦК и ЦКК, среди которых было немного деятелей с самостоятельными суждениями. Компромиссный доклад А.И. Микояна, который возглавлял наркомат внутренней и внешней торговли СССР и фактически отвечал за проведение хлебозаготовок, вызывает больше вопросов, нежели дает ответы. На главный вопрос о наличии хлебных запасов в деревне никто не знал ответа. В 1926/27 г. они оценивались в 720,8 млн пудов, но после завершения заготовок этого года оказалось лишь 423,7 млн пудов. В 1927/28 г. запасы оценивались в 896,4–900 млн пудов, после проведения заготовок оказалось 529 млн пудов. Противоречивые и непоследовательные решения пленума, осуждая «перегибы» в деревне в применении чрезвычайных мер, одновременно жестко требовали обеспечить выполнение непосильных планов хлебозаготовок (на уровне максимальных цифр). Объем хлебных запасов в крестьянских хозяйствах был сильно преувеличен¹⁷². После пленума 25 апреля 1928 г последовала новая директива «Об усилении хлебозаготовок», которая обрушила на деревню новую волну насилия и репрессий¹⁷³.

Основная дискуссия о сущности нэпа, о его роли в социально-экономическом развитии страны между И.В. Сталиным и Н.И. Бухариным развернулась после пленума. Истинное положение дел в деревне и причины неудачных отношений с крестьянством И.В. Сталина вообще не волновали. Для него «нэп означает товарооборот и допущение капитализма при условии, что государство оставляет за собой право и возможность регулировать торговлю с точки зрения диктатуры пролетариата. Без этого новая экономическая политика означала бы просто восстановление капитализма, чего не хотят понять контрреволюционные болтуны, толкующие об отмене нэпа»¹⁷⁴. Оставляя за государством исключительное право на регулирование торговли, Сталин после апрельского (1928 г.) пленума вообще не обсуждал тему нэпа, а говорил о необходимости насилия в классовой борьбе с кулаком и «спецами» в промышленности.

Н.И. Бухарин после апрельского пленума в докладе перед Ленинградским партактивом достаточно подробно определил причины нарушения рыночного равновесия и трудностей с хлебозаготовками. В качестве этих причин были названы: несоответствие предложения промтоваров спросу со стороны деревни, политика цен на сельхозпродукцию (расхождение индексов цен на зерновые и технические

культуры, где индекс на зерно всегда был ниже), налоговая и кредитно-финансовая политика в деревне (деньги так и не стали для крестьян средством накопления)¹⁷⁵. Для Н.И. Бухарина сохранение и продолжение нэпа было связано с совершенствованием работы государства и партии, с совершенствованием государственного регулирования. Отметим, что все названные причины лежат в области экономического регулирования сельского хозяйства, что явно говорит о том, что государство этими методами не овладело, не научилось использовать их с выгодой для всего народного хозяйства страны и потому не выдержало конкуренции с зажиточным и трудовым крестьянством на рыночной арене.

Насильственная политика хлебозаготовок и одновременно принятая борьба с частными хлебозаготовителями и частной торговлей полностью дезорганизовали сложившуюся систему обеспечения городов. Очереди за продовольствием, рост забастовочных настроений в городах привели к стихийному введению карточной системы¹⁷⁶. А на пленумах 1928–1929 гг. постепенно, в ходе дискуссий и политической борьбы произошло закрепление «нового политического курса» И.В. Сталина.

*
* *

Пока сельское хозяйство оставалось основой всей народнохозяйственной жизни страны, его состояние и процессы в деревне во многом определяли социальную напряженность (или стабильность!) во всех сферах жизни общества, во всех укладах советской экономики. Земельным кодексом 1922 г. государство пыталось в интересах восстановления сельского и всего народного хозяйства создать у крестьян понимание гарантий их хозяйственной деятельности. Но механизмы реализаций этих «гарантий» разрушали всякую уверенность в возможной стабильности. Государство в годы нэпа не гарантировало защиты хозяйственной инициативы крестьянских хозяйств, не мотивировало их к развитию и повышению товарности. При этом индивидуальное крестьянское хозяйство в годы нэпа обеспечивало себя и кормило страну, снабжало сырьем промышленность. Государство, разоряя крестьянские хозяйства непосильными налогами и неэквивалентным обменом с промышленностью, во многом подрывало их

платежеспособность, провоцируя кризисы сбыта и замедляя тем самым развитие промышленности, вызывая недовольство низкими зарплатами со стороны рабочего класса. Чем разрушало смычку промышленности и сельского хозяйства, об укреплении которой так много говорилось.

В последующем государство не могло дать деревне нужные ей промышленные товары, не сумело включить крестьянские хозяйства в систему товарно-денежных отношений, чтобы эти отношения были в интересах этих хозяйств, слабо мобилизовало деревенские денежные накопления в общегосударственный оборот. Деревня часто оставалась сама по себе, наедине со своими нерешенными проблемами. Естественнo-эволюционный процесс развития, характерный для крестьянских хозяйств, стал «камнем преткновения» для государственной политики.

Налоговая и ценовая политика государства вели к подавлению частнопредпринимательской активности в крестьянской среде, когда даже зажиточные хозяйства не стремились увеличивать свою товарность. Прогрессивное налогообложение зажиточных слоев подрывало стимулы к развитию этих хозяйств. Классовая направленность налоговой политики порождала иждивенческие, приспособленческие, паразитические настроения среди беднейших (и не только среди них) слоев крестьянства. Государственной помощи и поддержки на всех не хватало. Да и не все хозяйства могли ее эффективно использовать на восстановление и развитие. Поэтому не все смогли восстановить и развивать свои хозяйства. Выдерживая классовую линию в аграрной политике с опорой на бедноту и на «союз с середняком», государство реализовало свой вариант развития для деревни. Потерявшее всякие социальные и нравственные ориентиры, крестьянство вынуждено было принять политику коллективизации в известных формах, хотя еще и пыталось сопротивляться. Первые сведения об отношении к коллективизации говорят о том, что политику коллективизации готовы были принять те социальные слои деревни (беднота, маломощное середнячество), которым нечего было терять. Хотя в стихийности этого процесса возникали и кулацкие колхозы, чтобы «воспользоваться поддержкой государственных и кооперативных организаций»¹⁷⁷.

Крестьянство было готово к сотрудничеству с государством, признавало необходимость уплаты налогов государству и часто оказы-

вало ему «кредит доверия». Но как только политика государства прекращала стимулировать какой-либо вид деятельности крестьянского хозяйства, крестьяне быстро переходили к тому, что было им более выгодно и более востребовано государством. Низкие заготовительные цены на хлеб подрывали хлебное производство и вели к сокращению посевов хлебных культур за счет расширения посевов сырьевых культур. Но как только цены на один вид сырья снижались (в частности, на такую трудоемкую культуру как лен), крестьяне переходили к посевам того, что востребовал рынок, например овса.

Имея опыт рыночных отношений предшествующих лет, крестьяне-труженики и в 1920-е гг. пытались использовать конъюнктуру рынка вне зависимости от политических условий, в которые их ставило государство: при возможности использовали государственную поддержку и госкредит, изыскивали самые различные внутренние возможности для уплаты налога, выращивали наиболее доходные культуры и т. п. Если же крестьяне не находили решения своим потребительским проблемам ни в сфере государственных, ни в сфере рыночных отношений, они начинали замыкаться в своем полунатурально-потребительском хозяйстве: делали хлеб средством накопления, развивали домашнее производство тканей, обуви, занимались самогонноварением, выращивали и сушили табак и т. п. Естественно, что, восстанавливая и развивая свои хозяйства, крестьяне делали это, как и подобает всякому хорошему хозяину, не без выгоды для себя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 69–116; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е. – М., 1983. Т. 2. С. 537–539.

² КПСС в резолюциях. Т. 2. С. 370–371; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – М., 1967. Т. 1. С. 213.

³ КПСС в резолюциях. Т. 2. С. 371, 370.

⁴ РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 6. Д. 1162. Л. 59, 69, 114; Д. 1164. Л. 26, 70.

⁵ РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 6. Д. 1162. Л. 75.

⁶ Бокарев Ю.П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы. – М., 1989. С. 171.

⁷ Известия ВЦИК. 1921. 27 августа; Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. – М., 1957. С. 277. В целом о результативности данной работы судить крайне сложно в связи с немногочисленностью

региональных исследований данного вопроса. Некоторые успехи в области агрономии в первое десятилетие советской власти О.Ю. Елина связывает с имеющимся дореволюционным опытом его организации государством. См.: *Елина О.Ю.* От царских садов до советских полей. История сельскохозяйственных опытных учреждений, XVIII – 20-е годы XX в. В 2 т. – М.: Эгмонт-Россия, 2008. Раздел III. Гл. 4–5.

⁸ КПСС в резолюциях. Т. 2. С. 499; СУ РСФСР. 1922. № 25. Ст. 284.

⁹ Социалистическое строительство в СССР: Статистический ежегодник. – М., 1934. С. 177. А также см.: Россия нэповская: Россия. XX век. Исследования. – М., 2002. С. 99. (Гл. III. *Телицын В.А.* Восстановление сельского хозяйства.)

¹⁰ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т. 1. Ч. 1. – М., 2001. С. 99, 168, 207, 288.

¹¹ Там же. С. 207, 247, 336, 343. Такая же картина наблюдалась и в 1923 г.: Т. 1. Ч. 2. С. 721, 731, 737, 913 и др.

¹² «Совершенно секретно»... Т. 1. Ч. 1. С. 206, 221, 247.

¹³ Там же. С. 280–281, 282, 284, 378, 390, 409, 423, 435, 437 и др.

¹⁴ Там же. С. 284, 286.

¹⁵ Там же. С. 428–429, 434–435, 452, 460, 463, 469–471, 475 и др.

¹⁶ Там же. Т. 1. Ч. 2. С. 502, 507–508, 514, 519, 523 и др.

¹⁷ Там же. С. 747, 768, 825, 855 и др.

¹⁸ Там же. С. 282–283, 378.

¹⁹ Там же. С. 428, 429, 435 и др.

²⁰ Там же. С. 343, 384, 388, 391, 392, 410, 416, 443–444 и др. Т. 1. Ч. 2. С. 519, 532 и др.

²¹ Там же. Т. 1. Ч. 1. С. 429, 404.

²² Там же. С. 309, 397. Вероятно, местные власти руководствовались нормой декрета СНК РСФСР от 24 марта 1921 г. «Об обмене», который разрешал губпродкомам в случае ослабления поступления продуктов по продналогу, приостанавливать их свободное обращение. См.: СУ РСФСР. 1921. № 40. Ст. 212.

²³ *Струмилин С.Г.* Статистико-экономические очерки. – М., 1958. С. 440.

²⁴ ГАКО. Ф. Р-26. Оп.1. Д. 289. Л. 58.

²⁵ Хлебные цены и хлебный рынок. С. 24–25.

²⁶ «Совершенно секретно»... Т. 1. Ч. 2. С. 742, 937, 913, 736, 737, 739, 740 и др.

²⁷ *Литовченко Л.Н.* Крестьянские бюджеты в 1922–23 г. – М., 1923; Крестьянские бюджеты 1924/25 г. – М., 1928. С. XXV.

²⁸ Народное хозяйство СССР в 1923/24 г. С. 2–7, 10; Народное хозяйство СССР в 1924/25 г. С. 15, 32; Хлебные цены и хлебный рынок. – М., 1925; «Совершенно секретно»... Т. 1. Ч. 2. С. 868, 893.

²⁹ Народное хозяйство СССР в 1923/24 г... С. 7.

³⁰ «Совершенно секретно»... Т. 1. Ч. 2. С. 527, 718, 721, 722, 730, 731, 736, 743, 745, 791, 809, 818, 819, 830–831, 834 и др.

³¹ Там же. С. 807, 812, 825, 850; Т. 2. С. 339.

³² Там же С. 858.

³³ Там же. С. 720, 736, 743, 761, 752, 754, 762, 765, 767, 769, 771, 787, 800, 805, 823, 829, 846 и др.

- ³⁴ «Совершенно секретно»... Т. 1. Ч. 2. С. 867, 869, 894, 896, 911–912,
- ³⁵ Там же. С. 870, 871, 894, 895, 938.
- ³⁶ СУ РСФСР. 1923. № 42. Ст. 451.
- ³⁷ Россия нэповская. С. 105.
- ³⁸ В качестве примера распределения налога на одно хозяйство в зависимости от количества земли на одного едока см.: *Есиков С.А.* Российская деревня в годы нэпа: К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). – М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. С. 95.
- ³⁹ «Совершенно секретно»... Т. 1. Ч. 2. С. 960–961.
- ⁴⁰ Там же. С. 938, 962.
- ⁴¹ «Совершенно секретно»... Т. 1. Ч. 2. С. 757, 781; Т. 2. С. 169.
- ⁴² Данные цифры приводились в советской историографии: *Поляков Ю.А., Дмитренко В.П., Щербань Н.В.* НЭП: Разработка и осуществление. – М.: Политиздат, 1982. С. 124; История советского крестьянства в 5-и томах. Т. 1. Крестьянство в первое десятилетие советской власти. 1917–1927. – М., 1986. С. 357. Современные исследователи их не оспорили, а скорее приняли. См. например: *Россия нэповская.* С. 106. И др.
- ⁴³ См.: *Есиков С.А.* Указ. соч. С. 62; «Совершенно секретно»... Т. 2. С. 172.
- ⁴⁴ Документы свидетельствуют. С. 12; *Поляков Ю.А., Дмитренко В.П., Щербань Н.В.* Указ соч. С. 124.
- ⁴⁵ «Совершенно секретно»... Т. 1. Ч. 2. С. 722, 763, 782, 787, 789, 792, 807, 812; Т. 2. 171, 225 и др.
- ⁴⁶ См.: *Роголина Н.Л.* Новая экономическая политика и крестьянство // НЭП: приобретения и потери. – М.: Наука, 1994. С. 145. Хотя факт, приведенный в указанном исследовании, имеет отношение к 1926 г., вновь опубликованные источники свидетельствуют о массовости пьянства и в 1922–1924 гг.
- ⁴⁷ «Совершенно секретно»... Т. 1. Ч. 2. С. 791.
- ⁴⁸ Цит. по: *Россия нэповская.* С. 107.
- ⁴⁹ «Совершенно секретно»... Т. 3. Ч. 1. С. 78.
- ⁵⁰ «Совершенно секретно»... Т. 1. Ч. 2. С. 894, 912, 938.
- ⁵¹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6949. Л. 59–61, 64–68. Процентное соотношение подсчитано автором.
- ⁵² *Данилов В.П.* Советская доколхозная деревня: Население, землепользование, хозяйство. – М., 1977. С. 226.
- ⁵³ Крестьянские бюджеты 1925/26 г. – М., 1929; *Бокарев Ю.П.* Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы. – М., 1989. С. 269.
- ⁵⁴ См.: *Ковальченко И.Д., Миров Л.В.* Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX вв. Опыт количественного анализа. – М., 1974. Гл. 9: Рынок сельскохозяйственных средств производства в конце XIX – начале XX в.
- ⁵⁵ См.: *Носова Н.П.* Нэп: государство и сельское хозяйство (проблемы регулирования) // НЭП: приобретения и потери. – М.: Наука, 1994. С. 152.
- ⁵⁶ *Роголина Н.Л.* Новая экономическая политика и крестьянство // Там же. С. 139–140; *Тюрин Е.А.* Опыт перспективного планирования в СССР в 1920-е

годы: план развития сельского хозяйства Наркомата земледелия РСФСР (1923/24–1927/28 гг.) // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. – М.: РОССПЭН, 2006. С. 137–139.

⁵⁷ Носова Н.П. Указ. соч. С. 153–154; Тюрина Е.А. Указ. соч. С. 139–147.

⁵⁸ КПСС в резолюциях. Т. 2. С. 468.

⁵⁹ «Совершенно секретно»... Т. 1. Ч. 2. С. 871, 896.

⁶⁰ СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 426.

⁶¹ Земельный Кодекс РСФСР. – М., 1923.

⁶² Там же. Ст. 11, 18, 32, 33.

⁶³ Там же. Ст. 30, 31, 33.

⁶⁴ Там же. Ст. 12, 22–26, 42, 86, 96, 116–124, 141–142, 206–221.

⁶⁵ Там же. Ст. 165–193.

⁶⁶ Там же. Ст. 160, 162....

⁶⁷ Там же. Ст. 103–111.

⁶⁸ «Совершенно секретно»... Т. 1. Ч. 2. С. 737, 747, 801, 807, 868, 893–894.

⁶⁹ Там же. Ч. 1. С. 482–483.

⁷⁰ Там же. С. 484.

⁷¹ Там же. С. 336, 360.

⁷² Подробнее см.: Ильиных В.А. Государственное регулирование заготовительного хлебного рынка в условиях нэпа (1921–1927 гг.) // Нэп: приобретения и потери. – М.: Наука, 1994. С. 168–169.

⁷³ См.: Ларин Ю. Итоги, пути, выводы новой экономической политики. – М., 1923.

⁷⁴ XII съезд РКП(б). Стенографический отчет. – М., 1968. С. 435; КПСС в резолюциях. Изд. 9. Т. 3. С. 77–78.

⁷⁵ Дмитренко В.П. Борьба советского государства за овладение деревенским рынком в первые годы нэпа // Вопросы истории. 1964. № 9. С. 58, 62, 66.

⁷⁶ КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 75–79, 162–163

⁷⁷ РГАЭ. Ф. 7480. Справка к фонду. С 1930 г. банк стал называться Всесоюзный сельскохозяйственный кооперативно-колхозный банк. Существовал до 1959 года.

⁷⁸ «Совершенно секретно»... Т. 1. Ч. 2. С. 871, 880–881, 902–903, 921; Т. 2. С. 191–193, 427–429.

⁷⁹ КПСС в резолюциях. Т. 3. С. 249–250.

⁸⁰ Рыков А.И. Избранные произведения. – М., 1990. С. 336–337.

⁸¹ Там же. С. 172–173.

⁸² Там же. С. 240–251.

⁸³ «Совершенно секретно»... Т. 1. Ч. 2. С. 808.

⁸⁴ «Совершенно секретно»... Т. 2. С. 204, 377–378, 381–382; Т. 3. Ч. 1. С. 82–83. Плата за передел составляла в центральных и западных губерниях от 1 руб. до 1 руб. 90 коп. за десятину.

⁸⁵ Там же. Т. 2. С. 379–381; Т. 3. Ч. 1. С. 83–86.

⁸⁶ Кабанов В.В. Пути и бездорожье аграрного развития России в XX веке // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 42

⁸⁷ «Совершенно секретно»... Т. 2. С. 171–172, 225, 362–363; Т. 3. Ч. 1. С. 39, 76–80, 122–123, 144–147.

⁸⁸ «Совершенно секретно»... Т. 2. С. 171–172, 199–201, 225, 423; Т. 3. Ч. 1. С. 121–122.

⁸⁹ «Совершенно секретно»... Т. 2. С. 201, 225, 339, 424, 365–369; Т. 3. Ч. 1. С. 77–81, 88–89, 123.

⁹⁰ Там же Т. 2. С. 300–301, 364.

⁹¹ «Совершенно секретно»... Т. 2. С. 302; Т. 3. Ч. 1. С. 38–39, 61–62.

⁹² Там же. Т. 3. Ч. 1. С. 67.

⁹³ Там же. Т. 2. С. 336, 321–322, 338; Т. 3. Ч. 1. С. 40.

⁹⁴ Там же. Т. 2. С. 300; Т. 3. Ч. 1. С. 121.

⁹⁵ Там же. Т. 2. С. 191. И др.

⁹⁶ Рыков А.И. Избранные произведения. С. 341

⁹⁷ «Совершенно секретно»... Т. 2. С. 320, 321–322, 324, 334, 341 и др.

⁹⁸ Там же. Т. 2. С. 322.

⁹⁹ Там же. Т. 3. Ч. 1. С. 121.

¹⁰⁰ Там же. Т. 2. С. 321, 324, 325, 329, 334, 341; Т. 3. Ч. 1. С. 67.

¹⁰¹ Там же. Т. 2. С. 303–304, 341–343, 344–347, 425; Т. 3. Ч. 1. С. 42–43, 69–70, 115, 126–129, 156–159. И др.

¹⁰² Там же. Т. 3. Ч. 1. С. 184–185.

¹⁰³ КПСС в резолюциях. Т. 3. С. 340–343, 344–346, 347.

¹⁰⁴ Там же. С. 368–382, 383–384.

¹⁰⁵ Там же. С. 381–382.

¹⁰⁶ Бухарин Н.И. Избранные произведения (Экономическое наследие). – М., 1990. С. 368–373. Вскоре он признал этот лозунг ошибочным, хотя и не считал ошибочным курс на подъем благосостояния деревни в связи с тем, что социализм не должен быть обществом бедноты. См.: Бухарин Н.И. Избранные произведения. – М., 1988. С. 136, 464.

¹⁰⁷ Данилов В.П., Н. Верт, А. Берелович. Советская деревня 1923–1929 гг. по информационным сводкам ОГПУ (Введение) // Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 2. 1923–1929. – М.: РОССПЭН, 2000. С. 7.

¹⁰⁸ Эти аспекты нашли достаточное освещение еще в литературе 1920-х гг. См.: Хрящева А.И. Группы и классы в крестьянстве. – М., 1926; Крицман Л.Н. Классовое расслоение в советской деревне. – М., 1926; Гайстер А.И. Расслоение советской деревни. – М., 1928; Кубанин М.И. Классовая сущность процесса дробления крестьянских хозяйств (Экономические исследования). – М., 1929. В советской историографии многоукладность в деревне изучалась В.П. Даниловым. См.: Данилов В.П. Социально-экономические уклады в советской доколхозной деревне: их соотношение и взаимодействие // Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. В 2 частях. – М.: РОССПЭН, 2011. Ч. 1. С. 554–570.

¹⁰⁹ См.: Крестьянское хозяйство РСФСР в 1922 г. По данным поселенных списков обложения единым натуральным налогом. – М., 1923; Сельское хозяй-

ство Союза ССР. По данным налоговых сводок по единому сельскохозяйственному налогу в 1923–24 г. – М.: НКФ, 1924; Сельское хозяйство Союза ССР. По данным налоговых сводок по единому сельскохозяйственному налогу в 1924–25 г. – М.: НКФ, 1925; Сельское хозяйство Союза ССР. По данным налоговых сводок по единому сельскохозяйственному налогу в 1925–26 г. – М.: НКФ, 1927; Сельское хозяйство Союза ССР. По данным налоговых сводок по единому сельскохозяйственному налогу в 1926–27 г. – М.: НКФ, 1929; Сельское хозяйство Союза ССР. По данным налоговых сводок по единому сельскохозяйственному налогу в 1927–28 г. – М.: НКФ, 1930; Сельское хозяйство Союза ССР. По данным налоговых сводок по единому сельскохозяйственному налогу в 1928–29 г. – М.: НКФ, 1931; Сельское хозяйство СССР. 1925–1928 гг. Сборник статистических сведений к XVI Всесоюзной партконференции. – М., 1929.

¹¹⁰ Народное хозяйство СССР в 1924/25 г. С. 10, 33–34, 42.

¹¹¹ Крестьянское хозяйство за время революции. – М., 1923. С. 10; Материалы по обследованию деревни. – М., 1923. С. 65.

¹¹² *Литошенко Л.Н.* Крестьянские бюджеты в 1922–23 г. – М., 1923. С. 36–37, 42–43.

¹¹³ Там же. С. 45–46.

¹¹⁴ Там же. С. 43.

¹¹⁵ Сельское хозяйство на путях восстановления. – М., 1925. С. 217; РГАЭ. Ф. 8151. Оп. 1. Д. 36. Л. 5.

¹¹⁶ РГАЭ. Ф. 8151. Оп. 1. Д. 48. Л. 71; Д. 36. Л. 2–4.

¹¹⁷ *Миц Л.Е.* Аграрное перенаселение и рынок труда СССР. – М.–Л., 1929. С. 7.

¹¹⁸ *Данилов В.П.* Крестьянские отходы на промыслы в 1920-х годах // *Данилов В.П.* История крестьянства в России в XX веке. – М.: РОССПЭН, 2011. Ч. 1. С. 605.

¹¹⁹ *Миц Л.Е.* Отход крестьянского населения на заработки в СССР. – М., 1925. С. 81; «Совершенно секретно»... Т. 1. Ч. 2. С. 869.

¹²⁰ Аграрное перенаселение и рынок труда. С. 292–296. Средние данные подсчитаны автором.

¹²¹ «Совершенно секретно»... Т. 2. С. 173; Т. 3. Ч. 1. С. 60, 81–82, 142. И др.

¹²² Аграрное перенаселение и рынок труда. С. 308–309.

¹²³ *Бокарев Ю.П.* Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы. – М., 1989. С. 229.

¹²⁴ Экономическая жизнь. 1924. 1 января.

¹²⁵ *Первушин С.А.* Хозяйственная конъюнктура. Введение в изучение динамики русского народного хозяйства за полвека. – М., 1925. С. 262–263.

¹²⁶ Россия нэповская. С. 159–160.

¹²⁷ *Данилов В.П.* Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. – М., 1957. С. 130–134.

¹²⁸ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т. 2. С. 12.

¹²⁹ «Совершенно секретно»... Т. 3. Ч. 1. С. 233–234, 257–258, 459, 485–486.

¹³⁰ Народное хозяйство СССР в 1923/24 г. С. 150; Народное хозяйство СССР в 1924/25 г. – М., 1926. С. 17, 32.

¹³¹ *Первушин С.А.* Указ. соч. С. 287–288; *Бокарев Ю.П.* Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х гг. как исторический источник. – М., 1981. С. 274–276.

¹³² *Бокарев Ю.П.* Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы. С. 260–261.

¹³³ Как ломали нэп. Т. 1. – М., 2000. С. 6–7.

¹³⁴ Народное хозяйство СССР в 1924/25 г. С. 8.

¹³⁵ *Бокарев Ю.П.* Социалистическая промышленность... С. 269.

¹³⁶ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 3. Д. 1207. Л. 31, 33, 47–48.

¹³⁷ КПСС в резолюциях. Т. 4. С. 14–15.

¹³⁸ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 9. Д. 1684. Л. 4–6, 7–9, 10–11, 12–14, 15–16, 17–18.

¹³⁹ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 383. Л. 1. И далее на 10 листах материалы с мест о торговле самогоном.

¹⁴⁰ *Данилов В.П.* Советская доколхозная деревня: населения, землепользование, хозяйство. С. 101–104.

¹⁴¹ Земельный кодекс РСФСР. – М., 1923. Ст. 64; Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. 1917–1954. – М., 1954. С. 299–306.

¹⁴² РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 2. Д. 221. Л. 39–41; *Громан В.* Конъюнктура 1926/27 хозяйственного года // Стат. обозрение. 1927. № 12.

¹⁴³ *Бухарин Н.И.* Уроки хлебозаготовительной кампании. К итогам апрельского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б). Доклад на собрании актива Ленинградской организации ВКП(б) 13 апреля 1928 г. // Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. – М., 1989 С. 141–142.

¹⁴⁴ *Бокарев Ю.П.* Соц. пром-ть и мелкое крест. хоз-во. С. 278–279

¹⁴⁵ *Крылов М.* Контрагенты крестьянского рыночного оборота за II и III кварталы 1926/27 г. // Стат. обозрение. 1928. № 7. С. 19–20.

¹⁴⁶ *Благих И.А.* «Зигзаги» нэпа // Истоки. Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Выпуск 1. – М., 1989. С. 183.

¹⁴⁷ Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1927. № 11–12. С. 48.

¹⁴⁸ *Бухарин Н.И.* Уроки хлебозаготовительной кампании. С. 142.

¹⁴⁹ *Данилов В.П., Ивеницкий Н.А.* О деревне накануне и в ходе сплошной коллективизации // Документы свидетельствуют. С. 12.

¹⁵⁰ Цитата по: Россия нэповская. С. 214.

¹⁵¹ XIV съезд ВКП(б). Стен. отчет. – М.–Л., 1926. С. 43, 120, 255–257, 264–265, 436–437.

¹⁵² См.: Крестьянские бюджеты 1922–23 и 1923–24 гг. – М., 1927. Вып. 1–3; Крестьянские бюджеты 1924–25 гг. – М., 1928; Крестьянские бюджеты 1925–26 гг. – М., 1929.

¹⁵³ Тяжесть обложения в СССР. Социальный состав, доходы и налоговые платежи населения Союза ССР в 1924/25, 1925/26, 1926/27 гг. Доклад Комиссии СНК СССР по изучению тяжести обложения населения Союза. – М., 1929. С. 74–77.

¹⁵⁴ *Роголина Н.Л.* Указ соч. С. 143

- ¹⁵⁵ *Розалина Н.Л.* Указ соч. С. 141–142.
- ¹⁵⁶ *Крылов М.* Контрагенты крестьянского рыночного оборота за II и III кварталы 1926/27 г. // Стат. обозрение. 1928. № 7. *Он же.* Контрагенты крестьянского рыночного оборота в 1927 и 1928 гг. // Там же. 1929. № 3. И др.
- ¹⁵⁷ «Совершенно секретно»... Т. 2. С. 341–347, 425; Т. 3. Ч. 1. С. 42–43, 69–70, 115, 126–128, 156–159, 184–186, 212–218, 234–235, 258–260, 296–298, 330–335, 362–363, 384–387, 413–414, 430–434, 458–459, 476; Т. 3. Ч. 2. С. 503–505, 533–541, 574–575, 657–658, 692–694, 757; Документы свидетельствуют. С. 16–17. А так же: *Куреньшев А.А.* Крестьянство и его организация в первой трети XX в. – М.: ГИМ, 2000; *Он же.* Всероссийский крестьянский союз. 1905–1930 гг. Мифы и реальность. – М.: АИРО-XX, 2004.
- ¹⁵⁸ КПСС в резолюциях. Т. 4. С. 261, 285, 299.
- ¹⁵⁹ XV съезд ВКП(б). Стен. отчет. – М.–Л., 1928.
- ¹⁶⁰ *Кабанов В.В.* Указ. соч. С. 44; *Носова Н.П.* Деревня второй половины 20-х годов // НЭП: Завершающая стадия. Соотношение политики и экономики. – М., 1998. С. 197–210; *Есиков С.А.* Российская деревня в годы нэпа. С. 137–138. И др.
- ¹⁶¹ История советского крестьянства. – М., 1986. Т. 1. С. 331.
- ¹⁶² Документы свидетельствуют. С. 101, 105.
- ¹⁶³ Там же. С. 93–94, 101–102.
- ¹⁶⁴ *Носова Н.П.* Деревня второй половины 20-х годов // НЭП: завершающая стадия. Соотношение политики и экономики. – М., 1998. С. 208.
- ¹⁶⁵ *Есиков С.А.* Указ соч. С. 139.
- ¹⁶⁶ «Совершенно секретно»... Т. 6. С. 222–223.
- ¹⁶⁷ КПСС в резолюциях. Т. 4. С. 308.
- ¹⁶⁸ СЗ СССР. 1928. № 69. Ст. 641, 642.
- ¹⁶⁹ *Кабанов В.В.* Кооперация, революция, социализм. – М., 1996; *Он же.* Крестьянская община и кооперация России XX века. – М., 1997.
- ¹⁷⁰ Как ломали нэп. Т. 1. С. 9.
- ¹⁷¹ Там же. С. 10–11. В Предисловии к 1 тому, написанному В.П. Даниловым и О.В. Хлевнюком, дается подробное описание процесса утверждения новой линии Сталина после XV съезда до апрельского 1928 г. пленума. С. 15–33.
- ¹⁷² Там же. С. 21–22, 37, 343–344.
- ¹⁷³ Там же. Т. 2. С. 5–6, 313–314.
- ¹⁷⁴ *Сталин И.В.* Соч. Т. 11. – М., 1949. С. 15–16.
- ¹⁷⁵ *Бухарин Н.И.* Уроки хлебозаготовительной кампании // Документы свидетельствуют. С. 140–144.
- ¹⁷⁶ «Совершенно секретно»... Т. 6. С. 40–41, 45–46, 52–53, 55–56, 57, 58–59, 103, 110–113, 115–116 122–130, 167–168. 199–202, 211–213, 258–259. И др; *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. 2-е изд. доп. – М.: РОССПЭН; Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина, 2008. Часть 1. Разрушение рынка: 1927–1930.
- ¹⁷⁷ «Совершенно секретно»... Т. 6. С. 170, 221–222, 233–234, 287.

Глава 4

КООПЕРАТИВНЫЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ФОРМЫ

ПЕРЕХОД К НЭПУ И КООПЕРАЦИЯ

Кооперация как массовая общественно-экономическая организация населения возникла на этапе формирования рыночных отношений в России для защиты экономических интересов ее пайщиков. К началу XX века кооперация сложилась в массовую организацию с разветвленной сетью, которая включала в себя сельскохозяйственную, кустарно-промысловую, кредитную, потребительскую. Рост потребительских интересов в условиях продовольственного кризиса 1917 г. давал новый импульс к дальнейшему расширению и развитию потребкооперации¹.

Большевики, пришедшие к власти в октябре 1917 г., обратили внимание на кооперацию как на готовую организацию, с помощью которой можно было организовать товарообмен между городом и деревней, заменив им распределение через рынок². В.И. Ленин весной 1918 г. высказывал мысль о том, что кооперативы, если они охватывают все общество, в котором социализирована земля и национализированы фабрики и заводы, и есть социализм³.

1918–1920 гг. были связаны с борьбой большевиков за овладение кооперацией, за проведение в жизнь ленинских идей о превращении общества в сеть потребительско-производственных коммун, за превращение кооперативного аппарата в аппарат заготовок и распределения. Это привело к национализации финансовой системы кооперации, к превращению кооперации в государственную организацию, к утрате ею истинно кооперативных принципов деятельности: хозяйственной самостоятельности, экономической независимости, обязательности членства в кооперации для всего общества⁴. Декрет от

27 января 1920 г. «Об объединении всех видов кооперативных организаций» предписывал слить все виды кооперации (сельскохозяйственную, кустарно-промысловую, кредитную) в единую кооперативную систему потребительской кооперации во главе с Центросоюзом⁵. Таким образом, кооперация, утратив свои кооперативные принципы, но, сохранив название и организационную структуру, сохранилась за годы гражданской войны лишь как потребительская. В нэп потребительская кооперация вступала в качестве подсобного аппарата Наркомпрода, где она была монополистом-посредником между госпромышленностью и крестьянским хозяйством в осуществлении заготовительно-распределительных функций, в проведении товарообмена.

Переход к новой экономической политике менял ее положение и функции. От потребительской кооперации отделялась сельскохозяйственная и кустарно-промысловая кооперация. Предполагалось, что эти виды кооперации должны развиваться как самостоятельные структуры и строиться на основе добровольного членства⁶. Потребительская кооперация также снималась с государственного финансирования и должна была начать работать на собственные средства. Для их восполнения вводились паевые взносы, при сохранении обязательности членства для всего общества. Кооперация теперь должна была противопоставить свою деятельность развитию частной торговли на сельскохозяйственном рынке: вести через свой аппарат заготовку излишков сельскохозяйственной продукции, оставшейся у крестьян после сдачи продналога, в обмен на промышленные товары⁷. В связи с этим 17 мая 1921 г. был заключен генеральный договор Центросоюза с Наркомпродом.

Однако товарообмен с первых шагов его организации весной 1921 г. сосуществовал и конкурировал с частным рынком и, как правило, попадал под влияние рыночной конъюнктуры. Товарообмен срывался, превращался в куплю-продажу, поэтому ряд кооперативных организаций одними из первых поставили вопрос о реализации товарообменных фондов на рынке и проведении заготовительной работы по рыночным ценам. Даже крестьяне-мешочники из Поволжья, гонимые голодом, были конкурентами кооперации, ведущей товарообмен, даже в самых отдаленных губерниях.

Ведущую роль в восстановлении рыночных отношений играла частная торговля и вышедший из подполья черный рынок. Линию

активной поддержки рыночных отношений проводили лишь некоторые из губсоюзов⁸, только немногие из них сумели включиться в рыночные отношения и попытались придать им организованный характер. Именно по инициативе кооперативных органов уже в июне 1921 г. вновь была открыта товарная биржа. К концу 1921 г. биржи были открыты при губсоюзах в Москве, Перми, Нижнем Новгороде, Вятке⁹. Эту кооперативную инициативу поддержал IX съезд Советов (декабрь 1921 г.), разрешивший госорганам учреждать товарные биржи совместно с Центросоюзом и его органами¹⁰.

К декабрю 1921 г. потребительская кооперация повсеместно начала реализацию имеющихся у нее товаров за дензнаки, открыла свои магазины, но была уже одним из многих контрагентов рыночных отношений, выступая наряду с частными посредническими конторами, магазинами совнархозов, комиссионно-коммерческими магазинами, рыночными спекулянтами-перекупщиками, мешочниками и т. п.¹¹

В целом же потребительская кооперация вступала в нэп с громоздким разветвленным аппаратом, который в большинстве своем был экономически и организационно слаб. Работа многих кооперативных организаций замирала от отсутствия оборотного капитала и неудовлетворительного хода товарообмена. Потеряв время с включением в рыночные отношения, Центросоюз одновременно переживал серьезный кризис доверия со стороны госорганов и госпромышленности, так как он фактически не выполнил своих обязательств по товарообмену. Центросоюзу с трудом удавалось перестраивать свою работу и вписываться в структуру рыночных отношений. Он вынужден был идти на сокращение низовой сети, создавать вновь свою кредитно-финансовую систему. Кооперация потеряла монопольное положение посредника во взаимоотношениях госпромышленности с мелкотоварным крестьянским хозяйством, и свободное место в посреднической деятельности быстро занимал частник, который уже в 1921–1922 гг. доставил в деревню товаров в 5–10 раз больше, чем кооперация¹². С другой стороны, сильным конкурентом для кооперации становились синдикаты, которые стремились монополизировать сбыт продукции своих трестов.

В литературе, посвященной изучению кооперации, уже подчеркивалось, что на этапе перехода к нэпу, государство очень медленно и осторожно определяло роль и место кооперации. Ни о каких задачах кооперации в сфере развития рыночных отношений речь не шла,

хотя ее главное назначение и заключалось в обслуживании рыночных потребностей населения. Декреты СНК 1921 г. по основным видам кооперации (потребительской, кустарно-промысловой, сельскохозяйственной) частично открывали возможности для кооперативного развития, но не ставили перед ней тех задач, которые она призвана была решать в условиях рыночных отношений¹³.

Потребительской кооперации предоставлялось право «обмена и скупки излишков сельскохозяйственного производства, а равно и кустарных и ремесленных изделий и сбыта их», и она должна была выполнять обязательные государственные задания. Однако наряду с выполнением заданий по государственному товарообмену, осуществлялась работа по поиску и налаживанию собственно кооперативных сделок между кооперативными организациями разных районов, между кооперативными и государственными органами и предприятиями, имевшими часто характер бартерного обмена¹⁴. Потребительская кооперация, пытаясь вернуться к кооперативным принципам работы, в течение первого года нэпа сокращала аппарат Центросоюза, мобилизовала собственные средства через вступительные и паевые взносы, авансы, вклады и займы, проводила организационное укрепление всей своей системы. Эти меры способствовали количественному росту потребительских обществ и числа населения в них.

В отношении промысловой и сельскохозяйственной кооперации, которые восстанавливались заново, государство сразу пыталось поставить под жесткий контроль управление и деятельность их руководящих центров. Это не сразу получилось в отношении сельскохозяйственной кооперации. С мая 1921 г. шла подготовительная работа, а Учредительный съезд уполномоченных от союзов сельхозкооперации был проведен до опубликования декрета в августе 1921 г., где и было принято решение о воссоздании Всероссийского союза сельскохозяйственных кооперативов (Сельсосоюза). Первое правление Сельсосоюза было избрано на съезде (его председателем был избран С.Л. Маслов), а представители Наркомзема: А.М. Лежава и П.А. Месяцев были введены лишь в наблюдательный орган – Совет Сельсосоюза¹⁵.

В ноябре 1921 г. провела свой съезд кустарно-промысловая кооперация, на котором было принято решение о создании Всероссийского союза кустарно-промысловой кооперации. Однако ВЦИК объявил съезд незаконным, избранные на нем органы управления были

распущены, устав Союза не был утвержден. В конце апреля 1922 г. был созван новый съезд, уже на основе «соответствующей подготовительной работы» государственных и партийных органов, который под давлением коммунистов и лично М.И. Калинина, избрал в правление трех коммунистов (из семи человек), а С.П. Середу – его председателем. В октябре 1922 г. на очередном съезде Сельскосоюза в правление также были избраны коммунисты (4 из 10)¹⁶.

Создание кредитных кооперативов формально было разрешено только в январе 1922 г.¹⁷ Но уже в 1921 г., в связи с возрождением всех кооперативных систем, кредитные операции (наряду с формированием паевых капиталов, приемом вкладов и другими финансовыми операциями) разрешалось вести всем видам кооперации декретом «О средствах кооперации», принятым в июле 1921 г.¹⁸ Кредитная кооперация – как «наиболее рыночная и исторически независимая от государства ветвь кооперативного движения» стала возрождаться лишь после создания механизма контроля и надзора над сельскохозяйственной кооперацией¹⁹.

Хотя, по – мнению одного из крупнейших исследователей кооперативного движения Л.Е. Файна, «внедрение «партийцев» в кооперативные центры никак не сказалось на быстром возрождении самого движения», государство не позволяло проявляться никакой инициативе и самостоятельности, в том числе и в кооперативном движении. Кооперация, исторически возникшая как компонент рыночных отношений, при переходе к нэпу не получила полной возможности стать свободной самостоятельной организацией.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КООПЕРАТИВНАЯ ПОЛИТИКА

В 1922 г. **потребительская кооперация** переживала глубокий экономический кризис. Падал ее удельный вес в товарообороте, сокращалось количество патентов, выбираемых кооперативными организациями²⁰. Весной 1922 г., в связи с кризисом сбыта в городах и товарным голодом в деревне, СТО принял предложение А.И. Рыкова о принудительном товарном кредите Центросоюзу со стороны трестов, синдикатов и экономических объединений на сумму в 10 млн золотом.

Однако почти все хозяйственные органы во главе с ВСНХ бойкотировали это постановление, и СТО потребовалось прибегнуть к радикальным («военно-коммунистическим») мерам, чтобы через кооперативную сеть попытаться довести товары в деревню к реализации нового урожая²¹. Это несколько оживило работу кооперации, но не решило всех ее проблем. В ноябре 1922 г. Комиссия по внутренней торговле рассматривала вопрос о финансовом кризисе кооперации, определяя пути ее государственной поддержки²².

Лишь в условиях кризиса сбыта 1923 г. государство вновь обратило внимание на кооперацию. Кризис сбыта рассматривался политиками как результат неумения госпромышленности и торговли проложить дорогу к массовому крестьянскому рынку. Акцент в его преодолении делался на укреплении «смычки» с крестьянским хозяйством, т. е. на развитие торговли. Наряду с госторговлей задачу укрепления «смычки» призвана была решать и кооперация²³. Ей были обещаны льготы, финансирование, кредит, если она свяжет себя с госпромышленностью и госторговлей как поставщик крестьянской продукции, сырья и продовольствия и возьмет на себя удовлетворение потребительских интересов деревни по самым низким ценам, став конкурентом частнику²⁴. Апрельский (1924 г.) пленум ЦК потребовал от кооперации установления цен на товары ниже среднерыночных, ликвидации всех операций коммерческого характера, не связанных с обслуживанием интересов потребителей, – спекулятивных перепродаж на оптовом рынке товаров народного потребления, торговли предметами роскоши и т. п. – и перехода па обслуживание потребителей (рабочих и крестьян)²⁵. Взамен ей предоставлялось максимальное благоприятствование в подборе ассортимента товаров, в сроках и формах кредитования²⁶.

Пленум ЦК отверг все предложения руководства Центросоюза оживить деятельность кооперации за счет привлечения в нее представителей частной торговли, кулаков при нейтрализации с помощью организационных мер их попыток захвата руководства кооперативами; был запрещен прием в члены кооперации лиц, лишенных избирательных прав (представителей частной торговли, кулаков и т. п.)²⁷.

С 1923/24 г. роль и значение потребительской кооперации стали расти. Кооперация превращалась в основного торгового партнера синдикатов, которые увеличивали поставки ей товарной массы. Она начинала работать на капиталы госпромышленности, сокращая ее

оборотные средства. Акцизы на товары, предоставленные в кредит кооперации, оплачивала сама промышленность²⁸. Развитие взаимоотношений с кооперацией заставляло синдикаты идти на сокращение поставок частным торговцам, которые были для них более выгодными партнерами и посредниками, поскольку никогда не пользовались такими льготами, а чаще предварительно оплачивали товар²⁹.

Сотрудничество синдикатов и кооперации строилось на коммерческой (договорной) основе. От хозяйственных договоров 1923/24 г. в 1925 г. перешли к системе годовых генеральных соглашений³⁰. Кооперация заключила такие соглашения с ВСНХ, Всероссийским текстильным синдикатом (ВТС), Солесиндикатом, Всероссийским металлосиндикатом (ВМС) и др. Удельный вес кооперации в сбыте товаров промышленного производства вырос в 1923/24 г. до 36,4 %, в 1927 г. – до 56,4 %³¹.

Наиболее тесное сотрудничество складывалось у кооперации с ВТС, который передал ей свою розничную торговую сеть. В 1924 г. практика договорных соглашений была расширена за счет введения предварительных заказов, при которых Центросоюз и местные торги привлекались к рассмотрению производственных программ текстильной промышленности и к установлению ассортимента текстильных товаров, которые имеют спрос на рынке³². Связь кооперации с непосредственным потребителем и знание спроса позволяли ей оказывать некоторое воздействие на ассортимент выпускаемой продукции, на составление производственных программ синдикатов и трестов. Практика привлечения Центросоюза к разработке генеральных договоров с синдикатами и производственных программ госпромышленности, обслуживающей широкий рынок, сохранялась до конца 1920-х гг.³³.

Сотрудничество кооперации с синдикатами складывалось в основном благодаря инициативе самих синдикатов и общегосударственной политике поддержки кооперации. Сама же кооперация все еще была инертна, проявляла мало инициативы. От нее ожидали снижения накладных расходов, торговых издержек, розничных цен. Однако 1925 г. Центросоюз закончил с убытками в 568 тыс. руб. за счет списаний от хищений и потерь, от регулирования цен³⁴. Тридцать девятое собрание уполномоченных Центросоюза в марте 1925 г. констатировало, что организационный рост потребительской кооперации значительно опережает ее хозяйственный рост³⁵.

Вопрос о развитии всех видов кооперации обсуждался на XIV конференции РКП(б) в конце апреля 1925 г. В принятой резолюции было вновь подчеркнуто, что «кооперация является основной общественно-экономической формой связи между государственным хозяйством и мелкими товаропроизводителями деревни», и что «только она может обеспечить государству наибольшую возможность контроля и регулирования как мелкого сельскохозяйственного производства, так и товарного оборота в стране»³⁶. В качестве «наиболее опасной болезни» кооперативного развития отмечалось «смещение функций разного вида кооперации (сельскохозяйственно-кредитной, потребительской и промысловой)». Отсюда выводилась задача по строгому разграничению этих функций, особенно потребительской и сельскохозяйственной кооперативных систем³⁷. Сельскохозяйственно-кредитной кооперации отводились функции по организации сельскохозяйственного кредита, сбыта, снабжения и переработки сельскохозяйственных продуктов, развитие всех возможных форм коллективного земледелия и снабжение их средствами производства, а потребительской – развитие кооперативного оборота, место «главного звена в товаропроводящей цепи»³⁸. Целая система мер была определена в отношении поддержки промысловой кооперации.

И на XIV партконференции и после нее А.И. Рыков неоднократно высказывался за необходимость строгого разграничения (а не увязки!) работы между всеми видами кооперации³⁹.

Здесь же подчеркивалось первостепенное значение потребительской кооперации и в деле кооперирования крестьянства, что позволило ей уже к середине 20-х гг. «перешагнуть довоенные нормы» в кооперировании массы населения, в то время как сельскохозяйственная объединяла лишь 25 % хозяйств от довоенного уровня⁴⁰. Темпы кооперирования в кустарно-промысловой кооперации были еще ниже.

К лету 1925 г. вопрос о взаимоотношениях потребительской кооперации с госпромышленностью приобрел дискуссионный характер. В ВСНХ говорили о необходимости сокращения доли кооперации в торговых оборотах госпромышленности, о нежелании последней «платить алименты» кооперации. 3 июня 1926 г. на заседании Президиума ВСНХ СССР с речью о взаимоотношениях госпромышленности и кооперации выступил его председатель Ф.Э. Дзержинский. Он прямо связал кризис госпромышленности с положением дел

в кооперации и подчеркнул, что, в то время, как госпромпленность ведет борьбу за снижение розничных цен и рассматривает удешевление розницы как основу для укрепления смычки с деревней, кооперация не выполняет основного условия генеральных соглашений: не снижает накладные расходы, сохраняет высокие розничные цены, проедает накопления, которые должны идти на индустриализацию⁴¹.

Отстаивая интересы промышленности, Ф.Э. Дзержинский был категорически против расширения соглашений с кооперацией, считал целесообразным сохранение синдикатской системы, которую Госплан предлагал сократить и выступал за упорядочение реализации промышленных товаров через частных розничных торговцев⁴². Предполагая, что наличие такой конкуренции заставит кооперацию работать, лучше удовлетворять нужды населения, Ф.Э. Дзержинский добивался права и для госпромышленности распоряжаться созданной ею товарной массой и получать свою прибыль.

В конце 1925 – начале 1926 г. главной проблемой для кооперации стало получение товарной массы и урегулирование взаимоотношений с госпромышленностью. Для согласования оперативной работы была создана паритетная смешанная комиссия Центросоюза и ВСНХ. Практика генеральных соглашений стала расширяться. Однако ряд синдикатов упорно сопротивлялись этому, понимая, что такие соглашения невыгодны как для синдикатов, так и для трестов. Например, Кожсиндикат в 1925/26 г. отпускал кооперации только 3 % своей продукции, в 1926/27 г. вынужден был отдать 17 %. Лишь на 3 % (с 11 до 14 %) расширила поставки товаров кооперации силикатная промышленность. Отказалась от расширения поставок маховичная промышленность (14 %). Сократили отпуск своей продукции кооперации в 1926/27 г. металлическая отрасль (с 19 до 12 %) и бумажная⁴³.

В условиях товарного голода 20-х гг. поиски товарных источников для кооперации приобретали характер борьбы даже с госорганами. Среди кооперативных работников сохранялись опасения пересмотра политики партии в отношении кооперации на всем протяжении 20-х гг.⁴⁴ Председатель Центросоюза А.М. Хинчук в отчетном докладе на очередном собрании уполномоченных в апреле 1926 г. говорил об отставании оборотов кооперации от оборотов торговли в целом и предупреждал, что «в борьбе с государственной системой торговли

на карту поставлена жизнь самой кооперативной системы». Обе системы борются за свое существование, за нагрузку товарами⁴⁵.

Это же собрание обсудило проблемы рационализации торгового дела и направления борьбы за сокращение накладных расходов, потребовало наведения финансового порядка и экономии в расходах⁴⁶. С марта 1925 г. кооперация вела кампанию по снижению цен, но эффективность данной хозяйственной организации все еще оставалась низкой. На XV съезде партии председатель Центросоюза сообщил, что на 1 руб. собственных средств, кооперации надо для работы 2,5 руб. госкредита⁴⁷.

Потребительская кооперация с ростом своих обществ в городе и деревне и снижением розничных цен все сильнее зависела от государственных кредитов, а ее работа все больше становилась борьбой за вживание в государственную структуру, борьбой за государственную продукцию. Кооперация продолжала оставаться подсобным аппаратом в распределении государственных товаров, одним из «звеньев в товаропроводящей цепи».

В середине 20-х гг. до 30 % всех товаров население приобретало у кооперации. В городе доля покупок возросла почти в 2 раза, в деревне – в 2,5 раза. Обороты кооперации с 1923/24 г. до 1925/26 г. выросли почти в 4 раза⁴⁸. Однако подбор товаров и их качество в кооперативной торговле были хуже, чем в государственной торговле и у частника. Товары широкого потребления, отопительные и осветительные приборы, мебель, инвентарь преимущественно приобретались у частника, в то время как спиртные напитки (до 47,6 %), табачные изделия (57,1 %), продукты питания (до 52,4 %) приобретались населением у кооперации. Исследователи 20-х гг. объясняют такое положение расторопностью частника, его умением находить товар и слабостью кооперации, которая часто не имела даже своих складов⁴⁹. Центросоюз страдал от затоваривания и несоответствия ассортимента спросу, добивался возврата госпромышленности товаров низкого качества с компенсацией своих убытков по доставке⁵⁰.

Потребительская кооперация рассматривалась государством в качестве второй по значимости (после госорганов) хозяйственной структуры. В той же мере она пользовалась поддержкой и помощью государства. В 1921–1922 гг. при установлении процента на кредит кооперация платила больше, чем госорганы, но меньше, чем частник (соответственно 8, 10 и 12 %)⁵¹. Декрет ВЦИК и СНК «О государст-

венных трестах» (10 апреля 1923 г.) предписывал трестам «при прочих равных условиях» рассматривать кооперацию как второго по значимости контрагента после госорганов⁵². Решения XIII съезда партии, XIV партконференции о потребительской кооперации определяли ее место и роль в структуре народного хозяйства в качестве «главного звена в товаропроводящей цепи»⁵³. Государство принимало меры к тому, чтобы со стороны госторговли не создавать конкуренции в работе кооперации. XIII партсъезд разграничил функции государственной и кооперативной торговли, при этом госторговле отвел преимущественную роль оптовика, кооперации — основное место в розничной торговле⁵⁴. Государство даже шло на закрытие своих магазинов в районах с разветвленной кооперативной сетью⁵⁵. С середины 20-х гг. по мере усиления борьбы с частным капиталом, кооперация начинала рассматриваться госпромышленностью в качестве основного контрагента, главного посредника на товарном рынке, что способствовало улучшению ее хозяйственного и финансового положения. Наряду с госторговлей она получила право на подбор ассортимента товаров, право на участие в продаже импорта, ассигнования из госбюджета в виде долгосрочных ссуд на увеличение основного и оборотного капитала⁵⁶. Усилия государственных ведомств, в частности ВСНХ, с 1926 г., с начала кампаний по снижению розничных цен — были направлены на установление теснейших взаимоотношений госпромышленности с кооперацией «в целях совместной борьбы за овладение рынком»⁵⁷.

Таким образом, положение и поведение потребительской кооперации в рыночных условиях 20-х гг. определялось в значительной мере государственной политикой в отношении этой хозяйственной формы. Не имея стабильных товарных источников в начале 20-х гг., она находилась в состоянии кризиса. К середине 20-х гг., получив такой источник от госпромышленности и улучшив свое положение, кооперация стала бороться за его сохранение и упрочение, стремясь к монопольному (т. е. во многом бесконтрольному) охвату отдельных регионов.

Бесконтрольность в деятельности приводила к злоупотреблениям, хищениям и т. п. со стороны кооперативных работников. За 1925 г. только по рабочим кооперативам Ленинграда при обороте в 25 млн руб. недостача составила 664 тыс. руб.⁵⁸ Еще более бесконтрольны были управления потребительских обществ в отдаленных регионах и сель-

ских глубинках. В ряде кооперативных обществ наблюдались массовые растраты и большая задолженность работников кооперации, что часто списывали на кулацкий или антисоветский состав правлений⁵⁹.

К 1927 г. потребительская кооперация стала наиболее массовой кооперативной организацией, объединившей 60 % рабочих и служащих и более трети крестьянских хозяйств⁶⁰. Однако вернуться к работе на истинно кооперативной основе она не могла. И не только в силу хозяйственной слабости, товарной и финансовой зависимости от государства. К концу 1927 г., когда рыночное равновесие между промышленностью и сельским хозяйством было нарушено, а рыночное распределение продовольствия, сырья и товаров заменялось плановым, отпадала всякая необходимость в рыночном посредничестве – частном, кооперативном и др. Поэтому сохраниться организационно потребительская кооперация могла лишь при условии успешного осуществления функций планово-распределительной системы.

На **кустарную и ремесленную** промышленность, как на конкурента госпромышленности было обращено внимание в связи с тем, что у нее оказались наиболее быстрые темпы восстановления: в 1922 г. – 59,6 % к уровню 1921 г. (у крупной и средней – только 42, 6 %). Факт более быстрого оживления кустарничества расценивался как положительный, но подчеркивалось, что оно – «питательный бульон», из которого развивается капитализм. А потому указывалось на опасность соединения кустарной промышленности с торговым частным капиталом и крестьянским рынком в противовес госпромышленности⁶¹.

Промысловая кооперация развивалась до середины 1920-х гг. практически как независимая хозяйственная организация, мало регулируемая государством. В значительной степени кустарно-промысловая деятельность была сферой влияния частного капитала. XIV партконференция отметила роль кустарной промышленности и промысловой кооперации в том, что они обслуживают внутренний рынок (крестьянский и городской), чем содействуют государственной крупной промышленности, и являются средством использования избыточной рабочей силы деревни и в некоторых районах главным источником доходов крестьян⁶². Но здесь уже ставилась задача кооперирования кустарей и промысловиков-одиночек.

В связи с принятыми решениями, государство предоставило промысловой кооперации ряд льгот: от освобождения сельских кустарно-промысловых артелей от промыслового налога до разрешения использовать наемную рабочую силу в кустарной промышленности⁶³.

Однако, восстанавливая и расширяя производство, государственная промышленность начинала вытеснять кустаря с товарного и сырьевого рынка. Но летом 1925 г. в условиях товарного голода на текстиль и другие товары массового потребления, внимание государства вновь было обращено к мелкой кустарной промышленности: особенно льнопрядению, льноткачеству и др. Кустарям была оказана помощь в снабжении сырьем, они получили ряд налоговых льгот⁶⁴.

Поддержка кустарно-ремесленной промышленности осуществлялась и другими средствами. Так, ярмарочный комитет Нижегородской ярмарки в 1925 г. по просьбе кустарей Мурашкинского района отвел два торговых ряда под изделия кустарей и ремесленников. За этими рядами закрепилось название «мурашкинских»⁶⁵.

Особое место в системе кустарно-ремесленной промышленности занимали художественные артели. На внутреннем рынке первоочередным спросом пользовались кустарные изделия, имеющие утилитарный характер, те, которые компенсировали недостаток промышленных товаров широкого потребления. Спрос на изделия кустарей-художников был ограниченным. Поэтому уже с началом нэпа встал вопрос об организации экспорта кустарно-художественных изделий, которые могли стать и становились источником для получения иностранной валюты. Однако право самостоятельного выхода на внешний рынок промыслы не получали, организацию экспорта изделий художественных промыслов взял на себя Госторг⁶⁶.

В **сельскохозяйственной кооперации** акцент в 1921 г. переносился с распределительных функций на производственные. Основной формой производственного кооперирования было вначале производственное товарищество, которое объединяло население одной волости. Сельскохозяйственная кооперация, как кооперация мелко-товарных крестьянских хозяйств, соединила функции и обслуживала самые разнообразные нужды этого хозяйства: снабженческие, сбытовые, кредитные, став кооперацией универсального типа⁶⁷. Параллельно развивались специализированные кооперативы по переработке и сбыту отдельных видов сельскохозяйственной продукции:

маслодельные, сыроваренные, картофелеперерабатывающие, льноводческие, свекловичные, хлопковые, табаководческие, садово-виноградские и другие товарищества и артели. Возникали и подсобно-производственные кооперативы, к которым относили машинные, семеноводческие, племенноводческие и другие. Они оказывали помощь в развитии производства крестьянских хозяйств. К группе производственных кооперативов относили коммуны, артели, тозы⁶⁸. Так начинала складываться сложная и разветвленная структура этого вида кооперации, чем определялись перспективы кооперирования для самых различных групп крестьянского населения.

В первые годы нэпа, при слабом развитии рыночных отношений, при низкой товарности крестьянского хозяйства, сельскохозяйственная кооперация сама остро нуждалась в материальной поддержке. Развитие кредитных функций кооперации было тесно связано не только с объединением крестьянских средств, сколько с привлечением ссуд из государственной банковской системы. Хотя, как свидетельствуют документы, сельскохозяйственные товарищества пытались самостоятельно мобилизовать часть своих средств путем увеличения размеров членских и паевых взносов⁶⁹. Но заметных результатов кампании по привлечению крестьянских вкладов не давали, так как не были экономически мотивированы, оплата процентов на вклады не превышала проценты в государственных сберкассах. Не были восстановлены вклады, внесенные до революции. Среди причин слабого поступления вкладов исследователи называют не только недоверие к кооперации и недостаток свободных средств у крестьян, но и «боязнь «высветиться» наличием денег и быть зачисленным в «зажиточно-кулацкую верхушку», проценты по вкладам получать было опасно, что расценивалось «как нетрудовые доходы и грозило лишением избирательных прав»⁷⁰.

В целом в организации обществ сельскохозяйственного кредита преобладали средства их учредителей: Госбанка, Наркомзема, Всекобанка⁷¹. Идея создания кооперативного банка для сельскохозяйственной кооперации была отвергнута государством в 1922 г., а в 1923–1924 гг. обсуждались варианты образования Центрального сельскохозяйственного банка лишь на основе государственных средств⁷².

Поддержка производственной кооперации со стороны государства могла быть не только финансовой, но и натуральной. Для натураль-

ного кредитования государство передавало обществам сельскохозяйственного кредита семенной фонд.

Темпы восстановления и развития сельскохозяйственной кооперации также были медленные. Они зависели от развития крестьянского хозяйства и политики советской власти, стремившейся подчинить ее себе. В силу своей экономической слабости и сельскохозяйственная кооперация в значительной мере рассчитывала на государственную поддержку, чем на собственную самостоятельность. Так, Калужский губплан в 1925 г. отмечал, что «в низовой сети сельхозкооперации отсутствует вложение собственных средств крестьян в оборот товариществ, зато налицо иждивенчество и взгляд на кооперацию, как на аппарат распределения государственных ценностей среди крестьянства»⁷³. Во второй половине 1920-х гг. до 70 % средств сельскохозяйственной кооперации составляли заемные (в основном государственные) средства и только 30 % собственные⁷⁴. (В 1913 г. собственные средства сельхозкооперации составляли более 84 %).

В середине 1920-х гг. государство (в лице ОГПУ) обратило внимание на такие факты в состоянии низовой сельскохозяйственной кооперации, как высокие паевые взносы и высокие проценты кредитования, что закрывало доступ в нее для малоимущих крестьянских хозяйств, «подкармливание» работников и массовые растраты. Через кооперативные аппараты «подкармливались» и беспартийный бедняк, и пролезший в нее кулак, и нередко, коммунист. Занимая должности председателей или членов правления, они назначали себе высокие ставки оплаты и в итоге превращались в крепких, зажиточных мужиков, чем вызывали недовольство остальных участников кооперативных обществ. В ходе проводимых ревизий обнаруживалось, что правление кредитовало себя и «своих людей», члены правления строили или покупали себе дома на деньги товарищества, которые не проводились по учетным книгам. Далее следовали политические выводы, что «через кооперацию, как и через советский аппарат, в деревне растет так называемый «советский кулак»⁷⁵. В последующем подобные факты послужат основанием для серьезных кадровых перемещений во всех кооперативных структурах.

Экономическая зависимость от государства приводила к неравноправности взаимоотношений сельхозкооперации с государственными органами. Занимаясь заготовками и поставками сырья для госпромыш-

ленности, она работала по обязательным заданиям, превращаясь, таким образом, в подсобный аппарат госпромышленности, либо сталкиваясь с фактами заготовок сырья помимо кооперации, через частного посредника. Конкуренция на сырьевом рынке, возможности которого к середине 1920-х гг. были ограничены и все менее удовлетворяли потребности госпромышленности, ослабляла роль сельскохозяйственной кооперации. Попытка перейти на договорную систему взаимоотношений с госпромышленностью не оправдывала себя, поскольку последняя нарушала сроки поставок сельхозмашин и орудий кооперации или продавала их, минуя кооперативные крестьянские союзы⁷⁶.

Государственное регулирование цен летом 1926 г. ослабило материальные стимулы в развитии товарности крестьянских хозяйств. Крестьянин приостановил рост производства сырьевых культур, в очередной раз недодал хлеба государству, что сказалось и на развитии сельхозкооперации: приостановился рост членства в ее низовых звеньях, прекратился рост вкладов крестьян⁷⁷.

Государство определяло основную задачу сельскохозяйственной кооперации в постепенном вовлечении крестьянских хозяйств в различные кооперативные формы, а с середины 1920-х гг. акцент сделал на производственном кооперировании. Коллективным хозяйствам предусматривались льготы в приобретении сельхозмашин, стройматериалов и топлива, в уплате сельхозналога. Для придания плановости колхозному движению в 1927 г. был организован Колхозцентр⁷⁸. В 1926–28 гг. наблюдалась тенденция роста колхозов: к середине 1927 г. они объединяли 0,8 % крестьянских хозяйств, к середине 1928 г. – 1,7 %. Всеми видами сельскохозяйственной кооперации в 1927 г. была охвачена почти половина крестьянских хозяйств⁷⁹.

Государственное регулирование сельскохозяйственной кооперации шло по линии поддержки уже складывающихся производственно-сбытовых и кредитных форм, но в насаждении планомерной работы, в проведении классовой линии внутри кооперации через повышение удельного веса бедняков в руководстве кооперацией⁸⁰. Преобладание методов организационного регулирования над экономическими уже к 1927 г. давало основания утверждать, что кооперативное движение представляет из себя нечто новое, в отношении чего трудно применять слово «кооперация»⁸¹.

КООПЕРАЦИЯ И РЫНОК

О стремлении ряда кооперативных союзов активнее включиться в рыночные отношения и осуществлять товарообмен через рынок речь шла выше. Но этот процесс ограничивался политикой государства. Основными видами деятельности потребительской кооперации стали торговое посредничество, поиски своего места в развитии товарооборота между городом и деревней, утверждение позиций на городском и деревенском рынках.

Развитие собственного кооперативного производства требовало времени и средств, которых у кооперации не было. В 1921–1922 гг. в ходе перестройки госпромышленности потребительская кооперация взяла в аренду и получила в собственность предприятия, которые она не могла использовать без помощи государства; только благодаря государственной поддержке в 1923 г. она увеличила численность своих предприятий и начала развивать кооперативное производство⁸². Размеры последнего были ничтожно малы по отношению к общему объему промышленного производства в стране и составили в 1924/25 г. – 6,3 %, в 1925–1927 гг. – 6,4 %, в 1927/28 г. – 7,7 %⁸³. Сбыт собственной продукции в отношении к общему обороту кооперации составлял 3–4 %⁸⁴.

В 1922–1923 гг. в условиях финансового кризиса и отсутствия стабильного снабжения товарами со стороны государства потребкооперация занималась коммерческо-предпринимательской деятельностью. Центросоюз и его сеть торговали предметами роскоши, косметическими товарами, не имея товаров массового потребления – соли, сахара, керосина, ситца, занимались перепродажей товаров на оптовом рынке⁸⁵. Поэтому цены в кооперативах в большинстве случаев были одинаковы с рыночными, а иногда превышали их. Влияние кооперации на вольный рынок было ничтожным, кооперативы были не в состоянии с ним конкурировать⁸⁶.

По мере того как потребительская кооперация утверждала свои позиции на городском и деревенском промтоварных рынках, она пыталась усилить свое влияние и на сельскохозяйственном рынке за счет расширения заготовительной работы, где оказывалась конкурентом сельскохозяйственной кооперации. Такое положение приводило к тому, что потребительская кооперация чаще всего не выпол-

няля заготовительные планы, в то время как роль сельскохозяйственной кооперации в заготовках и поставках сырья для госпромышленности росла устойчивыми темпами до конца 20-х гг.⁸⁷

С целью избежать конкуренции между кооперативными союзами в середине 20-х гг. в кооперативном движении наметилась тенденция к их объединению и самоорганизации, попытка создать свой кооперативный крут оборота. Первый опыт такого объединения – создание в июле 1924 г. в Нижнем Новгороде на губернском кооперативном съезде межкооперативного совета. Совет создавался для «согласования, направления и руководства работы всех видов кооперации, для укрепления и расширения существующей кооперативной сети, для установления правильных взаимоотношений с госорганами и другими организациями и совместного установления методов борьбы с частным капиталом, а равно и представительства интересов всей кооперации губернии в целом»⁸⁸. Образование межкооперативного совета повлекло и организационную перестройку в Нижегородском губкоме, который упразднил кооперативную комиссию, передав ее функции фракции РКП(б) в совете. С января 1925 г. губернский межкооперативный совет стал издавать свой «Бюллетень», в котором освещал вопросы работы всех видов кооперации, проблемы урегулирования кредитования, формы участия частных лиц в кооперации и др. Этот опыт заинтересовал кооператоров других губерний.

Идею согласования работы всех видов кооперации (в отличие от государственной политики разграничения ее функций) настойчиво развивал председатель Центросоюза А.М. Хинчук. Акцентируя внимание на взаимовыгодности сотрудничества, он предлагал увязать работу промысловой и потребительской кооперации на основе генеральных и местных договоров, на основе планомерного взаимного обслуживания. Это, по его мнению, давало промысловой кооперации возможность освободиться от «диктатуры» частного рынка в организации сбыта ее продукции⁸⁹.

Попытки скоординировать и увязать работу кооперативных организаций всех видов не увенчались успехом. Для этого были и чисто объективные причины, связанные со слабостью развития кустарно-промысловой и сельскохозяйственной кооперации. Но не могло не сыграть свою роль и то обстоятельство, что две указанные кооперативные системы развивались в несколько иных условиях, чем потре-

бительская кооперация, которой оказывалось значительное внимание со стороны государства.

В 1926 г. обострились взаимоотношения между Центросоюзом и Сельскохозяйственным союзом. Центросоюз продолжал «отвоевывать» свое пространство и предлагал устранить торговую конкуренцию двух союзов путем разграничения функций между потребительской и сельскохозяйственной кооперацией. Потребительской кооперации он отводил роль в удовлетворении непродовольственного спроса, т. е. в поставке товаров личного потребления, домашнего и хозяйственного обихода, и требовал от сельскохозяйственной кооперации, чтобы она прекратила торговлю этими товарами. Сельскохозяйственной кооперации отводилась роль в обслуживании и удовлетворении продовольственного спроса, в организации сбыта, первичной обработке и переработке сельскохозяйственной продукции. Центросоюз, в свою очередь, обещал прекратить выполнение функций сельскохозяйственной кооперации⁹⁰. Он пошел на сокращение сбытовых операций и продолжал вести их только на льняном и пушном рынках, объясняя, что его уход приведет к расширению работы частника, так как другие кооперативные организации не охватывают эти рынки.

Ряд местных кооперативных советов пошли по пути разграничения функций двух кооперативных систем и запретили потребительским обществам и их союзам заниматься торговлей металлоизделиями и вести заготовку сельскохозяйственного сырья и продуктов⁹¹. Данное решение соответствовало государственной политике разграничения функций между кооперативными системами⁹².

Потребкооперация стремилась к достижению монопольного положения в отдельных регионах и, достигнув его, опасалась потерять вновь. Так, в июле 1925 г. Центросоюз писал в Наркомат внутренней торговли (НКВТ) о том, что коммерческое агентство «Связь», принадлежащее Наркомпочтелю, подрывает авторитет местных кооперативных организаций. Агентство «Связь» выполняло функции почтового ведомства, которое путем рассылки образцов и приема заказов на мануфактуру и другие товары собиралось выполнять индивидуальные крестьянские заказы на эти товары по ценам более дешевым, чем кооперация. Центросоюзу не понравился характер рекламы агентства, и он стал жаловаться в НКВТ, рассчитывая на покровительство государственных органов, которое и было оказано⁹³.

Кустарно-промысловые кооперативы и артели объединялись в союзы и к середине 1920-х гг. было создано уже несколько таких союзов: Всероссийский союз промысловой кооперации (Всекопромсоюз), Всероссийский кооперативный лесной союз (Всеколес), Всероссийский промыслово-кооперативный союз охотников, Всероссийский кооперативно-промысловый союз рыбаков. Объединение кооперативов и артелей шло по принципу «вертикальной концентрации», т. е., путем кооперирования отдельных отраслей снизу⁹⁴. Темпы кооперирования кустарей были медленные.

Проведенное в 1925 г. обследование мелких предприятий и промыслов учло 1882408 производственных кустарно-ремесленных заведений с 1–2 рабочими. В 1926/27 г. уже насчитывали более 3 млн кустарей и ремесленников⁹⁵. В промысловую кооперацию к 1927 г. было объединено всего 16 % кустарей, которые вместе с государственными предприятиями кустарной промышленности производили около 20 % продукции всей кустарной промышленности⁹⁶. Эти темпы отражали процесс кооперирования, предельно возможный в условиях рыночной экономики нэпа.

Промысловая кооперация отличалась огромным многообразием видов деятельности и сложной структурой. В ее рамках действовала промыслово-кредитная кооперация, которая предоставляла ссуды кустарям, вела вклады и учитывала векселя, осуществляла сбыт продукции кустарей и ремесленников, снабжение их сырьем, организовывала предприятия и трудовые артели, кассы взаимопомощи, которыми могли воспользоваться и некооперированные кустари и ремесленники, развивала кустарно-ремесленное ученичество⁹⁷. Эта многофункциональная структура складывалась под воздействием жизненных потребностей и отвечала интересам тех, кого она объединяла и обслуживала.

Тесно связанные с рынком, кооперативные предприятия и союзы не могли избежать конкуренции и в рамках своего союза, особенно, если это касалось выгодных дел. Так возник и продолжался спор между Всеколесом и Всекопромсоюзом в связи с организацией акционерного общества по сбыту смолы за границу. Каждый из союзов доказывал свое приоритетное право на этот вид деятельности⁹⁸.

Сельскохозяйственная кооперация, при поддержке государственными кредитами смогла взять на себя выполнение сбытовых и снабженческих функций. Именно по линии сбыта сырьевой крестьянской

продукции (что было наиболее эффективным делом) она была более тесно связана с рынком. Она стала создавать определенную систему воздействия на крестьянское производство, вовлекая его в рынок. Но здесь существовала серьезная конкуренция между госзаготовителями, в основном Госторгом, и сельхозтовариществами, работающими контрагентами для Хлебопродукта и Льноторга на хлебном и сырьевом рынках. В конкурентной борьбе использовались самые ухищренные методы: от жеребьевки (кому и какой товар покупать на рынке) – до дежурства маклеров на дорогах, чтобы перенаправлять крестьян, везущих хлеб к своим приемным пунктам⁹⁹.

Организация сбытовой деятельности привела к специализации внутри Сельсосоюза. В сбыте определенного вида крестьянской продукции сельхозкооперативы объединялись в крестьянские союзы, а союзы создавали свои центры, которые защищали интересы крестьян, сбывали их продукцию не только на внутреннем, но и на внешнем рынке¹⁰⁰. Одним из таких центров был «Льноцентр», объединивший крестьян-льноводов и пеньководов, который руководил производством и пеньки и льна, заготовкой льняного сырья для промышленности¹⁰¹. К 1924 г. сложились Маслоцентр, Союзкартофель, Плодвинсоюз. По их примеру налаживали сбыт хлопка в Туркестане, овощных культур и продуктов животноводства в ряде губерний Европейской России.

Крупным кооперативным центром по сбыту животноводческой продукции был Сибирский союз маслодельных артелей, благодаря которому молочная кооперация распространялась в Вологодской, Вятской, Ярославской, Московской и других губерниях. Здесь сбыту продукции предшествовала кооперативная их переработка. Молочные артели работали с большой прибылью¹⁰². Сибирская молочная кооперация имела свои предприятия по переработке, хранению, транспортировке масла и реализации его за границей. Средства, которые накапливались, не проедались, а шли на расширение производства. Успешная сбытовая деятельность сельхозкооперации способствовала расширению производственного снабжения крестьянских хозяйств. На внутреннем и внешнем рынках закупались сельхозмашины, орудия, инвентарь, ремонтное оборудование и запчасти, оборудование для маслоперерабатывающих и винодельческих заводов, а также хорошие семена, удобрения, продуктивные породы скота. Сложилась целая система мер, оказывающих влияние на организацию

крестьянского земледельческого производства: хорошо оплачивая производство высококачественного сырья, кооперативы ориентировали крестьянские хозяйства на производство рыночных культур, чем способствовали и увеличению товарности и росту доходов крестьянских хозяйств¹⁰³. Эта политика оказывала влияние и на более быстрые темпы восстановления посевных площадей под сырьевыми культурами.

К 1927 г. сложилось и действовало десять таких специализированных центров. Об эффективности их работы свидетельствует динамика оборотов всей системы Сельскохозяйственного союза: за 1923 г. – 173 млн руб., за 1923/24 хозяйственный год – 482 млн руб., за 1924/25 – 1281 млн руб., за 1925/26 – 2133 млн руб., за 1926/27 – 3052 млн руб. Отмечается и более быстрый рост кооперативного оборота по сравнению с общим¹⁰⁴.

Темпы восстановления и развития сельскохозяйственной кооперации также были медленные. Они зависели от развития крестьянского хозяйства и политики советской власти, стремившейся подчинить ее себе. Крестьянские хозяйства, как было показано ранее, все больше, по мере своего восстановления, ориентировались на производство рыночной продукции. Рынок был стимулом и в расширении связей крестьянского хозяйства с кооперацией. Ряд документов показывает, что развитию хозяйственной самостоятельности низовых звеньев сельхозкооперации способствовало расширение товарно-денежных отношений и рыночных стимулов. Нарушение рыночных стимулов, сужение сферы товарно-денежных отношений, вело к прекращению процесса накопления в крестьянском хозяйстве, к ослаблению связей крестьянства с кооперацией, к нерентабельности работы самой кооперации¹⁰⁵.

Развитие сельскохозяйственной кооперации как независимой хозяйственной организации могло быть успешным на основе более широкого развития рыночных стимулов и постепенного капиталонакопления, что являлось медленным, а главное длительным процессом. Возможности быстрого кооперирования в 1920-е гг. были ограничены, что дает основания для понимания кооперации как организации, предназначенной лишь для тех социальных слоев и групп, которые «уже доросли до рынка» и при взаимной поддержке пытаются активно участвовать в рыночных сделках.

ОТ РАЗВИТИЯ КООПЕРАТИВНОГО ДВИЖЕНИЯ –
К ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНИЮ
КООПЕРАЦИЕЙ

Как уже отмечалось, государство с начала введения нэпа не ставило перед кооперацией задач, нацеленных на ее возрождение как самостоятельной, добровольной, хозрасчетной организации, основанной на паевых взносах и обслуживающей своих пайщиков. Роль кооперации виделась совсем иной. Государство не только не выпускало кооперацию из-под своего контроля, но и сознательно создавало механизмы зависимости кооперации от себя. В первые годы нэпа это была финансовая и товарная зависимость, которая постепенно дополнялась «зловещей системой партийного управления кооперацией». От «внедренческих» партийных кампаний первой половины 1920-х гг., когда в органах управления кооперацией оставалось еще много опытных старых кооперативных работников, к концу 1920-х гг. переходят к «кампании перетряхивания кооперативных кадров», в ходе которой осуществилось массовое замещение управленческого кооперативного аппарата. К руководству выдвигались представители бедноты, рабочие «от станка», женщины¹⁰⁶.

После ХУ съезда ВКП(б), провозгласившего курс на производственное кооперирование через развитие всех форм кооперации¹⁰⁷, все большее внимание уделялось сельскохозяйственной кооперации. Со второй половины 1920-х гг. более последовательно осуществлялся «классовый принцип» не только в управлении кооперацией, но и в распределении кредитов и других кооперативных благ, в создании преимуществ для вступления в кооперацию бедноты, в финансировании бедняцких кооперативных объединений¹⁰⁸. В 1927/28 г. снабжение орудиями и средствами производства осуществлялось таким образом, что середняки получили 42,9 % (% от общей стоимости), бедняки – 26,5 %, колхозы – 24 %, зажиточные – 6,6 %. В 1928/29 г. основная масса средств производства направлялась уже колхозам и беднякам, зажиточные не получили ничего, доля середняков уменьшилась. Курс на поддержку коллективных хозяйств вел к сокращению кредитования и бедноты. На 1 октября 1927 г. крестьяне-бедняки получили 71,8 % из фонда кредитования, а 28,2 % – коллективные

хозяйства. Но уже через год это соотношение составило: 55,5 % и 44,5 %¹⁰⁹.

По оценке Л.Е. Файна, такая политика разрушала кооперацию и лишала ее основного контингента, для обслуживания которого она создавалась и навязывала обслуживание контингента, которому она ничем не могла помочь. «Вовлечение» в кооперацию бедняцких слоев «за счет им не принадлежащих средств» и получение ими кооперативных благ «независимо от их участия в создании этих благ», неумение «эффективно их использовать в своей хозяйственной деятельности», неспособность «вернуть взятые ссуды и оплатить предоставляемые услуги, практически становились балластом кооператива, разлагающе влияющим на всю его деятельность». Крестьянские хозяйства, способные активно участвовать в работе кооперативных объединений, искусственно ограничивались в своих возможностях по причине «излишней состоятельности», хотя именно повышение состоятельности и является главным смыслом кооперативной деятельности¹¹⁰.

В феврале 1929 г. постановлением ЦИК и СНК СССР «О системе сельскохозяйственного кредита» закрепляется полное подчинение государству кредитной кооперации. Последующие бесконечные реорганизации и изменения практически лишили кредитные кооперативы возможности выполнять свои функции. Кредитная реформа 1930 г. уничтожила коммерческий кредит, привела к ликвидации кооперативных союзов, Центральный сельскохозяйственный банк был преобразован во Всесоюзный сельскохозяйственный колхозно-кооперативный банк. Очередное постановление ЦИК и СНК СССР от 5 декабря 1930 г. «приказало» кредитным товариществам с 1 января 1931 г. прекратить самостоятельную деятельность и влиться в районные филиалы Госбанка¹¹¹.

Деятельность потребительской кооперации вновь начинает приобретать распределительный характер в 1928 г. в связи с введением карточной системы снабжения городского населения. В 1929 г. СТО отменил свои постановления 1926 г., где потребительская кооперация рассматривалась как один из основных контрагентов рыночных отношений госпромышленности¹¹². Постановления 1929 г. превращали потребительскую кооперацию в инструмент плановой организации рынка и требовали от нее полной ответственности за свою работу. Во взаимоотношениях потребительской кооперации с гос-

промышленностью сохранялась практика генеральных соглашений. Они должны были полностью обеспечить работу потребительской кооперации как единой системы и плановый сбыт промышленной продукции, усиливая связь промышленности с рынком¹¹³. Было утверждено положение о несостоятельности (банкротстве) кооперативных организаций, определен порядок ведения дел, судопроизводства над ними¹¹⁴. Потребительская кооперация нужна была пролетарскому государству в качестве подсобного торгового аппарата и не могла рассчитывать на большее. Это вело к тому, что потребкооперация все более теряла качества контрагента рынка и превращалась в составную часть внерыночной государственной распределительной системы.

Во второй половине 1920-х гг. начинается борьба за включение кустарной промышленности в круг влияния государственных органов, за вытеснение частного капитала из этой сферы хозяйственной деятельности, начинается усиленное кооперирование кустарно-ремесленной промышленности¹¹⁵. Она становится составной частью народного хозяйства, ее развитие все более начинает регулироваться государством.

В ходе разработки первого пятилетнего плана кооперация охватывается жестким плановым влиянием. В «Контрольных цифрах народного хозяйства на 1928/29 год», в резолюции XVI конференции ВКП(б) «О пятилетнем плане развития народного хозяйства» уже фактически речь не шла о многоукладности экономики, складывался и утверждался отраслевой подход к развитию народного хозяйства¹¹⁶. Кооперативный сектор был отнесен к социалистическому хозяйству¹¹⁷, планировались показатели роста кооперирования для мелкой кустарной промышленности (до 53,8 %), для розничного товарооборота (до 78,9 %), для объединения крестьянских хозяйств в сельскохозяйственной кооперации (до 85 % всех хозяйств), для роста пайщиков в потребительской кооперации (16,5 млн пайщиков в городе, и 31,8 млн в деревне)¹¹⁸. Из различных историографических оценок этих плановых директив, наиболее реалистичным выглядит суждение, что «пятилетний план в области кооперирования отразил не реальные возможности развития и их научные прогнозы, а идеологические цели и политические директивы»¹¹⁹. Учитывая, что кооперация добровольное объединение, речь могла бы идти лишь о внутреннем планировании ее деятельности.

На рубеже 1920–1930-х гг. под влиянием государственной политики значительная часть кооперативных объединений прекратила свою деятельность. Сохранившиеся сумели приспособиться к новой экономической ситуации, но, по сути, утратили и те кооперативные принципы, которые в урезанном виде использовались в годы нэпа.

*
* *

Государственная политика в отношении всех видов и форм кооперации в 1920-е гг. не позволяла сформироваться самостоятельному кооперативному укладу, хотя при ином развитии событий такой шанс у кооперации, несомненно, был. Вернуться к работе на истинно кооперативных принципах кооперации не позволяли, что вело к ее хозяйственной слабости, и к финансовой и товарной зависимости от государства.

В целом же, кооперация во всем многообразии ее видов и форм оказывала слабое воздействие на развитие рыночных отношений. Наличие конкуренции между государственными, кооперативными и частными торгово-заготовительными организациями, между кооперативными союзами и внутри них, вело не к развитию и углублению рыночных отношений, а все более ориентировало кооперативные структуры на поиски помощи и защиты у государства.

Темпы кооперирования, хотя и находились в прямой зависимости от расширения рыночных отношений (что видно на примере развития промысловой и сельскохозяйственной кооперации), были медленными. Ускорение процесса кооперирования на основе расширения рыночных отношений тормозила низкая эффективность всей хозяйственно-экономической деятельности 1920-х годов.

В то же время процесс ускоренного огосударствления, начавшийся на рубеже 1920–30-х гг., не был болезненным и разрушительным лишь для потребительской кооперации, которая «вписалась» в государственную распределительную систему. Постепенно пережив свое перерождение, потребительская кооперация сумела приспособиться к условиям административно-командной системы и просуществовать до начала новой эпохи, которая открывала перед ней новые реальные перспективы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Макурова Н.Я.* Исторический очерк потребительской кооперации в СССР. 2-е изд. – М., 1925. С. 40–43; *Файн Л.Е.* Отечественная кооперация: исторический опыт. – Иваново, 1994. Гл. 1.

² *Ленин В.И.* Проект декрета о потребительских коммунах // Полн. собр. соч. Т. 35. С. 206–210.

³ *Ленин В.И.* Вариант статьи «Очередные задачи Советской власти» // Там же. Т. 36. С. 161.

⁴ Обязательное членство для всех вводилось декретом «О потребительских коммунах» от 20 марта 1919 г. (Декреты советской власти. – М., 1968. Т. 4. С. 503–507).

⁵ Декреты Советской власти. Т. 7. – М., 1974. С. 147–149.

⁶ СУ РСФСР. 1921. № 53. Ст. 322; № 61. Ст. 434.

⁷ СУ РСФСР. 1921. № 26. Ст. 150.

⁸ Подробнее см. Гл. 1 настоящей работы.

⁹ Биржевой справочник. – М., 1922. С. 119–196; Биржи и рынки. – М., 1924. С. 219.

¹⁰ Стенографический отчет IX Всероссийского съезда Советов, 23–31 декабря 1921 г. – М., 1923. С. 5.

¹¹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6896. Л. 42.

¹² *Бокарев Ю.П.* Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы. – М., 1989. С. 183.

¹³ *Файн Л.Е.* Указ соч. С. 180–182, 197–199.

¹⁴ Там же. С. 183–185; СУ РСФСР. 1921. № 26. Ст. 150.

¹⁵ Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1917–1922. – М., 1990. С. 270–316; *Файн Л.Е.* Указ. соч. С. 199–200.

¹⁶ *Файн Л.Е.* Указ соч. С. 202–203; *Бунин А.О.* Советская власть и кредитная кооперация (октябрь 1917 г. – 1924 г.). – Иваново: ИГУ, 1998. С. 110–113

¹⁷ СУ РСФСР. 1922. № 12. ст. 110.

¹⁸ СУ РСФСР. 1921. № 58. Ст. 382.

¹⁹ *Бунин А.О.* Указ. соч. С. 120.

²⁰ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 5412. Л. 42

²¹ *Рыков А.И.* Избранные произведения. – М., 1990. С. 212.

²² РГАЭ. Ф. 8151. Оп. 5. Д. 2. Л. 30.

²³ КПСС в резолюциях. 9-е изд. – М., 1984. Т. 3 С. 161–162, 167–168.

²⁴ *Лежава А.М.* Государственное регулирование торговли и биржи // Биржи и рынки.

²⁵ КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 200–202.

²⁶ Там же. С. 239, 379.

²⁷ *Дмитренко В.П.* Борьба советского государства за овладение деревенским оборотом в первые годы нэпа // Вопр. истории. 1964. № 9. С. 69; КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 201.

²⁸ *Жирмунский М.М.* Частный торговый капитал в товарообороте. – М., 1924. С. 86.

- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Новая торговая практика. – М., 1925. С. 55.
- ³¹ Синдикаты и госторговля. – М., 1923. С. 26; Синдикаты СССР в цифрах и диаграммах за 5 лет. – М., 1928. С. 59, 14–15.
- ³² Бюл. ВТС. 1923. № 28; *Сарабьянов В.Л.* Кооперация в системе советского хозяйства. – М., 1927. С. 44.
- ³³ СЗ СССР. 1929. № 45. Ст. 394.
- ³⁴ РГАСПИ. Ф 76. Оп. 2. Д. 306. Л. 84.
- ³⁵ Вестн. промысловой кооперации. 1925. № 4. С. 61–62.
- ³⁶ КПСС в резолюциях. Т. 3. С. 369.
- ³⁷ Там же. С. 370, 374.
- ³⁸ Там же. С. 371, 373, 378–379.
- ³⁹ *Рыков А.И.* Указ. соч. С. 413; Вестн. промысловой кооперации. 1925. № 5. С. 32.
- ⁴⁰ *Рыков А.И.* Указ. соч. С. 410, 413.
- ⁴¹ *Дзержинский Ф.Э.* Избранные произведения: В 2 т. 2-е изд. – М., 1967. С. 342–344. Ф.Э. Дзержинский привел данные Центросоюза о том, что кооперативный торговый аппарат разбух до 400 тыс. человек, пожирает 90 млн руб. накоплений и имеет около 20 млн хищений.
- ⁴² Там же. С. 345–346.
- ⁴³ *Сарабьянов Вл.* Указ. соч. С. 43–44.
- ⁴⁴ Вести промысловой кооперации. 1925. № 5. С. 5.
- ⁴⁵ Стенографический отчет VI собрания уполномоченных Центросоюза в апреле 1926. М., 1926. С. 38, 43, 46.
- ⁴⁶ Информационный бюл. Центросоюза. 1926. № 2. С. 3.
- ⁴⁷ XV съезд ВКП(б): Стеногр. отчет. – М., 1962. С. 921.
- ⁴⁸ *Сарабьянов Вл.* Указ. соч. С. 49.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Информационный бюл. Центросоюза. 1926. № 23. С. 5–7.
- ⁵¹ Народное хозяйство России за 1921/22 г. – М., 1923. С. 238.
- ⁵² Нэп и хозрасчет. – М., 1991. С. 64.
- ⁵³ КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 239, 378–379.
- ⁵⁴ Там же. С. 239.
- ⁵⁵ СЗ. 1926. № 59. Ст. 445.
- ⁵⁶ КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 379–380.
- ⁵⁷ Информационный бюл. Центросоюза. 1926. № 1. С. 3–7.
- ⁵⁸ Кооперативное строительство. 1926. № 1. С. 37.
- ⁵⁹ «Совершенно секретно»... Т. 2. С. 192–193; Т. 3. Ч. 1. С. 123–124, 147.
- ⁶⁰ *Данилов В.П.* Советская доколхозная деревня: Социальная структура, социальные отношения. – М., 1979. С. 211–212.
- ⁶¹ XII съезд РКП(б): Стеногр. отчет. – М., 1968. С. 311, 313–314.
- ⁶² КПСС в резолюциях. Т. 3. С. 376–378.
- ⁶³ СЗ. 1924. № 28. Ст. 238; 1925. № 25. Ст. 168.
- ⁶⁴ СЗ. 1925. № 25. Ст. 168; № 32. Ст. 212–213; № 38. Ст. 285.

- ⁶⁵ РГАЭ. Ф. 8151. Оп. 1. Д. 24. Л. 6.
- ⁶⁶ Гуляев В.А. Русские художественные промыслы 1920-х годов. – Л., 1985. Гл. III.
- ⁶⁷ Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1917–1922. – М., 1990. С. 263, 324–327; Чаянов А.В. Краткий курс кооперации. 4-е изд. – М., 1925. С. 43–64.
- ⁶⁸ Файн Л.Е. Указ. соч. С. 204.
- ⁶⁹ Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1923–1927. Документы и материалы. – М., 1991. С. 29, 54, 71.
- ⁷⁰ Файн Л.Е. Указ. соч. С. 211–212.
- ⁷¹ Индивидуально-кооперативный сектор. Перспективы развития. – М., 1989. С. 12.
- ⁷² РГАЭ. Ф. 7480. Оп. 1. Д. 1. Л. 2, 3; Бунин А.О. Советская власть и кредитная кооперация (октябрь 1917 г. – 1924 г.). – Иваново: ИГУ, 1998. С. 138–142.
- ⁷³ ГАКО. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 18. Л. 221.
- ⁷⁴ Кооперация. Страницы истории. Вып. 2. – М., 1991. С. 115.
- ⁷⁵ «Совершенно секретно»... Т. 3. Ч. 1. С. 41, 123–124, 148, 446–447.
- ⁷⁶ Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1923–1927 гг. Документы и материалы. – М., 1991. С. 100, 107, 144, 168, 300, 317.
- ⁷⁷ Там же. С. 108, 112, 171, 237, 300.
- ⁷⁸ См.: Ивницкий Н.А. От бюро коммун – до Колхозцентра // Октябрь и советское крестьянство. – М., 1977.
- ⁷⁹ Данилов В.П. Колхозное движение накануне сплошной коллективизации (1927-первая половина 1929 г.) // Исторические записки. Т. 80. С. 31, 48; Он же. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. С. 211–212.
- ⁸⁰ КПСС в резолюциях. Т. 3. С. 236, 370–373; Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1923–1927. С. 291–292, 351.
- ⁸¹ Урок дает история. – М., 1989. С. 242.
- ⁸² Народное хозяйство СССР в 1922/23 г. – М., 1923. С. 145–146.
- ⁸³ Бокарев Ю.П. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х гг. как исторический источник. – М., 1981. С. 218.
- ⁸⁴ Народное хозяйство СССР в 1922/23 г. С. 145.
- ⁸⁵ Куйбышев В.В. Задачи внутренней торговли и кооперации. – М., 1924. С. 46.
- ⁸⁶ «Совершенно секретно»... Т. 1. Ч. 1. С. 227, 288, 397, 411, 412, 422, 438, 456; Т. 1. Ч. 2 С. 782, 871; Т. 2. С. 191.
- ⁸⁷ Куйбышев В.В. Указ. соч. С. 5.
- ⁸⁸ Вестн. промысловой кооперации. 1925. № 4. С. 30–32.
- ⁸⁹ Там же. С. 8–9.
- ⁹⁰ Информационный бюл. Центросоюза. 1926. № 23. С. 5–7.
- ⁹¹ Там же. С. 8–9.
- ⁹² КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 370, 374.

⁹³ РГАЭ. Ф. 8151. Оп. 1 Д. 67. Л. 92. Агентство «Связь» было создано в сентябре 1923 г. как рекламно-издательское, а ликвидировано в мае 1927 г. «в связи с нецелесообразностью его существования» (РГАЭ. Ф. 35. Оп. 4. Д. 187. Л. 6).

⁹⁴ Этот принцип кооперирования описан А.В. Чаяновым в работе «Организация кооперативного сбыта». – М., 1918.

⁹⁵ Частный капитал в народном хозяйстве СССР. – М., 1927. С. 12, 102.

⁹⁶ Трифонов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. – М., 1978. С. 222.

⁹⁷ Индивидуально-кооперативный сектор. Перспективы развития. – М., 1989. С. 15.

⁹⁸ РГАЭ. Ф. 8151. Оп. 5. Д. 2. Л. 72.

⁹⁹ «Совершенно секретно»... Т. 3. Ч. 2. С. 564.

¹⁰⁰ По Закону о монополии внешней торговли сельскохозяйственная кооперация имела право самостоятельного выхода на внешний рынок.

¹⁰¹ Чаянов А.В. Краткий курс кооперации. С. 63.

¹⁰² Там же. С. 67–68.

¹⁰³ Там же. С. 63.

¹⁰⁴ Файн Л.Е. Указ. соч. С. 208–209; «Совершенно секретно»... Т. 1. Ч. 2. С. 880, 902, 921.

¹⁰⁵ Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1923–1927. С. 204, 211, 300, 363. И др.

¹⁰⁶ Файн Л.Е. Указ. соч. С. 215, 220–222.

¹⁰⁷ КПСС в резолюциях. Т. 4. С. 261, 285, 299.

¹⁰⁸ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. – М., 1957. С. 596–597.

¹⁰⁹ Дмитренко В.П., Морозов Л.Ф., Погудин В.И. Партия и кооперация. – М., 1978. С. 212.

¹¹⁰ Файн Л.Е. Указ. соч. С. 222, 226.

¹¹¹ Бунин А.О. Кредитная кооперация в нэповской России // Кооперация как компонент рыночных отношений: проблемы теории и истории. Вып. 1. – Иваново, 1996. С. 134–135.

¹¹² СЗ. 1929. № 04. Ст. 605.

¹¹³ Там же. № 5 45. Ст. 394.

¹¹⁴ Там же. № 11. Ст. 99, 101.

¹¹⁵ XV съезд ВКП(б). Стен. отчет. – М., 1962. Т. 2. С. 1441–1454, 1454–1468; СЗ. 1927. № 23. Ст. 256.

¹¹⁶ КПСС в резолюциях. Т. 4. С. 368–383, 449–454.

¹¹⁷ Вероятно, в силу этого, исследователи российской многоукладности не выделяют и не анализируют кооперацию как отдельную хозяйственную структуру, а рассматривают ее в рамках государственного уклада. См. например: Сычев Н.В. Диалектика многоукладной экономики. – М., 1999. С. 237–240.

¹¹⁸ КПСС в резолюциях. Т. 4. С. 451.

¹¹⁹ Файн Л.Е. Указ. соч. С. 237.

Глава 5

ЧАСТНОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ФОРМЫ

ВВЕДЕНИЕ НЭПА И ЧАСТНЫЙ СЕКТОР

Изменение экономической политики в 1921 г. способствовало расширению сферы частного рынка, легализации «черного» рынка и частного капитала. Товарно-денежные отношения, допущенные вначале в рамках местного хозяйственного оборота, оживили местные рынки и укрепили так называемый «малый круг оборота», ограниченный зоной влияния малого города, где развивались как непосредственные связи крестьянского хозяйства с кустарным и мелким промышленным производством, так и с участием частного посредника.

Быстрое развитие сферы обращения давало импульс накоплению капитала и вело к поиску сфер наиболее эффективного его вложения. Процесс восстановления и накопления частного капитала был связан с наличием у частника хозяйственного опыта, с его умением использовать рыночную конъюнктуру. По мнению исследователей 1920-х гг., нэпманы обладали особой психологией, выделялись своими способами ведения дел, манерами поведения¹. Основным источником доходов частного предпринимателя стало торговое посредничество, а также стремление развивать собственное производство и сбывать свою продукцию на рынке. Сам термин «частный капитал» при переходе к нэпу приобретал скорее собирательный характер, так как ряды частных торговцев пополнялись частными арендаторами, концессионерами, новыми торговцами, поставщиками, комиссионерами и т. п. Все перечисленные здесь категории граждан относили к разряду городской нэпманской буржуазии. К ним же примыкали мелкие товаропроизводители, кустари, ремесленники. В официальных государственных источниках также упоминаются нэпманы

и нэпачи, прасолы и барышники, как различные типы частных торговцев и предпринимателей². Общее число нэпманов в 1920-е годы не на много, но все же увеличивалось: в 1924/1925 г. их было 3 030 тыс., в 1925/1926 г. – 3 304 тыс., в 1926/1927 г. – 3 211 тыс. человек³. По мнению современных исследователей к категории «нэпманской буржуазии», о которой говорило тогда советское правительство, можно отнести лишь группу владельцев крупных зарегистрированных предприятий, крупных торговцев, использующих наемный труд, комиссионеров, рантье и спекулянтов. Их доля в общем числе нэпманов составляла соответственно по указанным годам: 2,8 %; 3,3 %; 3,3 %. Т. е. более 95 % нэпманов не были буржуазией в истинном смысле этого понятия⁴.

Советская реальность породила свои специфические группы, примыкавшие к частникам, чаще всего формирующиеся из коммунистов: «красных купцов» («краскупов»), «советских буржуев» («совбуров»). Привычным явлением нэпа было стремление партийных, советских и других «ответственных работников» создать себе «подсобные предприятия», либо взять их в аренду, которые часто оформлялись на родственников⁵.

Были и такие, кто стал нэпманом по велению самой советской власти, которым государственные органы поручили в частном порядке наладить выпуск полезной для экономики страны продукции. Московские исследователи рассказывают, как одним из таких «предпринимателей поневоле» оказался бывший слесарь Д.И. Мажуга. В период топливного кризиса 1921 года он предложил экономичный котел собственной конструкции. Внедрения своего предложения на государственном уровне не нашел, но в 1922 году получил от Совнаркома 5 млн советских рублей на организацию самостоятельного производства котла. Производство было налажено. На котел системы Мажуга к концу 1920-х гг. были получены советский, английский и американский патенты. Фирма успешно работала и имела преимущество перед государственным промышленным предприятием: заказчиками фирмы стали Москвострой и жилищно-строительные кооперативы⁶.

Среди частных предпринимателей были люди с богатым предпринимательским опытом (бывшие промышленники и крупные торговцы), которые воспринимали нэп, особенно в начале его введения, как слабость советской власти, ожидая ее крушения и восстано-

ния частной собственности. Включаясь в различные мероприятия советской власти (в 1921 г. – помощь голодающим), они стремились получить средства от государства и, пуская их в оборот, занимались собственным обогащением, скупая недвижимость и предметы роскоши⁷. Наиболее частым явлением было, когда должностные лица, в целях личного обогащения, злоупотребляли своим служебным положением и вступали на путь систематического взяточничества⁸. Но были и такие, кого заниматься частной торговлей или производством вынуждали обстоятельства и отсутствие других источников к существованию.

Исследователи 1920-х гг. все частное торгово-промышленное предпринимательство разделяли на капиталистическое, основанное на эксплуатации наемного труда; и на трудовое, основанное на труде кустаря, ремесленника, мелкого торговца⁹.

В промышленности частный сектор был представлен ценовыми, мелкими и кустарно-ремесленными предприятиями, которые занимались производством предметов потребления на рынок. Частный предприниматель стремился вкладывать средства в производство дефицитных товаров, где еще не утвердилась госпромышленность. Это касалось, прежде всего, отраслей легкой и пищевой промышленности: швейной, обувной, кожевенной, маслособойной, мукомольной и ряда других. Здесь частный предприниматель сталкивался с меньшей конкуренцией и имел более высокую прибыль¹⁰.

Производство и сбыт продукции на рынке были для частной промышленности основным источником доходов. Поэтому частный производитель не мог не учитывать спрос, конъюнктуру и другие факторы рыночной экономики. Занимаясь производством товаров широкого потребления и переработкой сельскохозяйственной продукции, частный производитель выполнял важные народнохозяйственные функции, насыщая рынок товарами и удовлетворяя потребительский спрос.

Рост частного производства (при отсутствии точных данных) отмечался до середины 1920-х гг., но он был достаточно слабым, что объяснялось общим уровнем развития народного хозяйства. По подсчетам исследователя 1920-х гг. Ю. Ларина, частная продукция во всем товарном производстве страны в 1925/26 г. составляла 24 % (продукция капиталистического производства – 13 %, трудового – 11 %), а частная продукция на широком рынке – 32 % (продукция

капиталистического производства – 17 %, трудового – 15 %) ¹¹. Долю частного капиталистического производства во всем промышленном капитале СССР на начало октября 1925 г. Ю. Ларин определял в 5 %, а долю частного трудового производства в 6 % ¹². Отмечался и относительный рост доли капиталистического хозяйства внутри частного после 1925 г. Рост частного трудового производства составлял 5,9 % в октябре 1925 г., 5,8 % – в июне 1927 г., а рост капиталистического промышленного капитала в этих же временных границах – 5,1 % и 5,6 %. Во всем объеме частного промышленного производства доли капиталистического и трудового производств были примерно равны ¹³.

Современные исследователи частного сектора пришли к выводу, что «значительной и устойчивой группы представителей частного капитала (речь идет о наличии крупных капиталов) не сложилось. Основной фигурой частного сектора на всем протяжении 1920-х гг. был мелкий предприниматель». И капиталистически организованное и трудовое производство по своим размерам больше подходило под разряд мелкого. Именно на его долю к середине 20-х гг. приходилось до 87 % промышленного производства и 75 % торговых оборотов всего частного сектора ¹⁴.

Наиболее прочные позиции частник стремился занять в торговле, так как хорошо понимал, что более доходной, чем производственная сфера является сфера торговли. Эта группа нэпманов была преобладающей. В 1922–23 г. частный торговый капитал контролировал более 80 % всей розничной торговли, около 50 % оптово-розничной, 100 % крестьянского кредита, 100 % деревенской торговли, оставался монополистом-посредником в «малом круге оборота» между кустарной и местной промышленностью и крестьянским хозяйством ¹⁵.

В 1921–1922 гг. государство расширяло сферу частной торговли, снимая монополию на торговлю промышленными изделиями, на закупку сырья. Весной 1922 г. ассортимент товаров частного рынка практически не отличался от государственной и кооперативной торговли ¹⁶. Частный капитал активно осваивал рыночные ниши нэповской экономики. В его руках оказались посреднические функции и в организации «смычки» и в малом круге оборота, где он успешно занимался закупками сырья и сбытом товаров, значительная доля в розничной торговле, а также расширение сферы деятельности в оптово-розничной и оптовой торговле.

Пожалуй, единственным хозяйственным институтом, который обеспечивал взаимодействие частного сектора с другими секторами

народного хозяйства, были товарные биржи. С началом их восстановления частник не был допущен к биржевой торговле и его вовлечение в биржевой оборот начнется только с января 1922 г., когда частные предприниматели станут контрагентами биржевой торговли и получат возможность покупать и продавать на бирже. Уже в первом квартале 1923 г. четвертая часть членов Московской товарной биржи была представлена ими¹⁷.

Частная торговля была на втором месте после государственных органов по сумме сделок: на долю государственных органов приходилось до 80 % сделок, на долю частника – 12 %, на долю кооперации – 7 %, смешанных акционерных обществ – 1 %¹⁸. Интерес частника к биржевой торговле постоянно рос. Он становился активным участником биржевых собраний, при ряде бирж создавались секции частной торговли, через которые устанавливались связи с комитетами рыночной торговли, объединявшими розничного частного торговца¹⁹. Так складывалась структура снабжения мелкой частной розницы через биржи. Однако серьезные ограничения развитию такого механизма создавало законодательство о трестах 1923 г. Тресты, работающие на рынок, лишались свободы в выборе форм оптовой торговли и контрагентов. Всем им предписывалось быть членами бирж и в первую очередь продавать свою продукцию госорганам, потом кооперации и лишь потом частнику²⁰.

Введение нэпа заметно оживило деятельность частника. Частная торговля формировала «физиономию» нэповского рынка. Однако государство с самого начала ограничивало частную коммерческо-предпринимательскую деятельность, усматривая в ней социальную и экономическую опасность.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА

Принципы политики в отношении частного капитала были сформулированы В.И. Лениным²¹, считавшим, что «пролетарское государство, не изменяя своей сущности, может допускать свободу торговли и развитие капитализма лишь до известной меры и только при условии государственного регулирования (надзора, контроля, определе-

ния форм, порядка и т. п.) частной торговли и частнохозяйственного капитализма»²². Они хорошо известны и нашли выражение в ограничении сферы частного предпринимательства, в классовом подходе к налогообложению, в предоставлении кредитов, в регулировании цен, в высоких транспортных тарифах, в трудовом законодательстве.

Государство видело роль и значение частного капитала в дополнении своей работы по насыщению потребительского рынка изделиями широкого потребления и по обеспечению «смычки» города и деревни. Частный торговец был заинтересован в стабильном источнике товаров, которым для него могла стать госпромышленность, при наличии государственной монополии внешней торговли. Такое совпадение интересов частника и государства создавало основу для восстановления единого рыночного пространства страны и открывало возможности для его государственного регулирования, однако власть к этому вовсе не стремилась. Определенное место в восстановительном процессе отводилось частному торгово-промышленному предпринимательству, концессиям, обществам со смешанным капиталом. Но суть политики в отношении этих хозяйственных форм сводилась к частичному допущению, ограничению и вытеснению их из реальной экономики. Предполагалось, что в процессе этого сотрудничества, большевики овладеют опытом торговать и хозяйничать по капиталистически.

Вовлекая частного торговца в общий народно-хозяйственный оборот, государство с самого начала нэпа ограничивало его коммерческую деятельность. Законодательство не обеспечивало равенства интересов частника с государственными и кооперативными предприятиями в суде. Частная аренда помещений, договора поставок и подряда для частников стоили дороже и допускались лишь на коммерческой основе. Представителям частного капитала запрещались инвестиции в госпромышленность, а государственные предприятия при реализации своей продукции должны были отдавать предпочтение госорганам и кооперации, а только в последнюю очередь обслуживать частных торговцев. С ноября 1922 г. с введением подоходно-поимущественного налога начинается дифференциация обложения частного предпринимателя²³.

В январе 1923 г., выступая на 1 Всероссийском съезде представителей биржевой торговли, А.И. Рыков, признавая, что торговля тоже есть специальность, отмечал как недостаток работы частной торгов-

ли ее стремление к посредничеству между госорганами и игру на разнице цен и курсе рубля. Определяя в качестве важнейшей государственной задачи «вытолкнуть возможно большую массу частного посреднического капитала, который стремился свить гнездо в щелях и брешах между нашими промышленными производственными органами», он отводил для частника роль организации и развития рынка в плане его территориального расширения, а для биржевых комитетов – обязательную регистрацию всех биржевых и внебиржевых сделок²⁴.

Планомерное вытеснение частника из торговли начиналось путем расширения розничной торговой сети государства и кооперации в городе. Уходя из городской розницы, частный торговец увеличивал свои обороты в деревне и стремился проникнуть в оптовую торговлю, где превращался в конкурента госторговли. Частный оптовик захватывал рынки наиболее ходовых товаров (рынок мануфактуры, рынок пищевых продуктов, например, мясной рынок в Москве²⁵), которые государство не желало отдавать в руки частника, считая, что в государственных монопольных отраслях производства, например, в текстильной, частной торговле делать нечего²⁶. Кроме этого отмечалась большая разница между оптовой и розничной ценами в частной торговле, а также разница розничных цен в государственной и частной торговле. До середины 1920-х гг. розничные цены частного сектора были на 5–10 % по сельхозпродукции и на 15–20 % по промышленным товарам выше, чем в госсекторе²⁷. Частный оптовик проявил инициативу и в условиях кризиса сбыта 1923 г. Получая товарные кредиты от синдикатов (в частности текстильного), а при наличии денег скупая товары, он стал давать краткосрочные товарные кредиты частному розничнику. Эта зависимость вела к росту цен, в то время, когда государство пыталось преодолеть кризис сбыта путем их снижения. На основании этого факта делался вполне справедливый вывод о том, что частный торговец развивает свои обороты за счет госпромышленности и госторговли²⁸.

XIII партконференция (январь 1924 г.) приняла решения, согласно которым партия не отказывалась от использования частного капитала в сфере обращения, но ставилась задача поставить предел его росту за счет расширения кооперативной сети и продолжения борьбы за овладение крестьянским рынком²⁹. На практике это привело к тому, что госпромышленность резко ограничила обслуживание частных

торговцев и обслуживаемые ими целые сельскохозяйственные районы остались без товаров. Удельный вес частного в обороте трестов снизился с 14,7 % до 2,1 %, а его доля в снабжении розничного рынка сократилась вдвое³⁰.

В таких условиях частные торговцы искали нелегальные пути снабжения: шли на подкуп должностных лиц в госорганах и кооперативных союзах, чтобы получить возможность перекупки товаров, скупали товары в государственной и кооперативной рознице, развивали мелкооптовую торговлю, повышали розничные цены, чтобы сохранить свои доходы и свою занятость. К тому же они были обеспокоены вытеснением из общегосударственного оборота своих финансовых средств, гарантированные возможности инвестирования которых были крайне ограничены. Частные банки отсутствовали, общества взаимного кредита были слабы. Иных возможностей кроме постоянного участия в обороте не было, поэтому частник пытался укрепить свои позиции в «малом круге оборота». Вытесненный из торговли частный капитал в условиях товарного голода вкладывался в организацию кустарной промышленности, путем предоставления кредитов кустарю, оказания помощи в расширении производства за счет развития раздаточных контор, создания «трудовых артелей», «лжекооперативов» и др.³¹, хотя это и вело к распылению и размельчанию капиталов.

Различные наркоматы и ведомства пытались установить размеры частного капитала, изучали состояние частной торговли в городе и деревне, соответствие налогообложения доходам и другие вопросы. Наркомфин разработал обширную программу обследования для выяснения вопроса о влиянии налогового обложения на развитие частной торговли³².

Уже в конце 1924 г. наступление на частный капитал было признано экономически неподготовленным и практически необоснованным. На государственном уровне стали говорить о его позитивной роли в торговле и даже в промышленности, обсуждали возможности вовлечения средств частного в торговлю и даже в промышленность³³. Было признано объективно необходимым существование частной розницы, ставилась задача регулирования частной розницы путем захвата товарного кредитования розницы в руки государства³⁴, а также через обобществление частной торговли путем создания рыночных комитетов, акционерных обществ «Розничник», кото-

рые государство брало на плановое снабжение, параллельно развивая торговую сеть кооперации «Ларек»³⁵.

Вероятно, опасаясь объединения кустарничества с частным капиталом, о чем предупреждал Л.Д. Троцкий на ХП съезде партии, а также рассчитывая на частичное решение товарной проблемы, государство в начале 1925 г. обращает внимание на кустаря. Весной и летом 1925 г. принимается ряд декретов, обеспечивающих льготы по промысловому, подоходному и местному налогообложению городским и деревенским кустарям и ремесленникам³⁶.

Сокращению налогообложения в отношении кустаря и ремесленника предшествовал рост налогообложения частника. К середине 1925 г. кроме более высоких налогов, частник платил высокую арендную и квартирную плату, самый высокий процент отчислений в фонд социального страхования (16 %). Арендные договора были краткосрочными и постоянно пересматривались, часы торговли сокращались, праздничная и вечерняя торговля то разрешалась, то запрещалась³⁷. Обследование частного товарного и денежного рынка в Ленинграде в середине 1925 г. привело исследователей к выводу, что рассуждения о частных капиталах, еще не втянутых в оборот из-за неизвестности того, что их ждет, о сокрытии размеров частного оборота и размеров накопления, вряд ли соответствует действительности. Скорее склонялись к выводу, что предположения о чрезмерной прибыли частника следует отбросить, учитывая переобремененность частного торговца и предпринимателя платежами и налогами³⁸. Наличие свободных капиталов в частном секторе подтверждалось лишь ходом быстрой подписки и размерами ее у частных лиц на пятипроцентный внутренний заем³⁹, доверие к которому, вероятно у частника было не очень большое. Это, скорее всего и были средства, вытолкнутые из оборота.

Стабильной политики в отношении использования возможностей частного капитала в решении восстановительных задач у государства не было, она была неустойчивой, часто менялась, всячески стремилась ограничить коммерческую деятельность частника. Госпромышленность то сокращала объемы поставок для частной торговли (с 14,7 % в 1923/24 г. — до 2,1 % в 1924/25 г.), то вновь увеличивала поставки (до 15,8 % во втором полугодии 1924/25 г.), то вновь сокращала их, расширяя поставки товаров кооперации⁴⁰. В связи с этим то увеличивалось, то сокращалось кредитование частной тор-

говли. Велась борьба с частником на хлебном рынке. С началом регулирования сырьевого рынка частник вытеснялся и из сферы заготовок сырья.

Понимание ошибочности политики 1924 г., которая ориентировала на ускоренное вытеснение частного капитала из торговли, но привела лишь к разрушению установившихся хозяйственных связей, повлекло изменение политики в отношении частного капитала. СТО в феврале 1925 г. поручил ВСНХ и НКВТ разработать конкретные меры в этом направлении. Параллельно продолжалось изучение роли частника в городском и деревенском обороте, выявлялись причины, мешающие дальнейшему развитию частной торговли (высокие налоги, недостаток кредитов), взаимоотношения кооперации и частной торговли⁴¹.

ВСНХ получил ряд предложений о вовлечении частного капитала в народное хозяйство страны. Так, участник биржевого комитета Московской товарной биржи А.И. Синелобов подготовил и направил Э. Квирингу доклад о частном капитале в промышленности, где писал, что для вовлечения частного капитала в промышленность требуется определенная, вполне выясненная и законченная политика правительства в отношении частного капитала и гарантированное правовое положение частного промышленника. В этой связи он предлагал поставить частного предпринимателя в равные условия с государственными предприятиями, ввести плановое и рациональное снабжение их сырьем, предоставлять долгосрочные ссуды⁴².

С началом «новой торговой политики» во второй половине 1925 г. были сняты ограничения предпринимательской деятельности, увеличено кредитование частной торговли и промышленности, вновь расширены связи частного сектора с государственной промышленностью, частные торговцы-оптовики вновь начали укреплять свои позиции на рынке сельскохозяйственного сырья и кустарных изделий. «Новая торговая практика» оказала благоприятное воздействие на народное хозяйство страны: за счет расширения частной торговой сети розничные цены снижались и в частной торговле. Объединения базарных розничников государство продолжало снабжать промтоварами на условии, что они будут увязывать свою работу с требованиями государственного регулирования цен⁴³. Увеличивалось государственное кредитование частного предпринимательства через рыночные комитеты, через общества взаимного кредита.

В современной литературе утвердилось мнение, что рубежом в отношении государства к частному капиталу стала XV партийная конференция, прошедшая в конце октября – начале ноября 1926 г., после которой и началась активная борьба с ним⁴⁴. В резолюции о хозяйственном положении в стране отмечалось «пестрое сочетание в народном хозяйстве различных социально-экономических укладов» и некоторые успехи, достигнутые в государственном регулировании частного капитала, к которым относили экономическое регулирование на транспорте, снабжение промпродукцией лишь на строго определенных условиях, отведение частному капиталу строго ограниченных областей деятельности. Одновременно подчеркивалась явная недостаточность работы в учете размеров частного капитала, что порождало преувеличенные исчисления частнокапиталистического накопления в отдельных отраслях хозяйства и затрудняло реализацию прогрессивно-подходящего налогообложения. Гибкость и мобильность частника (быстрый переход из одной сферы деятельности в другую, из одной отрасли народного хозяйства в другую) позволяли некоторым группам уклоняться от налогообложения вообще. В качестве первостепенных задач в отношении частного капитала назывался тщательный контроль за его деятельностью в кустарной промышленности «в целях борьбы с эксплуатацией им кустаря и ремесленника», учет и регламентация его деятельности в конкретных отраслях народного хозяйства⁴⁵.

РЫНОЧНЫЕ ИНТЕРЕСЫ ЧАСТНОГО СЕКТОРА

В литературе 1920-х гг. неоднократно отмечались такие качества частной торговли, как ее гибкость и предприимчивость, умение прекрасно ориентироваться в рыночной конъюнктуре, выявлять скрытый спрос покупателя и удовлетворять его; более низкие, чем в госторговле и кооперации накладные расходы, стремление и умение частника постоянно держать свои капиталы в обороте⁴⁶. Частные торговцы были более выгодными партнерами и посредниками для государственной промышленности, поскольку никогда не пользовались такими льготами как кооперация, а чаще предварительно оплачивали товар.

Исследователей частного капитала в середине 1920-х гг. уже интересовал вопрос не о размерах частного торгового капитала (Жирмунский, Кутлер, Ларин, Мингулин, Струмилин исчисляли его размеры в 1924/25 г. в объеме от 546 до 656 млн рублей⁴⁷), и даже не о размерах его накопления (эти же исследователи определяли норму прибыли в 1925/26 г. в 32–38 % на капитал 1924/25 г.⁴⁸), а о том, в какой степени накопление частной торговли в 1925/26 г. шло за счет нормального использования рынка и в какой степени сверхприбыль делается за счет использования рыночной конъюнктуры? Эти же исследователи делали вывод, что почти половина накопления частного капитала в 1925/26 г. – это «сверхприбыль, которая имеет в своей основе хищническое использование выгодной конъюнктуры 1925/26 г.»⁴⁹.

В то же время, в условиях товарного голода и неудовлетворенного спроса, часть населения готова была переплатить частным торговцам за необходимый товар, создавая возможности высоких доходов в этом секторе хозяйства. Отсюда доходы частных торговцев, которые были значительно выше, чем у других категорий частных предпринимателей. По данным Комиссии СНК индивидуальные торговцы имели доход на 79 % выше, чем кустари-одиночки. Торговцы, которые использовали наемный труд, получали прибыль в 2,8 раза выше, чем кустари, использующие наемный труд. За 1924/25–1926/27 гг. прибыль владельцев торговых заведений низких разрядов возросла более чем на 50 %, а у мелких производителей и кустарей лишь на 20–30 %⁵⁰.

Не имея правовых гарантий, но, имея стабильные хозяйственные связи в рыночной экономике нэпа, которые устанавливались на основе личных контактов, частный торговец усиливал спекулятивные тенденции каждый раз, когда рыночная конъюнктура оказывалась для него благоприятной. Из-за последующего роста цен в частной торговле это всегда было на виду и вызывало соответствующее отношение к частному торговцу, как к спекулянту и врагу, как со стороны значительной части населения, у которой не было денег, так и со стороны государственных органов.

В условиях «новой торговой политики» 1925 г. частный скупщик активно участвовал в хлебозаготовках, скупая до 70–75 % привозимого зерна на некоторых рынках и предлагая цену за него на 5–10 коп. выше государственных и кооперативных хлебозаготовителей. Усиление частного капитала вытесняло в ряде районов (Центр, Поволжье,

Сибирь, Урал) госзаготовителей, усиливало конкуренцию, вело к росту заготовительных цен, и к росту удельного веса частника на хлебном рынке⁵¹. Другой характерной для частного торговца формой деятельности было стремление заработать на бестоварье госторговли и кооперации. Насыщенность рынка мануфактурными товарами определялась от 10 до 30 % по их различным видам, а некоторые товары (железо-скобяные изделия, кровельное железо, резиновые галоши, оконное стекло, гвозди и др.) почти отсутствовали на рынке. В этих условиях частные торговцы придерживали некоторые ходовые товары и когда их запасы иссякали в госторговле и кооперации, частники «выбрасывали» товар на рынок по повышенным ценам (на 30 % о более, а при случае – на 100–200 %). Для получения товаров использовались подкуп должностных лиц, личные связи и контакты⁵².

Частные торговцы, так же как и другие социальные группы, испытывали потребность в объединении для защиты своих интересов. Движение среди торговцев за «создание своей организации во все-союзном масштабе» отмечалось летом и осенью 1925 г. Согласно политического обзора за сентябрь, эта идея шла из Сибири, «где рыночным комитетом г. Красноярска были разосланы 33-м рыночным комитетам Союза запросы о желательности созыва сибирского и всесоюзного съезда частных торговцев». В подготовленных к съезду тезисах были изложены экономические и политические положения. Объединения торговцев были намерены добиваться от государства корректив в налоговой политике и в организации торговой деятельности. Речь шла об изменении существующего «кабинетного способа» определения прибыльности торговли, о включении компетентных лиц от торговцев в комиссию по определению доходов, о допущении частника к оптовой торговле, о предоставлении частному капиталу лицензий на ввоз заграничных товаров. В ряду политических были требования: дать торговцам одинаковые с другими гражданами права (избирать и быть избранными), дать детям торговцев право учиться в низшей и высшей школе наравне с другими, приравнять рыночные комитеты в правах к госорганизациям, дать торговцам право съездов и собраний, приравнять артели частных торговцев к кооперативным организациям, изменить некоторые пункты действующих законов⁵³.

Представитель Красноярского комитета, командированный в Москву для решения вопроса о созыве съезда, не добился результатов,

и Красноярский комитет уполномочил для дальнейшего ведения переговоров с властью Сухаревский рыночный комитет в Москве, «как самый мощный и авторитетный».

Стремление изворотливых предпринимателей разбогатеть любыми средствами, попытки сделать большое состояние, как правило, были связаны с различными видами и формами воровства. В первые годы нэпа наряду с расширением сферы частной торговли, с восстановлением мелкого частного производства, широкий размах приобрели хищения государственного имущества, аферы и подлоги, подкуп и коррупция государственных служащих⁵⁴. Поэтому и переход к нэпу, и весь нэп сопровождался обысками и арестами, судебными процессами и даже казнями за взяточничество нэпманов и трестманов. Эмигрантская литература эмоционально описывала подобные акции⁵⁵. Несмотря на энергичную борьбу с хозяйственными и должностными преступлениями, число их ни количественно, ни качественно не уменьшалось, отмечали к концу 1922 г. в ВЧК⁵⁶. В середине 1920-х гг. среди крупных нэпманов не было ни одного, не привлекавшегося к уголовной ответственности⁵⁷.

Достигнув к середине 1920-х гг. своего максимального развития, частное предпринимательство под влиянием политики ограничения его доходов шло к количественному сокращению частных предприятий, к сокращению торговых оборотов, к распылению своих капиталов, к разорению. Налоговая реформа 1926 г., имея ввиду сверхприбыль частника, еще более увеличивала налоги на частную промышленность и торговлю, снизив их долю накопления в чистом доходе с 28,9 % до 13,1 %. Такая налоговая политика вела к разорению частных предпринимателей, что признавала и специальная комиссия по изучению частного сектора народного хозяйства под руководством С. Орджоникидзе. В своих отчетах она отметила, что «налоговый пресс на частный капитал доведен до предела, дальше которого лежит невозможность хозяйственной деятельности»⁵⁸.

Тенденция к созданию замкнутого частнокапиталистического хозяйства, на уровне кустарной промышленности и местных рынков, по возможности нерегулируемого государством, которая проявлялась всякий раз, когда государство вытесняло частника из общегосударственного оборота, вновь проявилась в 1926 г. На уровне «малого круга оборота» к середине 1920-х гг. оседало от 45 до 70 % кожевеного сырья, которое возвращалось к деревенскому покупателю уже

готовой продукцией⁵⁹. В 1926 г. кустари и мелкие частные мастерские производили свыше 75 % всей обуви в стране. Кустари занимали господствующее положение не только в кожевенной, в обувной отраслях, но и в меховом, овчинно-шубном и других производствах. Но так как сырьевая проблема не была решена для госпромышленности, государство «регулировало» сырьевой рынок, фактически вытесняя и разоряя эти успешно функционирующие производства.

Любые попытки предпринимателей города или деревни объединить кустарей и даже обеспечить их машинами воспринимались и квалифицировались органами власти, как эксплуатация кустарей и как борьба против промысловых объединений, которые государство стремилось держать под своим контролем⁶⁰.

В середине 1920-х гг. получило поддержку государства развитие домашнего ткачества, что способствовало оттоку части сырья из мануфактурного производства в то время, когда сырьевая проблема была остра и для государственной промышленности. Регулирование сырьевого рынка и вытеснение частного изготовителя вело к разорению соответствующих частных отраслей: кожевенной, обувной, льняной и других. Доходы частного сектора с середины 1920-х гг. снизились, а материальное положение частника заметно ухудшилось. Рост заработной платы рабочих и служащих государственного сектора почти в два раза стал превышать доходы кустарей⁶¹.

Устойчивой основы для развития частной промышленности не было, поэтому ее производство постоянно сокращалось, достигнув ничтожно малой величины в 1927/28 г.: 0,8 % общего объема производства⁶². С 1927 г. началось кооперирование кустарной промышленности на условиях достаточно выгодных для кустарей: планового снабжения сырьем, государственных заказов на продукцию, изучения зарубежных рынков и увеличения экспорта, предоставления ряда налоговых и кредитных льгот⁶³.

Основы усилившегося внутри частного сектора капиталистического производства подрывались свертыванием с 1928 г. концессий, расторжением арендных договоров, передачей ряда частных промышленных предприятий в ведение ВСНХ⁶⁴. Шло выявление и ликвидация лжекооперативов, лжеартелей, раздаточных контор и других замаскированных и скрытых форм капиталистически организованного производства в кустарно-промысловой промышленности⁶⁵.

В конце 1920-х гг., когда рыночное равновесие между промышленностью и сельским хозяйством было разрушено, когда рыночное распределение продовольствия, сырья и товаров заменялось плановым, отпала необходимость в частном посредничестве. В конце 1927 г. было запрещено снабжение частных торговцев товарами и кредитами. Попутно ликвидировались и хозяйственные органы, которые обеспечивали взаимосвязь государственного и частного сектора. В 1927 г. из 70 бирж остались только 14⁶⁶, закрывались общества взаимного кредита. Разорившиеся частные предприниматели и торговцы устраивались на государственные и кооперативные промышленные и торговые предприятия. Те, у кого оставался еще какой-то капитал, уходили в сферу «черного» рынка, становились основой теневой экономики.

На июльском Пленуме 1928 г. в докладе А.И. Микояна речь шла об арестах частных кожевников, но не было упомянуто об арестах частных хлеботорговцев, в то время, как вытеснение частной торговли привело к полной дезорганизации системы снабжения в городе (за этим последовало введение карточной системы) и разрушению системы закупок хлеба и системы товарооборота в деревне. Хотя А.И. Микоян и признавал, что государство не всегда соразмеряет вытеснение частника со своими финансовыми и организационными возможностями⁶⁷, но уже к апрелю 1928 г органами ОГПУ было арестовано 6542 частника, среди которых – 1780 кожевников, 3971 – хлебники, и другие⁶⁸.

Далее следовало бы написать о тех, кто сумел выжить в тех суровых условиях. Но информация об этих людях крайне скудна. Уже в перестроечные годы довелось ремонтировать часы в одной частной мастерской в центре Москвы. Ее владелец рассказывал о том, что со времен нэпа всю жизнь оставался частником и сумел выжить в условиях новой власти, чем очень гордился. Сразу его рассказ я не записала, а когда пришла еще раз, его уже не было. Символично уже то, что дожил до перестройки.

Методы контроля, ограничения и вытеснения частного торгово-промышленного предпринимательства, положение рабочих частных предприятий, формы эксплуатации и характер классовой борьбы, процесс огосударствления мелкой промышленности и торговли достаточно подробно были изучены еще в советской историографии⁶⁹. Современная историография, отдавая дань уважения частным пред-

принимателям, акцентирует внимание на выявлении эффективности частных хозяйственных форм, их потенциала и роли в экономике страны в годы нэпа⁷⁰.

*
* *

Влияние частного предпринимательства на развитие народного хозяйства страны в 1920-е годы рассматривалось лишь в одном ракурсе: частный сектор в условиях товарного хозяйства и рынка опасен для построения социализма, так как мелкое частное производство неизбежно рождает капитализм и эксплуатацию. Поэтому государственная политика была направлена на ограничение доходов, вытеснение и ликвидацию частной промышленности и торговли. Иные подходы к частному торгово-промышленному предпринимательству политиками не обсуждались. Нестабильная политика в отношении частного капитала вела к обособлению частного рынка, к его замыканию в рамках «малого круга оборота», а, следовательно, к расслоению единого рыночного пространства.

Практика нэпа показывает, что капиталистическое предпринимательство, стремление к получению сверхприбыли почти всегда сопровождалось нарушением законности, уголовными и хозяйственными преступлениями, с которыми государство вело активную борьбу. Более высокая доходность частной торговли, в том числе и мелко-розничной, объясняется умелым использованием хозяйственных трудностей и рыночной конъюнктуры. В то же время предпринимательство, основанное на личном труде, не только не приносило сверхприбылей, но отличалось крайне медленным накоплением капитала. Этими обстоятельствами объясняется то, что в годы нэпа не сложились устойчивые группы предпринимателей. А в массовом сознании сознательно формировался негативный образ нэпмана, буржуя, предпринимателя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Ларин Ю.* Частный капитал в СССР. – М.–Л., 1927. С. 437, 443 и др.

² «Совершенно секретно»... Т. 3. Ч. 2. С 535–536, 608, 803.

³ Кондурушкин И.С. Частный капитал перед советским судом. Пути и методы накопления по судебным и ревизионным делам 1918–1926 гг. – М.–Л.: Госиздат, 1927. С. 50.

⁴ Там же. А также: Эньюань У. Нэпманы, их характеристика и роль // Отечественная история. 2001. № 5. С. 84.

⁵ Кондурушкин И.С. Частный капитал перед советским судом. С. 30–33, 40, 99–102.

⁶ Руга Владимир, Кокорев Андрей. Москва НЭПовская. Очерки городского быта. – М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. С. 96. В 1929 г. избирательная комиссия лишила бывшего слесаря избирательных прав и он превратился в «лишняка».

⁷ ДЕЛО «ГУКОН» // А.Я. Вышинский. Судебные речи. Издание 3. – М., 1953. С. 3–45. (Гукон – Главное управление коневодства Народного Комиссариата земледелия РСФСР)

⁸ См.: Дело Ленинградских судебных работников, Дело консервтреста // Там же. С. 46–97, 98–149; Борисова Л.В. Нэп в зеркале показательных процессов по взяточничеству и хозяйственным преступлениям // Отечественная история. 2006. № 1. С. 84–89.

⁹ Народное хозяйство СССР в 1923/24 г. С. 193; Ларин Ю. Частный капитал в СССР. – М.–Л., 1927. С. 3.

¹⁰ Жирмунский М.М. Частный торговый капитал в товарообороте. – М., 1924. С. 100, 130.

¹¹ Ларин Ю. Частный капитал в СССР. – М.–Л., 1927. С. 123–124, 130–133.

¹² Там же. С. 130.

¹³ Там же. С. 133.

¹⁴ Свищев М.А. Опыт нэпа и развитие мелкого производства на современном этапе // История СССР. 1989. № 1. С. 9–10; Бородин Л.И., Свищев М.А. Социальная мобильность в частном секторе народного хозяйства 1920-х гг.: нэпманы под налоговым прессом. // «Бублики для республики»: исторический профиль нэпманов. – Уфа, 2005.

¹⁵ Жирмунский М.М. Частный торговый капитал в товарообороте... С. 132

¹⁶ Жирмунский М.М. Частный торговый капитал в народном хозяйстве СССР. – М.–Л., 1927. С. 13–14, 19.

¹⁷ Биржи и рынки. – М., 1924. С. 239; Советская товарная биржа. – М., 1926. С. 130.

¹⁸ Биржевой справочник. – М., 1923. С. 24, 26.

¹⁹ Там же. А также: Биржи и рынки. С. 239.

²⁰ Нэп и хозрасчет... С. 63–64.

²¹ Ленин В.И. Полн. Собр. соч. Т. 43. С. 334; Т. 44. С. 342, 396–400; Т. 45. С. 44–46, 208, 216–217, 220–223, 259–261, 336–337.

²² Там же. Т. 44. С. 342.

²³ Жирмунский М.М. Частный торговый капитал в народном хозяйстве СССР. С. 15–18, 20–25, 29–34.

²⁴ Рыков А.И. Избранные произведения. – М., 1990. С. 233, 236–238.

- ²⁵ Жирмунский М.М. Частный торговый капитал в товарообороте. С. 130.
- ²⁶ Биржи и рынки. С. 15–16, 20.
- ²⁷ Жирмунский М.М. Частный торговый капитал в народном хозяйстве СССР. – М., 1927. С. 156, 164.
- ²⁸ Биржи и рынки... С. 32.
- ²⁹ КПСС в резолюциях. Т. 3. С. 168–169.
- ³⁰ Народное хозяйство СССР в 1923/24 г. С. XXIII; Жирмунский М.М. Частный торговый капитал в народном хозяйстве СССР. С. 219.
- ³¹ Жирмунский М.М. Частный торговый капитал в народном хозяйстве СССР. С. 110–112, 131–135; Ларин Ю. Указ. соч. С. 290–291.
- ³² РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6987. Л. 208, 220–224, 226.
- ³³ Частный капитал в народном хозяйстве СССР. – М.–Л., 1927. С. 18; РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 2. Д. 287. Л. 1–2, 3–4, 9.
- ³⁴ РГАЭ. Ф. 8151. Оп. 5. Д. 6. Л. 13; Биржи и рынки. С. 32–34.
- ³⁵ РГАЭ. Ф. 8151. Оп. 1. Д. 8. Л. 475; Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6896. Л. 42–46.
- ³⁶ СУ. 1925. № 25. Ст. 168; № 32. Ст. 212, 213.
- ³⁷ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 3. Д. 1198. Л. 38.
- ³⁸ Там же. Л. 32, 35.
- ³⁹ Там же. Л. 32.
- ⁴⁰ Жирмунский М.М. Частный торговый капитал в народном хозяйстве СССР. С. 95.
- ⁴¹ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 2. Д. 287. Л. 3–4, 9, 11.
- ⁴² Там же. Л. 16–17.
- ⁴³ РГАЭ. Ф. 8151. Оп. 1. Д. 61. Л. 7–8.
- ⁴⁴ Орлов И.Б., Пахомов С.А. «Ряженные капиталисты» на нэповском празднике жизни. – М.: Собрание, 2007. С. 9.
- ⁴⁵ КПСС в резолюциях. Т. 4. С. 70, 84–85.
- ⁴⁶ Биржи и рынки. С. 33; Экономическая жизнь. 1925. № 78; Ларин Ю. Указ. соч. И др.
- ⁴⁷ Ларин Ю. Указ. соч. С. 164.
- ⁴⁸ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 3. Д. 1198. Л. 141.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Тяжесть обложения в СССР. Социальный состав, доходы и налоговые платежи населения Союза ССР в 1924–27 гг. Доклад Комиссии СНК СССР... – М., 1929. С. 80–81.
- ⁵¹ «Совершенно секретно»... Т. 3. Ч. 2. С. 566, 628–629, 659.
- ⁵² Там же. С. 631–633.
- ⁵³ Там же. С. 588.
- ⁵⁴ Ларин Ю. Частный капитал в СССР. – М.–Л., 1927. С. 7, 9–60. Ю. Ларин называл 12 видов хозяйственных преступлений, имевших место в 1920-е гг; Кондурушкин И.С. Частный капитал перед советским судом. Пути и методы накопления по судебным и ревизионным делам 1918–1926 гг. – М.–Л.: Госиздат, 1927.
- ⁵⁵ См.: Русский экономист. – Берлин, 1922. № 1. С. 18; № 5–6. С. 15.

- ⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 316. Л. 2.
- ⁵⁷ *Свищев М.А.* Опыт нэпа и развитие мелкого производства на современном этапе // История СССР. 1989. № 1. С. 9.
- ⁵⁸ *Мингулин И.* Пути развития частного капитала. – М., 1927. С. 126–127.
- ⁵⁹ Промышленность и сельское хозяйство. К вопросу о взаимоотношениях промышленности и сельского хозяйства. – М.–Л., 1926. С. 223; *Трифонов И.Я.* Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. – М., 1975. С. 220.
- ⁶⁰ «Совершенно секретно»... Т. 3. Ч. 1. С. 124,
- ⁶¹ Тяжесть обложения в СССР. С. 81.
- ⁶² *Бокарев Ю.П.* Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х гг. С. 280, 281.
- ⁶³ СЗ. 1927. № 23. Ст. 256.
- ⁶⁴ СЗ. 1928. № 130. Ст. 840.
- ⁶⁵ *Трифонов И.Я.* Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. – М., 1978. С. 217–224.
- ⁶⁶ Биржевая работа в новых условиях. – М., 1928. С. 3.
- ⁶⁷ Как ломали нэп. Т. 2. Пленум ЦК ВКП(б) 4–12 июля 1928 г. – М., 2000. С. 200–201.
- ⁶⁸ Там же. С. 14. А также: Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 231.
- ⁶⁹ *Погорельский В.П.* Политика КПСС в отношении частного капитала в промышленности и торговле СССР. 1917–1927. – М., 1960; *Лебакова Э.Р.* Опыт КПСС по приобщению мелкой буржуазии города к строительству социализма. – М., 1970; *Степин А.П.* Социалистическое преобразование общественных отношений городских средних слоев. – М., 1975; *Трифонов И.Я.* Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. – М., 1978; *Архипов В.А., Морозов Л.Ф.* Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле. 1920 – начало 1930-х годов. – М., 1978. И др.
- ⁷⁰ *Люттов Л.Н.* Частная промышленность в годы нэпа (1921–1929). – Саратов, 1994; *Килин А.П.* Частное торговое предпринимательство на Урале в 1920-е годы. Екатеринбург, 1995; *Демчик Е.В.* Частный капитал в городах Сибири в 1920-е годы: от возрождения к ликвидации. – Барнаул, 1998; Р.А. Хазиев и др. «Бублики для республики: исторический профиль нэпманов. – Уфа, 2005; *Орлов И.Б., Пахомов С.А.* «Ряженные капиталисты» на нэповском празднике жизни. – М.: Собрание, 2007. И др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Когда государство становится активным участником социально-экономических процессов и начинает активно вмешиваться в экономическую жизнь, поддерживать либо стимулировать определенные процессы, его целенаправленная экономическая политика способна кардинально изменить жизнь и судьбу страны и всего общества. В России активная экономическая политика государства неизбежно приводила к формированию нового экономического уклада и уклада жизни со всеми присущими ему атрибутами. Так было после отмены крепостного права, когда при поддержке государства за 30–40 лет сложился новый промышленно-капиталистический уклад. Так было в годы нэпа, когда государство сделало ставку на развитие промышленности, на проведение индустриализации и увеличение численности рабочего класса. Нечто подобное в виде нового высокотехнологичного инновационного уклада ожидают и сейчас, и современная государственная политика обозначает эти задачи.

Восстановление экономики страны после войн и революций в 1920-е гг. стало основой для консолидации всех социально-экономических укладов. Структура нэповской многоукладной экономики была более разнообразной, нежели она представлена в данном исследовании. Кроме государственного, частнохозяйственного и частноиндивидуального (мелкотоварного) укладов, признают наличие государственно-капиталистического, патриархально-натурального укладов. Кооперативный уклад в качестве самостоятельного исследователями не выделяется¹. Государственный уклад всегда рассматривался в качестве ведущего, но на его долю приходилось в 1923/24 г. – 38,5 % валовой продукции народного хозяйства, а его удельный вес в национальном доходе рос медленно: с 35 % в 1924 г. – до 44 % в 1928 г. На долю мелкотоварного уклада в 1923/24 г. приходился 51 % валовой продукции, частнокапиталистического – 8,9 %, государственно-капиталистического – 1 %, натурально-патриархального – 0,5 %².

Возвращение к мирной жизни и потребность восстановления народного хозяйства активизировала и включала в этот процесс все социальные слои и группы населения, все существующие и стихийно возникающие хозяйственные формы. Государственная промышленность, выходя на рынок, могла создать основу для формирования единого рыночного пространства в стране. Но пока госпромышленность формировала свой торговый и заготовительный аппарат для установления товарообменных отношений с мелкотоварным крестьянским хозяйством, свободную торговую сферу стали занимать посредники. К роли рыночного посредника не смогла быстро приспособиться потребительская кооперация, и свободную сферу быстро занял частный торговец, получивший возможность расширить свою торговую деятельность. С 1922 года обеспечить цивилизованное взаимодействие всех укладов на рынке и обеспечить взаимный обмен их товарами могли товарные биржи. Биржевой оборот поддавался учету и регулированию и являл собой образец регулируемого рынка, но государство не стремилось активно и эффективно использовать возможности этого инструмента.

Уже к концу 1921 г. государство оказалось перед необходимостью регулирования восстановительного процесса и рыночных отношений. Именно в этот период и определяется политическая линия в отношении рынка. В партийных и государственных решениях конца 1921 – начала 1922 гг. речь шла о предстоящей борьбе на рынке коммунистического и частного укладов, а вести эту борьбу предполагалось «путем овладения законами рынка», «путем экономических мероприятий». XI съезд партии (март 1922 г.) заявил об окончании отступления и начале перегруппировки сил с целью подготовки наступления на капиталистические элементы до окончательного их вытеснения. Намерение победить в экономическом соревновании частнокапиталистические элементы («кто-кого?») требовало от государства не только овладения методами экономического регулирования, но и создания самого механизма, системы рычагов, которые позволили бы решить эту задачу.

С 1923 г. государство начинает активно вмешиваться в процессы, происходящие на рынке: регулирует цены, спрос и предложение. Но это вмешательство не способствовало стабилизации рыночных и всей системы экономических отношений в стране, а чаще оборачивалось противоположными результатами. Поэтому государство все

более склонялось к директивным методам управления, слабо использовало методы экономического регулирования, полагая, что путь экономического регулирования ведет к дикому капитализму. Но этот путь при грамотном государственном регулировании мог вести и к социально-ориентированной рыночной экономике, хотя тогда мировая практика еще не знала такого опыта.

Отношение государства к рынку было терпимым, пока он стимулировал восстановительный процесс, пока интересы государства и рынка были однонаправлены. И многоукладная экономика под влиянием этих двух начал начинала трансформироваться в двухсекторную: государственно-рыночную. Являясь собственником не только «командных высот», но и значительной части средств производства, находящихся в пользовании частника, власть при умелом управлении могла бы направить развитие этих секторов в русло социально-ориентированной рыночной экономики, но не имела для этого ни опыта регулирования, ни достаточных экономических возможностей. Когда кризисные ситуации середины 1920-х гг. столкнули интересы государства и рынка, власть начинает вмешиваться в ценообразование, проводить классовый принцип в налоговой и кредитной политике. Она начинает понимать, что рынок становится развединающим фактором не только в социально-экономическом, но и в политическом процессе и берет курс на устранение рынка через устранение субъектов рыночных отношений. Создание равных юридических и экономических возможностей для всех укладов, для всех хозяйственных форм, для всех субъектов хозяйственной деятельности неизбежно потребовало бы и либерализации политической жизни, что проявилось уже в середине 1920-х гг. в требованиях крестьянства, частных торговцев.

Государство изначально стремилось к всеохватному контролю, не оставляя места ни кооперативной, ни частной инициативе, даже не пытаясь создавать систему регулирования негосударственных хозяйственных структур. В то же время, оно не в силах было повысить жизненный уровень не только всего общества, но и той части населения, которая оказалась в сфере государственного снабжения, не могло насытить рынок необходимыми товарами, поэтому решение задач повышения собственного благосостояния вполне можно было оставить и кооперации и частнику и индивидуальному производителю и торговцу.

Развитие рыночных отношений требовало первоочередного развития производства и насыщения рыночного пространства товарами и услугами. «Конкурентом» в производстве для госпромышленности было кооперативное и частное кустарно-ремесленное производство, как капиталистически организованное, так и трудовое. Хотя их доля в общем объеме производства была невелика, но их ориентированность на рынок дополняла государственное производство и удовлетворяла спрос и потребности разных слоев населения города и в основном, крестьянства, до которого доходила лишь третья часть государственной промышленной продукции. До середины 1920-х гг., пока госпромышленность не восстановилась и не востребовала почти все сырье, потребности в котором крестьянское производство не успевало удовлетворять, несмотря на регулирующее воздействие государства и сельхозкооперации, – все виды производства не мешали, а дополняли друг друга.

В 1920-е годы в экономике страны объективно продолжало оставаться два полюса: национализированная государственная промышленность и мелкотоварное крестьянское хозяйство, которое обеспечивало экономическую основу всей политики этого периода. Госпромышленность пользовалась поддержкой государства, когда частично оказалась в условиях рыночных отношений, а в дальнейшем она стала инструментом глобальной государственной внешней и внутренней политики. Признание только одной государственной формы собственности в промышленности в качестве «социалистической» закрывало возможные альтернативные пути хозяйственного развития. По мере того, как государство все активнее стремилось проводить политику индустриализации, крестьянство все более замыкалось в рамках своего полунатурального хозяйства и «малого круга» оборота. Срединные хозяйственные формы в лице кооперации и частного капитала, в силу своей малочисленности, политической и экономической зависимости от государства не могли заполнить этот «разрыв». Поэтому о проявлении тенденции превращения многоукладной экономики в экономику государственно-рыночную, и смешанную можно говорить лишь применительно к этапу восстановления народного хозяйства.

Одна из особенностей нэповской многоукладности – ее иерархичность, сохранившаяся пирамидальность традиционного общественного устройства. Широким и прочным основанием социально-

экономической «пирамиды» оставалось крестьянство. Все другие социальные слои и группы так или иначе были зависимы от положения дел в крестьянских хозяйствах. Кустари повышали плату за свои услуги для крестьян, если государство увеличивало налоги для них, торговцы повышали цены на необходимые крестьянству товары, рабочие снабжались продовольствием в зависимости от уровня крестьянского производства. Государственная казна в значительной степени пополнялась за счет налоговых поступлений деревни. (Хотя поиск других источников шел очень активно). Эволюционная трансформация традиционного общества – длительный исторический процесс. В контексте политики, проводимой большевиками, и условий международного положения страны, времени на длительную эволюцию российско-советскому социуму не оставалось.

По мере того, как восстановительный процесс завершался, и менялись ориентиры с восстановления на реконструкцию (модернизацию) народного хозяйства, становилась очевидной низкая эффективность всех укладов в решении новых задач. Это ограничивало возможности трансформации многоукладной экономики, как на основе планового государственного регулирования, так и основе рыночных механизмов. В силу теоретической, политической и экономической слабости, государство не сумело консолидировать дальнейшее развитие всех социально-экономических укладов на экономической основе: оно не могло дать необходимых кредитов кооперации и частному предпринимателю, необходимых товаров крестьянину и вставало на путь борьбы со всяким проявлением самостоятельности в экономике. Деятельность всех укладов все более «увязывалась» на решение глобальных государственных задач, что не оставляло места для проявления их собственных возможностей и творческого потенциала. Носители интересов негосударственных укладов, лишенные права на свободную предпринимательскую деятельность, вынуждены были приспосабливаться к тем экономическим условиям, которые диктовало государство, либо снова уходить «в подполье», что становилось все более опасным для их существования.

Роль государственного регулирования рыночных отношений повышалась через отрицание этих отношений вообще. Внешне создавалось впечатление усиления и укрепления государства, а на деле это оборачивалось его слабостью. Государство (в лице ряда чиновников) коррумпировалось, начинало бояться каждого творчески

мыслящего экономического человека и начинало бороться с ним, культивировало страх и неизбежность подчинения. А рынок продолжал развиваться и приобретал все более уродливые формы, с которыми действительно нужно было бороться, но это уже было не под силу государству.

Проведенный анализ эволюции нэповской многоукладной экономики показывает, что тенденции развития укладов в условиях даже ограниченных рыночных отношений 1920-х гг. были разнонаправленными, чаще вступали в противоречие с государственной политикой. Создается впечатление, что в условиях многоукладности рынок не выступает механизмом гармонизации социально-экономических интересов различных укладов и их социальной опоры – различных слоев общества, а порождает новые противоречия. Поэтому, чтобы придать экономике определенное направление развития, неизбежным становится усиление государственного вмешательства, которое, безусловно, может осуществляться в различных формах: от директивно-приказных до экономико-правовых. Это актуально и для современной России, в которой, по мнению ряда исследователей, произошло восстановление многоукладности.

Тенденция укрепления государства, возрастания его роли в регулировании экономического и социального развития была лишь одной из тенденций. Другие наблюдались в сфере развития укладов многоукладной экономики, некоторые из которых могли существовать и эволюционировать лишь в условиях развития рыночных отношений, но вынуждены были в значительной степени приспосабливаться к первой. В этом смысле, теоретически, в нэпе был заложен потенциал многовариантного развития: и для госкапитализма и для госсоциализма, и для дикого капитализма и для социально-ориентированной рыночной экономики и других возможных вариантов, которых историческая практика еще не смогла создать. Очевидно, что в условиях многоукладного общества не может быть одномерной однонаправленной политики. Потенции нэповского общества погибли в русле такой политики.

В свою очередь, произвол, анархию, воровство, стремление обогатиться за счет государственных и народных средств не следует связывать с пороками рынка или причислять эти явления к недостаткам рыночной экономики. Рынок здесь ни при чем. Это только лишь слабости и пороки конкретных людей, они проявляются в любой

хозяйственной модели. Так же наивно ожидать от рынка целенаправленного регулирующего воздействия и решения всего комплекса социально-экономических вопросов, полагаться на иллюзии рыночного саморегулирования, так как у рынка другая задача – создавать мотивационные механизмы для активизации экономической деятельности людей. Но, как и всякий другой инструмент, инструменты и механизмы рынка нужно научиться грамотно использовать в политике и применять на практике. И лишь уровень человеческой культуры определяет, как человек действует: в интересах общества или только ради своей корысти.

Практика нэпа показывает, что политики, приходящие к власти, должны заботиться об общенародном благе, а не стремиться решить проблемы одних социальных слоев и групп за счет других. Поэтому ключевым вопросом был и остается вопрос о том, какой должна быть макрополитика государства, чтобы ее восприятие разнородным (многоукладным) обществом было менее безболезненным, а ее преломление на различные социальные слои и группы все-таки вселяло в них уверенность в возможности жить и решать свои социальные проблемы и с помощью государства, и с помощью рынка.

Избавиться от нэповского романтизма и иллюзий типа, «а что было бы, если бы?», вынуждает объективная реальность: внутренние проблемы и потребности их разрешения, необходимость развития страны и мировая политическая конъюнктура, которая в значительной степени диктовала действия советским политикам.

Последующее мировое развитие экономики и общества в XX в. показало, что роль рынка на данном этапе исторического развития не могло быть определяющей и ведущей, ведущую роль всегда играло государство, которое либо расширяло, либо сужало сферу свободного частного предпринимательства, а, следовательно, и сферу рыночных отношений. Одновременно государство создавало политико-правовые механизмы регулирования экономики в целом, и рыночных отношений, в частности.

Наблюдая происходящее в современной России, еще раз невольно убеждаешься, что политика потому и называется политикой, что она чаще ориентируется на идеальные модели, а потому неизбежно игнорирует интересы обывателя. Рынок же наоборот активизирует творческое начало человека и помогает обществу удовлетворять свои обывательские потребности. В этом смысле государство и ры-

нок – великие антагонисты и они будут оставаться таковыми, пока главной задачей государства не станет политика в интересах человека и общества, которую оно научится проводить в т. ч. и с широким использованием рыночных инструментов. Но пока эта эпоха еще не наступила, все общество будет «лабиринтовать» в лабиринте между государством и рынком.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Сычев Н.В. Диалектика многоукладной экономики. – М., 1999. С. 235–241; В некоторых современных учебных изданиях многоукладность (многосекторность) нэповской хозяйственной системы представляется следующими укладами: государственным сектором, сектором арендованной экономики, сектором концессионной промышленности, частным сектором. См.: Кольцов В.В. История экономики России. Уч. пособие для студентов. 2002. Гл. 5.3.

² Сычев Н.В. Указ. соч. С. 235–241; А также: Новая Российская Энциклопедия. В 12 т. Т. 1. Россия. – М.: Энциклопедия, 2004. С. 369. Здесь отмечается, что «в 1928 г. доля капиталистического и мелкого частного производства сократилась до 17,6% вместо 27,3% в 1924–25 г.».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

АРХИВНЫЕ ФОНДЫ

Российский государственный архив экономики (РГАЭ)

- Ф. 1943. Наркомат продовольствия (Наркомпрод) РСФСР
- Ф. 8151. Комиссия по внутренней торговле (Комвнуторг) при СТО и Наркомат по внутренней торговле (Наркомвнуторг)
- Ф. 7733. Наркомат финансов (Наркомфин) и Конъюнктурный институт при Наркомфине
- Ф. 3429. Высший Совет народного хозяйства (ВСНХ)
- Ф. 3912. Совет съездов государственной промышленности и торговли
- Ф. 3600. Всесоюзный Совет съездов биржевой торговли
- Ф. 4372. Государственный плановый комитет (Госплан) СССР
- Ф. 1562. Центральное статистическое управление (ЦСУ) СССР
- Ф. 2139. Коммерческое агентство «Связь» при Наркомпочтеле
- Ф. 480. Главный выставочный комитет (Главвыставком)
- Ф. 7480. Центральный сельскохозяйственный банк.
- Ф. 35. Рекламно-издательское агентство «Связь».

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

- Ф. 5. Секретариат Председателя СНК и СТО В.И. Ленина
- Ф. 76. Фонд Ф.Э. Дзержинского

Государственный архив Калужской области (ГАКО),

- Ф. 1. Губернский комитет РКП(б)
- Ф. Р-13. Губернский продовольственный комитет – Губпродком
- Ф. Р-26. Калужский губернский исполком
- Ф. Р-198. Отдел торговли Калужского облисполкома
- Ф. 1207. Брянский губернский союз кооперативов

Архив Управления ФСБ по Калужской области

- Ф. 3. Распорядительные документы ВЧК-ГПУ-ОГПУ (приказы, переписка с другими органами)
- Ф. 2. Уголовные дела ряда реабилитированных лиц

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

Актуальные проблемы общественных наук на современном этапе. Стенограмма совещания по историческим наукам (21–22 марта 1973 г.). – М., 1974.

Биржевая работа в новых условиях. – М., 1928.

Биржи и рынки. – М., 1924.

Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927. – М., 1995.

Бухарин Н.И. Избранные произведения (Экономическое наследие). – М., 1990.

Бухарин Н.И. Избранные произведения. – М., 1988.

Вышинский А.Я. Судебные речи. Издание 3. – М., 1953.

Гинзбург-Науумов А.С. Новое законодательство о трестах. – М., 1923.

Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. – М., 1998.

Государственная промышленность СССР за 1924–25 операционный год: Статистико-экономический обзор под ред. проф. Л.Б. Кафенгауза. ВСНХ. – М.–Л., 1926.

Декреты советской власти. Т. 1–11. – М., 1957–1983.

Дзержинский Ф.Э. Избранные произведения в 2-х томах. – М., 1967. Т. 2.

Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926. – М.: МФД; Материк, 2007.

Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. – М., 1957

Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927–1932 гг. – М., 1989.

Законодательство о промышленности, торговле, труде и транспорте. Сборник документов. – М., 1923.

Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям. – М., 2000;

Земельный Кодекс РСФСР. – М., 1923.

Избранные труды Кондратьевского конъюнктурного института. – М.: Экономика, 2010.

Индустриализация Советского Союза. Новые документы. Новые факты. Новые подходы. – М., 1997. Ч. 1., 1999. Ч. 2.

Как ломали нэп: Стенограммы Пленумов ЦК ВКП(б). 1928–1929 гг. В 5 т. / Редкол. В.П. Данилов, О.В. Хлевнюк, А.Ю. Ватлин. – М.: МФД, Материк, 2000.

- Кондратьев Н.Д., Огановский Н.П. Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства. – М.: НКЗ РСФСР. 1924. Вып. 5.
- Конъюнктурный институт в новых исторических координатах. – М.: Экономика, 2010.
- Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1917–1922. – М., 1990.
- Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1923–1927. Документы и материалы. – М., 1991.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд-е 9-е. Т. 2–4. – М., 1983–1984.
- Крестьянские бюджеты 1922– 23 и 1923–24 гг. – М., 1927. Вып. 1–3.
- Крестьянские бюджеты 1924–25 гг. – М., 1928.
- Крестьянские бюджеты 1925– 26 гг. – М., 1929.
- Крестьянское хозяйство РСФСР в 1922 г. По данным поселенных списков обложения единым натуральным налогом. – М., 1923.
- Крестьянское хозяйство за время революции. – М., 1923.
- Куйбышев В.В. Задачи внутренней торговли и кооперации. – М., 1924.
- Кустарно-промысловая кооперация в системе народного хозяйства СССР. Сборник. – М., 1925.
- Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 34–36, 40–45, 54.
- В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. – М., 1999.
- Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936 / Под ред. А.Н. Яковлева. – М.: МФД, 2003. (Россия. XX век. Документы).
- Материалы по обследованию деревни. – М., 1923.
- На новых путях. Выпуск 1–5. – М., 1923.
- Новая торговая практика. К характеристике внутренней торговли в 1 половине 1924/25 г. – М., 1925.
- Новая экономическая политика в промышленности. Сборник декретов, постановлений, инструкций. – М.: ВСНХ, 1921
- Нэп: Взгляд со стороны: Сб. – М., 1991.
- НЭП и хозрасчет. – М., 1991.
- Отчет ВСНХ VIII Всероссийскому Съезду Советов. – М., 1920.
- Отчеты Лужского уездного экономсовещания. – Луга, 1921.
- Очередные вопросы хозяйственной политики. – М., 1922. Вып. II.
- Письма во власть. 1917–1927. – М., 1998.
- Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917–1929. Экономические конфликты и политический протест. Сб. документов. – СПб., 2000.

Промышленность и сельское хозяйство. К вопросу о взаимоотношениях промышленности и сельского хозяйства. – М.–Л., 1926.

Проф. Кафенгауз Л.Б. Обзор работы русской промышленности за 1 полугодие 1922–23 года. Статистико-экономический очерк. – М., 1923.

Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. – М., 1967.

Рыков А.И. Избранные произведения. – М., 1990.

Сельское хозяйство на путях восстановления. – М., 1925.

Сельское хозяйство Союза ССР. По данным налоговых сводок по единому сельскохозяйственному налогу в 1923–24 г. – М.: НКФ, 1924.

Сельское хозяйство Союза ССР. По данным налоговых сводок по единому сельскохозяйственному налогу в 1924–25 г. – М.: НКФ, 1925.

Сельское хозяйство Союза ССР. По данным налоговых сводок по единому сельскохозяйственному налогу в 1925–26 г. – М.: НКФ, 1927.

Сельское хозяйство Союза ССР. По данным налоговых сводок по единому сельскохозяйственному налогу в 1926–27 г. – М.: НКФ, 1929.

Сельское хозяйство Союза ССР. По данным налоговых сводок по единому сельскохозяйственному налогу в 1927–28 г. – М.: НКФ, 1930.

Сельское хозяйство Союза ССР. По данным налоговых сводок по единому сельскохозяйственному налогу в 1928–29 г. – М.: НКФ, 1931.

Сельское хозяйство СССР. 1925–1928 гг. Сборник статистических сведений к XVI Всесоюзной партконференции. – М., 1929.

Синдикаты и госторговля. (По материалам промышленной инспекции). – М.: Изд-во НК РКИ, 1923.

Синдикаты. По материалам Совета Синдикатов. – М.: Изд-во ВТС, 1924.

Синдикаты СССР. – М.–Л., 1927.

Синдикаты и внутрисиндикатские отношения. – М., 1927.

Синдикаты СССР в цифрах и диаграммах за 5 лет. – М., 1928.

Синдикатская система СССР. – М., 1928.

Советская товарная биржа. – М., 1926.

СУ (Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства). 1921–1925.

СЗ (Собрание законов и распоряжений рабочего и крестьянского правительства СССР). 1924–1928.

Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы в 4 томах / Под ред. А. Береловича (Франция), В. Данилова (Россия). Т. 1–2. – М.: РОССПЭН, 2000.

«Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). В 10 т. – М., 2001–2008.

- Стенографический отчет IX Всероссийского съезда Советов, 23–31 декабря 1921 г. – М., 1923.
- Стенографический отчет VI собрания Уполномоченных Центросоюза в апреле 1926 г. – М., 1926.
- X съезд РКП(б). Стенографический отчет. – М., 1963.
- XI съезд РКП(б). Стенографический отчет. – М., 1961.
- XII съезд РКП(б). Стенографический отчет. – М., 1968.
- XIII съезд РКП(б). Стенографический отчет. – М., 1963.
- XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. – М.–Л., 1926.
- XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. – М.–Л., 1928; – М., 1962.
- Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929. – М., 1999.
- Тяжесть обложения в СССР. Социальный состав, доходы и налоговые платежи населения Союза ССР в 1924/25, 1925/26, 1926/27 гг. Доклад комиссии СНК СССР по изучению тяжести обложения населения Союза. – М., 1929.
- Управление народным хозяйством СССР. 1917–1940 гг. – М., 1968.
- Хозяйственный механизм периода новой экономической политики. Сб. обзоров. (По материалам 20-х годов). – М.: ИНИОН, 1990.
- Частный капитал в народном хозяйстве СССР. Материалы комиссии ВСНХ. – М.–Л., 1927.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

- Бюллетень ВТС. – М., 1922. № 11, № 35, № 46; 1923. № 28.
- Вестник промысловой кооперации. 1925. № 4, № 5.
- Вестник промышленности и торговли. 1923. № 4.
- Вестник РАН. 1992. № 7.
- Вопросы истории КПСС. 1968. № 12.
- Вопросы экономики. 1990. № 2–3; 1991. № 7; 1992. № 1; 1993. № 1, 4, 8, 11–12; 1994. № 2, 5; 1996. № 3
- Известия ВЦИК. 1921. 30 марта, 27 августа.
- Известия АН СССР. Серия экономическая. 1991. № 5–6.
- Информационный бюллетень Центросоюза. 1926. № 1, № 2, № 23.
- Кооперативное строительство. 1926. № 1.
- Народное хозяйство. 1922. № 4.
- Настольный спутник торговли и промышленности на 1923 г. – М.: Реклам-центр, б / г.

Правда. 1921.

Русский экономист. 1922. Берлин. № 1, № 5–6.

Русское богатство. 1898. № 12.

Социалистическое хозяйство. 1923. № 6–8, № 23; 1924. № 1–2; 1925. № 4.

Статистическое обозрение. 1926. № 4–12; 1927. № 1–12; 1928. № 7; 1929. № 3.

Экономист. 1922. № 1–5.

Экономическое возрождение. 1922. № 1–2.

Экономическая жизнь. 1919–1925.

Экономическая жизнь. – Смоленск, 1920. № 3–4, 21–24.

Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1923. № 5–6; 1926. № 11–12; 1927.

№ 11–12.

Экономическое обозрение. 1924. № 6, № 9–10; 1926. № 3.

МОНОГРАФИИ, СТАТЬИ, ИССЛЕДОВАНИЯ

Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. – М.: Владос, 1994.

Абрамов В.Н. Техническая интеллигенция России в условиях формирования большевистского политического режима (1921 – конец 30-х гг.). – СПб., 1997.

Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография, методы исследования и методология, опыт и перспективы: Материалы XXXI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. В 2-х кн. Кн. 2. – Вологда: Изд-во ВГПУ, 2009.

Алексеев В.В., Алексеева Е.В. Распад СССР в контексте теорий модернизации и единой имперской эволюции // Отечественная история. 2003. № 5.

Алексеева Л.В. Взаимодействие хозяйственных систем Ямальского севера в условиях нэпа и командно-административной экономики. – Салехард, 2006.

Амосов И., Савич А. Проблема материального учета в социалистическом хозяйстве. – Пг., 1921.

Архипов В.А., Морозов Л.Ф. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле. 1920-начало 1930-х годов. – М., 1978.

- Ахиезер А.С., Давыдов А.П., Шуровский М.А., Яковенко И.Г., Яркова Е.Н. Социокультурные основания и смысл большевизма. – Новосибирск: Сибирский историограф, 2002.
- Баранов А.В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. – Краснодар, 1999.
- Балашов Е.М. Контуры будущего гражданина: новые и традиционные элементы в явлениях детского сознания. 1917–1920-е годы // Нестор. 2001. № 1 (5).
- Балашов Е.М. Педагогика в России в 1 трети XX века. – СПб., 2012.
- Бехтерева Л.Н. Торговля и предпринимательство Удмуртии в период новой экономической политики. (1921–1929 гг.). – Ижевск, 2008.
- Богомолова Е.В. Управление советской экономикой в 20-е годы: опыт регулирования и самоорганизации. – М., 1993;
- Большакова О.В. Власть и политика в России XIX – начала XX века. Американская историография. – М.: Наука, 2008.
- Бордюгов Г.А., Козлов В.А. Историческая развилка весны 1918 г. // Вопросы истории КПСС. 1990. № 8–9.
- Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества. – М.: Политиздат, 1992.
- Борисов И.Г. Цены и торговая политика. – М., 1925.
- Борисова Л.В. Трудовые отношения в Советской России (1918–1924 гг.). – М.: Собрание, 2005.
- Борисова Л.В. Нэп в зеркале показательных процессов по взяточничеству и хозяйственным преступлениям // Отечественная история. 2006. № 1.
- Борисова Л.В. «Советский тред-юнионизм»: профсоюзы и забастовочная борьба в годы нэпа // Отечественная история. 2007. № 6.
- Бокарев Ю.П. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х гг., как исторический источник. – М., 1981.
- Бокарев Ю.П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы. – М., 1989.
- Бокарев Ю.П. Власть и преступность в России // Россия. XXI. 1993. № 8–12; 1994. № 4–5.
- Брагинский С.В., Певзнер Я.А. Политическая экономия: дискуссионные проблемы, пути обновления. – М.: Мысль, 1991.
- «Бублики для республики»: Исторический профиль нэпманов / Под ред. Р.А. Хазиева. – Уфа, 2005.
- Булгаков С.Н. О рынках при капиталистическом производстве. – М., 1897.
- Булгаков С.Н. Философия хозяйства. – М.: Наука, 1990. (Написана в 1912–1916 гг.).

- 272 *Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком*
- Булдаков В.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилиия. – М., 1997.
- Бунин А.О.* Советская власть и кредитная кооперация (октябрь 1917 г. – 1924 г.). – Иваново: ИГУ, 1998.
- Виноградов С.В.* Нэп: Опыт создания многоукладной экономики. – М., 1996.
- Виноградов С.В.* Экономическое развитие Поволжья в период нэпа. 1921–1927 гг. Уч. пособие. – Астрахань, 2001.
- Волков А.М.* Швеция: социально-экономическая модель. – М., 1991.
- Вопросы истории капиталистической России: Проблема многоукладности. – Свердловск, 1972.
- Воронов Ю.М.* Становление идеократии: истоки, ментальность, аппарат (1917–1929 гг.). – Иваново, 1993.
- В.В. (Воронцов В.П.)* Судьбы капитализма в России. – М., 1882.
- В.В. (Воронцов В.П.)* Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве. – СПб., 1892.
- В. В. (Воронцов В.П.)* Наши направления. – СПб., 1893.
- Воронцов В.П.* Очерки экономической теории. – СПб., 1895.
- В.В.* Судьба капиталистической России. – СПб., 1907.
- В.В.* От семидесятых – к девяностым. Сб. статей. – СПб., 1907.
- В.В.* Государственное хозяйство России. – СПб., 1906.
- В.В.* Производство и потребление в капиталистическом обществе. – СПб., 1907.
- Гайстер А.И.* Расслоение советской деревни. – М., 1928.
- Гелбрейт Дж. К.* Новое индустриальное общество: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1969.
- Гелбрейт Дж. К.* Экономические теории и цели общества: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1976.
- Гелбрейт Дж. К., Меньшиков С.* Капитализм, социализм, сосуществование: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1988.
- Гимпельсон Е.Г.* Формирование советской политической системы. 1917–1923 гг. – М., 1995.
- Гимпельсон Е.Г.* Советские управленцы. 20-е годы. – М., 2001.
- Гимпельсон Е.Г.* Нэп и советская политическая система. 1920-е годы. – М.: ИРИ РАН, 2000.
- Гимпельсон Е.Г.* Нэп: Новая экономическая политика Ленина–Сталина. Проблемы и уроки. (20-е гг. XX в.) – М.: Собрание, 2004.
- Гимпельсон Е.Г.* Россия на переломе эпох. Осмысление XX столетия российской истории. – М.: Собрание, 2006.
- Голанд Ю.* Кризисы, разрушившие нэп. 2-е изд. – М., 1998.

- Голубев А.В. Советское общество и «военные тревоги» 1920-х гг. // Отечественная история. 2008. № 1.
- Голубев А.В. «Если мир обрушится на нашу республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е годы. – М.: Кучково поле, 2008.
- Гораевская И.А. Петр Пальчинский (Биография инженера на фоне войн и революций) – М.: Россия молодая, 1996.
- Горинов М.М. Альтернативы и кризисы в период нэпа // Вопросы истории КПСС. 1990. № 1.
- Горинов М.М. Советская история 1920–30-х гг.: от мифов к реальности // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. – М., 1996.
- Государство и рынок: американская модель. Сб. статей. – М., 1999.
- Государство в рыночной экономике: Новые подходы. РАН, ИНИОН, 2001. (Экономические и социальные проблемы России).
- Готье Ю.В. Мои заметки // Вопросы истории. 1991. № 11–12; 1991. № 1–3.
- Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. – М., 2001.
- Грегори Пол. Политическая экономия сталинизма. – М., 2008.
- Гуляев В.А. Русские художественные промыслы 1920-х годов. – Л., 1985.
- Давыдов А.Ю. Кооператоры советского города в годы нэпа. Между «военным коммунизмом» и социалистической реконструкцией. – СПб.: Алетейя, 2011.
- Давыдов А.Ю. Мешочничество и советская продовольственная диктатура. 1918–1922 годы // Вопросы истории. 1994. № 3.
- Данилов В.П. О характере социально-экономических отношений советского крестьянства до коллективизации сельского хозяйства // История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. Материалы научной сессии. – М., 1963.
- Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. – М., 1977.
- Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: Социальная структура, социальные отношения. – М., 1979.
- Данилов В.П.. История крестьянства в России в XX веке. Избранные труды: В 2-х ч. Ч. 1. – М.: РОССПЭН, 2011.
- Девис Р.У., Гатрелл П. От царизма к нэпу // Вопросы истории. 1992. № 8–9.
- Демчик Е.В. Частный капитал в городах Сибири в 1920-е годы: от возрождения к ликвидации. – Барнаул, 1998.

Денежное обращение и кредит. – Пг., 1922. Т. 1–2.

Дихтяр Г.А. Внутренняя торговля дореволюционной России. – М., 1960.

Дмитренко В.П. Борьба советского государства за овладение деревенским рынком в первые годы нэпа // Вопросы истории. 1964. № 9.

Дмитренко В.П. Торговая политика советского государства после перехода к нэпу. 1921–1924. – М., 1971.

Дмитренко В.П., Морозов Л.Ф., Погудин В.И. Партия и кооперация. – М., 1978.

Дмитренко В.П. Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры. Проблемы регулирования рыночных отношений. – М., 1986.

Доброноженко Г.Ф. Методология анализа социальной группы «кулаки» в отечественной историографии // Российская история. 2009. № 5.

Дробизhev В.З. Главный штаб социалистической промышленности. (Очерки истории ВСНХ. 1917–1932 гг.). – М., 1966.

Дружинин Н.М. Избранные труды. Социально-экономическая история России. – М., 1987.

Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. 1914–1917 гг. – Л., 1967.

Есиков С.А. Российская деревня в годы нэпа: К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). – М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010.

Жирмунский М.М. Частный капитал в товарообороте. – М., 1924.

Жирмунский М.М. Частный торговый капитал в народном хозяйстве СССР. – М.–Л., 1927.

Журавлев С.В., Соколов А.К. Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы // Социальная история. Ежегодник. 1997. – М., 1998.

Захаров В. НЭП: Второй шанс // Стратегия России. 2012. № 10. Октябрь.

Зотова А.В. Хозяева и «хозяйчики» в Петрограде – Ленинграде в годы нэпа: по материалам периодической печати. – СПб., 2010.

Зубкова Е.Ю. Частная жизнь в советскую эпоху: историографическая реабилитация и перспективы изучения // Российская история. 2011. № 3.

Зюганов Г.А. Помнить, чтобы понимать. К 90-летию введения в России новой экономической политики // Правда. 16 мая 2011 г.

Ибрагимова Д.Х. Нэп и перестройка. Массовое сознание сельского населения в условиях перехода к рынку. – М., 1997.

Иванов Ю.М. Положение рабочих России в 20-х – начале 30-х годов // Вопросы истории. 1998. № 5.

- Иванова Г.М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. – М., 1997.
- Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. – М., 2006.
- Иванцов И.Г. Актуальные вопросы истории Кубани в документах комиссий внутрипартийного контроля ВКП(б). 1920–начало 1930-х гг. XX века. – Краснодар, 2009.
- Измозик В.С. Глаза и уши режима. Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918–1920 годах. – СПб., 1995.
- Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.). – Новосибирск, 1998.
- Исиченко П. Промышленность и рынок сбыта ее изделий. – М., 1924.
- Истоки. Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 1. – М., 1989.
- Историк в меняющемся пространстве Российской культуры. – Челябинск: Каменный пояс, 2006.
- Исторический опыт КПСС в осуществлении новой экономической политики. – М., 1972.
- История советского крестьянства в 5-и томах. Т. 1. Крестьянство в первое десятилетие советской власти. 1917–1927. – М., 1986.
- История менеджмента / Под ред. Д.В. Валового. – М.: ИНФРА-М, 1997.
- История экономических учений. – М.: Высшая школа, 1983.
- Кабанов В.В. Пути и бездорожье аграрного развития России в XX веке // Вопросы истории. 1993. № 2.
- Кабанов В.В. Кооперация, революция, социализм. – М., 1996.
- Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация России XX века (Проблемно-историографические очерки). – М., 1997.
- Капитализм на Востоке во второй половине XX века. – М., 1995.
- Капиталистский О.И. Социальный и партийный состав центрального аппарата ОГПУ в 1920-е годы // Отечественная история. 2007. № 1.
- Квинтинг Э. Куда идет прибыль госпромышленности. Л., 1926.
- Кейнс Дж. М. Из России с надеждой // Новое время. 1990. № 33.
- Кейнс Дж. М. Беглый взгляд на Россию // Социологические исследования. 1991. № 7.
- Кейнс Дж. М. Трактат о денежной реформе / с предисловием профессора С.А. Фалкнера. – М., 1925.
- Кива А.В. Многоукладность в РФ как зеркало социальной направленности реформ // Восточный социум. Сб. статей. – М.: ИВ РАН, 2007.
- Кишин А.П. Частное торговое предпринимательство на Урале в 1920-е годы. – Екатеринбург, 1995.

- Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Всероссийский аграрный рынок: XVIII – начало XX века. (Опыт количественного анализа). – М., 1974.
- Колодников Л.П.* Советское общество 20-х гг. XX в. (По материалам ВЧК-ОГПУ). – М.: Наука, 2009.
- Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. – М., 1922.
- Кондратьев Н.Д.* Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны. – Вологда. 1922.
- Кондратьев Н.Д.* Мировой хлебный рынок и перспективы нашего хлебного экспорта. – М., 1923.
- Кондратьев Н.Д.* Избранные труды. – М: Экономика, 2002.
- Кондратьев Н.Д.* Проблемы экономической динамики. – М., 1989.
- Кондратьев Н.Д.* Основные проблемы экономической статики и динамики. Предварительный эскиз. – М., 1991.
- Кондратьев Н.Д.* Особое мнение. – М: Наука, 1993. Кн. 1–2.
- Кондратьев Н.Д.* Суздальские письма. – М., 2004.
- Кондурушкин И.С.* Частный капитал перед советским судом. Пути и методы накопления по судебным и ревизионным делам 1918–1926 гг. – М.–Л.: Госиздат, 1927.
- Кооперация как компонент рыночных отношений: проблемы теории и истории. Вып. 1. – Иваново, 1996.
- Кооперация. Страницы истории. Вып. 2. – М., 1991.
- Кордонский С.Г., Дехант Д.К., Маляренко О.А.* Социальная иерархия в России: мифологемы // Отечественные записки. 2012. № 46 (1).
- Коржихина Т.П.* Советское государство и его учреждения. Ноябрь 1917 – декабрь 1991. – М., 1995.
- Коржихина Т.П.* Извольте быть благонадежны! – М., 1997.
- Коуз Р.* Фирма, рынок, право: Пер. с англ. – М.: Дело ЛТД, 1993.
- Кравченко А.И.* История менеджмента. – М.: Академический Проект, 2000.
- Краус Т.* Советский термидор. Духовные предпосылки сталинского перелома. 1917–1928. – Будапешт, 1997.
- Крицман Л.* Героический период Великой русской революции (Опыт анализа так называемого «военного коммунизма»). – М.–Л., 1926.
- Крицман Л.Н.* Классовое расслоение в советской деревне. – М., 1926.
- Крон Ц.М.* Частная торговля в СССР. – М., 1926.
- Крылов В.В.* Теория формаций. – М., 1997.
- Кубанин М.И.* Классовая сущность процесса дробления крестьянских хозяйств (Экономические исследования). – М., 1929.
- Кубасов А.Л.* Социалистическая эмиграция о ВЧК-ГПУ // Российская история. 2010. № 6.

- Кузнецов И.О. Социальная психология сибирского крестьянства в 1920-е годы. Уч. пособие. – Новосибирск, 1992.
- Куреньшев А.А. Крестьянство и его организация в первой трети XX в. – М.: ГИМ, 2000.
- Куреньшев А.А. Всероссийский крестьянский союз. 1905–1930 гг. Мифы и реальность. – М.: АИРО-XX, 2004.
- Лаверычев В.Я. Государство и монополии в дореволюционной России: проблемы вмешательства абсолютистского государства в экономическую жизнь и воздействия капиталистических монополий на государственный аппарат. – М., 1982.
- Лавров П.Л. Государственный элемент в будущем обществе // ВПЕРЕД! Непериодическое обозрение. Т. IV. Вып. 1. 1876. – Лондон, 1876.
- Лантева Е.В. Американское россияеведение: Образ России. – Пермь: ПГПУ, 2004.
- Лантева Е.В. Некоторые характерные тенденции в развитии американского россияеведения 1990-х годов // Отечественная история. 2004. № 2.
- Ларин Ю. Итоги, пути, выводы новой экономической политики. – М., 1923.
- Ларин Ю. Частный капитал в СССР. – М.–Л., 1927.
- Лебакова Э.Р. Опыт КПСС по приобщению мелкой буржуазии города к строительству социализма. – М., 1970.
- Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930-е годы. – СПб., 1999.
- Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. – СПб., 2003.
- Левин В.Я. Социально-экономические уклады в СССР в период перехода от капитализма к социализму. – М., 1967.
- Левковский А.И. Третий мир в современном мире. – М., 1970.
- Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3.
- Ленинское учение о нэпе и его международное значение. – М., 1973.
- Леонов С.В. Рождение советской империи: государство и идеология. 1917–1922 гг. – М.: Диалог-МГУ, 1997.
- Леонов С.В. Советская государственность: замыслы и действительность (1917–1920) // Вопросы истории. 1990. № 12.
- Леонтьев В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1990.
- Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: диалог в письмах. – М., 2002.

- 278 *Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком*
- Лившин А.Я.* Общественные настроения в Советской России 1917–1929 гг. – М., 2004.
- Лисичкин Г.* План и рынок. – М., 1966.
- Литошенко Л.Н.* Крестьянские бюджеты в 1922–23 г. – М., 1923.
- Литошенко Л.Н.* Емкость крестьянского рынка. – М., 1927.
- Лобзев И.Н.* Выселение бывших помещиков из мест их проживания в регионах Центральной России в 1925–1927 годах // *Российская история.* 2009. № 1.
- Лютов Л.Н.* Частная промышленность в годы нэпа (1921–1929). – Саратов, 1994.
- Лютов Л.Н.* Обреченная реформа. Промышленность России в эпоху нэпа. – Ульяновск, 2002.
- Лютов Л.Н.* Настроения рабочих провинции в годы нэпа // *Отечественная история.* 2007. № 4.
- Лютов Л.Н.* Политические настроения провинциальной интеллигенции в освещении ОГПУ. 1918–1929 гг. // *Вопросы истории.* 2007. № 6.
- Лютов Л.Н.* Власть и общество в годы нэпа (1922–1929) через призму настроений провинции. – Ульяновск, 2010.
- Мазохин О.Б.* ВЧК-ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. – М., 2004.
- Макурова Н.Я.* История потребительской кооперации в СССР. – М., 1927.
- Макурова Н.Я.* Исторический очерк потребительской кооперации в СССР. 2-е изд. – М., 1925.
- Макконелл К.Р., Брю С.Л.* Экономикс: Принципы, проблемы и политика. В 2-х т.: Пер с англ. – М.: Республика, 1992.
- Мартинов Б.С.* Государственные тресты. – М., 1924.
- Мау В.А.* Реформы и догмы. 1914–1929: Очерки истории становления хозяйственной системы советского тоталитаризма. – М., 1993.
- Меерович М.Г.* Как власть народ к труду приучала: жилище в СССР – средство управления людьми. 1917–1941 гг. – Stuttgart, 2005.
- Меерович М.Г.* Квадратные метры, определяющие сознание: государственная жилищная политика в СССР. 1921–1941 гг. – Stuttgart, 2005.
- Меерович М.Г.* Наказание жилищем. Жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917–1937. – М., 2008.
- Мизес Л.* Социализм. Экономический и социологический анализ. – М., 1994.
- Мингулин И.* Пути развития частного капитала. – М., 1927.
- Миц Л.Е.* Отход крестьянского населения на заработки в СССР. – М., 1925.

- Минц Л.Е. Аграрное перенаселение и рынок труда СССР. – М.–Л., 1929.
- Многоукладная аграрная экономика и российская деревня (сер. 80-х – 90-е гг. XX столетия) / Под ред. Е.С. Строева. – М.: Колос, 2001.
- Моисеев Н.Н. Революция или стагнация? // Свободная мысль. 1999. № 9–12.
- Монополии и экономическая политика царизма в конце XIX – начале XX вв. – Л., 1987.
- Надеждина В.А. Нэповская Россия в зеркале социальной истории // Отечественная история. 2007. № 4.
- Научная сессия, посвященная проблемам многоукладности российской экономики в период империализма. Доклады. – М., 1969.
- Нежигай Э.Н. Городская культура Кубани периода нэпа. – Краснодар, 2010.
- Некрасов А.А. Становление и этапы развития англо-американской советологии. Дисс. к. и. н. – Ярославль, 2001.
- Некрасов А.А. Англо-американская историография новой экономической политики в СССР. Уч. пособие. – Ярославль. 2005.
- Нестеренко А.Н. Государство и рынок в период посткоммунистической трансформации экономики. Дисс. д. э. н. – М., 1993.
- Николай-Онь. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. – СПб., 1893.
- Никулин В.В. Власть и общество в 20-е годы. Политический режим в период нэпа. Становление и функционирование (1921–1929 гг.). – СПб., 1997.
- Новая экономическая политика. Вопросы теории и истории. – М., 1974.
- Новикова И.В. Рынок и государство: Проблемы макрорегулирования. – Минск: БГЭУ, 1993.
- Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России. 1920–30-е годы / Под общей редакцией Тимо Вихавайнена. – СПб., 2000.
- Нуреев Р.М. «Развитие капитализма в России»: первый ленинский шаг от схематизма к реальности (возвращаясь к напечатанному) // Развитие капитализма в России – сто лет спустя. – Москва–Волгоград, 1999.
- Нэп в истории культуры: от центра – к периферии. Сб статей. – Саратов, 2010.
- Нэп в контексте исторического развития России XX века. – М., 2001.
- НЭП: приобретения и потери. – М.: Наука, 1994.
- НЭП: завершающая стадия. Соотношение политики и экономики. – М.: ИРИ РАН, 1998.
- НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. – М.: РОССПЭН, 2006.

- 280 *Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком*
- Ойкен В.* Основные принципы экономической политики: Пер с нем. – М.: Прогресс, 1995.
- Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века.* – М.: Наука, 2001.
- Орлов И.Б.* Современная отечественная историография нэпа: достижения, проблемы, перспективы // Отечественная история. 1999. № 1.
- Орлов И.Б.* Новая экономическая политика: История, опыт, проблемы. – М.: ГУГН, 1999.
- Орлов И.Б., Пахомов С.А.* «Ряженные капиталисты» на нэповском празднике жизни. – М.: Собрание, 2007.
- Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. 2-е изд. доп. – М.: РОССПЭН; Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина, 2008.
- Осинов Ю.М.* Теория хозяйства. Учебник в 3-х томах. Т. 1. Общие основания. – М.: Московский университет; ТЕИС, 1995.
- От капитализма к социализму. Основные проблемы истории переходного периода в СССР. 1917–1937 гг. Т. 1. Победа социалистической революции. Начало переходного периода. 1917–1927.* – М., 1981.
- От плана – к рынку: будущее посткоммунистических республик.* Пер. с англ. – М., 1993.
- Очерки истории исторической науки в СССР.* – М., 1985. Т. 5.
- Павлова В.В.* Африка: государство и рынок. – М.: РАН, Институт Африки, 1997.
- Павлюченков С.А.* Военный коммунизм в России: власть и массы. – М., 1997.
- Павлюченков С.А.* «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917–1929 гг. – М.: Собрание, 2008.
- Первушин С.А.* Хозяйственная конъюнктура. Введение в изучение динамики русского народного хозяйства за полвека. – М., 1925.
- Перцович Н.* Советские тресты и синдикаты. – М., 1926.
- Платова Е.Э.* Жизнь студенчества России в переходную эпоху. 1917–1927 гг. – СПб., 2001.
- Плеханов А.М.* ВЧК-ОГПУ. Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. – М., 2006.
- Плимак Е.Г.* Политика переходной эпохи: Опыт Ленина. – М., 2004.
- Погорельский В.П.* Политика КПСС в отношении частного капитала в промышленности и торговле СССР. 1917–1927. – М., 1960.
- Поликарпов В.В.* «Новое направление» 50–70-х гг. Последняя дискуссия советских историков // Советская историография. Россия. XX век. – М., 1996.

- Политическая экономия. Учебник для вузов. – М., 1988.
- Полищук И.С. Новая экономическая политика: теория и практика. (Опыт исследования истории России 20-х гг. XX в.). – Тверь, 2007.
- Поляков Ю.А., Дмитренко В.П., Щербань Н.В. Новая экономическая политика: Разработка и осуществление. – М.: Политиздат, 1982.
- Промышленность и сельское хозяйство. К вопросу о взаимоотношениях промышленности и сельского хозяйства. – М.–Л., 1926.
- Пушкарева Н.Л. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы // Вопросы истории. 1998. № 6.
- Пушкарева Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. – СПб.: Алетейя, 2007.
- Раков А.А. Кто такой кулак? (Опыт регионального исследования по материалам архивов Южного Урала) // Российская история. 2009. № 5.
- Режимные люди в СССР / Отв. ред. Т.С. Кондратьева, А.К. Соколов. – М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009.
- Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. – М., 1998.
- Роголина Н.Л. Борис Бруцкус – историк народного хозяйства России. – М.: АО «Московские учебники», 1998.
- Роголина Н.Л. Власть и аграрные реформы в России XX века. – М.: Энциклопедия российских деревень, 2010.
- Роговин В.З. Власть и оппозиция. – М., 1993.
- Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х гг. Т. 1–2. – Краснодар, 2002.
- Розанваллон Пьер. Утопический капитализм. История идеи рынка. – М.: Новое литературное обозрение, 2007.
- Российская повседневность 1921–1941 гг.: новые подходы. – СПб., 1995;
- Российская политико-экономическая мысль: основные черты и традиции. – М.: ИЭ РАН, 2000.
- Россия в XX в.: историки мира спорят. – М., 1994.
- Россия нэповская: политика, экономика, культура. – Новосибирск, 1991.
- Россия нэповская. Исследования. – М.: Новый хронограф, 2002.
- Руга Владимир, Кокорев Андрей. Москва НЭПовская. Очерки городского быта. – М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011.
- Рынок и реформы в России: исторические и теоретические предпосылки. – М.: Мосгорархив, 1995.
- Рязанов В.Т. Российская школа национальной экономики и ее историческое значение // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия Экономика. 2003. № 4.

- Саблин В.А.* Экономика крестьянского двора на Европейском Севере России в 1920-е годы. – М.; Вологда: Русь, 2006.
- Сарабьянов В.Л.* Кооперация в системе советского хозяйства. – М., 1927.
- Сахаров В.А.* На распутье. Дискуссия по вопросам перспектив и путей развития советского общества. (1921–1929). – М., 2012.
- Савельев С.И.* Советская социальная политика в деревне 1917 – начала 1930-х гг. и ее результаты (на материалах Нижнего Поволжья). – Саратов, 2004.
- Самуэльсон П.* Экономика. Вводный курс. Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1964.
- Самуэльсон Л.* Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941. – М., 2001.
- Свищев М.А.* Опыт нэпа и развитие мелкого производства на современном этапе // История СССР. 1989. № 1.
- Секушин В.И.* Отторжение: нэп и командно-административная система. – СПб., 2000.
- Сенявский А.С.* Великая русская революция 1917 г. в контексте истории XX века // Проблемы отечественной истории: Источники, историография, исследования. Сб. научных статей. – СПб.; Киев; Минск: Нестор-История, 2008.
- Сидоров А.И.* Экономическое положение России в годы первой мировой войны. – М., 1973.
- Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–50-е годы: Темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. – М., 1996.
- Сироткин В.* Уроки нэпа // Известия. 1989. 10–11 марта.
- Смирнова Т.М.* «Бывшие люди» Советской России: стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. – М.: Издат. дом «Мир истории», 2003.
- Соколов А.К.* Курс советской истории. 1917–1940. – М., 1999.
- Соколов А.К.* Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Социальная история. Ежегодник, 1998/1999. – М., 1999.
- Соколов А.К.* Об изучении социальных преобразований советской власти (1917–1930-е годы) // Россия в XX веке: реформы и революция. – М., 2002.
- Соколов А.С.* Из истории становления и развития финансовой системы России в период новой экономической политики. – М., 1998.
- Сокольников Г.Я.* Финансовая политика революции. Т. 1. – М., 1925.
- Социальная история. Ежегодник. 2003. Женская и гендерная история.* – М., 2003.

- Сталин И.В. Соч. Т. 11. – М., 1949, 1952.
- Степанов А.С. Безумство храбрых: О молодежи 1917–1991 года. – М.: Алгоритм, 2008.
- Степин А.П. Социалистическое преобразование общественных отношений городских средних слоев. – М., 1975.
- Струмилин С.Г. Статистико-экономические очерки. – М., 1958.
- Суворова Л.Н. За «фасадом» «военного коммунизма»: политическая власть и рыночная экономика // Отечественная история. 1993. № 4.
- Суворова Л.Н. Советское хозяйство и рынок. Теоретические парадигмы 20-х годов // Новые страницы отечественной истории XX в. – Калуга, 1994.
- Суворова Л.Н. Многоукладная экономика, рынок и государство в России в XX веке (Постановка проблемы) // Развитие капитализма в России – сто лет спустя. – М.–Волгоград, 1999.
- Суворова Л.Н. Многоукладная экономика, рынок и государство в России в 1920-е гг. // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. – М.: РОССПЭН, 2006.
- Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей, как объект социологического исследования / Под ред. В. Семенов и Е. Фотеевой. – М.: Институт социологии РАН, 1996.
- США: государство и рынок. – М.: Наука, 1991.
- Сычев Н.В. Диалектика многоукладной экономики. – М., 1999.
- Тарновский К.Н. Мелкая промышленность дореволюционной России. Историко-географические очерки. – М.: Радикс, 1995.
- Телицын В.А. Сквозь тернии военного коммунизма: крестьянское хозяйство Урала в 1917–1921 гг. – М., 1998.
- Теневая экономика. – М.: Экономика, 1991.
- Теория фирмы / Под ред. В.М. Гальперина. – СПб.: Экономическая школа, 1995.
- Тоталитаризм. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. – М., 1996.
- Трифонов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. – М., 1978.
- Трудовые конфликты в Советской России. 1918–1929 гг. – М.: Эдиториал УРСС, 1998.
- Трукан Г.А. Путь к тоталитаризму. 1917–1929. – М., 1994.
- Тузан-Барановский М.И. Промышленные кризисы в современной Англии. – М., 1894.
- Тяжельникова В.С. (Нидерланды). Домохозяйство горожан в 1960–1980-е годы: структура и стратегии экономического поведения // Отечественная история. 2006. № 4.

- 284 *Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком*
- Тяжельникова В.С.* Ленинский призыв 1924–1925 годов: новые люди, новые модели политического поведения // Социальная история. Ежегодник. 2009. – СПб., 2010.
- Уразова С.А.* Нэп и развитие легкой и перерабатывающей промышленности. 1921–1928. – Самара, 1993.
- Утехин И.* Очерки коммунального быта. – М., 2001.
- Файн Л.Е.* Отечественная кооперация: исторический опыт. – Иваново, 1994.
- М. Фридмен и Ф. Хайек о свободе / Репринтное издание. Пер. с англ. – Минск, 1990.*
- Фурсов А.И.* Европейская цивилизация и капитализм. – М., 1991.
- Хазиев Р.А.* Государственное администрирование экономики и рынок на Урале в 1917–1921 гг. – Уфа, 2000.
- Хайек Ф.* Дорога к рабству // Вопросы философии. 1990. № 10–12.
- Хайнц Л.* Социальная рыночная экономика. Германский путь. – М.: Дело, 1993.
- Халфин И.* «Из тьмы – к свету: коммунистическая автобиография 1920-х гг.» // Нестор. 2007. № 11.
- Хлебные цены и хлебный рынок. – М., 1925.*
- Холмс Л.* Социальная история России: 1917–1941. Пер. с англ. Ростов-н/Д, 1993.
- Хомелянский Б.Н.* Государство в системе рыночных отношений. – Новосибирск, 1995.
- Хрящева А.И.* Группы и классы в крестьянстве. – М., 1926.
- Цакунов С.В.* В лабиринте доктрины. Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы. – М., 1994.
- Чаянов А.В.* Краткий курс кооперации. 4-е изд. – М., 1925.
- Черемисинов Г.А.* Государственное предпринимательство в годы нэпа: теоретико-методологические основы исследования. – Волгоград, 2003.
- Черемисинов Г.А.* Использование резервов экстенсивного роста государственного предпринимательства в СССР (1926/27–1928/29 гг.) // Экономическая история. Ежегодник. – М.: РОССПЭН, 2006.
- Черноморец С.А.* Нэп. Организационно-правовое регулирование процесса материального обеспечения населения в 1921–1927 гг. – Сургут, 2004.
- Чуйкина С.А.* Дворянская память: «бывшие» в советском городе. – СПб.: Издательство Европейского университета, 2006.
- Шаратов Ю.П.* Первая «оттепель»: нэповская Россия в 1921–1928 гг.: вопросы идеологии и культуры. – М.: ИРИ РАН, 2006.

- Шаццлло К.Ф.* Государство и монополии в военной промышленности России (Конец XIX в. – 1914 г.). – М.: Наука, 1992.
- Шевхужев М.* Государство и эволюция рыночной экономики. – Ставрополь, 1995.
- Шишкин В.А.* Власть, политика, экономика. Послереволюционная Россия (1917–1928 гг.). – СПб., 1997.
- Шкаратан О.И.* Социология неравенства. Теория и реальность. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.
- Шубин А.В.* Вожди и заговорщики: политическая борьба в СССР в 1920–1930-х годах. – М., 2004.
- Шубин С.И.* Северный край в истории России: проблемы региональной и национальной политики в 1920–1930-е годы. – Архангельск, 2000.
- Шумпетер Й.А.* Капитализм, социализм и демократия: Пер. с англ. – М.: Экономика, 1995.
- Шумпетер Й.А.* Теория экономического развития. – М.: Прогресс, 1982.
- Шухов Н.С.* Политическая экономия социализма в 1920-е гг. – М., 1991.
- Щербань Н.В.* Раздумья о недавнем прошлом: поиски новых подходов // Отечественная история. 2002. № 3.
- Эклунд К.* Эффективная экономика – шведская модель: Пер. со швед. – М.: Экономика, 1991.
- Экономическая история России XIX–XX вв.: Современный взгляд. – М.: РОССПЭН, 2000 (2001).
- Экономическая политика Советского государства в переходный период от капитализма к социализму. – М., 1986.
- Экономическая теория / Под ред. В.И. Видяпина, А.И. Добрынина, Г.П. Журавлевой. – М.: ИНФРА-М, 2003.
- Эньюань У.* Нэпманы, их характеристика и роль // Отечественная история. 2001. № 5.
- Эрхард Л.* Благосостояние для всех: Репринт. воспроизведение: Пер. с нем. – М., 1991.
- Юровский Л.Н.* На путях к денежной реформе. – М., 1924.
- Янжул И.И.* Английская свободная торговля. Исторический очерк развития идей свободной конкуренции и начал государственного вмешательства. Вып. 1. Период меркантилизма. – М., 1876. Вып. 2. Период свободной торговли. – М., 1882.
- Янжул И.И.* Вопрос о государственном вмешательстве в область промышленности. – СПб., 1895.
- Яременко Ю.В.* Теория и методология исследования многоуровневой экономики. – М.: Наука, 1997.

Яркова Е.Н. Утилитаризм как тип культуры: концептуальные параметры и специфика России. – Новосибирск, 2001.

Яров С.В. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих. – СПб., 1998.

Яров С.В. Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и нэп глазами петроградцев. – СПб., 1999.

Яров С.В. Источники по истории политического протеста в Советской России. – СПб., 2001.

Яров С.В. Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х гг. – СПб.: Изд-во «Европейский Дом», 2006.

ЛИТЕРАТУРА НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

Baron N. Soviet Karelia: politics, planning and terror in Stalin's Russia, 1920–1939. – L.–N.Y., 2007.

Kuhr-Korolev C., Plaggenborg S., Wellman M. (Hg.). Sowjetjugend 1917–1941. Generation zwischen Revolution und Resignation. – Essen, 2001.

Kuhr-Korolev Corinna. «Gezähmte Helden». Die Formierung der Sowjetjugend 1917–1932. – Essen: Klartext Verlag, 2005.

Goehrke C. Russischer Alltag. Eine Geschichte in neun Zeitbildern vom Frühmittelalter bis zur Gegenwart. Bd.3: Sowjetische Moderne und Umbruch. – Zürich: Chronos Verlag, 2005.

Goldman W.Z. Women, the State and Revolution. Soviet Family Policy and Social Life 1917–1936. – Cambridge, 1993.

Goldman W.Z. Terror and Democracy in the Age of Stalin: The Social Dynamics of Repression. – Cambridge, 2007.

Morozov Leonid. Government Regulation of the PRIVATE SECTOR in the USSR. – Moscow: Progress Publishers 1989.

Nove A. An Economic History of the USSR. 1917–1991. – London, 1992.

Obertreis J. Tränen des Sozialismus: Wohnen in Leningrad zwischen Alltag und Utopie 1917–1937. – Köln, 2004.

Pirani S. The Russian revolution in retreat, 1920–24: Soviet workers and the new Communist elite. – L.–N.Y., 2008.

Russia in the Era of NEP. Explorations in Soviet Society and Culture. Ed. By Sheila Fitzpatrick, Alexander Rabinovich and Richard Stites. – Bloomington and Indianapolis, 1991.

Scheide C. Kinder, Küche, Kommunismus. Das Wechselverhältnis zwischen sowjetischem Frauenalltag und Frauenpolitik von 1921 bis 1930 am Beispiel Moskauer Arbeiterinnen. – Zürich–Freiburg, 2002.

Wiederkehr Stefan. Die Eurasische Bewegung. Wissenschaft und Politik in der russischen Emigration der Zwischenkriegszeit und im postsowjetischen Russland. – Köln–Weimar: Böhlau Verlag, 2007.

Григорова Д. Евразийството в Русия. – София, 2008.

СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

Биржевой справочник. – М., 1922.

Биржевой справочник. – М., 1923.

Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. Справочник. – М.: МФД, 2003. (Россия. XX век. Документы.)

Народное хозяйство России за 1921 год. Вып. 1. – Берлин, 1922.

Народное хозяйство России за 1921–1922 гг.: Статистико-экономический ежегодник. – М., 1923.

Народное хозяйство СССР в 1922–23 г. – М., 1925.

Народное хозяйство СССР в 1923–24 г.: Обзор Конъюнктурного совета Госплана. – М., 1925.

Народное хозяйство СССР в 1924/25 г.: Обзор бюро Конъюнктурного совета Госплана СССР. – М., 1926

Новая Российская Энциклопедия. В 12 т. Т. 1. Россия. – М.: Энциклопедия, 2004.

Социалистическое строительство в СССР: Статистический ежегодник. – М., 1934.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абдеев Р.Ф. – 24, 270
Абрамов В.Н. – 43, 270
Алексеев В.В. – 43, 270
Алексеева А.Е. – 39
Алексеева Е.В. – 43, 270
Алексеева Л.В. – 40, 270
Амосов И. – 91, 270
Архипов В.А. – 68, 256, 270
Ахиезер А.С. – 47, 271
Ашмарин В.Ф. – 148

Б

Базаров В.А. – 55, 116, 137
Балашов Е.М. – 46, 271
Баранов А.В. – 40, 43, 69, 271
Белюсов Р. – 66
Берелович А. – 23, 203, 268
Берхин И.Б. – 39
Бехтерева Л.Н. – 40, 271
Благих И.А. – 205
Богатырев М.А. – 43
Богомолова Е.В. – 41, 42, 271
Бойко И.В. – 24
Бокарев Ю.П. – 23, 39, 60, 65, 66, 68, 92,
93, 140, 141, 199, 201, 204, 205, 233,
235, 256, 271
Большакова О.В. – 45, 271
Бордюгов Г.А. – 21, 91, 271
Борисов И.Г. – 65, 254, 271
Борисова Л.В. – 24, 271
Бородкин Л.И. – 254
Брагинский С.В. – 65, 271
Бруцкус Б.Д. – 15, 41, 281
Брю С.Л. – 24, 278
Булдаков С.Н. – 63, 271
Булдаков В. – 42, 44, 272
Бунин А.О. – 233, 235, 236, 272

Бухарин Н.И. – 15, 32, 43, 52, 54, 55, 108,
177, 196, 197, 203, 205, 206, 266
Быстрова И.В. – 42

В

Валентинов (Вольский) Н.В. – 15
Валовой Д.В. – 22, 275
Варга Е. – 95, 137
Ватлин А.Ю. – 23, 266
Видяпин В.И. – 22, 285
Виноградов С.В. – 40, 43, 69, 272
Вихавяйнен Т. – 22, 44, 45, 279
Волков А.М. – 63, 272
Волобуев П.В. – 67
Воронов Ю.М. – 42, 272
Воронцов В.П. – 63, 64, 272
Вышинский А.Я. – 254, 266

Г

Гайстер А.И. – 203, 272
Гальперин В.М. – 22, 283
Гатрелл П. – 42, 273
Гелбрейт Дж.К. – 24, 272
Генкина Э.Б. – 39
Гимпельсон Е.Г. – 29, 31, 41–43, 47, 64, 272
Гинзбург А.М. – 9, 22
Гинзбург-Наумов А.С. – 93, 266
Голанд Ю. – 41, 272
Голубев А.В. – 44, 273
Гораевская И.А. – 43, 273
Горбачев М.С. – 45
Горинов М.М. – 39, 140, 273
Готье Ю.В. – 70, 91, 273
Гранберг А.Г. – 22
Грациози А. – 42, 273
Грегори П. – 65, 273
Григорова Д. – 45, 287
Громан В.Г. – 110, 111, 205
Гуляев В.А. – 68, 235, 273

Д

- Давыдов А.П. – 40, 47, 69, 91, 271, 273
Данилов В.П. – 23, 58, 60, 66, 68, 181, 183,
201, 203–206, 234, 235, 266, 268, 273
Девис Р.У. – 42, 273
Дегтев С.И. – 40, 43
Демчик Е.В. – 46, 256, 273
Дехант Д.К. – 23, 276
Дзержинский Ф.Э. – 15, 16, 91, 92, 106,
121–123, 127, 138, 140, 214, 215, 234,
265, 266
Дихтяр Г.А. – 23, 274
Дмитренко В.П. – 28, 39, 42, 60, 66–68,
91, 201, 202, 233, 236, 274, 281
Доброноженко Г.Ф. – 46, 274
Добрынин А.И. – 22, 285
Дробижев В.З. – 142, 274
Дружинин Н.М. – 38, 48, 274
Дякин В.С. – 23, 274

Е

- Евдокимова Н.И. – 68
Елина О.Ю. – 200
Ельцин Б.Н. – 21, 39, 43, 201, 206, 274,
280, 281
Есиков С.А. – 91, 201, 206, 274

Ж

- Жирмунский М.М. – 65, 137, 233, 248,
254, 255, 274
Жуков А.Н. – 40
Журавлев С.В. – 44, 45, 274
Журавлева Г.П. – 22, 285

З

- Захаров В. – 25, 274
Зиновьев Г.Е. – 108, 190
Зотова А.В. – 46, 274
Зубкова Е.Ю. – 46, 274
Зюганов Г.А. – 21, 274

И

- Ибрагимова Д.Х. – 44, 274
Иванов Ю.М. – 44, 274
Иванова Г.М. – 42, 43, 275
Иванова Н.А. – 67

- Иванцов И.Г. – 41, 275
Игрицкий Ю.И. – 29
Измозик В.С. – 42, 275
Ильиных В.А. – 40, 202, 275
Исаев И.А. – 93
Исиченко П. – 65, 275

К

- Кабанов В.В. – 42, 202, 206, 275
Казакова О.Ю. – 48
Калинин М.И. – 108, 211
Каменев Л.Б. – 108, 165, 190
Капчинский О.И. – 47, 275
Кафенгауз Л.Б. – 66, 102, 117, 118, 138–
141, 266, 268
Квиринг Э. – 126, 141, 246, 275
Кейнс Дж.М. – 9, 22, 24, 275
Кива А.В. – 69, 275
Килин А.П. – 46, 256, 275
Кириллов И.А. – 138
Кларк Ч. – 44
Климов Ю.П. – 39
Ковальченко И.Д. – 23, 24, 66, 201, 276
Козлов В.А. – 21, 91, 271
Кокорев А. – 254, 281
Колод니кова Л.П. – 41, 276
Кольцов В.В. – 264
Кондратьев Н.Д. – 15, 23, 55–57, 65, 66,
267, 276
Кондратьева Т.С. – 43, 281
Кондурушкин И.С. – 65, 254, 255, 276
Конрой М. – 44
Кордонский С.Г. – 23, 276
Корженевский И.И. – 66
Коржихина Т.П. – 41, 42, 276
Корягина Т.И. – 65
Коуз Р. – 24, 276
Кравченко А.И. – 276
Краус Т. – 43, 276
Крицман Л. – 91, 203, 276
Крон Ц.М. – 66, 276
Крутиков А.Ф. – 66
Крылов В.В. – 48, 276
Крылов М. – 205, 206
Кубанин М.И. – 203, 276
Кубасов А.Л. – 47, 276
Кузнецов И.О. – 44, 277
Куйбышев В.В. – 235, 267
Куренышев А.А. – 206, 277

Л

- Лаверычев В.Я. – 23, 64, 277
Лавров П.Л. – 64, 277
Лаптева Е.В. – 45, 277
Ларин Ю. – 202, 240, 248, 253–255, 277
Лебакова Э.Р. – 256, 277
Лебина Н.Б. – 45, 277
Левин А.И. – 67
Левин В.Я. – 66, 68, 277
Левковский А.И. – 48, 67, 277
Лежава А.М. – 210, 233
Лельчук В.С. – 39
Ленин В.И. – 10, 15, 16, 37, 39, 41, 43, 47, 50–54, 60, 64, 65, 72, 75, 76, 83, 85, 91–93, 143, 199, 207, 233, 241, 254, 265, 267, 272, 277, 280
Леонов С.В. – 64, 277
Леонтьев В.В. – 9, 22, 24, 277
Леонтьева Т.Г. – 9, 43
Лившин А.Я. – 44, 277, 278
Лисичкин Г. – 66, 278
Литошенко Л.Н. – 15, 66, 179, 200, 204, 278
Лобзенев И.Н. – 46, 278
Логунова И.В. – 67
Лютлов Л.Н. – 40, 44, 46, 141, 256, 278

М

- Магазаник П.К. – 67
Мажуга Д.И. – 238
Мазохин О.Б. – 47, 278
Макурова Н.Я. – 66, 233, 278
Макконелл К.Р. – 24, 278
Маляренко О.А. – 23, 276
Маринко Г.И. – 22
Мартынов Б.С. – 93, 278
Маслов С.Л. – 210
Мау В.А. – 42, 64, 65, 278
Меерович М.Г. – 42, 45, 278
Меньшиков С. – 24, 272
Месяцев П.А. – 210
Мизес Л. – 24, 278
Микоян А.И. – 252
Милов Л.В. – 23, 24, 66, 201, 276
Мингулин И. – 248, 256, 278
Минц Л.Е. – 204, 278, 279
Миронов Б.Н. – 66
Моисеев Н.Н. – 21, 279

- Молотов В.М. – 108, 193
Морозов Л.Ф. – 67, 68, 236, 256, 270, 274

Н

- Надеждина В.А. – 30, 32, 40, 43, 44, 47, 279
Наумов Г. – 91, 93, 266
Нежигай Э.Н. – 40, 279
Некрасов А.А. – 279
Нестеренко А.Н. – 25, 279
Николай-Онъ – 64, 279
Никулин В.В. – 41, 43, 279
Новикова И.В. – 25, 279
Носова Н.П. – 201, 202, 206
Ноув А. – 64
Нуреев Р.М. – 64, 279

О

- Огановский Н.П. – 267
Ойкен В. – 24, 280
Орджоникидзе С. – 250
Орлов И.Б. – 30, 39, 40, 42–44, 46, 69, 255, 256, 277, 280
Осипов Ю.М. – 69, 280
Осколкова Э.Д. – 39
Осокина Е.А. – 21, 28, 39, 42, 65, 206, 280

П

- Павлова В.В. – 25, 280
Павлюченков С.А. – 47, 91, 280
Пальчинский П. – 43, 273
Панина Е.М. – 22
Пахомов С.А. – 46, 69, 255, 256, 280
Певзнер Я.А. – 65, 271
Первушин С.А. – 55, 56, 66, 140, 204, 205, 280
Перцович Н. – 93, 280
Платова Е.Э. – 46, 280
Плеханов А.М. – 47, 280
Плимак Е.Г. – 47, 280
Погорельский В.П. – 256, 280
Погудин В.И. – 67, 68, 236, 274
Поликарпов В.В. – 67, 280
Полищук И.С. – 47, 281
Поляков Ю.А. – 39, 68, 201, 281
Попов П.И. – 185
Преображенский Е.А. – 15, 54, 55
Пушкарева Н.Л. – 46, 281

Р

- Раков А.А. – 46, 281
 Рахович Г.Я. – 92
 Репина Л.П. – 22, 44, 281
 Робинсон Дж. – 12
 Рогалина Н.Л. – 23, 32, 41–43, 47, 201, 205, 206, 281
 Роговин В.З. – 41, 281
 Рожков А.Ю. – 46, 281
 Розанваллон П. – 24, 281
 Руга В. – 47, 254, 281
 Рузвельт Т. – 9
 Рыков А.И. – 15, 32, 94, 97, 105, 108, 117–119, 128, 137–141, 167, 173, 202, 203, 211, 214, 233, 234, 242, 254, 268
 Рязанов В.Т. – 48, 281

С

- Саблин В.А. – 47, 282
 Савельев С.И. – 45, 282
 Савич А. – 91, 270
 Сажина М.А. – 63
 Самуэльсон Л. – 42, 282
 Самуэльсон П. – 24, 282
 Сарабьянов Вл. – 234
 Сарабьянов В.Л. – 234, 282
 Саркисов А.Г. – 63
 Сахаров В.А. – 47, 282
 Свищев М.А. – 254, 256, 282
 Секиринский Д.С. – 45
 Секушин В.И. – 41, 282
 Семенова В. – 22, 283
 Сениявский А.С. – 40, 47, 282
 Сидоров А.И. – 23, 282
 Симонов Н.С. – 42, 282
 Сироткин В. – 22, 282
 Смирнов А.П. – 190
 Смирнова Т.М. – 22, 46, 282
 Собсович Л. – 141
 Соколов А.К. – 22, 43–45, 274, 281, 282
 Соколов А.С. – 41, 47, 282
 Сокольников Г.Я. – 15, 32, 66, 106, 121, 122, 138, 140, 282
 Сталин И.В. – 15, 23, 41, 43, 47, 57, 66, 108, 137, 138, 140, 164, 190, 196, 197, 200, 206, 267, 268, 272, 283
 Степанов А.С. – 46, 283

- Степин А.П. – 256, 283
 Строев Е.С. – 22, 67, 69, 279
 Струмилин С.Г. – 55, 200, 248, 283
 Суворова Л.Н. – 21, 40, 42, 43, 64, 65, 69, 91, 139, 283
 Сычев Н.В. – 22, 24, 67–69, 236, 264, 283

Т

- Тарновский К.Н. – 68, 283
 Тверская Д.И. – 66, 96, 156
 Телицын В.А. – 91, 200, 283
 Томский М.П. – 108
 Трифонов И.Я. – 236, 256, 283
 Троцкий Л.Д. – 15, 32, 105–110, 116, 138, 183, 245
 Трояновский А. – 119
 Трукан Г.А. – 42, 283
 Туган-Барановский М.И. – 63, 283
 Тюрина Е.А. – 201, 202
 Тяжельникова В.С. – 23, 44, 283, 284

У

- Уразова С.А. – 40, 284
 Утехин И. – 45, 284

Ф

- Файн Л.Е. – 211, 230, 233, 235, 236, 284
 Фалкнер С.А. – 9, 22, 275
 Федотова Н.Н. – 23
 Фотеева Е. – 22, 283
 Фридмен М. – 24, 284
 Фурсов А.И. – 48, 284

Х

- Хазиев Р.А. – 44, 46, 91, 256, 271, 284
 Хайек Ф. – 24, 284
 Хайнц Л. – 24, 64, 284
 Халфин И. – 284
 Хинчук А.М. – 215, 224
 Хлевнюк О.В. – 23, 206, 266
 Холмс Л. – 44, 284
 Хомелянский Б.Н. – 25, 284
 Хрящева А.И. – 203, 284

Ц

- Цакунов С.В. – 41, 42, 64, 284
 Циолковский К.Э. – 40, 64

Ч

- Чаянов А.В. – 15, 55, 160, 235, 236, 284
Чемберлен Э. – 12
Черемисинов Г.А. – 47, 284
Черноморец С.А. – 45, 284
Чистиков А.Н. – 45, 277
Чуйкина С.А. – 22, 46, 284

Ш

- Шамхалов Ф. – 25
Шарапов Ю.П. – 47, 284
Шацилло К.Ф. – 64, 285
Шевхужев М. – 21, 285
Шишкин В.А. – 41, 43, 285
Шкаратан О.И. – 23, 285
Шокина И.А. – 23
Шубин А.В. – 47, 285
Шубин С.И. – 40
Шумпетер Й.А. – 24, 285
Шуровский М.А. – 47, 271
Шухов Н.С. – 65, 285

Щ

- Щербань Н.В. – 22, 39, 65, 68, 201, 281, 285

Э

- Эклунд К. – 24, 64, 285
Энгельс Ф. – 67
Эньюань У. – 254, 285
Эрхард Л. – 10, 24, 285

Ю-Я

- Юровский Л.Н. – 55, 66, 91, 285
Яковенко И.Г. – 47, 271
Яковлев А.Н. – 23, 43, 69, 267
Янжул И.И. – 51, 64, 285

- Яременко Ю.В. – 24, 285
Яркова Е.Н. – 47, 271, 286
Яров С.В. – 41, 44, 47, 286

В-В

- Baron N. – 45, 286
Fitzpatrick Sh. – 41, 286

G

- Goehrke C. – 45, 286
Goldman W.Z. – 45, 46, 286

K-M

- Kuhr-Korolev C. – 44, 46, 286
Morozov L. – 68, 286

N-O

- Nove A. – 42, 286
Obertreis J. – 45, 286

P

- Pirani S. – 43, 286
Plaggenborg S. – 46, 286

R

- Rabinovich A. – 41, 286

S

- Scheide C. – 46, 286
Stalin I.V. – 45, 286
Stites R. – 41, 286

W

- Wellman M. – 46, 286
Wiederkehr S. – 45, 287

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИРО – Ассоциация историков Российского общества
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Акционерное общество
ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия большевиков
ВМС – Всероссийский металлосиндикат
ВПУ – Военно-промышленное управление ВСНХ
ВСНХ – Высший Совет Народного хозяйства
ВСС – Всероссийский (Всесоюзный) Совет синдикатов
ВТС – Всероссийский (Всесоюзный) текстильный синдикат
ВЦИК – Всероссийский Центральный исполнительный комитет
ВЦСПС – Всероссийский Центральный совет профсоюзов
ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
ГАКО – Государственный архив Калужской области
ГИМ – Государственный исторический музей
ГПУ – Главное политическое управление при НКВД РСФСР
ГУМ – Государственный универсальный магазин
ГЭУ – Главное экономическое управление ВСНХ
ДСВ – Декреты Советской власти
ИНИОН – Институт научной информации общественных наук
ИНФО ГПУ – Информационный отдел ГПУ
ИРИ РАН – Институт Российской истории Российской Академии наук
ИЭ РАН – Институт экономики РАН
КВТ – Комвнуторг – Комиссия по внутренней торговли
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
МВД – Министерство внутренних дел
МГБ – Министерство государственной безопасности
МФД – Международный Фонд демократии
НКВД – Наркомат внутренних дел
НКВТ – Наркомат внутренней торговли
НКПС – Наркомат путей сообщения
Нэп – новая экономическая политика

ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление при
СНК СССР

ОСВОК – Особое совещание по восстановлению основного капитала
в промышленности ВСНХ

ПСС – Полное собрание сочинений

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической
истории

РГАЭ – Российский государственный архив экономики

РКИ – Рабкрин – Рабоче-крестьянская инспекция

РКП(б) – Российская коммунистическая партия большевиков

СНК – Совет народных комиссаров

СТО – Совет труда и обороны при правительстве РСФСР

УРТ – Управление регулирования торговли ВСНХ

ЦК – Центральный комитет

ЦИК СССР – Центральный исполнительный комитет СССР

ЦКК – Центральная контрольная комиссия

ЦСУ СССР – Центральное статистическое управление СССР

ЦТО – Центральный торговый отдел ВСНХ

Экосо – экономические совещания (губернские, областные)

СЕРИЯ «АИРО – ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ»
1993–2013 гг.

- А.Ю. Ватлин.* Коминтерн: первые десять лет / Послесловие Ф.И. Фирсова. – М., 1993. – 144 с.
- Л.С. Гатагова.* Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX веке / Послесловие Н.М. Пирумовой. – М., 1993. – 143 с.
- Е.Ю. Зубкова.* Общество и реформы. 1945–1964 гг. / Послесловие П.В. Волубева. – М., 1993. – 200 с.
- Э. Вишневецки.* Либеральная оппозиция в России накануне первой мировой войны / Послесловие К.Ф. Шацилло. – М., 1993. – 192 с.
- А.И. Ушаков.* История гражданской войны в литературе русского зарубежья. Опыт изучения / Послесловие А.П. Ненарокова. – М., 1993. – 144 с.
- Д.А. Аманжолова.* Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш / Послесловие Ю.А. Полякова. – М., 1994. – 216 с.
- Д.Л. Бабиченко.* Писатели и цензоры. Советская литература 1940-х годов под политическим контролем ЦК / Послесловие Л.И. Лазарева. – М., 1994. – 173 с.
- Ю.В. Соколов.* Красная звезда или крест? Жизнь и судьба генерала Брусилова. – М., 1994. – 158 с.
- С.В. Цакунов.* В лабиринте доктрины. Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы / Послесловие Р. У. Дэвиса. – М., 1994. – 191 с.
- С.А. Экитут.* В поиске исторической альтернативы. Александр I, его сподвижники и декабристы. – М., 1994. – 230 с.
- А.И. Куприянов.* Русский город в первой половине XIX века: общественный быт и культура горожан Западной Сибири. – М., 1995. – 160 с.
- Е.С. Левина.* Вавилов, Лысенко, Тимофеев-Ресовский... – М., 1995. – 160 с.
- С.А. Александров.* Лидер российских кадетов П.Н. Милюков в эмиграции / Послесловие М.Г. Вандалковской. – М., 1996. – 152 с.
- А.Ю. Полунов.* Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III / Послесловие Л.Г. Захаровой. – М., 1996. – 144 с.
- Н.А. Кривова.* Власть и церковь в 1922–1925 гг. / Предисловие Р.Г. Пихоя. – М., 1997. – 248 с.
- В.А. Невежгин.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев». 1939–1941 гг. / Послесловие Б. Бонвеча. – М., 1997. – 288 с.
- Д.О. Чураков.* Русская революция и рабочее самоуправление. 1917. – М., 1998. – 204 с.

- Т.А. Чумаченко.* Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. / Предисловие М.И. Одинцова. – М., 1999. – 248 с.
- А.Ю. Бахтурина.* Политика Российской Империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны / Послесловие В.В. Шелохаева. – М., 2000. – 264 с.
- Ю. Рыбалкин.* Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939). – М., 2000. – 152 с.
- И.А. Гордеева.* «Забытые люди». История российского коммунитарного движения / Послесловие Г.И. Зверевой. – М., 2003. – 240 с.
- Никита Дедков.* Консервативный либерализм Василия Маклакова / Послесловие А. Левандовского. – М., 2005. – 224 с.
- Дмитрий Люкин.* Вторая русская смута: крестьянское измерение. – М., 2006. – 144 с.
- А.Г. Ложкин.* Право победителей. Правовая деятельность Советской военной администрации в Германии. 1945–1949 гг. – М., 2006. – 144 с.
- Ф.Г. Куначёва.* Религиозные воззрения абазин. – М., 2006. – 144 с.
- А.Г. Тепляков.* «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. – М., 2007. – 288 с.
- Р.А. Гоголев.* «Ангельский доктор» русской истории. Философия истории К.Н.Леонтьева: опыт реконструкции / Послесловие Д. Андреева. – М., 2007. – 160 с.
- И.А. Алексеева.* История всемирного христианского молодёжного движения в России. – М., 2007. – 152 с.
- Е.В. Суровцева.* Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху (1920-е – 1950-е гг.). – М., 2008. – 160 с.
- Е.И. Щербакова.* «Отщепенцы». Путь к терроризму (60–80-е годы XIX века). – М., 2008. – 224 с.
- Л.А. Боева.* «Особенная каста». ВЧК-ОГПУ и укрепление коммунистического режима в годы нэпа. – М., 2009. – 208 с.
- Пётр Баратов.* «И с Москвой золотоглавой Вышеград заговорил...». Из опыта чешского либерализма. 1870–1880-е годы. – М., 2010. – 240 с.
- А.В. Макутчев.* «Приговор окончательный, обжалованию не подлежит...»: революционные трибуналы в Советской России в годы Гражданской войны. – М., 2012. – 256 с.
- А.Ю. Каратеев.* Авиационные инженеры в России и СССР. Подготовка кадров в 1909–1945 гг. – М., 2013. – 368 с.

Издания АИРО-XXI в 2007–2013 г.

2007

- Я.В. Леонтьев.* «Скифы» русской революции. Партия левых эсеров и её литературные путчики. («АИРО – Монография»).
- Стивен Козн.* «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза?
- Ирина Каргина.* Букет бессмертников. Константин Каргин и Михаил Шолохов: неизвестные страницы творческой биографии.
- А.Г. Тепляков.* «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. («АИРО – Первая монография»).
- Р.А. Гоголев.* «Ангельский доктор» русской истории. Философия истории К.Н. Леонтьева: опыт реконструкции. («АИРО – Первая монография»).
- И.А. Алексеева.* История всемирного христианского молодёжного движения в России. («АИРО – Первая монография»).
- В.И. Колесов.* Служил Советскому Союзу... Воспоминания. («АИРО – Первая публикация»).
- Фридрих Фирсов.* Секретные коды истории Коминтерна. 1919–1943. («АИРО – Первая публикация в России»).
- С.И. Валянский.* Язык мой – враг мой.
- Владимир Дмитриевич Есаков. Биобиблиографический указатель. Сост. Г.А. Бордюгов, Е.С. Левина / Предисловие А.П. Ненарокова.
- Эльгена Васильевна Молодякова. Биобиблиографический указатель. Сост. Г.А. Бордюгов, А.Е. Куланов.
- Япония открытая миру. Коллективная монография.
- В.Г. Воловников.* О необыкновенном годе необыкновенной эпохи (Неизвестная история выставки Пабло Пикассо в СССР в 1956 г.). («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 22).
- В.Д. Соловей.* Смысл, логика и форма русских революций. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 23).
- Россия без Советского Союза: что потеряли и приобрели, что впереди? Стенограмма Общественного Форума 19 декабря 2006 г. и материалы дискуссии. Под редакцией Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова и Алана Касаева. Библиотека либерального чтения. Выпуск 19.
- С.Ф. Платонов.* Смутное время. Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI и XVII веков.
- Александр Рабинович.* Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. («АИРО – первая публикация в России»).
- Николай Андреев.* Первые стихи.
- Владимир Путин. Рано подводить итоги.

Революционная Россия. 1917 год в письмах А. Луначарского и Ю. Мартова / Под ред. Г.А. Бордюгова и Е.А. Котеленец, сост. Н.С. Антонова и Л.А. Роговая, введ. Л. Майер.
Служение России. Торгово-промышленная палата РФ. 1917–2007. Научно-популярное иллюстр. издание-альбом / Под ред. Е.М. Примакова. (совместно с ТПП РФ).

2008

Сиратори Тосио. Новое пробуждение Японии. Политические комментарии 1933–1945. Составление, перевод, вступительная статья и комментарии доктора политических наук В.Э. Молодякова. («АИРО – первая публикация»).

Данке, профессор Аймермахер. 12 писем из России. Сост. Г.А. Бордюгов, Т.М. Горяева.
Константинов С.В. «В неверном озаренье славы...»: реформаторы и жертвы. Сост.: Давыдов О.В., Касаев А.Ч., Молодяков В.Э.

Леонид Козлов. В диалоге с прошлым.

Узник Лубянки. Тюремные рукописи Николая Бухарина. Сб. документов. Предисл. С. Бабурина. Введ. Ст. Козна. («АИРО – Первая публикация»). Изд. 2-е, дополн., измен. и расшир.

Харуки Вада – сенсей российской истории. Сост. Г.А. Бордюгов.

Стивен Козн и Советский Союз / Россия. Сост. Г.А. Бордюгов, Л.Н. Доброхотов.

Е.В. Суровцева. Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху (1920-е – 1950-е гг.). («АИРО – Первая монография»).

А.А. Куреньшев. Крестьянские организации Русского Зарубежья. (1920–1951 гг.). («АИРО – Монография»).

Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера.

Общее прошлое и современность. Материалы польско-российско-немецкого триалога историков и журналистов (Россия, Тверская область, «Гелиопарк-Эммаус» на Волге, 6–9 сентября 2007 г.).

Глобальные вызовы – японский ответ / Рук. проекта Э.В. Молодякова.

Прошлое: российский и немецкий подходы. Материалы российско-немецкого colloquium. Москва, 12–13 июля 2007 года. Под ред. Фалька Бомсдорфа и Геннадия Бордюгова.

Роберт Эдельман. Серьезная забава. История зрелищного спорта в СССР.

А.Г. Тепляков. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. («АИРО – Монография»).

2009

В. Волков, С. Соколов. Антиманипулятор. Типизация постперестроечного государственно-го устройства в контексте глобализации и перестройки. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 24).

Н.В. Кравчук. История отечества глазами малоросса. (Метаисторические очерки). («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 25).

В.А. Рябинин. Идеология «тайны беззакония»: философский и политический анализ идеологии «мондиализм».

А.П. Ненароков. В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Книга первая. Вдаль к началу. («От первого лица. История России в воспоминаниях, дневниках, письмах»).

А.П. Ненароков. В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Книга вторая. Свеча в доме. («От первого лица. История России в воспоминаниях, дневниках, письмах»).

Старо-новые российские мифы: кризис знания или сознания? Материалы российско-немецкого форума. Москва, Овальный зал ВГБИЛ, 3 декабря 2008 г. Под ред. Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова, Екатерины Гениевой.

В.Н. Томилин. Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. («АИРО – Монография»).

Н.И. Бурнашева. В единении – сила! История кооперации Якутии (вторая половина XIX в. – 1920-е гг.). (АИРО – Монография).

Эрик Кулевиг. Народный протест в хрущевскую эпоху. Девять рассказов о неповиновении в СССР. (АИРО – Первая публикация в России).

Russia: a history of the twentieth century. Materials for course the lections / *G. Bordjugov, S. Devyatov, E. Kotelenets, A. Titkov.*

Ф.Д. Крюков. Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя.

Возвращаясь на улицу Юности.

Л.А. Боева. «Особенная каста». ВЧК-ОГПУ и укрепление коммунистического режима в годы нэпа. («АИРО – Первая монография»).

Б.В. Соколов. Как провалилась бериевская «перестройка». Извержение enfant terrible из властных структур. Новые документы. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 26).

Япония 2009. Ежегодник.

Идейно-политические дискуссии в Советском Союзе в 1940–50-х гг. и национально-государственное размежевание 1990-х. Материалы круглого стола в «РИА Новости» 15 сентября 2009 г. Под редакцией Геннадия Бордюгова и Алана Касаева.

А.К. Конопацкий. Прошлого великий следопыт. Академик А.П. Окладников: страницы биографии.

Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.

2010

Пётр Баратов. «И с Москвой золотоголовой Вышеград заговорил...». Из опыта чешского либерализма. 1870–1880-е годы / Под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 240 с. – (Серия «АИРО – Первая монография»).

Венков А.В. «Тихий Дон»: источниковая база и проблема авторства. Часть 1-я. В поисках автора. Часть 2-я. Авторы «Тихого Дона». – М.: АИРО-XXI. 2010 г. – 884 стр.

Кравчук Н.В. История отечества глазами малоросса. Очерк третий. Русь расщепленная. XIII–XV вв. – М.: «АИРО-XXI». 2010 г. – 124 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 28).

Япония: полвека правления либерал-демократов / Рук. проекта Э.В. Молодякова. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 284 с.

Япония 2010. Ежегодник. – М.: «АИРО-XXI», 2010. – 320 с.

Ю.М. Коликов. Жемчужина седого Каспия. Документальная повесть. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 432 с.

- Виктор Кригер.* Российские немцы вчера и сегодня. Народ в пути; перевод с нем. И. Черемушкинского. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 104 с. (Серия «АИРО – первая публикация в России» под ред. Г.А. Бордюгова).
- Н.К. Веселовская.* Воспоминания выездного врача скорой помощи (1940–1953). Редакция и предисловие А.Г. Макарова. Серия «АИРО – первая публикация» под редакцией Г.А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2010. – 184 с.
- Г.А. Бордюгов.* Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 256 с.; (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- Посадский А.* От Царицына до Сызрани: очерки Гражданской войны на Волге. – М.: АИРО-XXI; ГПИБ. 2010. – 412 с.
- Цыганок А.Д.* Война на Кавказе 2008: русский взгляд. Грузино-осетинская война 8–13 августа 2008 года. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 328 с.
- Ирина Каргина.* Горечь полыни. Пропавший в «Поднятой целине». – М.: АИРО-XXI. 2010. – 216 с.
- Справочник молодого журналиста. – М.: «РИА Новости»; АИРО-XXI, 2010. – 512 с.
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 1: Оболение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 1024 с.
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 2: Бурные прорывы и разбитые надежды. Русские и немцы в межвоенные годы; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 896 с.
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 3. Оттепель, похолодание и управляемый диалог. Русские и немцы после 1945 года; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 1032 с.
- Барабаш В.В., Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А.* Образы России в мире. Курс лекций. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 296 с.
- Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова, – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2010. – 372 с.
- Носович А.Л.* Красный Царицын. Взгляд изнутри. Записки белого разведчика. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 96 с.
- Кыласов А.В.* Окольцованный спорт. Истоки и смысл современного олимпизма.
- Гурвич Э.Б.* Взгляд в настоящее прошлое. Фрагменты семейной хроники Николая Ивановича Бухарина. – (Серия «АИРО – первая публикация») – М.: АИРО-XXI, 2010. – 176 с. + 56 с. илл.
- Загадки и тайны «Тихого Дона»: двенадцать лет поисков и находок. – М.: «АИРО-XXI», 2010. – 400 стр.
- Суrowцева Е.В.* Жанр «письма вождю» в советскую эпоху (1950-е – 1980-е гг.). – М.: АИРО-XXI, 2010. – 128 с. (Серия «АИРО – монография»).
- Стивен Козн.* Утраченное наследие Горбачева. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 56 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 27).
- Мировой кризис и Япония / Рук. проекта Э.В. Молодякова. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 256 с.

2011

- И.Б. Белова.* Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. / Под ред. Г.А. Бордюгова. – (Серия «АИРО – Первая монография»). – М.: АИРО-XXI, 2011. – 288 с. + 24 с. илл.

- Стивен Козн.* «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? / Новое расширенное издание. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 216 с.
- А.А. Куреньшев.* Он слышал музыку полей... Жизнь и деятельность Алексея Григорьевича Дояренко ученого, педагога, общественного деятеля, музыканта. 1874–1958 гг. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 118 с.
- Е.В. Суровцева.* Жанр «письма царю» в XIX – начале XX века. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 164 с.
- Г.А. Бордюгов.* «Войны памяти» на постсоветском пространстве / Предисловие Алана Касаева. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 256 с. (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- Г.А. Бордюгов, В.М. Бухараев.* Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 248 с. (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- З.С. Бочарова.* Российское зарубежье 1920–1930 х гг. как феномен отечественной истории. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 304 с.
- Стивен Козн.* Жизнь после ГУЛАГа. Возвращение сталинских жертв / Перевод Ирины Давидян. – (Серия «АИРО – первая публикация в России») – М.: АИРО-XXI, 2011. – 208 с. + 40 с. илл.
- Б.В. Соколов.* Потери Советского Союза и Германии во Второй мировой войне: методы подсчетов и наиболее вероятные результаты. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 128 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 29).
- Р.А. Медведев.* «Тихий Дон». Загадки и открытия великого романа. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 228 с.
- Научное сообщество историков России: 20 лет перемен; под ред. Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 520 с.
- Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя / Под редакцией Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 584 с.
- 20 лет Независимому Казахстану. – М.: Компания развития общественных связей (КРОС); РИА Новости; АИРО-XXI, 2011. – 172 с.
- Япония 2011. Ежегодник. – М.: «АИРО-XXI», 2011. – 288 с.
- Япония: опыт модернизации / Рук. проекта Э. В. Молодякова. – М., АИРО-XXI. 2011. – 280 с.
- А.Д. Цыганок.* Русский взгляд на израильские войны: Вторая Ливанская – 2006 и в секторе Газа – 2009. – М.: АИРО-XXI; Крафт+, 2011. – 352 с.

2012

- Чермен Касаев.* Мой край, мои земляки / Предисловие и составление А.Ч. Касаева. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 184 с.
- Норман Неймарк.* Геноциды Сталина. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 176 с.; (Серия «АИРО – Первая публикация в России»).
- Юрий Штридтер.* Мгновения. Из сталинской Советской России в «Великогерманский рейх» Гитлера. Воспоминания о детстве и юности (1926–1945). С послесловием Карла Аймермахера / Перевод В.А. Брун-Цехового. – (Серия «АИРО – первая публикация в России») – М.: АИРО-XXI, 2012. – 480 с.
- В.В. Агеносов.* Избранные труды и воспоминания. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 704 с. + 72 с. илл.

- Г.А. Бордюгов.* Ожидаемая революция не придет никогда. Массовые протесты конца 2011 – начала 2012 года на фоне гражданского противостояния XX века. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 176 с.; (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- В.Э. Молодяков.* Россия и Япония в поисках согласия (1905–1945). Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 656 с. + 16 с. илл. (Серия «АИРО – Монография»).
- Власть и общество в истории России. Сб. ст. – М. АИРО-XXI. 2012. – 208 с.
- А.Г. Ложкин.* Интервенция, аннексия и советизация во внешней политике СССР: историко-правовые аспекты новейших исследований / А.Г. Ложкин. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 416 с. – (АИРО – Монография).
- Синто: память культуры и живая вера. – М.: АИРО-XXI. 2012. – 236 с.
- Г.М. Семенцев.* Донцы. Из истории донского казачества. – М.: АИРО-XXI, 2012 г. – 180 с.
- Н.В. Кравчук.* Загадка Чернобыльской катастрофы. (Опыт независимого исследования). – М.: АИРО-XXI, 2011. – 104 с.
- А.Д. Цыганок.* Военные под Российским флагом: русский взгляд. 1991–1993 / Предисловие С.А. Филатова. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 432 с.
- А.А. Куреных.* Сельскохозяйственная столица России. Очерки истории Московского общества сельского хозяйства (1818–1929 гг.). – М.: АИРО-XXI, 2012. – 404 с.
- Т.А. Филиппова.* «Враг с востока». Образы и риторики вражды в русской сатирической журналистике начала XX века / Предисловие В.И. Шеремета. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 384 с. – (АИРО – Монография).
- А.Н. Соломатин.* Основы подготовки журналистов для работы в районах военных действий и экстремальных ситуациях. Программа курса лекций. Курс апробирован на Отделении журналистики Филологического факультета РУДН в 2011–2012 гг. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 32 с.
- А.Д. Цыганок.* Интервенция США и НАТО в Ливии и ее последствия для Сирии, Ирана, Кавказа: русский взгляд / Предисловие М.А. Гареева. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 448 с.
- Япония: события 11 марта 2011 года. Итоги и уроки / Рук. проекта Э.В. Молодякова. – М., АИРО-XXI. 2012–224 с.
- А.В. Макутчев.* «Приговор окончательный, обжалованию не подлежит...»: революционные трибуналы в Советской России в годы Гражданской войны / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 256 с. – (Серия «АИРО – Первая монография»).
- Япония 2012. Ежегодник. – М.: «АИРО-XXI», 2012. – 450 с.
- Эльгена Васильевна Молодякова. К 75-летию со дня рождения. Биобиблиографический указатель. Под ред. Г.А. Бордюгова и И.Л. Тимониной. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 120 с. + 8 с. илл.
- С.С. Михайлов.* Погост Николо-Шатур: История мешёрского прихода. М.: Рус. деревня; АИРО-XXI (Б. тип.), 2012. – 104 с.: ил. Б. тир. (Б-ка альм. «Мешёра-край»).
- Мешёра-край: альм. по истории и культуре Мещерского края / Ред.-сост. С.С. Михайлов; Независимая ассоц. исследователей Зап. Мещёры «Гуслиц. перекрёсток». – М.: Рус. деревня; АИРО-XXI (Б. тип.), 2012. Вып. 2. – 214 с.
- В.Г. Шаповал.* История сел Дунилово и Горицы. От неолита до современности. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 208 с. ил. – (Серия «АИРО – Российская провинция»).
- 90 лет СССР. Сб. ст. – М. АИРО-XXI. 2012. – 268 с.

- Федор Крюков.* Православный мир старой России. – М.: АИРО–XXI. 2012. – 200 с.
- Федор Крюков.* Картинки школьной жизни старой России. – М.: АИРО–XXI. 2012. – 328 с.
- Светлана Лурье.* Imperium (Империя – ценностный и этнопсихологический подход). – М.: АИРО–XXI, 2012. – 272 с. – (АИРО – Монография).
- Федор Крюков.* Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону / Предисловие и составление А.Г. Макарова. – М.: АИРО–XXI, 2012. – 362 с.
- Алексей фон Лампе* – военный агент барона Врангеля в Венгрии. Сборник документов. – М.: АИРО–XXI, 2012. – 536 с. – («АИРО – первая публикация»).

2013

- Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет / Под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО–XXI, 2013. – 1520 с.
- Фридрих Фирсов.* 34 года в Институте марксизма-ленинизма. Воспоминания историка. – (Серия «АИРО – первая публикация») – М.: АИРО–XXI, 2013. – 480 с. + 32 с. илл.
- А.Ю. Каратеев.* Авиационные инженеры в России и СССР. Подготовка кадров в 1909–1945 гг. / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО–XXI, 2013. – 368 с. – (Серия «АИРО – Первая монография»).
- С.Н. Чекин.* Старый Буян, Самара, Печорлаг. Повествование врача Трудникова. Составитель и автор предисловия Л.С. Чекин. – М.: АИРО–XXI, 2013. – 296 с. + 8 с. илл. (Серия «АИРО – первая публикация»).
- М.И. Мельтюхов.* Красная армия и несостоявшаяся революция в Германии (1923 г.). – М.: АИРО–XXI, 2013. – 216 с. – (Серия «АИРО – Монография»).
- Валерий Брюсов.* В эту минуту истории. Политические комментарии. 1902–1924 / Составление, вступительная статья В.Э. Молодякова. – М.: АИРО–XXI, 2013. – 312 с. + 4 с. илл. (Серия «АИРО – первая публикация»).
- Л.А. Посадская.* Советская повседневность в художественных текстах (1920-е – 1990-е годы). (Серия «АИРО – монография»). – М.: АИРО–XXI, 2013. – 184 с.
- Евреи. История по Брокгаузу и Бухарину. – М.: АИРО–XXI, 2013. – 384 с.
- Д.В. Стрельцов.* Япония: политическая модернизация эпохи Хэйсэй. – М.: АИРО–XXI, 2013. – 280 с.
- В.Я. Гросул.* Общественное мнение в России XIX века. – М.: АИРО–XXI, 2013. – 560 с.
- Идущий впереди. К 90-летию Гейдара Алиева. – М.: Вестник Кавказа; АИРО–XXI, 2013. – 368 с.
- Современное медиапространство Азербайджана. Под ред. Г. Бордюгова. Предисл. А. Рагимова. – М.: АИРО–XXI, 2013. – 416 с. + 36 с. илл.
- Мещёра-край: Альм. по истории и культуре Мещерского края / Гл. ред. С.С. Михайлов. М.: Рус. деревня; АИРО–XXI (Б. тип.), 2013. Вып. 3. 320 с. – (АИРО – Рос. провинция).

Научное издание

Любовь Николаевна СУВОРОВА

НЭПОВСКАЯ МНОГОУКЛАДНАЯ ЭКОНОМИКА:
между государством и рынком

Компьютерная верстка и техническое редактирование – С.П. Щербина

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 25.09.2013
Формат 60×84/16. Усл. изд. л. 19,0
Тираж 700 экз. Зак.

Любовь Николаевна Суворова, кандидат исторических наук, доцент. Окончила Высшую комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ (Москва, 1983), аспирантуру Института Российской истории РАН (Москва, 1994). Кандидатская диссертация – «Хозяйственная модель восстановительного периода: место и роль рынка (1921-1927 гг.)» (ИРИ РАН, 1994). Учитель – В. П. Дмитренко. Доцент кафедры Отечественной истории Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского (Калуга, 1997 – настоящее время). Более 15 лет руководит студенческим спецсеминаром «Рынок в России: история и современность». Доцент кафедры менеджмента и управления персоналом Международной академии бизнеса и управления (Москва, 2003-2009). Автор более 20 научных статей по новой экономической политике, опубликованных в сборниках ИРИ РАН, Центра общественных наук (ЦОН) МГУ, КГУ и других вузов. Сфера научных интересов: теория и методология научного исследования, история России XX–XXI вв., управление в условиях рыночной экономики.